

**ЕВГЕНИЯ
УЛЬЯНИЧЕВА**

ПВТ

ТАМАМ ШУД

Золотая тень крыльев локуста накрыла Хомы Лута.

В этот раз даже врагам по природе своей придётся встать плечом к плечу в Отражении, чтобы противостоять несметной армии Тамам Шуда.

Аркское поле, колыбель и рубеж, станет ареной игры воцарения.

От выбора каждого зависит судьба общего дома.

Выбор — за каждым из игроков.

Глава 1

Нил ждал.

Самым странным в этом ожидании оказалась тяжеловесность всегда летучего *времени*. Нил чувствовал его медленный ход физически, каждым ромбом чешуи.

Ни звука стороннего, ни вдоха, только компания мертвых людей и полумертвого Оловянного. Над мальчиком он и стоял, не зная, что делать дальше.

Нил ждал, но все равно вздрогнул, когда на корабеллу впорхнула — пуха легче, снега белее — слепая птица Спицы. Омахнула круг над палубой, притянулась на грудь Первому. Задрожала тонкими бумажными крыльями, обнимая окровавленную голову, засияла нежной лазурью.

Крокодил перевел дыхание. Мальчик должен был выжить. Если не подвел маркер Скорпионова брата, среди кучи парной убоины метящий живого.

Вообще Спицу обходили подальше даже те, кому повезло не разделить участь его пациентов. Внешность диктовала прозвище, или наоборот, но мужик был мастером своего дела. Золотые руки, даром что по локоть в крови и дерьме.

Пожалуй, из *Скорпионовых братьев*, этой творческой гильдии врачей-нелегалов, потчующих скальпелем и медикаментами преступную масть Ведуты и Тренкадиса, Спица был одним из самых даровитых.

Врач воров никак не прокомментировал раскидистый мясной прилавок на корабелле. С щелчком раскрыл веер Хома Оми — и птица послушно легла на натянутое полотно, слилась с шелком.

Спица брезгливо переступил распластанное тело наемника. Склонился над Оловянным, деловито пощупал шейную жилу. Цыкнул. Из кармана вытянул плоскую, узкую лаковую шкатулку. Откинул крышку, отодвинул дно, выпуская на воздух легчайших мурашей. Те обсели Оловянного, резво разбежались по всему телу. Спица отслеживал их перемещения в черном зеркале, утопленном в изнанку крышки. Мурашки скользили, а в зеркале отображались яркие нити их движения, обнаруженные разрывы тканей и перебитые кости.

В конце диагностики Спица достал из шкатулки небольшой ключ, вставил его в торец и шкатулка зазвенела-запела. Мураши, все как один, запрыгнули обратно в шкатулку. Спица захлопнул крышку, задумчиво почесал длинный журавлиный нос. Оценивающе поглядел на Крокодила.

Скорпионовым братьям платили вперед. Словом или делом.

— Свинца в нем больше чем меда в сотах. Могу чучело набить. Недорого.

Нил молча протянул Спице иخور, скрученный наподобие бумажного листа и стянутый пояском жирного перстня. Перстня с бубоном сапфира. За такой глазок можно было выкупить себе виллу на Хоме Бирюзы.

— Ага, — удовлетворенно кивнул Спица, пряча подношение в задний карман узких модных брюк, — так что подавать, жизнь или смерть?

— Пусть живет, — твердо проговорил Нил, ладонью оттирая пот над губой. — Он заслужил. Сделай так, чтобы выжил и встал на ноги.

Спица хмыкнул, качнулся с пяток на носки, звонко щелкнул каблуками. Легок на подъем, легок на помин — так о нем присказывали.

— Раз парень дотянул до моего появления, то выживет. В противном случае моя птичка

его бы не заметила. Что передать, как прочухается?

— Вот это, — Нил протянул врачу сумку Лина, куда бережно вложил его страшнозубые актисы. — И вот это.

Тот понимающе усмехнулся, пряча в карман орех.

Спица щелчком сбил пепел в лоток, заваленный хлопьями грязной ваты. Плеснул спирт, чиркнул спичкой. Пламя сожрало сырые комки хлопка, не поперхнулось.

Врач устало откинулся к стене. Под конец смены согласно гудели ноги и голова. По счастью, нынче его маленькая доморощенная лекарня пустовала. Каникулы, можно сказать. Вакации. Не сезон. Самый свежий пациент, подкидыш Крокодила, так и не помер. Упрямый парень, цеплялся за жизнь сахарными зубками. Спица таких уважал.

Но не любил.

Выбирать, однако, не приходилось, Скорпионовы братья, приняв оплату, не бросали клиента. *Оттягивали* даже самых безнадежных. Мета братьев, стилизованный рисунок скорпиона с поднятым жалом, гарантировал неприкосновенность и безопасность пациента. Братство раскинулось сетью, проросло грибницами на многих и многих Хомах. Об их существовании знали и гвардейцы, и Князья, и сама Башня, но конфронтации не случалось. Каждый делал свою работу.

Спица открыл икор, возвращаясь к недочитанной статье. Старался быть в курсе, тем более что на теневом рынке активно обсуждали волнения Лута. Это пагубно влияло на поставки дикоросов-эндемиков и прочих контрабандных радостей. Убытки. Облом закупок.

Когда Оловянный в очередной раз шевельнулся и попытался приподняться, Спица вытянул ногу и каблуком толкнул кушетку. Та громыхнула, как подвижной состав, а паренек откинулся на подушку, проглотив стон и судорожно комкая серое одеяло.

Так-то лучше. Боль, она лучший учитель.

— И на кой ляд я тебя вытаскивал, обглодыш? — лениво поинтересовался Спица. — Еще рыпнешься — ремнями притяну.

— Я хорошо себя чувствую, — сквозь зубы выдохнул пациент.

Спица закатил глаза. Скажите пожалуйста. Подростковый максимализм во всей красе.

— Отлично. Значит, хорошо прочувствуешь и мою дубину в заднице, если опять выдернешь из себя капельницу.

Паренек прикрыл глаза. Облизал бледные губы.

От темной краски с волос подушка-плоскодонка сделалась пестрой, точно несущка. Крокодил перелицовывал сведенного конька?

Юноша оказался беспорочной белой масти, с синими глазами. Спица вдосталь покопался у него в мясе, улов получился богатым — восемь блестящих толстобоких пулек. Из них рукастый скорпион соорудил браслет и готовился подарить его пациенту на выпуск-выписку, на тонкое запястье. Как-никак, дипломная работа, билет во взрослую трудную жизнь. Первый бал, который он запомнит до конца существования.

Наверное, Спица был единственным человеком, кому повезло так досконально познать внутренний мир Первых.

Подумал, что хорошо бы поделиться новыми знаниями со строгой Костой, расшевелить любопытство главы Ордена Пряжи, разжечь профессиональный интерес и ревность... Но идею Спица не без сожаления отмел. Как ни нравилась ему лекарница, он собирался жить долго, богато и счастливо. Пусть и горьким бобылем.

— Я благодарен вам за помощь.

— Ага.

— Но мне нужно идти.

— Ходить ты будешь в утку, а дальше посмотрим, — Спица потянулся, наблюдая, как на скулы белого ползет румянец.

О, он знал таких. Привыкли к выносливости, преданности своих тренированных тел, и внезапно оказались в положении притопленных котят. Часто такие силачи начинали рыдать как младенцы, просить укольчик в попку и к маме на ручки, но Оловянный встречал боль сухими глазами.

Упрямый. Ноги отруби — на локтях ползти будет. Любопытное сочетание генетики и каждодневной натасканности. Как бы сказали Ивановы? Эфорат веников не вяжет?

Спица знал только, что щенок сбежит, едва ему подставит спину шанс.

В лазарете было тихо, лишь тяжело, с сипом дышал Глыба в другом углу. Остальные лежали смирно, потели, всхрапывали, попердывали, чесались во сне.

Белый закинул голову и смотрел на медовый краешек луны, приоткрытый зевком форточки. Может, искал подсказку по звездам.

Гадал по ним, как сам Спица — по внутренностям.

Когда белый очнулся, его первым вопросом стало — *Нил? Нил в порядке?*

Более чем, с усмешкой ответил лекарь. Он в полном порядке и он уже далеко.

Юноша больше ни о чем не спрашивал.

— Я так облажался, — сказал он тихо, наблюдая, как с потолка спускается паук.

— Забей. Все больные так делают, — Спица с наслаждением почесал кандальный рубец на щиколотке.

Болтовня с мальчишкой его странным образом развлекала. Первый чудно мыслил. И здорово рисовал — всю стенку измалевал, выклянчив реанимированный медицинским спиртом фломастер.

— Я не справился. Должен был видеть, угадать, а не справился. А они всего лишь люди.

— Со всего лишь револьверами, — охотно поддакнул Спица.

Стайные, судя по изрыгнутым пулям, цепные, системы *жарсвет*. Подобное оружие было туповатым, но страшным в своей массе, брыкалось меньше, нежели индивидуалки. Хорошо работали в количестве от пяти штук, их охотно брали для вооружения своих работяг бригадиры ночных дорог. На единицу валентность так себе, но на массу — хватит, чтобы завалить даже Исключение из Статута. Наемники нашпиговали Первого как праздничную утку, но ни один не попал в голову. А органы и ткани восстановились так быстро, словно Первый жрал ствольные клетки невинных младенцев.

Оловянный подставил пауку здоровую руку и тот перебирался по набитым костяшкам. Июнь, июль, август... У юноши были тонкие пальцы, изящные, почти девичьи запястья.

— Я думал, что сильный. Оказался слабым. Мой бр... Один человек предупредил меня, что мир другой. Что я неверно его себе представляю. Он был прав.

Спица откинулся на стуле, завел руки за голову. Оскалился, блеснув коронками.

— А теперь посмотрим с другой стороны: ты завалил в одиночку около десяти человек, тебя нарезали пулями, как мятного кабана, но ты вот лежишь и трахаешь мой усталый мозг, а те ребята кормят своими кишками падальщиков Лута. Вывод?

— В Луте есть падальщики.

— Кончай ныть. — Припечатал Спица, размазывая бычок. — И, кстати, не думай, что я

не заметил твоей стрельбы глазами по окну. Сразу предупреждаю: пока ты здесь — ты под моей ответственностью, сбежишь — будешь сам за себя, за свой сепсис и гангрену. Держи вот. Твой дружбан передал.

— Нил? — обрадовался синеглазый, лоя сверток.

— Нил, Нил-Крокодил.

Оловянный распотрошил передачку, нежно коснулся пальцами зеркальных лезвий, с особым бережением покрутил в ладони орех.

Сжал до хруста. Тот рассыпался. Пустой, даже без начинки.

Спица поднял брови.

— И что это значит?

Первый устало прикрыл глаза, откидываясь на подушку.

— Ничего.

Проклятый кашель. Словно каменная жаба в глотке скакала.

Глыба устало открыл глаза — не уснуть, понял — и вздрогнул. Малец стоял в изголовье, точно — тьфу-тьфу — предвестник смерти. Док на своем горбу приволок его неделю назад, пару дней тот валялся без движения и дыхания, а потом заговорил.

Они даже потрепались чутка: Крокодил оказался общим знакомцем. Глыба перекидывался с ним в картишки в компании двоюродного братца Пом Пона и какой-то одноглазой девки.

И теперь парень смотрел сверху, убрав тонкие руки в карманы брюк. Одежда висела на нем, как на пугале огородном. Не иначе, док с мертвяков стащил.

На выписку собрался?

— Чего надо? — Глыбе не хотелось говорить, но молчать под гнетом пристального взгляда было физически тошно.

— Ухожу. Составишь компанию? — безмятежно откликнулся юноша.

Глыба вновь закашлялся, до слез и рвотных спазмов.

— С чего бы, — проскрипел, с натугой перекатился, сплюнул кровь в таз, — здесь тепло. Жрачка. Лучше, чем сдохнуть под мостом.

Синеглазый качнулся с пятки на носок. Спросил тихо, но вкрадчиво, как кошка лапой трогает-цепляет омертвевшую мышь:

— Лучше сдохнуть в постели, словно заплывший домашним жиром торгош? Не таких ли ты всю жизнь презирал?

И отогнул полу куртки, демонстрируя белый бок пачки.

«Черная Вдова», если Глыбу не обманывали его натруженные слезящиеся глаза. Язык сладко защипало, дрянь была абсолютно бронебойная. У Дока стащил, не иначе... Глыба сглотнул.

— Ну так как? Помоги мне уйти, и все — твое.

Глыба молчал, с хрипами вдыхая и выдыхая. Скомкал пальцами одеяло. *Твою-то мать*, подумал тоскливо.

С пациентами было не густо, док навевался почти каждый день. В другие смены за дверью торчали его ребята — одинаково одетые молчаливники.

— Как думаешь линять?

— Скажу, если ты принимаешь мое предложение.

Глыба закряхтел.

— Ладно, Лут с тобой, щенок. Говори, что делать.

Спица, надо признаться, расслабил булки. Раньше злее был, осторожнее. Но народ в последнюю пору к нему попадал с пустяковыми делами — самострел там, бытовуха по синей лавочке, дуэли. Первый с его дробным начислением даже несколько встряхнул, разогнал сонную одурь.

Поэтому, когда сдернули посреди ночи звонком, Спица подорвался бодро, как старый гвардеец. Дежурил он один, звонок шел из комнаты выпускников, где валялись Глыба и белек.

Глыба по-дурному хрипел на койке. Первый сидел на своей кушетке, таращился что твоя сова.

Спица выругался и склонился над Глыбой, пытаясь сходу определить, кончается тюфяк или еще может покатать.

А когда открыл глаза, узрел ножки койки, полоску света из-под приоткрытой двери. Тянуло воздухом с улицы. Спица поднялся, стараясь особо не двигать шеей. Затылок ныл, но приложили его грамотно — даже без крови.

Можно сказать, с врачебным тактом приласкали.

Белый исчез. Испарился, точно льдинка под солнечной линзой, и Глыба.

На кой, вопрошал себя Спица в первые мгновения. На кой ляд юнцу тащить с собой эту неостребованную грудку сала с прогнившими легкими? Глыбе оставалось жить с щепоть песка, но за пачку сигарет он готов был запродать в бордель родную матушку.

А когда понял, выругался и налил себе полную стопку. Выпил стоя.

За Глыбин помин.

Несчастный толстяк, брошенный на проплаченное доживание в клинике, знал Нила. И точно знал места его гнездования.

Лин отступил, легко перебросил из ладони в ладонь пачку.

Глыба цыкнул, опять не сумев ухватить верткого белого. Оловянный измучил его, раздражил близким дурманом, и человек даже не помышлял о побеге. Шел за ним, как привязанный. Так просто.

Лина воротило от самого себя. Мерзость колыхалась застойной водой аквариума, где давным-давно сдохли рыбки и улитки. У Лина был аквариум в Башне. Он ухаживал за его обитателями: менял воду, чистил стекло. Маленький замкнутый мир, обреченный на вечное существование в пределах периметра. Все было хорошо до тех пор, пока Гаер в пылу спора случайно не задел сосуд локтем. После встрепал Лину волосы и пообещал задарить щенка.

Щенки не бьются, но все равно умирают без воды.

Да, Мастер учил его разбираться в людях и разбирать людей по составам-суставам, но каждый раз становилось тоскливо и мерзко.

Не привыкал, совершенно.

Глыба устал. Остановился, взмокший, густо осыпанный блестящей пудрой дождя, надрывно раскашлялся, брызгая кровавой слюной. Лин замер, еще раз подкинул и поймал пачку. Смачно хлопнул ладонью о белый бок. На звук Глыба дернулся, вскинул голодные глаза.

Условный рефлекс. *Собака Павлова*, говорили Ивановы.

Почему люди так любили эти качели, жизнь-смерть, жизнь-смерть? *Стоит ли вас*

защищать, подумал Лин невольно. Стоите ли вы крови моих братьев?

— Где он, — повторил Оловянный.

Глыба сплюнул. Слюна повисла на щетине. Первый видел, как меняется его лицо — сомнения и здравый смысл таяли вешним снегом, обнажая костяк решимости.

— У Крокодила подружка на Хоме Гаптики. — Прохрипел, утираясь мокрой ладонью. — Его якорная стоянка. Вместе слам тырбанят... Если что, ищи его там. А тепер дай уже закурить, малец.

— Это смерть твоя, — без улыбки предупредил юноша, протягивая пачку.

Глыба лишь отмахнулся. Он знал это прекрасно.

Лин смотрел, как нетерпеливо человек убивает себя. Жадно затягивался, прикуривал одну от другой, мычал и стонал от наслаждения.

Когда сигарет осталось меньше половины, Глыба опять зашелся в кашле. Кровь пошла горлом, хлынула, точно из сорванного крана. Лин убрал руки в карманы, отошел подальше, огляделся. Никого не было рядом в это мутное предрассветье.

Лин закинул голову.

Дождь целовал его в глаза. Смывал черную краску.

Когда Оловянный вернулся к человеку, тот уже перестал дышать. Умер счастливым, ушел свободным — собакой под забором. *Так лучше, наверное, лучше*, подумал Лин смятенно. У свободы тысяча лиц, и далеко не все они прекрасны.

Лин подобрал «Черную Вдову», вытряхнул на ладонь сигарету. Щелкнул зажигалкой. Затянулся, раскашлялся, но мужественно вытянул почти половину.

С сожалением выбросил бычок. Ничего он не понимал. Гаер говорил, что нет ничего лучше плотского соития, Волоха твердил, что самое прекрасное — Лут, а вот Глыба жизнь отдал за пачку сигарет.

Вдохнул. Выдохнул. Как бы то ни было, дурман приглушил боль.

2.

Серебрянку ошеломило.

Она не ведала этого чувства прежде и предположить не могла, что такое вообще возможно. Что такое случится — с ней. Крови было столько, столько... Она выплевывала ее так долго, как могла, а потом пришлось глотать.

Мальчик Первых утопил ее в человеческой крови.

Она постыдно отключилась, а из темноты вынырнула, как из подвальной воды. Дернулась, распрямляясь, ударилась лбом, уперлась в какой-то эластик локтями, коленями...

— Тише ты, — строго сказали ей и Серебрянка обмерла, тяжело дыша и постанывая от слабости и страха.

Пространство тьмы вокруг нее раскрылось, точно цветок и Серебрянка заморгала, ослепленная светом.

Сильные руки обхватили за бока, помогли встать. Серебрянка, часто хлопая слипшимися ресницами, огляделась кругом. Под ногами было мокро и мягко, кожу покалывало и холодило. Она стояла на круглой небольшой платформе, чуть выпуклой и будто губчатой. От платформы венком отходили узкие в основании листы. Они лежали, похожие на полупрозрачные сырые тряпки. Серебрянка видела, что их внутренняя розоватая поверхность покрыта темным животным ворсом. Не от него ли кололо кожу?

Женщина рядом была похожа на Серебрянку. Очень высокая, с голой грудью и чистой головой, с сильными руками и глазами, как у мальчика Первых.

— Ты корабелла, — выдохнула Серебрянка, когда вспомнила речь.

— Как и ты, — ответили ей.

Корабелла поднялась, распрямляясь во весь рост. Кожа ее была бронзовой, исхлестанной белыми шрамами. Сложный узор цвета пыльцы спускался от подбородка к самым щиколоткам. Серебрянка помнила, что рисунок каждой арфы корабеллы — уникален. Она еще не обзавелась собственным.

— Зови меня Талулла, — низким, плотным голосом сказала корабелла. — Как нам называть тебя, маленькая сестра?

— Серебрянка. Нам..? Здесь много таких?

— Пойдем со мной, Серебрянка.

Корабелла послушно сошла с платформы. Случайно задела пяткой лепесток, от чего по ворсу прошла легкая волна. Серебрянка испуганно поджала ногу. Пол был теплым, собранным из мягкого, янтарного камня. Старшая поманила за собой, и Серебрянка торопливо догнала ее.

Талулла повела рукой, отводя полотно входной двери, как занавеску. Серебрянка вышла за ней и замерла, разглядывая место, где оказалась. Они стояли на узком, в пару шагов, воротнике, изнутри окаймляющем жилую внутренность полого шара. От воротника этого спицами-стяжками шли мосты, ведущие к другой сфере — ажурной, точно исполненной из резной кости.

Серебрянка даже гадать не хотела, из чьей. Кость светилась изнутри — теплым, медовым золотом.

— И сколько таких...

— Семь сфер, — Талулла помолчала, давая ей возможность рассмотреть и оценить. — Мы насчитали столько. Наш прайд занимает только три внешних. Нас немного, маленькая сестра.

— Это вы построили?

Талулла покачала головой. Оперлась ладонями о перилу моста.

— Нет. Мы не знаем, кому изначально принадлежало это гнездо, и кто сотворил его. Мы заняли его, вытеснив конкурентов и живем здесь, в безопасности, укрытые от бесчисленных глаз охотников Башни.

Серебрянка вздрогнула. Талулла успокаивающе коснулась ее руки.

— Я вижу на тебе ее печать. Не бойся. Отныне ты с нами и никто из людей не тронет тебя против твоей воли.

— Подождите, подождите, постойте, но когда вы нашли меня, разве я была одна?!

Талулла брезгливо скривила темные губы.

— Ты была вся покрыта человеческой грязью. Мы помогли тебе очиститься. Мы нашли тебя раньше, чем это сделали люди. Истинная корабелла — лакомая добыча.

Серебрянка затрясла головой, вскинула руки:

— Нет. Погоди, погоди. Там был мальчик. Юноша. Первый, такой синеглазый...

Талулла отшатнулась.

— Ты носила на себе Первого?!

— Он мой друг! — Горячо вступилась Серебрянка. — Он помог мне бежать из Башни!

Талулла недоверчиво сощурилась:

— Что Первый делал в Башне?

— Он брат арматора!

— Брат?!

— Названный. Побратим.

Впервые Серебрянка видела кого-то в настолько глубоком ошеломлении.

— Невозможно, — тихо произнесла старшая корабелла, справившись с эмоциями, — так не бывает. Первые в Эфорате. Их дети — тем паче. Ребенок Первых не может быть побратимом Хозяина Вольеров. Из Башни невозможно бежать. Так заведено.

Серебрянка гордо выпрямилась.

— Вот она я, стою перед тобою. И я не лгу. Мне нужно знать, жив мой друг или нет. Я обещала помочь ему.

— Вернуться в Эфорат?

— Нет. Добраться до Хома Польшни.

Талулла помолчала, а потом беспомощно спросила:

— Вы там что, все спятили в этом вашем Луте?!

3.

Гаер, огненный честолюбец, не слишком любил вспоминать, как впервые лоб в лоб стакнулся с русым Волохой, капитаном Еремии. Тем паче встреча эта случилась, когда арматору было конкретно погано.

А значит, утешал он себя позже, при ином раскладе и события бы сложились иначе. В его пользу.

Для самого Волохи встреча та была скорее ожидаемым событием. Русский едва терпел над собой власть, Тренкадису и то редко кланялся. Пойти под тень Башни для него значило добровольно надеть хомут.

А значит, говорил он себе позже, при ином раскладе выкроить себе выгоду оказалось бы сложнее, а так обернулось удачей. В его пользу.

Но — было так.

— Я ща стохну, — стараясь раздышаться, прогнусавил Гаер. — У кого-нибудь есть капли, а?

Манкурты его окружения смущенно переглядывались, виновато пожимали литыми плечами.

— А-ах, вашу мать, — рыжий еще раз схватил пересохшим ртом воздух.

Выглядел он худо.

За ночь ему обложило голову и нос, сковало шею и горло. Даже зубы ныли, а в уши словно ваты натолкали. По-хорошему, следовало отсидеться в Башне, да вот беда, что сама она была теперь в неделе пути, а до ее ближайших филиалов-отростков на подведомственных Хомах было никак не дотянуться.

Погоня увела слишком далеко.

— Бррр, мне бы ноги попарить с горчичкой... И штаны бы с начесом. Мне бы.

Под ищущим взглядом манкурты застенчиво прикрывались оружием, сберегая форменные брюки.

Рыжий сорвался за крадунами резко, в чем был — а был он в славном килте, растянутой майке и клетчатой рубашке. Ну и любимые очки с розовыми стеклами, куда без них.

— Дышать не могу, — гнусаво пожаловался ближнику.

Тот молчал, но моргал с сочувствием.

Гаер выглянул за борт, в чернильницу Лута. Пираты, потрошившие его корабеллы, надо отдать им должное, оказались упертыми храбрыми малыми. И быстрыми. Рыжему до смерти хотелось пощупать руками горло их капитана.

Еще раз, больше от безделья чем для пользы, выплеснул из болтающегося на шее носителя информацию, ногтем отрезал лишнее, оставив скупые факты.

Истинная корабелла, класс выворотень, Еремия, капитаном значился некто Волоха. Бессовестно молодой выскочка. Имя или кличка, один Лут знает. Иванов. Лично Гаеру с лихвой хватило этого короткого эпитета, чтобы понять — погоня будет тяжелой и без боя их не взять.

— Что же, русский, мы еще посмотрим, кто кому задерет юбку, — гнусаво-зловеще пообещал рыжий.

— Впереди! — зычным воплем упредил манкурт.

Гаер мигом оказался рядом с поднятым на упругих и крепких тяжах лобовым щитом. Щит был выпуклым, наподобие линзы, образованием, подробно-детально отражающим Лут и окрестности. Шняга типа эски, как пояснял Гаер хихикающим девицам на экскурсиях. Говорили, что некоторым капитанам подобные приبلуды ни к чему вовсе, что такая карта легко умещается у них в голове.

Гаер допускал, но больше доверялся технике.

Искомая корабелла отобразилась зеленой искрой. Арматор зачерпнул ее ладонью, растянул — перед глазами затанцевала гордая красавица корабелла, легкая, стремительная, хищная.

— Красотка, такую бы в мой прайд, — одобрил Иванову посудинку рыжий и манкурты согласно загудели. — Кто поцарапает, тому глаз лично выну и сожрать заставлю, усекли, не? Отлично. Готовимся, ребята.

Этих летучих засранцев Гаер выискивал давно. Неуловимые твари, уже не в первый раз налетали на его корабеллы, сбивали команду, брали груз и — ищи, посвистывай.

Арматор выяснил, что числом налетчиков пять, стандартный кулак, но ловки паршивцы без меры. Взять хотя бы, как подловили его корабеллу — молодую, сильную, но глуповатую Тару. Сунули под нос *глубинное зеркало*, уронили на пару уровней вниз, аккуратно в сеть *Сонме*. Рыба Лута, та окутывала сетью заблудших к ней существ, пела им и пила их сны.

Пока все безмятежно почивали, бандиты обчистили Тару. Никого не убили, но ничего не оставили. Гаер был очень зол. Когда спасатели вытащили Тару из владений Сонмы, кровь лить не стал. Отправил всю кучу в качестве уборщиков на нижние уровни Башни, где трудились ученые-вивисекторы. Подчищать столы и полы-инструментарий после опытов.

Наконец удалось встать на горячий след, но паршивцы утекли так далеко, что нагонять приходилось во все лопатки. Соль была не столь проворна, как Косатка, но мощью и размерами превосходила подругу.

Корабелла осадил резко. Пара манкуртов завалилась, а Гаер успел зацепиться за шершавый борт и гордо устоял, подпружинив коленками. Причиной остановки стала выворотень. Внезапно оказалась перед самым носом, словно пробкой из-под воды выпрыгнула.

Флаг ее горел хвойно-зеленым, обводы корпуса радовали глаз. Прелесть, подумал Гаер.

Корабеллы сблизилась, изучая друг друга настороженно и пристально.

— Ну, — Гаер упер руки в бока, выгнул грудь. Ветер Лута рванул килт, от прокатившейся волны ознобного жара у рыжего взмокли виски. — Где есть ваш капитан?

Паршивцы молчали, пересмеивались. Гаер оглядывался — безмятежно вроде, на деле цепко запоминая каждого — черты лиц, одежду, манеру держаться. Молодые. *Какие все молодые*, подумал не без удовольствия. Значит, игручие, злые и кусачие.

— Я капитан, — спокойно, обрывая смех, сказал русый.

Выступил вперед, глядя на Гаера. Зеленые очи, светлые волосы.

Не боится, отметил рыжий. Не заискивает.

— Мы оба знаем, зачем я здесь, капитан. Не будем тянуть кота за яйца, давайте решать. У вас два варианта — возвращаете мне груз, платите штраф и валите, или я отбираю груз, отбираю штраф и валю вас.

Русый хмыкнул.

— Я не собираюсь возвращать добро нерадивому хозяину. Мы, уж извините, не первый

раз грабим корабеллы с клеймом Башни, и только теперь вы предприняли какие-то ответные действия. Видать, не шибко ценные товары. Или проще повесить убытки на пиратов?

— Или проще повесить этих самых пиратов, — с заложенным носом шипеть было не в пример труднее.

— Тинг?

— Тинг.

Гаер завел руку за спину, ближник сунул ему любимую уродицу Двухвостку. Сабля и мечелом, два в одном. Взамен манкурт получил очки, на сохран.

Русый скинул странную свою меховую безрукавку на руки здоровому чернявому молодцу с серьгой в ухе. Тот белозубо лыбился на Гаера, как злющий уличный кобель на дамскую шавку в шипастом ошейнике.

Сам Волоха принял из рук помощника саблю — плавно изогнутое русло лезвия, без украшений, очень простое с виду оружие.

Гаер на глаз прикинул валентность. Подобрался.

Вообще такие благородные танцы вроде честного тинга были противны его творческой натуре, но сегодня вместе с насморком накатила романтика. Хотелось поединка.

Хотелось лично пустить кровь капитану и, может быть, украсить его корабеллу праздничной гирляндой его же кишок.

Рыжий на правах гостя ударил первым. Русый парировал, едва коснувшись сабли противника, повернулся, сокращая дистанцию, и почти уколол Гаера в бедро. Рыжий убрался в последний момент, оскалился, напросившись на ответную хищную улыбку.

Оба закружили, не спуская друг с друга глаз. Русый хорошо двигался. Не смотрел в глаза и под ноги, не размахивал свободной рукой, ловя баланс. Гаер знал эту обманчиво-мягкую манеру шагать — если он еще не разучился разбираться в людях, то парень в отрочестве изрядно побегал по лесу.

Волоха сделал низкий выпад, Гаер отшагнул, качнулся влево, целясь в приоткрывшийся бок, напоролся на жесткую защиту. Аж в локоть отдалось, едва ли не до немоты. Предусмотрительно убрался. Атаковать с верхней позиции не решался — глупо открывать шустрому русому подмышки и живот.

— Юбка не мешает? — бросил Волоха, прежде чем обрушить на соперника хлесткий ливень ударов.

Гаер успешно откrestился от всех, с головой уйдя в глухую оборону. Дышать приходилось ртом. В какой-то момент, пятясь спиной, рыжий ткнулся в кого-то из Ивановых.

Его со смешками и прибаутками пихнули обратно в круг. На краю сознания мелькнуло — могли и рыбу под ребра пустить.

Но почему-то не стали.

— А что, вас смущают мои бедра, капитан?

— Не привык драться с дамами, — любезно откликнулся русый.

— Не успеете привыкнуть, — пообещал Гаер, удачно, из терции, отбивая глупый удар снизу и хорошенько вмазал ногой.

Русого откинуло на арфу.

Клинок Гаера разминулся с его головой на пол-ладони, глубоко проткнул флаг.

— Вы оцарапали мою корабеллу, — сказал русый.

Запахло горькой смолой и выдохнуло в лицо — свежестью, какая бывает в хвойном лесу

после грозового дождя.

Что-то в зеленых глазах неуловимо изменилось. Будто створки схлопнулись. Или, наоборот, поднялись?

— А это что-то меняет?

— Это меняет все.

И дальше Гаер понял, что Иванов его, по меньшей мере, искалечит. Физической мощи в них было, пожалуй, поровну — оба жилистые, выносливые, но вот в сабельном рубилове русский был сноровистее. И валентность — перевешивала. Сабля Волохи рассыпала улыбки и комплименты, взяла Двухвостку, килт Гаера украсили длинные разрезы, сам рыжий заработал тычок в плечо. Ответно подловил русого у борта, когда сдавили клинки — двинул ему в нос лобешником, но не успел завладеть инициативой, потому что клятый кошка плюнул в глаза кровью.

Гаер попятился, ослепнув, а потом кто-то сунул ему палубу под голову и рыжий моргнул, порезав ресницы о щеку сабли.

Тишина.

Иванов не спешил с ударом, а Гаер не мог пошевелить даже пальцем, чтобы дать команду стрелкам.

Здесь бы ему не помогла и Башня.

Русый убрал оружие. Молча протянул Гаеру руку.

Рыжий без раздумий за нее ухватился.

— Что я получу, работая на вас?

— Все, — коротко посулил арматор.

Зеленоглазый капитан поморщился.

— Скучно.

— Обещаю, чего в вашей жизни не будет, так это скуки. Суки — да, скука — нет, улавливаешь, не? — Гаер оскалился и подмигнул.

Смерть обмахнула крылом, остудила лоб, опять скользнула мимо, и у Гаера горячо билась жилка на шее. Жив, жив. Жить, жить.

— Добро, — усмехнулся зеленоглазый капитан.

Пожали друг другу запястья.

Когда корабелла арматора — бокастая мощная красотка — скрылась из виду, канула соринкой в колодези Лута, Волоха без спешки подошел к старпому. Цыган курил. Сплевывал за борт, за что в иные разы огребал от капитана.

Уклонился от подзатыльника и теперь, лениво показал крупные медвежьи клыки. Волоха лег локтями на борт, потянулся спиной.

— Ну как, в этот раз ты ставил на меня?

— Обижает, гаджо! Когда я против тебя держал?

— А Гвоздь? — поддел Волоха, поглаживая Еремию, точно лезущую под ладонь балованную кошку.

— Ну так, — цыган развел руками, — сам понимаешь, опыт на его стороне был...и потом, я столько загреб, с тобой же и поделился...

Волоха улыбнулся. Подпер подбородок кулаком, оглядывая Лут, приласкивая глазами.

— А хорошо мы сработали? — Дятел толкнул его в ребра. — Давно пора было с этим рыжиком ебальниками стакнуться да потолковать по-свойски, а то ходим-сеем, а этот хмырь и не чешется. Теперь вот, каперсы...

— Каперы, — поправил русский задумчиво, — но это ненадолго.

— Ясен хер, надолго только беременность слонячья, — согласился Дятел.

Волоха побарабанил пальцами, недовольно фыркнул:

— Все же, нет доблести в победе над больным врагом.

— Так он сам собой на голову отбитый, причем здесь мы?!

— Нет. То есть — не только это. Ладно, проехали.

Цыган залез пятерней в карман, надыбал жменю семок, закинул в рот и смачно захрустел.

— Глистов твоих лечить не буду, — так же задумчиво предупредил Волоха. — Пусть сами выздоравливают.

Цыган поперхнулся, и настал черед русого уклоняться от подзатыльника.

4.

Выпь отпрянул, когда из воды показалась тонкая смуглая рука, бросила к его ногам двенадцатигранник-эдр. Воды Провалов он сторонился, а тут и Провал был особенный, всклень, по краешек, налитый парным молоком.

Нелепо уронил любимую безделку, а лезть за ней боялся.

Проследил с опаской, как пловец-ныряльщик легко отскользил обратно, по переносье укрытый матовой толщей воды.

Такие черные волосы и такая белая вода.

— Спасибо, — поблагодарил сипло, подбирая оброненную вещьцу.

Она была теплой и мокрой, по-прежнему тяжелой. Выпь любил ее разглядывать, разгадывать, точно мутный, узорчатый сон.

Машинально обтер о рубаху. Чувствовал на себе пристальный, любопытный взгляд, и не смел глянуть в ответ. Щеки закололо, в ушах застучало так, что не сразу услышал чужие быстрые шаги.

Круто обернулся на окрик.

— А, это ты, пастух, — парень из соседнего стана разочарованно сплюнул, прикусил былинку, оглядывая воду Провала позади, — чего здесь шатаешься?

— Скотину выпаиваю, — Выпь коснулся высокой холки притершейся к бедру искрицы.

Пальцы укусило даже через защитные перчатки. Искрицы, тонкие и сухие лягастые создания, нарождались из оброненных с Полога молний, в почве отлеживались, а после выкарабкивались. Как из прутков ломаных сплетеные, ажурные, но живые. Их прежде сторонились, а потом наловчились приваживать. Искрицы, когда помирали, оставляли кусачие кости, а уж им нашли применение.

— Не видал здесь кого?

— Нет, не видал, — спокойно солгал Выпь.

Не сморгнул, выдержал пристрастный взгляд парня.

Тот снова плюнул — на этот раз пастуху под ноги — развернулся и пошел в обход Провала, неловко карабкаясь по сыпучему берегу, прорезанному гниловатыми нитями синеголова.

Сзади легко плеснуло.

Пловец уже стоял на суше в полный рост, и был он тем, кого в стане кликали тьманником-облюдком, обменашем-подкидышем. Прошел рядом, не смущаясь наготы, ногой спихнул сторожевой валун, вытянул из-под его бледного брюха подмятую одежду. Искрица заинтересованно подалась ближе, рассыпая с хребта искры, Выпь укротил ее, щелкнув языком.

Парень, гибко скруглив смуглую спину, натянул широкие штаны. На звук обернулся, нырнул в рубашку без рукавов, узлом стянул высоко на поджаром гладком животе. Все молчал — и Выпь молчал тоже. Ему казалось, что воздух загустел, задрожал.

Он не был глазопьялкой, чтобы в чужие дела нос совать, но раз довелось случаем взглянуть, как танцевал подкидыш для богатых-тороватых. Вспомнил — и дышалка пресеклась.

Смуглый скрутил волосы, тяжелые, мокрые, темные как древний мед и наверняка

такие же на запах. Сколол щепой на затылке.

Будто ждал чего-то.

— Спасибо, — на всякий случай повторил Выпь.

Облюдок поднял брови.

— Спасибо, что эдр мне вернул.

Тьманник недоверчиво сощурился, зачем-то повел плечами, выпятил бедро. Облизал губы, из-под ресниц глядя на Второго.

Выпь гладил искрицу, размышляя, как бы уйти вежливо и быстро.

А потом тьманник засмеялся, опустил натянутые плечи.

— Ай, как интересно, — выговорил протяжно, смахнул ладонью воду с шеи, с зеленых бус, — так вот ты какой, пастух. Выходит, правду о тебе говорят.

Выпь неловко пожал плечами. Его не волновало, что говорят о нем люди.

Он и сам-то не больно говорлив был.

— Я Юга, — сказал облюдок.

Улыбнулся, показав острые белые зубы.

— Хорошо, — кивнул Выпь. Потом вспомнил, чему учили воспитатели. — А я Выпь.

Смуглый опять засмеялся. Не обидно, а так, будто с другом хорошим шутил.

— Будем знакомы, Выпь.

И протянул ему руку.

Кажется, тогда он впервые хорошенько его разглядел. До того пересекались в становье, но впрогляд, едва-едва. Достать игрушку пастуха ему труда не составило, та сама в руки свалилась, а вот то, что пастух-бирюк отведет досадного преследователя — стало неожиданностью. Юга во всем привык полагаться на себя, такой жест его смутил.

Чудной какой, подумал. Нелепый, высокий, сутуловатый, с лохматой головой и странными желтоватыми глазами...

Давно было.

Юга запрокинул голову, унимая бегущую кровь. Прижал натянутый на запястье рукав плотнее к носу. Соленая, его уже тошнило от медного привкуса. Глаза мазал качающийся светильник, собранный из тележного колеса и привитых к ободу огнецветов. Третий моргнул.

Двинулся на выход, стараясь не запнуться о растянувшиеся тела.

Его не пытались удержать.

Попасть на Хом, некогда бывший под властью Третьих, оказалось не так просто, как того хотелось. Никто не соглашался вести его туда. Смотрели странно, с привычным интересом, но отказывались.

Страх был сильнее похоти.

Люди, порой думал Юга с омерзением. Бездумно плодящиеся, без меры жрущие, засирающие все кругом, трупное племя, никчемные твари... Но — одергивал себя, морщась от справедливости — был и Волоха среди них, и та же Медяна. Не самые плохие представители рода.

Шатром стояла ночь. Пекло лунным тянущим жаром, от которого у Юга чесалось небо. Серебряными оттисками застыли кони в спящем режиме, с наброшенными на страшные головы платками. Концы ткани тяжелыми кистями-грузилами мели землю. Чтобы не скинули ненароком.

Хом Шартра был дикий, лошадный. Делали-лили коневоды особенных скакунов. Стабиллок. Крепких в бою, выносливых, промыслных изготовок живой природы и технической мысли. За таких стабилизированных брали много — иному и на жеребенка не скопить. Юга добрался сюда, прослышав, что в этих краях собираются охочие до черной воды-ихора и брошенных сокровищ авантюристы. Какой-нибудь шайке можно было попробовать упасть на хвост.

Пока не получалось.

Он был один четвертую неделю как. Тосковал, если честно — будто от него кусок поживому оторвали. Они условились поддерживать связь, но Выпь тоже ходил далеко. Разговаривали два дня назад, Второй казался измученным, был небрит и лохмат, говорил откуда-то со складов, где пережидал ночной дождь. Клык дикты выпирал у него над плечом, парень периодически дотрагивался до нее, как до оберега.

Юга думал, что не успел словить момент, когда Второй стал так нужен ему. Уперлась эта нескладчина, до потребности дыхания.

— Ты ловок и зол, — сказал человек, до этого мирно отливающий у стены, — а у меня в команде недобор. Пойдешь с нами?

— Если как общая пепельница то нет, проваливай, — глухо огрызнулся Юга, напяливая капюшон.

— Таких не держим. Хом Третьих, рокарий, ты же туда рвался?

— А что потребуешь за это?

— Со мной ляжешь.

Человек повел плечами. Приблизился. Оказался лохмат, с большим ртом, крепкими скулами и размашистыми бровями. Упрямый подбородок, и даже наклон головы — так похож на Второго, только старше, старше на много снегов.

— Ты кто такой?

— Щелчок, — подтверждая сказанное, сухо прищелкнул длинными пальцами, будто кастаньетами.

— Хорошо, — одобрил Третий.

— А ты у нас...?

— Юга.

— Будем знакомы, — кивнул Щелчок.

Руки друг другу жать не стали.

— Что вы возите с рокариев?

Человек глянул искоса. Глаза его были словно ножи, светлые, длинные и холодные. На виске узорчатой сеткой процарапан рисунок, куртка тяжелой кожи наглухо застегнута.

— Я не пытаю, для чего тебе туда, так и ты лишнего не спрашивай. Идет?

— Идет, — признал резонность Юга.

— Поклажа есть?

Третий молча хлопнул по тощей сумке через плечо. Лишнего при себе не таскал. Да и одеваться стал не в пример себе прежнему: немарко, неярко, просто, удобно. Внимания и так хватало. Щелчок кивнул. Зашагали — плечом к плечу, прочь от приоткрытого зева постоянного двора.

Третий понимал, что едва ли новый знакомец загнал свою тэшу на официальную стоянку-воронку. Так и вышло. Тэшка покоилась на растяжках, как в гамаке, баюкалась в глотке ямины, коими щедр был этот Хом.

— Ловко, — хмыкнул Юга, — или сам задом паутинку изобразил, или мастер среди твоих людей?

Щелчок фыркнул, но ничего в ответ не сказал. Посвистел, искусно подражая ночной птице. Им откликнулись, кинули с палубы лесенку.

Юга коснулся волос. Плотно, туго сплетенная коса была перевита цепкой. Держала крепко, но и сдернуть ее можно было одним движением. Если знать, как. Третий знал. Много пробовал, чтобы не остаться совсем без оружия, прижми его вилами местное крестьянство. В рукопашном и ножевом бою Ивановы поднатаскали, но с оружием он все равно ловок не был.

На палубе трудилась команда, готовились к отходу. Трафарет казался самым простым, но толщина бортов Юга озадачила. Третий прошелся вдоль них настороженно, точно кошка. Попробовал пальцами. Костяшками. *Двойные*, подумал. Контрабанда? Ему везло на пиратов, определено.

На Юга пялились, но подкатывать и ручкаться не торопились. Щелчок распоряжениями не кидался, глотку не драл. Молча смотрел, но под этим молчаливым призором работа кипела слаженная.

— Как зовут? — Юга погладил борт.

— С чего ты взял, что у моего корытца есть имечко? Или катался на истинных?

Язык мой враг мой, подумал Юга, криво усмехаясь.

Третий прислушивался к разговорам, стараясь понять, за чем идут ребята на рокарий. Право слово, эта команда под водительством Щелчка была первой, кто направлялся к вымороченному Хому Третьих.

Выяснялось не особо. Люди болтали о пустяках, сплетничали, лениво, без злобы, ругались. Юга выдохнул напряжение. Сел так, чтобы не мешать. Потянул из сумы ихор, раскатал на колене. Экран отозвался на касание пальцев дрожью, развернул чешуйки-лепестки, обнаруживая черную студенистую гладь. В Луте сигнал всегда был хорошим, в отличие от многих Хомов, чьи купола-зонтеги глушили самородный голос Лута.

У Юга ловко выходило обращаться с ихором, так ловко, что случалось выручать ремонт случайных спутников. Ихор будто его слушался, а сам Юга точно знал, куда ткнуть и что делать если неполадка какая.

Третий не знал, доведется ли ему выйти на связь с рокария, потому и решил отправить весточку загодя. *На всякий случай*, успокоил себя. Чтобы не теряться.

5.

«А ще есть зверь, Княжеский красный зверь Гуд, коему про все дела земные ведомо. Стоит он в Бору-Терему, рогами в землю врос, кто его увидит, тот замертво валится. А ще...»

Зверя того Вторые поставили, память хранить».

Выпь поднял голову, просеивая вычитанное.

Вторые поставили? Еще одна эланела?

«Сказки о тварях» он прикупил у ходока-лотошника, с недели две тому назад. Самоплет был собран из листьев разного размера, записок от руки и пропечатанных... Почерк разнился, словно одна книга была записана многими.

Выглядели листы так, будто после ее разрывали, зарывали, прятали, пытались сжечь, рубили и резали, а после кто-то докучливый скрупулезно собрал все и — пропал.

А книга осталась.

Весила она мало, но значила много. Выпь прежде не встречал общего описания тварей лутовых, изыскания предшественников были ему любопытны. Он уже показывал ее Юга. Третий в тот сеанс связи был скучлив, о чем-то напряженно размышлял, и Выпь пытался его растормошить. Все же, глупо было расходиться. Когда так случалось, Выпь чувствовал себя картой, раздираемой на две половины.

Вздыхнул, снова уткнулся в книгу. Людской шум едальни не сильно отвлекал. Привык. А когда-то дико было.

— Дядько...

Выпь читал.

— Дядько!

Выпь осторожно перевернул страницу, стараясь не дышать — не так давно он ползал по поляне, собирая разлетевшиеся листы и подшивая их обратно, в пасть переплету. Как выбитые зубы вставлял.

— Дядько, глухой вы, что ли!

Выпь поднял глаза, изумленный. Дядькой его еще не называли. Глухим тоже, все больше немым.

Стоящий перед его столом малец вытер грязный нос, буравя Второго пристальным, навязчивым взглядом.

— Чего тебе? — хрипло спросил Второй.

Только заметил, что остальные едоки сбились в кучу за одним столом и смотрят в их сторону.

— Вы тот чудак пришлый, который вязну отволохал?

— Да.

Малец шмыгнул носом.

— Вас-то нам и надо.

Выпь прикрыл глаза. После общения с Юга и Ивановыми он точно знал, что вопросы следует задавать сразу, коротко и по делу.

— Куда? Зачем?

— В Лес. Там чудь живет, людей грызет. Мужики ходили, так не вернулись. Может, раз

вы вязну угомонили, то и чудь вам сдастся? Мы бы за то вам денег поднесли или чего желаете.

Оглянулся на мужиков. Те согласно зашумели. Выпь вздохнул коротко. Нашли подсыла, надо же. Рассудили верно — совсем зверем надо быть, чтобы ребенка обидеть.

Выпь не был зверем.

Здесь Юга напрягся.

— Куда идешь?! — прошипел.

— В Лес, — вздохнул Выпь, катая в ладонях эдр, обегая пальцами жесткие ребра, — искать чудь.

— Кого?!

— Людей таскает, детей пугает, я взялся, — лаконично объяснил Второй.

Юга молчал. Выпь искоса глянул в экран, тут же отвел глаза. Выдерживать полночный, паточный взгляд Юга ему порой не удавалось.

— Выпь, напомни: ты странствующий рыцарь? — сухо и тихо уточнил Третий.

— Нет, я...

— Странствующий дурак! — вспыхнул Юга, ударяя кулаком по чему-то невидимому и неживому, как понадеялся Выпь. — Ты должен искать свою сиринокс, а не шнырять по задворкам Уймы, подрабатывая уничтожением тварей!

— Не свою, не тварь, не уничтожаю, — по пунктам отбил Выпь, — Юга, я умею это делать и делаю хорошо.

— Да что ты?! А я мужикам хорошо сосу, призвание такое, обидно талант в землю зарывать, не находишь?!

Выпь нахмурился. Юга замолчал, кусая губы, глядел в сторону. Кивнул кому-то.

— Ладно, проехали. Сообщи, как чудь выдрессируешь. Бывай, пастух.

— И тебе не хворать, — задумчиво сказал темному экрану Выпь.

Помял переносицу. Думать следовало о чуде, а он... Совсем не то.

Поднялся решительно, ихор смял и сунул в пасть сумке, вместе с эдром. Проверил, легко ли выходит из крепления дикта.

Конечно, он не стал мастером-шестовиком за неполный месяц. Да и дикта обычным оружием не была. Была она им самим, слепком, подобием. Его историей. Выпь учился владеть ей осторожно, терпеливо, но настойчиво. Изучал. Смотрел. После того случая на Рыбе Рыб она не убавила в весе. С каждым новым надрезом, новой чертой становилась сильнее.

Как и сам Выпь.

Опробовать ее в полную силу пришлось не так давно. Когда встретил вязну.

Малец проводил его до опушки и убежал, храбро сверкая пятками.

Леса Второй не боялся. Густой, живой, дышащий, сомкнувшийся над головой ветви, как омутные зеленые воды. Пахло прелью и мускусом, кремнем и сырым орехом.

Выпь шел осторожно. Бесшумно ставил ноги, едва касался ветвей. Мальчишка рассказал, что чудь проживает не так глубоко, в первой линии. Что никто его вида не видывал, но многие голос слышали.

А еще местные звали лес Лесом Рогов.

Выпь коснулся пальцами глубоко севшего в ствол зубца рогатой короны. Какие существа ими венчались? Из густой, синеватой травы глядели поросшие бархатным мехом-

мхом камни. За ними кое-где мелькали кости — чистые, словно омытые.

Второй снял со спины дикту и стал держать ее правой рукой.

Звуки внешнего мира запутались в ветвях и отстали. Остались только здешние — топкие, шаткие, неверные. И запахи. Один был сильнее прочих. Пряный, сладостью своей покалывающий небо. Так, помнил Выпь, пах приманчивый сладень.

Эхо прошлого.

Выпь пошел на запах и не прогадал. Скоро перед ним открылась поляна. Будто тарелка круглая, в обливной глазури цветов и шелка трав. Посреди стояло мощное дерево, корни его шли от рук-ветвей, уходили под землю. Оно крупно цвело, и цветы его, белые как воск, тяжело пахли на весь лес.

Выпь был знаком с манерой охоты подобных тварей, поэтому к дереву приблизился на расстояние дикты, не касаясь отростков. Под кроной, во влажной блескучей траве, лежали до белизны обглоданные кости.

Вот кто поедом ел людей. Не зверь рысучий, не гад ползучий. Выпь понял, что не сумеет выучить к бедру дерево. Царство это было ему неподвластно. Следовало привести сюда людей, с заткнутыми пчелиным воском ноздрями, и до смерти засечь поедучего хищника топорами, всем миром.

Вдруг густое травяное разводье мягко качнуло под ногами, будто трясина. Выпь, дитя Сиаль, тут же прыгнул обратно, но не успел — мягко, стеной песчаной башни, обломился травянистый ковер, скидывая человека вниз.

Второй выставил перед собой дикту, как последнюю преграду, готовый к тому, что его встретит и подхватит раскрытая пасть твари. Не случилось. Упал мягко, спружинил ногами, а цветочная вязь упруго распрямилась обратно. Свет дневной проходил ажурный ковер, как сквозь витражное стекло, пятнал зеленью кожу.

— И ты не уберешься, стало быть, — приветствовал Второго человек, примостившийся на сырой земле.

— Сглупил, — признался Выпь.

Дикту не убрал. Ждал, когда придет за мухой паук.

— Садись. В ногах правды нет, — посоветовал незнакомец.

Устало поправил очки, и Выпь заметил, что на правой кисти его — четыре пальца. Откинулся на руках, рассматривая Второго.

Выпь, не слушая совета, обошел яму-ловушку кругом. Стены — земляная плоть, посреди будто алтарь из костей и цветов. Ни ходов, ни нор.

— Выбраться пробовал?

— Как не пробовать. Все ногти сорвал, по стенам карабкаюсь. До верха доползаешь, а там все одно обратно кидает. Как живое, колышется.

Выпь присел, тронул кости пяткой дикты.

— Человечи.

— Они, — человек потер сухие ладони, поежился. — В толк не возьму, кто жрет. Третий день кукую, росу лижу, хоть бы комар одолел. Может, от голода мрут?

Выпь молча коснулся треснувшей, иззубренной реберной клетки.

— Нет. Иное.

Шагнул к стене, прижался щекой, приник ухом.

Закрыв глаза.

Сосед по камере смотрел с беспокойным любопытством, но покуда молчал.

— Волчья сыть, травяной мешок, — едва слышно проговорил Второй.

Потер под грудью.

Человек молча спросил глазами.

Выпь вытащил из поясной сумки книжицу, раскрыл, пролистал. Нашел искомое.

«...то есть Комь, Волчица-Людоедица. А нарождается она в корнях паршивого дерева, есть плод от плоти ее. А как вырастает, делается добытчицей, рыщет пропитания для матерева чрева. А волчата ее мясом человеческим растут, в плодах древа вызревают».

Выпь поднял глаза на человека. Тот шевелил губами, повторяя сказанное. Прерывисто вздохнул.

— Как же ее... Их забороть?

Выпь погладил дикту.

— Есть способ, — сказал, будто наново чуя холод колец на горле. — Но один я не сдюжу. Она из тени стены пойдет, как солнце ляжет. В кости, в голову бить пользы не будет, шкуру надо сдернуть. Тогда рассыплется.

— Шкуру сдернуть, говоришь, — протянул человек, — легко сказать. Ты, я вижу, оборуден. У меня и ножа грибного с собой не найдется.

— Мой возьмешь, — сказал Выпь, но наперед делиться оружием не стал. — Как ты сюда попал?

— Мальчишке взялся помочь. Тот плакался, что сестра в лесу заплутала, ну я и влез по дурости...

Выпь задумчиво кивнул.

— Или щен ее, подлеток, или деревня жертвует, чтобы от себя отвадить.

Человек головой покачал.

— Нелюдское это обыкновение, случайных путников чудищу скармливать, чтобы свои выи прикрыть.

— Как раз-таки самое людское, — Выпь сел подле стены, скрестил ноги.

Достал из торбы тыкву-горлянку, перебросил спутнику.

— Вода.

Тот глянул с подозрением. Вытащил затычку, принялся.

— Не потравлю, не бойся. В твоей смерти мне пользы нет.

Сам вынул из сумы наручи, затащил как следует. От движения поехал рукав, ясно глянул искристый браслет.

Человеку будто глаза уколото. Вздрыгнул, сморгнул, отвернулся торопко.

— Кто ты такой будешь? Зверобой? — спросил хрипло.

— Нет.

— Имя хоть скажешь?

— Выпь, — скрывать Второму было нечего.

— Я Готтард, — назвал себя человек.

Второй промолчал на это. Имя он не спрашивал.

Закрыв глаза, затылком откинулся на земляную стену. Чувствовал за ней хождение, присутствие. Волчица не могла к ним выйти, покуда стена не распалась.

Готтард еще пытался заговорить, но Выпь не отвечал, слушая Волчицу. Думал.

До поры с этим зверем, совокупностью травяной и мясной пород, он не сталкивался. Читал только да слышал краем уха.

«А селится древцо близ жилья человека, плоть чуя. Растет, как прочие травы

растут, из ряда ничем не отличить. Дочку свою, людоедицу, из сборных костей нянчит, в корнях баюкает. После в шкуру ее зашивает и на добычу выпускает».

Выпь потер лоб. Пока ходил-бродил, сперва Юга, а затем сиринокс разыскивая, всяких гадов перевидал. И двуногих, и ползунов, и тех, у кого ног без счета. Все больше убеждался, что те, которые людьми прозываются, самые зверовитые.

Поднялся, только когда пробивающийся сквозь травяной излом дневной свет окрасился пыльным багрянцем.

Бесшумно приблизился, толкнул в плечо задремавшего Готтарда.

— Встань сбоку от стены. У Комь глаза вперед смотрят, тебя не приметит. Как на меня скакнет, ты ныряй в пролаз, пока распадок держится. Там ее колыбель. Бей ножом, руби, пока я Людоедицу держу.

Готтард шумно вздохнул, поправил в волнении очки.

— А ну как не удержишь или стена на место встанет?

— Удержу.

И так сказал, что Готтард поверил. Взял нож, крепко сжал. Встал в стороне, косясь то на стену, то на решительного Второго.

И сбылось по его слову. Земля вздохнула, вздрогнула и обвалилась, точно вода в песок. Шагнула из разлома Комь, Волчица-Людоедица. На двух ногах, с телом наполовину зверя, наполовину человека, с костяной волчьей башкой на длинной шее, цветочным венком на черепе. Руки в шерсти свободно опущены, в каждой по серпу-живокосцу. Глаза ее смотрели вперед и Выпь она увидела сразу.

Второй глубоко вздохнул, пряча страх. Тесно было здесь, и хозяйкой была Людоедица.

Прыгнула — Выпь вскинул дикту, ловя серпы и пнул Волчицу во впалый живот, под нижние ребра.

Зверица отскочила, ссутулилась, показала клыки. Закружили. Выпь старался не сводить глаз с противника. Душно пахло зверем, терпко — цветами. Комь прыгнула вновь, на сей раз целясь по ногам, но Выпь и здесь показал себя, ушел в сторону, успел задеть Волчицу диктой.

Волчица хрипло взрыкнула. Звук был утробный. Не вполне человеческий, но и не звериный.

Второй отступил к алтарю, сдерживая наскоки Людоедицы, задел ногой горку. Горка хрупнула, дрогнула. Дрогнула и замерла Волчица, напряженно вытянула шею. Второй перебрал руками по дикте. Казалось ему, что кольца чуть мерцают, но, верно, только казалось.

Ударил — снизу вверх, целя в нижнюю челюсть. Волчица убралась, удар смазался, а серп пропахал открытый бок. Вторым зашипел от чистой, острой боли, отскочил спиной назад и оказался аккурат за стеной, в разломе. Увидел безумные глаза Готтарда.

— Нет колыбели! — вскрикнул он. — Нет совсем!

Выпь вскинул дикту поперек, защищаясь от рухнувшего сверху удара, двумя серпами сразу. Волчица давила всем телом. Чувствовала свежую кровь, хотела взять ее.

Кругом же были корни, корни. Старые и молодые, оплетенные вылинявшими тряпками, обрывками одежды, головной тесьмой, бусками, птичьими черепушками. Детские игрушки. Девичья комнатка.

— Это все — колыбель! Руби корни!

Ударить ногой Волчицу не мог, все силы на сдерживание уходили. Зато Готтард взялся

отчаянно.

От корней только щепка с трухой брызнули. Человек кромсал их с неожиданной яростью, а Волчица, протяжно взыв, прорвала таки оборону. Толкнула Второго в стену, но Выпь не дал ей убить человека.

Оказался между.

— *Стой!* — вскинул руку, развернул ладонь, к самому носу Волчицы.

В жестах не было силы, вся она жила в *голосе*. Но жесты помогали Выпь овестить то, что не было физикой.

Людоедица встала. Замерла, как вмиг замороженная. Только глаза горели. Выпь слышал, как дышит мир и как меняется. От одного слова.

Загудела вдруг земля, застонала. Корень лопнул. За ним — другой. Волчица завывла стиснутым горлом, посыпалась сверху труха.

— Уходи! — крикнул Выпь Готтарду.

Корни сокращались, втягиваясь в земляную толщу, как черви. Рушилась колыбель. Расплеталась корзинка.

Готтард не ушел, только из колыбели выскочил. Волчица все стояла, не могла послушаться, сойти с места.

Умри, подумал Выпь. Вздрогнул от собственной трусости.

Нет, больше никогда.

Перехватил дикту правой рукой, будто копье.

— Давай, — сказал Волчице.

Людоедица кинулась и Выпь шагнул ей навстречу, грудью в грудь. Поймал обе ее руки — одной своей, стиснул запястья. Дикта с хрустом вошла под сердце, вышла из спины.

Зубы Волчицы судорожно клацнули, обожгло лицо крапивное дыхание. Выпь ухватил лоскут ткани над раной и дернул, срывая шкуру, как присохший бинт.

И не стало единого, развалилась Волчица на человеческое, животное и древное. Выпь переступил тело, наклонился, подбирая дикту и замер, встретившись взглядом с собственным отражением.

Маска, игрушкой вплетенная в корни колыбели, теперь едва держалась. Медная, равнодушная.

Отражение казалось странным, искаженным. Точно он сам — только старше — заключен был в медном огне. Второй протянул руку, замороженно наблюдая, как делает то же самое его двойник. Коснулся маски и невольно вздрогнул. Горячая. Или почудилось? Подхватил за кожаный ремешок, потянул к себе, снимая с корня.

— Эй, ты, зверобой! Взгляни сюда!

Готтард стоял у алтаря, по-прежнему крепко сжимая нож. Но смотрел наверх. Свет, недавно багровый, теперь лился золотой. А вместе с ним дрожала земля, тряслась. Не Волчица, значит, тому была причиной.

Тряхнуло их в последний раз и замерло все. Только падала высохшая трава и медленно сыпалась искрящаяся пыль.

Выпь подставил локоть.

— Или золото? — недоверчиво ахнул Готтард.

6.

Эфоров Первых, пятерых властителей Эфората, помимо прочего, отличали перчатки. Геммы. Красные, блестящие, сырого свежего цвета, они плотно облегли руки Оловянных. До запястий или, случалось, до самых локтей. Долгота зависела от уровня мастерства. Совсем короткие, скрывающие тонкие кисти, носили ученики-эфебы, самые длинные под стать были Мастерам.

Палачей-крипсосов люди называли «красными рукавами», ими пугали детей Лута. Байки о красных перчатках, «руках по локоть в крови» — все штампы и расхожие присловья шли оттуда, из историй криптий. Рассказывали среди прочего, что однажды Мастер вырвал оскорбившему его человеку нижнюю челюсть. Двумя пальцами.

А после стоял и смотрел, как тот умирает.

Крипсосы не были злобны по своей природе. Эмоции их были генетически, искусственно притуплены. Вытравлены. Выпрямлены. Профессионалы — Эфорат задействовал Палачей тогда, когда нужны были особенно эффективные, эффектны, но при этом тонкие методы воздействия. Ни блестящая техника Башни, ни лучшие из Ведуты — ничто не могло сравниться с работой Оловянных с красными руками.

Люди говорили, что Первым не ведом страх. Что в процессе роста страх искореняется из них, выхолащивается, как атавизм.

Говорили, что единственный естественный враг Оловянных — Оскуро. Воплощенный хаос, страх, не имеющий формы. Ужас несуществующего цвета.

Еще говорили, что Первые — мангусты Лута, а Оскуро — королевские кобры. И только Первые могли выстоять в поединке один на один.

Их феноменальные Машины были слишком медлительны против стремительных Оскуро. Но Эфорат располагал куда более действенным оружием. Лучшими воинами, воспитанниками Луча Палачей. Молодь с ранних лет учили владеть актисами, натаскивали на математичную эффективность сражения.

Чтобы получить элитный класс бойцов, способных противостоять Лутовым тварям.

— Мастер.

Лин преклонил колено, ритуалом выученной вежливости. Жестом подчинения наклонил голову, обнажая загривок, часть белой шеи, легкую жемчужную нить позвонков.

Лот рядом шумно вздохнул, Мастер краем глаза отметил, как со-правитель раздул мраморные ноздри и чуть прикусил губу. Чужая ликвор под тонкой белой кожей. *Плотоядная несыть*, подумал Мастер, *и после этого Лин — отбраковка?*

Крайне несправедливо.

Эфор коснулся шеи эфеба пальцами, затянутыми геммой.

— Иди, — сказал глухо.

Первый выпрямился плавно, сверкнул глазами, обернулся кругом и направился к фракталам. Сегодня был его черед.

Ритуал Избавления. Танец-игра.

Мастер смирил сердце. Лут тому видоком, он каждый раз испытывал беспокойное волнение, отпуская своего ученика. И каждый раз тот возвращался из лабиринта. Иногда

приползал, иногда добредал на последнем дыхании, иссеченный пастями Оскуро, но всегда живой, живой.

Большого Мастер и желать не мог.

Точнее — не имел права.

В наблюдении не было смысла, взрослые Первые не видели Оскуро. Эта способность, словно тимус у молодых животных, сопровождала Оловянных вместе с темной полосой на хребте. Пожизненно ею владели — точно болезнью — лишь отбраковки.

Мастер стиснул зубы.

Они с Лотом остановились напротив гигантского мозаичного панно, круга, прихотливо собранного из дихроичного стекла и цветной смальты. В их стерильном мире, выжженном до плоских цветов, эта вещь казалась неуместной, точно пурпурная роза в белых волосах Эфора.

Цвета двигались, смешивались, дышали — так двигались, раскрывались, дышали фракталы, многоуровневая, многомудрая система, придуманная и продуманная еще их предками. Ловушка, в которую попадали пытающиеся дорваться до людей Оскуро. Они могли зайти, но не могли выбраться, и метались в лабиринтах, пока к ним не выходили эфебы Оловянных и не вступали с ними в бой.

Мастер остановил взгляд на синем кусочке мозаике. Чуть склонил голову, перестраивая зрение, и увидел картинку.

Где же, где...

Эфор огляделся, шаря взглядом по жилой кубокамере ученика. Все стандартно, все как у всего агела. До него это помещение занимали другие, те, кто уже погиб.

Но этот лила отличался от своих предшественников. Мастер прошелся руками по стене, надавил, вытаскивая из полости узкую койку. Сунул руку в нишу, пробежал чуткими пальцами и подцепил трубочку. Достал, раскатал, уже зная, что увидит.

Лин рисовал. Недуг этот, стыдная aberrация, проклюнулся в нем уже давно, еще до контрольной лесхи. Но до поры он держался, ограничиваясь легкими набросками на стенах душевой, на зеркалах — двумя-тремя росчерками тонких пальцев изображал своих соучеников, наставников, Оскуро...

Пытаться нарисовать Оскуро — какая неслыханная дерзость. Какая восхитительная наглость.

Теперь вот это.

Мастер не знал, где его выученик нашел бумагу. А вот из чего смастерил кисть, догадывался — из собственных волос собрал, вместо красок использовал кровь.

Лин, скрипнул зубами Эфор. А если бы на это наткнулся кто другой?

Лин шел медленно и осторожно, точно ступал босыми ногами по битому стеклу. Такое он тоже умел, это упражнение входило в стандартный курс обучения. Здесь, в кишке Эфората, не было стекла. Вообще ничего не было, кроме его дыхания и Оскуро, бродящих где-то там.

А еще говорили, что Оскуро — надформа, высшая степень развития Третьих.

Коридор казался идеально спрямленным, мягко светился. Иллюзия, знал Лин. На самом деле фракталы петляли и обморачивали, чтобы попавшие в них Оскуро бродили долго. Тот, к кому он шел, все-таки сумел прорваться близко к выходу.

Его следовало убить.

Что гонит их, думал Лин, кожей вслушиваясь, *что гонит Оскуро с той стороны?* Почему они так стараются, раз за разом, если конец один? Их убивают, если не с первой, то со второй попытки.

Об этом не задумывались его соученики.

Лин спросил Мастера однажды. Зря. Лишние глупые мысли.

Оскуро вышел из-за поворота, плавно развернулся, загромождая собой просвет коридора.

Он был огромен. Много больше тренировочных моделей и тех, кого Лин успешно сразил в прошлом. Он видел Лина так же, как Лин — его.

Каждый экземпляр отличался от предыдущего. Их форма не была постоянной, единственное, что никогда не менялось — цвет.

Тело этого Оскуро было длинным, тягучим, веретенообразно-крученым. Черный цвет его шкуры постоянно двигался, от чего казалось, что Оскуро никогда не находится в состоянии покоя.

С боков росли колючие плавники в обрамлении загнутых шипов, под брюхом сжимались ложноножки. Оскуро не касались пола — способ их перемещения был неопознан, неприятен. Они с равной легкостью могли скользить над вертикальной и над горизонтальной поверхностью.

Морда оказалась чуть ступлена, нижняя челюсть выходила вперед. Глаза его — глаза хищника, не жертвы — смотрели прямо. Каждый глаз походил на расчищенную ножом воронку, заполненную смолой, которая мерно, туго пульсировала. Изо лба Оскуро тянулась эска — приманка. Видимо, с такими они охотились на той стороне.

Оскуро бросился, но Лин уже двигался. Толкнулся от нижней челюсти, отсек эску, и прыгнул обратно, распластался на полу. Он не мог перескочить тварь — она несла на спине целый лес щетины.

Оскуро развернул ложноножки, стараясь подцепить Первого, и тот загнал актис в промельк открытого брюха. И тут же откатился, не давая попасть на себя хоть капли крови.

Оскуро были опасны, с любой стороны. Главное — двигаться. Не прерывать движения, длить связку за связкой. Танец-игра.

Тварь чуть просела, как будто кинжал Лина повредил какие-то настройки. Загудела утробно, заныла, от звука этого у Первого заломило в висках. Звук стекал по вибриссам, по щетине, накапливался смоляным жемчугом на концах перистых плавников, и Оскуро попер вперед, норовя притиснуть Лина к стене.

Лин выскользнул. В движении, двумя руками, рубанул косо, смахивая с морды вибриссы. Пригнулся, когда над головой прошел плавник, высоко прыгнул, поджав ноги, когда оплеснул неожиданно гибким, на ленты расщепленным хвостом.

Оскуро встопорщил иглы, строя глухую оборону. Лин извернулся и приземлился-упал на кинжалы, вогнав их точно между спинными иглами. Вытянулся в струну, продавливая весом тела. Хрустнуло, и актисы вгрызлись по рукояти.

Оскуро развернулся, стряхивая с себя боль, и Лин не стал медлить.

Вновь оказался на полу, крутнулся, уворачиваясь от жгучей плетки хвостов, горячим душем обрушившейся сверху. Вскользь пришелся всего один, и Лин едва удержал вскрик. Игрушка боли, не смерть.

Подрезанный Оскуро двигался медленнее и тупее, чем в самом начале. Лин

проскользнул под его брюхом, сильно оттолкнулся и, поймав движение хвоста, рубанул актисами, срезая плеть яда под корень. Тут же прыгнул, толкнувшись от обрубка, прыгнул высоко и — Оскуро закинулся, судорожно выгибаясь, открывая многоядную пасть, в бледных кольцах глоточных мышц, усеянных зубами.

Лин упал, как нож в воду. Прежде чем тварь успела сомкнуть челюсти, уперся ногами в нижнее кольцо, в самые зубы, а актисами вспорол горло по кругу, отрезая половину головы.

Толкнулся, сжался и прыгнул вновь, выскакивая из агонизирующей туши. Смотрел, как она бьется, истекая черной вязкой кровью и медленно костенеет.

Что станет, если я однажды провалюсь в глотку, как в нору, подумал. Позволю себе упасть. Что я увижу. Мысль вскользь обожгла, как пропущенный удар.

Не думать. Лишние глупые мысли.

Никого не было в душевой. Лин стоял, закинув голову, приоткрыв рот. Сплевывал воду. Сначала красную, потом розовую, затем — чистую. Десны саднило.

В воде содержался компонент, стимулирующий регенерацию, тело жгло и щипало, но напряжение уходило. Лин стоял бы так долго.

Глухота отпускала не сразу, поэтому чужое присутствие он скорее почувствовал спиной. Хотел обернуться, но на шею властно и знакомо легли железные пальцы, а под ноги швырнули скрученную в трубку бумагу.

Лин прикрыл глаза, ощущая, как затопляет отчаяние.

Лут, Лут, Лут, он так устал прятаться.

— Лин, — сказал Мастер, и этим сказал все.

Он знал.

Лин молчал. Хватка на шее вдруг стала мягкой, почти ласковой.

— Что мне делать, Мастер? — Лин не узнал своего голоса, срывающегося и дрожащего. — Что делать мне теперь?

— Слушаться меня, — ответил Мастер, не убирая руки. — Я знаю, как нам поступить.

Нам, подумал Лин, прикрывая глаза. Когда поднял ресницы, Мастера уже не было. Бумага раскисала в воде, ползла белыми хлопьями.

Так было.

Они выпросили у Луга убежище в обмен на будущее. Согласились оборонять рубежи от тварей именем Оскуро, согласились отдать смерти своих детей.

Их всегда было мало. Мастер принимал участие в сотворении каждого, на лоб каждого он возлагал пальцы, каждому заглядывал в глаза. От его воли зависело, будет ли существо жить или умрет. Немедленно, или, если отклонение проявлялось позднее, на Хоме Польни. В чаше горького этого цветка черного цвета.

Тогда, когда его детей разрывали пасти Оскуро, тогда он решил — сотворить одного для себя. Убереечь, вырастить, оставить в живых.

У него были опыт, желание и возможность.

В Лина он вложил все самое лучшее. Тонкие прочные кости, белоснежная кожа, изящные черты, идеальная красота. Прекрасная оболочка, отменная начинка — рефлекс, реакция, сила и выносливость. Первостатейная отбраковка.

Его имя он выдохнул ему в губы — от самого сердца.

Пристально, пристрастно наблюдал за его ростом на всех этапах ускоренного

онтогенеза. Аберрации проявлялись уже тогда, но Мастер скрыл их, ловко замаскировал, притушил — *возможность и желание*.

Но самое главное выявилось позже.

Это был сбой в генетической программе, сбой, который не программировал и не предвидел даже Мастер. Знаковое «веерное зрение», фрактальное расщепление, калейдоскоп, помогающий Первым не угадывать, но знать дальнейшее развитие событий, все ближние варианты, и успешно выдергивать из всего разнообразия вероятностей именно нужное. С Лином такое не случилось.

«Веер» раскрывался перед ним в одном случае из шести. Смерти подобно. Но — когда это случилось, Лин схватывал расщепление, пазлы, и нити так быстро, и связывал все так ловко, и прозревал так далеко, так глубоко, что это вылетало в дальновидение. Грубо говоря, дальноркость замещала ему близорукость.

Он мог увидеть будущее — не варианты, к нему ведущие, не ломаные тропки вероятностей, а монолитную стену блока. Результат.

Первый случай на памяти Мастера. В архивах упоминания о подобном виде брака он также не отыскал, соответственно, можно было смело утверждать, что Лин единственный в своем роде. Другое дело, что читать фракталы на такую глубину он мог только слепо, случайно, стихийно, и развить эту способность не мог.

Юноша довольствовался огрызками — мог просчитать ситуацию на несколько шагов вперед, и этого хватало, чтобы выйти живым из столкновения с Оскуро.

Или — как не так давно — в случае побега.

Мастер дал им уйти — своему воспитаннику и рыжему, наглomu, безбашенному Хозяину Башни.

Потому что надо было убрать Лина из Эфората.

Арматор подвернулся как нельзя кстати.

Он ждал, сколько требовалось. Теперь — пора.

7.

Корабеллы не слышали и не слушались их, мангустов Лута. Большой обиды для себя в этом Мастер не видел. За много лет они научились обходиться иными средствами передвижения.

Например, *Иглами*, с хирургической, пластичной точностью прошивающими обильную плоть Лута. Или *геликтитами*, славными своим умением находить точку опоры даже на вертикальных поверхностях.

У Мастера был как раз такой. Стройная, хищная органическая машинерия, легкий корпус с ветвящимися отростками, проникнутый пучками нервных волокон. Умная биоэлектроника. Геликтиты вращивали в шахтах, исходом каждого было одно материнское поле колонии, мертвое-и-живое. Мастер нашел свой среди сотни сам, занимался им и направлял его рост, в нужную пору ломал, резал и вращивал атрибутику.

Растил под себя.

В точности так же он поступил и с Лином.

Только — геликтит слушался его впоследствии.

В ткани Лута геликтит перемещался плавно, но быстро, будто скользил по водяному желобу. Разнонаправленные отростки не только принимали в себя живые токи Лута, поглощая их и перерабатывая в энергию и кислород. Еще они чувствовали ветры и течения Лута, реагировали, скидывая информацию на ведущую панель, которую Мастер выводил на облатки, закрепленные на радужке. Старался избегать лишних приспособ в тесном жилом отсеке.

Нужный ему Хом лежал довольно далеко от Эфората. Добирался туда не по прямой — использовал точки прокола, смыки, нахоженные Ивановские тропы. Геликтит был привычен к таким скачкам. В отличие от тех же трафаретов. Рискнувшие прыгнуть следом часто исторгались в виде перемолотых, будто жерновами, останков.

Одна из личинок Утробы основалась здесь, в уютно-убогой полости Хома Равенна. Первому было безразлично отношение людей, как пастуху безразлично мнение овец, но вреда своим детям он не прощал. Тем паче — Лину.

Ему не нужно было разрешение для прохода зонтега.

Хом встречал Первого облаками, серыми, точно кони Хома Ковыля. Красивый, приветный, и какая дрянь в нем сидела, словно червь в спелом яблоке. Мастер не числил себя умелым садоводом, но знал как искоренить заразу.

Оставил геликтит на солнечной стороне массивного храма Лута. Нежно-серебристый в дыхании живого пространства, здесь геликтит сменил шкуру под стать светлому камню. Естественная маскировка.

До нужного дома Мастер дошел пешком. Приметный эгоф, куртку с треугольным запахом, оставил в геликтите, остался гулять в рубашке. Геммы, до поры скрытые, оставались на руках в виде алого кольца и тонкого браслета. Взывать к гемматорию, памяти крови, Мастер сегодня не собирался.

Всего лишь кучка овец, возомнившая себя волчьей стаей.

Прошел узкой, вниз идущей улицей, почти задевая головой цветочные плети, ползущие с балконов. Свернул в переулок, стиснутый боками домов. Балконы едва не касались друг

друга, а с крыши на крышу были переброшены доски и мостки. Мастер знал это и учитывал. Но знал и то, что охота будет совсем короткой.

Наклонился, погладил между ушами греющуюся на солнце кошку. Та благожелательно замурлыкала, завалилась на бок, вытягиваясь струной... Мастер осторожно переступил животное и толкнул дверь, оказавшись в темноватом, прохладном помещении.

Синее и белое, два простых плоских цвета. Пахло едой. И людьми. Запах этот был неприятен Оловянному. Много немойтой, дурной, потливой плоти. В Эфорате физическому совершенствованию уделялась важная часть, так же как и вопросам гигиены. Люди, увы, часто обходились без этого.

Мастер аккуратно прикрыл за собой дверь. На него смотрели едоки — внимательно, с любопытством, но без страха.

Не люди, нет. *Илоты*.

Вторые говорили: *огарки*. Кажется, только у лила не было для людовой стаи своего прозвания.

— Чего тебе? — неприязненно окликнул пришельца человек из-за стойки.

Кинул на плечо полосатое полотенце.

— Мне нужен некто Фат, — негромко сказал Мастер. — А вам не нужно, чтобы я спрашивал дважды.

Человек хмыкнул. Крупные руки его были укрыты от глаз высоким полированным деревом столешницы. Он верил, что действует вполне скрытно и ловко.

— Убирайся-ка ты, дядя, покудова голова цела, — посоветовал душевно.

Мастер вздохнул. Люди обожали демонстрацию физической силы. Жить без нее не могли. Как вот эти огарки.

Он поднял руки, будто сдаваясь, и алые перчатки облегли его кисти и предплечья долго и плавно, до самых локтей. Фокусничает мужик, насмешливо брякнул кто-то, а более смысленный, уронив кружку, кинулся к окну.

Первый носком подцепил табуретку за перекладинку и швырнул ее, сбивая шустряка. Кружка коснулась половиц и разлетелась вдребезги.

Мастер плавно шагнул вперед и вбок, уходя от выстрела, поймал стрелка за руку, ошеломил коротким ударом локтя в лицо и, переняв оружие, убрал с дороги еще одного человека. Подбросил чужой огнестрел, перехватил ствол, емко ударил наотмашь, ломая висок встающему из-за стола громиле, оказался на общем столе, выстрелил еще раз и, четко провернувшись на пятке — еще.

Вновь прыгнул — прямо на стойку, прижав ступнями длинный язык сабли.

За спиной почти синхронно упало четыре тела.

Человек сперва тупо дернул оружие к себе, пытаясь освободить, потом отступил, хотел бежать, но Мастер поймал его взглядом. Точно капканом прищелкнул.

Наклонился, едва ли не ласково взял пахнущего страхом человека за мокрые виски. Тот скосил глаза на красные перчатки и перестал дышать.

— Что же, — заговорил Мастер, ровно продолжая разговор, — где Фат?

— Третий этаж, — прохрипел илот.

Он был бы рад соврать, но даже люди редко врут в лицо смерти.

— Благодарю, — откликнулся Мастер, проворачивая голову человека до щелчка.

Выпрямился, огляделся, брезгливо дернув углом рта.

Физическая сила. Илоты это обожали. До смерти.

На третий этаж поднимался медленно. Ему не соврали, а деться Фату было некуда. Прыгнуть в окно он бы не решился.

У самой двери остановился, постучал. Убрался в сторону, терпеливо пережидая, пока полотно перестанут дырявить выстрелами. После коротко саданул ногой, ломая замок.

— Добрый день. Я по поводу моего воспитанника.

— Слабость моего ученика, знаете ли... Он любит рисовать. Как вы говорите? Хлебом не корми?

Фат не отвечал. Горло высохло, даже переглотнуть не получалось. Гость двигался по комнате плавно, бесшумно. Оловянно-белая рубашка, а руки его были по локоть забраны красными, как свежее мясо, перчатками. По локоть, о, Лут.

Такие полагались только криптосам. Мастерам.

Гость осторожно развернул тряпицу, поднял к глазам отточенный карандаш.

— Вы вот знали, к примеру, что эти одетые деревом графитовые стерженьки различаются по твердости? Я, к стыду своему, и понятия не имел.

Фат моргнул. Тон говорившего был лишен красок и интонирования, от него тянуло мертвым льдом и — синим железом.

— Это недоумение... — Фат захлебнулся страхом, закашлялся. Белый терпеливо ждал. — Недоразумение, я клянусь, мы не знали, что он Первый, я думал, что просто...

— Не знали? Странно. Впрочем, не важно.

— Я все расскажу, все!

— О, я знаю. Это само собой разумеется.

Гость приблизился. Фат не был связан, свободу движений сковывала только рука в лубке. Гость был один. И это не уравнивало их, потому что Фат люто, до обморока, до мокрых штанов, боялся.

— Не волнуйтесь. Степень моего мастерства подтверждена документально, я официальный представитель Эфората. У Эфората к вам нет претензий.

— Ох, видит Лут...

Мужчина поднял руку и хозяин комнаты зачарованно уставился на красные пальцы.

Геммы.

— Только один вопрос. Зачем вы позволили себе взять в клетку моего воспитанника?

— Я-а-а...

— Тише. Отвечать не обязательно. Как вы говорите? Риторический вопрос.

Фат открыл рот, ощутил легчайшее касание в область шеи. Голос оставил его, тишина воцарилась в комнате.

Слышно было лишь, как плещутся на ветру занавески да дробно капает кровь.

С собой на борт геликтита Мастер прихватил найденную у илота сумку ученика и некий съедобный объект.

В Эфорате пища была лишена вкуса и запаха, зато наполнена питательными веществами.

Как он скучал по вкусовым ощущениям, оказывается.

Значит, *гранат*. Мастер повертел фрукт в пальцах, размышляя, как именно стоит — и стоит ли вообще — потреблять его в пищу. Ему не изменяла память, гранаты и впрямь ассоциировались с Третьими и их видовыми особенностями.

Мастер поднес фрукт к носу, втянул терпковатый, малосладкий запах. Сдержанно, но призывающе.

Сок на алых перчатках был не виден. Рубиновые капли крови, рубиновые семена раскрылись, как развороченная шахта.

Красиво, сказал голос Лина в его голове. *Это очень красиво, Мастер.*

Когда Лин впервые — наощупь — произнес это слово, Мастер понял, что пора искать методы воздействия на контрольные процедуры лесхи.

Первый осторожно, прикрыв глаза, слизал выступивший сок.

Погрузил зубы в алую мякоть и едва не застонал.

Вкусно. Необыкновенно, баснословно вкусно.

8.

Когда в руках Щелчка тускло блеснул нож, Юга долго не думал. Через мгновение капитан уже лежал носом в подушку, а Юга вбил ему колено между лопаток.

Давно ли так он скручивал цыгана Волохи на станции Ивановых?

Щелчок глухо простонал и рассмеялся.

— Надо же, а я думал, ты просто красивый.

— А я думаю, ты совсем тупой, если вздумал лезть ко мне с ножом, — парировал Третий.

Обращаться с лезвиями его хорошенько научил тот же Дятел, любитель острых предметов и языков.

Отреагировал он чисто инстинктивно, оберегая свою шкуру. Хорошо, что волосы были схвачены цепью.

— Все, будет. Отпускай.

Юга фыркнул, но убрался в сторону. Нож демонстративно загнал в обшивку.

Капитан, растирая плечо, сел, поманил его ладонью.

— Глупая была затея, — признал с кривой улыбкой.

— За игры с ножами отдельный тариф, — хмуро предупредил Юга, возвращаясь в постель.

Ночи в Луте были холодными.

— Так ты все-таки шлюха?

— Странствующая, — подумав, уточнил Юга.

Щелчок хмыкнул. Оглядел так, словно только увидел.

— Ты хоть чистый?

— Чище твоей мамочки, — фыркнул Юга.

Щелчок улыбнулся протяжно.

— Горячая кровь, холодное сердце. Все же. Зачем ты ищешь этот рокарий?

— Ай, мы же условились не спрашивать, — Юга потянулся за одеждой.

Щелчок коснулся его спины. Юга недовольно ушел из-под руки, точно кошка. Трогать спину он разрешал немногим.

— Ты красив. Умел и, кажется, неглуп. Мог бы дорого стоить, а отдаешься дешево, за койко-место.

Юга обернулся на человека, глянул с прищуром.

— Скажи это еще раз и посмотрим, сколько будешь стоить ты без яиц и глаз.

Щелчок почесал подбородок. Промолчал, с интересом наблюдая за случайным спутником.

— Собрался ночевать на палубе?

— Я привычный, не волнуйся.

— Мои ребята нет.

— И к этому я тоже привык.

— Лут неспокоен. Штормит не по сезону. Я не могу гарантировать тебе безопасность, если полезешь наверх.

Юга застегнул куртку.

— Кажется, страховка в стоимость билета не входила.

— Ты ее заработал.

Юга фыркнул.

— Спасибо, конечно, но мне надо побыть одному. Не трясись, я спущусь обратно.

Щелчок со вздохом откинулся на подушку, потянулся к ихору.

— Чудной ты, парень. Поступай как знаешь.

На палубе Юга наконец вдохнул полной грудью. Душные каюты он переносил плохо, при возможности торчал на палубе до последнего. Лучше ночевать под арфой, чем в этом... Хоронилице.

О том, что *Лут странный*, он уже слышал от экипажей. Интуиция подсказывала, что в этом могла быть их вина. Тот случай, в Рыбе Рыб.

Думать об этом не хотелось.

Юга нацепил абалоны, встал у борта, наблюдая Лут. Черное зарево без начало и конца. Бархатный лед далекого света. Соцветия-самоцветы. Безжалостная красота, съедающая глаза, душу, сердце...

У Юга была возможность изучить карты Лута. Информатории — как запечатанные в шарах, так запечатленные и на других носителях. Волоха, помнится, больше полагался на собственное чутье и путевой короб.

Карты условны, повторял капитан с зелеными глазами. *В Луте мало констант, в основном это безбрежный массив переменных. Все движется, все меняется. Все живое. Карты второстепенны по отношению к умению видеть Лут.*

Где они находились теперь?

Юга попытался сориентироваться.

От Хома Пиона они ушли, поднялись выше на три страты и, значит, должны были миновать Змеиные Очи. Юга перегнулся через борт, высматривая триединое мерцание в темноте. Впереди должна была начаться Лебединая дорога, безопасный участок пути. Как раз там и лежал рокарий.

Щелчок не обманул, шли прямым курсом.

Юга, помедлив и оглядевшись, потянул цепь с волос. Волосы свободно плеснули на плечи, продлились по спине, вспыхнули черным пожаром, и Юга наконец увидел Лут в полной мере. словно до этого смотрел через мыльную воду, одним глазом.

Открылось — Хома, плывущие не так далеко, пульсирующие светом и жизнью. Сидящие в темноте хищники. Формирующиеся розы Лута, цветущие Спирали Бруно. И рокарий. Рокарий не двигался, был заякорен в пространстве, и Хом, его держащий, едва слышно дышал.

Странность, колкую, как игла в перчатке, Юга почувствовал до того, как увидел. Трафарет проходила на страту ниже Хома Майолики, и Третий оцепенел, увидев в гибких стрекалах Хома, точно в паучьем доме — корабеллу. Та стояла, круто задрав нос, крепко оплетенная гибкими щупальцами Хома. Зонтег Майолики переливался мертвым тяжким золотом. Золотыми искрами вспыхивали стрекала.

Юга отпрянул от борта, услышав чужой взгляд, обращенный на себя. Его заметили.

Третий дернулся, собирая волосы, захлестнул цепью и рванул вниз.

Был уже у лестницы, когда трафарет ударило снизу, как лошадь под брюхо. Трафарет качнулась, теряя равновесие, и Юга мотнуло в сторону.

Сигнал тревоги ударил по ушам, глостеры вспыхнули, рассыпая острый блеск.

На палубу выбегали люди — выдернутые из теплого сна, взъерошенные, одинаково недоумевающие.

— Уводите вниз, вниз! — прокричал им Третий, понимая, что уже поздно.

Увидел Щелчка — тот стоял на капитанском мостике, у правила, смотрел вперед и лицо его было странным. Слишком спокойным.

Он поймал сумасшедший взгляд Юга. Медленно кивнул. Улыбнулся.

— Вниз! — отчаянно крикнул Третий, словно от этого что-то зависело.

Трафарет ударило вновь.

Стрекало Хома ошпарило скулу трафарета и сбило с курса окончательно, роняя на бок.

Юга и еще несколько ребят из экипажа вышвырнуло бы за борт, не вспыхни над бортами ловчая страховочная сеть. Третий вцепился в нее, увидел близко-близко глотку Лута, усеянную жемчужными зубами других Хомов.

Стрекало подбило снизу, бросая трафарет сразу на страту вверх.

Будь корабелла истинной, она бы смогла уйти. Стой у правила капитан подобный Волохе — он бы провел. Но случилось так, как случилось.

Их кинуло еще, и еще, трафарет закрутило, и Юга понял, что они падают — валятся, как в кошмарном сне, неудержимо и стремительно-мягко.

Он кричал — но крик его забивал обратно в глотку воющий ветер Лута. Не слышно его было в общем хоре крушения. Он мог только держаться, распластавшись по лееру, как стриж по земле.

Ахнуло, и корпус корабеллы преломился, будто длинный хлеб. Врозь хлынули нутренности, все смитье-бытье человеческое. Юга отвернул голову, зажмурился, когда мимо, едва задев по касательной, пролетело что-то тяжелое, угольное, угловатое. Открыл глаза — увидел, как с той стороны леера, выкатив глаза, едва цепляется шанти. Ноги его болтались над развернутой бездной Лута, лицо было смято ужасом.

Юга вывернулся, преодолевая давление, в последний момент вцепился в кисть, не дал сорваться, удержал... В глазах человека вспыхнула надежда. Он потянулся, ухватился за леер... Вновь ударило, развернуло корабеллу, доламывая, отбрасывая нос от кормы. Юга же увидел, что пальцы его крепко оплетают запястье по локоть оторванной руки.

Застонал, откинул от себя. Надвинулось — темное, гладкое, совсем без проблесков. Не сразу понял, что их огрызок выбросило на зонтег. Зонтег же нормального, здорового Хома Уймы уничтожил, спалил бы их, а этот, темный — принял, пропустил.

Надо прыгать, прыгать, мелькнуло в голове и пропало. Стоило выпустить из пальцев сеть, как его рвануло и сдернуло куда-то в сторону, закружило и швырнуло в жесткое, расступившееся и провалившееся под ним.

Юга дернулся, не в силах вдохнуть, ослепший и оглохший. Рванулся вперед, вверх и вынырнул, выдохнул и только потом вдохнул.

Открыл глаза.

Кругом было темно. И тихо.

Третий в два гребка добрался до берега, ухватился руками за скользкие камни, обрывая ногти, выдернул себя на сушу. Упал на бок, выкашливая воду. Его трясло так, словно он успел до смерти замерзнуть.

Огляделся, пытаюсь отыскать ориентиры, зацепиться глазами хоть за что-то знакомое. Корабелла упала на Хом, полный черной водой. Рокарий. Зонтег пустил ее, не спалил, но это

не слишком помогло, от удара ее разнесло на щепы.

Про экипаж Юга понял сам.

Прикрыл глаза. В голове шумело, тело словно набили камнями. Возможно, кто-то еще выжил. Возможно, он даже придумает, как выбраться отсюда, без возможности позвать на помощь. Возможно, Второй не слишком расстроится...

Юга попробовал подняться. Камни выехали из-под ног. Третий стянул цепь. Голову кружило, будто он до сих пор падал, накатывала тошнота, лицо было мокро — от воды ли, от крови.

Волосы, растянувшись по камням, наконец коснулись воды и — властно, как якорная цепь, ушли в глубину, потянув за собой хозяина.

9.

— Деньги давай, — сказали ему, заступив дорогу.

Лин выдохнул прерывисто. Знал, что так случится. Без звонких лутонов с тяжелым гуртом на тэшку не пускали.

— У меня нет денег, добрый человек. Но, может быть, сгодится моя помощь?

— Что, натурой отработаешь? — оживился собеседник.

По виду он был из опытных ходоков Лута. *Шанти*. Коренастый, с узким разрезом глаз, обветренными щеками и железной серьгой в ухе. Бритый сизый череп, алый платок на шее — будто язык выпустили, мельком подумал Лин, вздрогнув спиной.

Человек ощупал глазами Лина, цокнул белкой.

— Тошага, — молвил разочарованно, — не мягко, не сладко. Разве что языком пошустришь?

— Как языком? — растерялся Лин. — Перевести что-то? Вслух зачитать?

— Эээ, — протяжно сказал на это бритый человек.

Махнул рукой. Толкнул в плечо, отгоняя от тэшки.

— Иди, малахольный. Дорогу не заслоняй. А то вот кликну гвардейцев...

Лин отступил.

В информатории, выставленном для общественного пользования в воронке, значилось, что на Хом Гаптики прямых маршрутов нет. Есть только пересадочные, через некий Хом Росы. Лин, потолкавшись, выяснил, что скорее всех отходит эта вот тэшка, с битыми Лутом бортами, широкая и плотная, как икрная рыба. Пассажирская.

Для поездки нужны были лутоны.

У Лина их не имелось, а добыть-достать — не успевал. Не умел.

Первый был в смятении. Стоило ему назвать имя арматора — он знал точно — как ему мигом предоставили бы и кров, и пищу, и лучшую каюту. Но это значило непременно засветиться перед глазами Башни, коих стрекозиное множество на каждом Хоме.

Лин не мог так рисковать.

В едальне, куда он зашел укрыться от солнца и вечерней пыли, оказалось многолюдно. Лин сел на лавку в углу, по соседству с глубоко спящим — голова в стол — человеком. Судя по капюшону, расшитому птичьим глазом, человек был *дителем*. Промышлял добычей ветряков, водящихся только в высоких травах Хома Ковыля. Первый встречал подобных торговцев в Башне, они поставляли вертушки для флота.

Лин опустил лицо в ладони. Оставшийся вариант событий не радовал. Скорее, ему предстояло проникнуть на тэшу скрытно, портовой крысой. Хорошо, если не придется силой обидеть случайного видака.

— Эй, парень, — его грубовато дернули за плечо, — плати или проваливай. Тут тебе не сральня в кустах, забесплатно не посидишь.

— Ухожу, — Лин хмуро глянул на типа в мятом фартуке, но перечить не стал.

— Оставь пацана в покое, слышь? — торговец, которого Лин принял за спящего мертвым сном, вдруг поднял голову, зыркнул недобро на подавальщика.

— Но...

— Я оплачу! — рявкнул тот, выдернул откуда-то из-под мышки револьвер.

Лин прижал его руку к столешнице, обхватил кисть и не дал прицелиться.

— Не надо так, — сказал убедительно, — я ухожу.

— Нет, это он пусть двигает! — добытчик ветра, громко сопя, вытащил из кармана кафтана пригоршню лутонов, швырнул на стол, как лимонные леденцы. — Пусть проваливает и принесет мне... Нам пожрать!

— Будет сделано, — подавальщик, не дрогнув лицом, подхватил лутон, оценил взглядом Лина и ушел, эффектно подкинув и поймав на пальцы поднос.

— Добрый ты, Марк, — прогудел ловец ветра, хлопнул Лина по спине, — добрейшая душа! Натворил бы я делов, ой, натворил, да ты меня знаешь...

Ловец явно принимал Лина за кого-то другого. Лин не стал спорить. Иногда, как понял он, правда людям только вредила.

— Ну, все хорошо. Вы ведь не собирались стрелять, на самом деле?

— Конечно, собирался! Иначе какого Лута достал огнемет?!

— Понятно, — Лин, вздохнув, поправил человеку капюшон. — Но все равно не надо. Стрелять в людей — плохо. Они от этого грустят и умирают.

— Плохо, — покладисто согласился собеседник Первого, привалился к его плечу и захрапел обратно.

Лин осторожно уложил незнакомца на стол, подгреб под него лутоны и оружие — предварительно отщелкнув барабан и спрятав пули в карман верхней одежды дителя.

Себе оставил только два лутона. Ровная мера проезда.

— Быстрый ты, малахольный, — уважительно сказал ему бритый у трапа.

Лин молча пожал плечами.

Все равно, подумал расстроено. *Все равно пришлось обманывать*. Радовало только, что удалось обойтись без физического насилия.

Он уснул быстро, в душноватом тепле людского дыхания, забившись в угол общей каюты. Ему полагался кусок скамьи, без мягкой обивки и видов на Лут. Лин не огорчился. Вполне хватало того, что его никто не гнал и можно было отключиться в относительной безопасности.

Сны не баловали Первого визитами. Человеческое развлечение, которому Лин, честно говоря, немного завидовал. Его организм использовал сон для восстановления функционала, и в этом процессе механики было больше, чем биологии. Он мог вовсе не спать, конечно. Но в этом случае снижалась эффективность работы.

Очнулся от жара.

Вздрыгнул, пробуждаясь окончательно, поднял голову, огляделся. Пассажиры деловито суетились, собираясь на выход. Судя по общему оживлению, их маленькое путешествие подошло к концу.

Мне нехорошо, подумал Лин со смутным, растущим беспокойством. Он, как мнилось ему, вполне оправился от ранения и был готов вперед и в бой, и эта тошная слабость, накотившая волной, сбивающая с ног — откуда только взялась?

Лин поднялся, цепляясь за спинку скамьи. Пассажиры уже толпились у лестницы на верхнюю палубу. Пахло людьми, едой и исторгнутой пищей — Лут не всем был по зубам.

Лин держался за поручень крепко, старался смотреть прямо перед собой. Двигался, когда двигались остальные. Если накроет, то люди Башни без труда приволокут его обратно. К ногам арматора. К брату.

Надо бежать. Надо прятаться.

Перед глазами темнело, сохли губы.

Лин глянул на свои руки и вздрогнул — сосуды проступали сквозь кожу черным кракелюром. *А лицо, подумал. Лицо такое же?*

Низко наклонился, сгорбился, поднял плечи, прячась под капюшоном.

Он не особо верил людям. Если они увидят его такого, вдруг решат, что он несет заразу? Не пустят к себе, бросят стрелу издалека? Теперь — от ветра качаясь — он бы не смог увернуться.

Лин шел быстро, прочь от воронки корабелл, от теплого людского месива. В глубь. В деревья. Затаиться, лечь под корни, забиться в нору и пережить-переждать... Первый так оглушен был приступом странной болезни, что не заметил увязавшихся следом ребят, одетых с небрежностью сельских работяг.

Они видели, как мотало прибывшего и видели, что он был один. Его даже не пришлось заманивать — сам ушел по мало хоженной тропе, в лес.

Лин вздрогнул, когда ему свистнули в спину.

— Эй, ты!

Первый остановился. Он не уверен был, что способен принять и выдержать бой. Сердце било глухо, туго. Болела голова, грудная клетка, каждая кость в теле ныла. Кожа казалась пергаментом, схваченным огнем.

Того гляди, скрутится и слезет с горячих мышц.

Один из преследователей приблизился легким шагом и одним движением сбил капюшон. Лин отшатнулся, но поздно.

Человек тоже отпрянул, вскрикнув от неожиданности.

— Эге! Да ты больной, что ли?

— Да, — сипло отозвался Лин. — Я болен. Не подходите ко мне.

Парни быстро переглянулись. Тот, что заговорил первым, сжимал в руках дубинку. Остальные тоже шли не пустыми.

— Кидай сумку и сваливай, чумичка. Отбитых не трогаем.

Лин молча прижал к себе суму. Актисы. Браслет. Рисунки и карандаши, все там.

Парень ткнул его концом дубинки в плечо.

— Эй, слышь, калека! Давай шмот и уматывай, покуда башка цела. Места тут глухие, зверье шастает. Не сразу найдут.

— Я не отдам сумку. У меня нет денег. Все на место потратил.

— Ну, упрямый козел, — процедил местный и с места, не целясь, вытянул дубьем поперек хребта.

Лин увернулся. Рефлекс тренированного тела сдернул его с места до мгновение до удара. Полированное дерево рассекло воздух, Лин перехватил руку нападающего и переломил в локте. Ударил в подбородок основанием ладони, отбрасывая на землю. Присел, пропуская над головой новый выпад, ткнул кулаком в пах, добавил локтем сверху и, выпрямившись, не успел увернуться от дубины под ребра.

Его опрокинуло на колени.

— Ах ты, гнида...

Лина вырвало, прямо на ноги нападающего. Тот отскочил с бранью, а Лин постарался не упасть лицом вперед. Его сгребли за волосы.

Первый близко увидел глаза человека — чашки, полные омерзения, удивления и страха.

— Эй, что творите! А ну!

Чужой голос — сильный, мужской, с рычащим перекатом — поборол даже шум в ушах. Лина толкнули и он видел, уже с земли, наискосок, как убегают одни и приближается один.

Мужчина склонился над ним. Губы его шевелились, но Первый ничего не слышал. Он как будто тонул — отказывали легкие, зрение меркло, и это вязкое чувство падения, спиной назад...

Человек потянулся к нему и последнее, что зацепило гаснущее сознание Лина — радужка человека цвета коры дерева.

Деревянные глаза.

— Мастер?

Лин узнал его абрис. Всегда бы узнал, даже в этом зыбком, графитово-нежном сфумато.

Эфор развернулся на его голос, приблизился в два шага.

Взял за руку, всмотрелся в лицо.

— Как ты далеко, — сказал глухо.

— Где мы, Мастер?

— Сублингвальная область Лута. Не наше пространство. Случайно выбило, — Эфор вскинулся, повел головой, будто прислушиваясь.

Лин тоже насторожился. И не услышал, нет. Увидел — на самой границе восприятия. Тонкий, нудный, одной тональности протяжный звук. Будто кто-то вел иглой по стеклу. Канитель.

— За мной. Я выведу тебя.

Эфор двинулся, и Лину ничего не оставалось, как следовать за ним. Мастер шагал не широко, но Лин все равно не успевал. Какая-то чехарда творилась здесь: он не понимал пространство. Не получалось сориентироваться. Если бы не старший, он бы, пожалуй, и шагу не смог сделать. Решительность Мастера словно приспособливала пространство под их движение.

Звуки шли рядом, будто конвой. Лин видел нити, линии, пронзающие шелковистый туман и заплетающиеся узорами. Ломаные пики крика, прерывистый пунктир шепота.

— Сюда, — Мастер толкнул из ниоткуда появившуюся дверь и сразу за ней под ноги бросился песок.

Песок выжженной до бела пустыни.

Здесь даже цвета не стало и, что самое странное, Лин перестал слышать ток крови. Как если само Линово существование было под вопросом. Лин глянул на свои руки и не узнал их.

Попробовал окликнуть Мастера, но вспомнил, что словам здесь не место, а рта у него не было и нет.

Потянулся к учителю мысленно — и тот оглянулся.

Внизу что-то мелькнуло бледной сталью. То подкатилась издыхающая, размазанная гравитацией волна, перисто-пенный ее гребень. Как упавший под ноги лист огромного, небо закрывающего дерева. Лин чувствовал за спиной, за всем собой, присутствие океана. Массива информации, бледные брызги которой долетели до них совершенно случайно.

Шевельнул губами, но догадка не успела оформиться.

Мастер обхватил ладонями его лицо, заставил смотреть в глаза. Лин моргнул, вспомнил его и увидел, как безупречный мраморный лик учителя покрывают ползучие трещины. Точь-в-точь как у него самого.

Вы, задохнулся от острого понимания Лин, вы такой же.

Как я.

Мастер отпустил его, резко толкнул в грудь, Лин упал и открыл глаза.

Поморгал, разглядывая низкий потолок. Рубленое вытянутое дерево. Голос дождя, запах сухой цветочной травы.

Лин пошевелился, медленно сел. Его одолевала тянущая слабость, но он, без сомнения, был жив и не в плену. Руки-ноги-голова, все присутствовало. Место, где он находился, казалось уютным даже.

Первый откинул одеяло. Кто-то позаботился переодеть его — длинная, до середины бедра, с чужого плеча рубашка. Тонкие порты на завязках.

Дверь оказалась не заперта.

Внизу, на первом этаже Лин слышал движение. Огляделся, подыскивая оружие. И тут же укорил себя. Ему помогли и обиходили, разве стоило кидаться в бой?

Спустился по лестнице, настороженно замирая. Звуки жилья шли из дальней комнаты. Мимоходом Лин удивился, как много в этом доме теплого гладкого дерева. Пол, сама лестница, стены, потолок. Резная мебель. Красиво.

Лин подошел, ступая на самых носках. Ни одна половица не скрипнула. На кухне — должно быть, все-таки кухне — стучал нож, играла тихая музыка. За большим окном серым косматым зверем стоял дождь, его шумное дыхание глушило все звуки снаружи.

Дверь на кухню оказалась приоткрыта. Пахло печеными овощами и ярко — свежей зеленью. Лин, прижавшись к стене, украдкой заглянул в комнату. Тут же спрятался, но его заметили. Тупой стук ножа о разделочную доску прекратился.

— Привет, — окликнули его, — я тебя видел. Можешь не прятаться.

Лин смутился, досадуя и на самого себя и на нелепость ситуации в целом. Показался в дверном проеме целиком.

— Привет, — повторил незнакомец выжидающе.

Хозяин дома. Выходит, тот самый, что его спас.

О ногу его терлась крупная, фореельного окраса кошка. Гнула спину и мурчала басом. Мужчина без суеты сушил руки полотенцем, улыбался, но глаза у него оставались настороженными, охотничьими. Внимательно изучал Лина — как поддетую вилами змею.

Лин уцепился пальцами, отросшими ногтями за дверной косяк. Ноги были словно наспех вставленные спички — совсем не слушались.

— Привет, — прохрипел Первый, задыхаясь от слабости.

— Зря встал, — человек мягко отстранил кошку, закинул полотенце на плечо и шагнул к Лину.

Тот отшатнулся, собираясь для контратаки, и мужчина понятливо остановился. Он был выше Лина, наверное, с Гаера ростом. Широкий в плечах, узкий в бедрах, темные волосы и глаза. Простая домашняя одежда, и нож он уже положил.

— Не бойся. Я тебя не обижу.

Лин едва не фыркнул. Даже в его нынешнем состоянии он был способен гораздо быстрее «обидеть» человека. По крайней мере, Лину хотелось в это верить.

— Где моя сумка?

— В надежном месте. — Мужчина склонил голову к плечу, рассматривая Первого, точно дружелюбный пес. — Меня зовут Михаил. А эта пушистая красотка — Маха. Мы из Ивановых.

— Лин, — представился Оловянный, облизывая губы. — Я из Первых.

— Лин-Лин, — Михаил улыбнулся, до ямочек на щеках, — как колокольчик.

Лин покраснел и сильнее уцепился за дверной проем. Какое глупое сравнение. Такое глупое, что даже не обидное.

— Садись за стол, Лин. Ты еще слаб, тебе нужно поесть.

Отодвинул тяжелый стул, вопросительно обернулся на Лина. Тот так и стоял, недоверчиво жался к косяку.

— Почему вы мне помогли?

— Потому что я не люблю смотреть, как умирают дети, — Михаил терпеливо вздохнул, указал подбородком на стол.

— Я не ребенок. — Ощетинился Лин. — Я Первый.

— Ради Лута. Хоть Первый, хоть Второй. Легкий овощной бульон полезен всем.

Когда Лин занял предложенное место, Михаил отошел к плите. Он был крупным, как почти все Ивановы, легко двигался. Но от него исходило не чувство звериной опасности, приглашенное человеческой оболочкой, а спокойная, уверенная доброта.

Кошка Маха ткнула Лину в голые ноги. Пощекотала усами.

— Можно погладить? — робко спросил Первый, пока Михаил возился с посудой.

— Нужно, — хозяин дома опустил перед ним чашу с прозрачным, ароматным бульоном, сбрызнутым зеленью, наставительно поднял палец, — не глаженная кошка хуже Иванова.

— И я должен вам сказать...

— Сначала ты должен поесть, — Михаил подвинул ему деревянную ложку, — все остальное потом.

Мастер оттянул от груди страховочный ремень. Поднялся, цепляясь за выступы внутренней обшивки, толкнул от себя обзорный экран. Стена мягко расступилась, выпуская Первого.

Эфор упал на колени, качнулся головой вперед, в пропасть, куда с ревом низвергалась пенная толща водопада. Скальный уступ был не шире табуретки. Геликтит присосался к стене и теперь сидел, полностью сливаясь шкурой с горной породой.

Сверху валила вода.

Эфор прижался к стене и напился, смачивая иссушенное болезнью горло. *Оловянная чума*. Прикрыл глаза, прижался лбом к холодному камню.

Значит, *Тамам Шуд*. Ничто иное. Лут был отравлен Золотом, интоксикация его не могла не вызвать ответную реакцию природы Первых. Поставленные Лутом сторожами, с трудом выбившие себе место и право существования, Оловянные были беззащитны перед этой первой волной, вливающейся в кровь, в ихор Лута. Первые первыми встретили удар. Тамам Шуд предварял свое появление, ослабляя сопротивление Лута, сметая его защитную функцию.

Дети, его дети. Оловянная чума не собирала цветы по одному, она одним взмахом скашивала все поле. Всех, всех. Всех детей Эфората. Всех, отмеченных темной полоской на хребте.

И всех отбраковок.

Вот только последние имели шансы ее пережить, вылежать в своей крови и желчи, сбросить кожу и обрасти новой. Мастер посмотрел на свои руки. Еще розовая, нежная, тонкая. Без следа черных нитей, силков чумы.

Он точно знал, что и Лин спасся. Сам видел его, сам вывел. Но и Лин его запомнил. Но это было неважно, неважно, потому что Оловянная чума, точно брошенное копье, поразило Эфрат в сердце. Не осталось силы, заплота, способного удержать волну Оскуро.

Золото. Тамам Шуд.

Отбраковки, подумал Мастер. Хом Польни.

10.

Гильдия торговцев с их поддержкой Утробы и движом за освобождение рукавов Оскуро сидела не то что у Гаера в глотке — уже в самой заднице. А Гаер, надо сказать, терпеть не мог, когда кто-то начинал иметь виды на его зад.

— Вздерните уже придурков!

— Всех не перевешать, — Эдельвейс был само бесстрашие. — К тому же, Гильдия исправно платит взносы Башне.

— И она же исправно роет нам всем могилы.

Гаер почесал бровь, рассматривая то, что осталось от старины Фата. Не фартовый Фат, надо же.

Постучал себя по бедру, пропел тонким голосом:

— Из чего же, из чего же, из чего же, сделаны наши мальчишки? Из кишочков, из позвоночков...

Неру заинтересованно склонила голову к плечу, слушая. Гаер подмигнул гиноиду:

— Всегда пугал экорше и кашпо, представляешь? А тут... Два в одном, не ошибешься.

Эдельвейс покосился, но возражать не стал. Супротив правды не попрешь.

Гаер прошелся по маленькой, тесной, кубик-комнате. Они успели раньше местных гвардейцев, застали и побоище на первом этаже, и убойище на втором.

И документы, в стенной нычке. Их бережно извлекли и подменили другими. Чтобы Утроба не сразу хватилась.

— По-вашему, это сотворил кто-то из Эфората?

— Именно так, — Гаер вздохнул, — а я так надеялся лично подвесить ублюдка за яйца...

Ублюдка, посмевшего посягнуть на неприкосновенное — на брата арматора.

О, Лин. О, нимфа.

Арматор поскреб бритый висок. Пластина, заменяющая кусок живого черепа, всегда ныла на перемену погоды. Встроенный барометр-гигрометр.

— По Луту есть информация?

— Вспышки, арматор.

— Каскады? Хамсин?

— Нет. Пока точечное пробивание.

Рыжий прижал пальцами веки.

Башня гудела. Гул ее был гулом Гаеровых костей. Башня была — костницей. Горой черепов.

Как-то он полагал, что будет проще. Не иметь возможности прибрать названного брата за спину, прикрыть плечом оказалось паршиво. Кто бы знал.

— Нам пора?

— Еще нет. Нужно, чтобы все хорошенько замешалось. Нужен хаос. Густой, чтобы ложка стояла, ух!

Только хаос способен по-настоящему дестабилизировать Башню. Пошатнуть ее, чтобы Гаер успел вылучить момент и завалить старуху, взять за горло. Показать, кто в курятнике петух.

Иначе зря все это Гаер затеял.

— Арматор! — в комнату, едва не снеся плечами косяки, вшагнул ближник. — Хом Оливы атакован. Первый хамсин Нума.

Гаер криво усмехнулся. Кивнул Эдельвейсу:

— Вот теперь — пора. Будет у меня для тебя отдельное задание, парень...

Дарий Первый и Единственный, Князь, правитель Хома Оливы и соправитель Хома Мурано, перегнулся через перила балкона. Стиснул пальцами резной мрамор, провожая взглядом стройные ряды личной дружины — *бивни*.

Порыв теплого ветра донес солнечный запах лимонов, морской соли и пыли. В саду заливались птицы, вторя им, звенели голоса вплетенных в солому колокольчиков. Только люди молчали.

На прекрасные, Лутом благословенные земли Дария посягнула какая-то немытая дичь.

Отвратительно.

Круто обернулся, хлестнув распущенными волосами отступившего советника. Стража ждала распоряжений.

— Подготовить *Червя*. Докладывайте по ходу движения, Малек.

Коридоры летней резиденции были просторны и пусты, как тело выброшенной на берег раковины. Наложниц увезли, слуги попрятались. Стража вытягивалась, провожая молодого правителя встревоженными взглядами.

Малек торопился, но все равно не поспевал за стремительным, как лиса, Дарием.

— Они прошли зонтег, о Венценосный, наши дежурные не успели поднять тревогу, сработали буи. Обрушились в районе долины Этола и пошли сплошной волной. Двигутся к морю. В настоящий момент происходит эвакуация гражданского населения, но, о Венценосный... Было зарегистрировано еще одно вторжение, со стороны Тихих Гор.

— Берут массой, — прошипел Дарий, стискивая кулаки. — Варварская дрянь. Посмотрим, что они ответят моим *Птицам*.

— Но это большой риск, о Венценосный, поднимать их теперь.

— Дурак и трус, — отрезал Дарий, железными пальцами поймал советника за шиворот и буквально притиснул лицом к окну. — Видите это, милый Малек? Видите золотое небо? Это Нум. Хангары, Малек! И они не уйдут, не получив кровь всех, кто живет на этом Хоме Локуста, видите ли, жрут мясо, чтобы иметь силу плодиться...

Отпустил человека. Одернул тунику, поправил фибулу.

Княжение давало не только власть, но и знание. Хом знал, как развивается Нум. Знал это и Князь.

— Надо бить, пока они до моря не добрались и яйца не вылежали. Вы поедете со мной, — приказал сухо. — Мне надо, чтобы рядом был некто, способный подстраховать в случае непредвиденных обстоятельств.

Малек склонился.

— Как прикажете, о Венценосный. Почту за честь.

Дарий поморщился. Советника своего, по совместительству шпиона Хома Арабески, он предпочитал держать под рукой, но не слишком жаловал. Трусоности в нем было больше, чем ума.

— Я бы предпочел Гилберта, но он, что вероятнее, уже бьется в первой линии обороны, а не топчет коврик в моей спальне.

Малек, покосившись, сошел с коврика. Дарий переодевался в рабочее; помогали ему молчаливые служанки с эбеновой кожей и топазовыми глазами, дочери Хома Д'мт. Ездовой костюм представлял собой вариант комбинезона с ремнями-электродами, завязанными в одной точке на спине, аккуратно посреди лопаток. От этой точки шла жила, управляющая мозгом червя.

Дарий недовольно хмурился — для лучшей проводимости костюм вымачивали в специально подготовленной воде, и в нем Дарий мерз изрядно.

— Теперь к лифту.

Такую роскошь, как лифт, для Дария вывезли с Хома Метрополиса. В каждой своей резиденции Венценосный методично устраивал шахты, открывающие доступ к собственной ездовой скотинке.

К Червю.

Еще когда спускались, почувствовал мелкую дрожь земли. Малек так вовсе вспотел — путешествовать таким образом ему еще не доводилось. Обычно Князя сопровождал Гилберт, седоватый и угрюмый приближенный из бивней. Дарий сосредоточенно проверял крепление лент-электродов.

Когда его только избрали на Княжение, Дарий и понятия не имел, что Хом густо изрезан сетью подземных ходов. Старых ходов — новые точить было некому. В наследство от Старого Князя ему достался Червь — конструкция наподобие змеиного скелета, где кости были разбавлены металлом, а обшивка представляла собой смесь шкуры и гибкой, пластичной, гибридной субстанции. Хом сказал, что то был последний Червь, и что выела его паразитарная сущность. Опустошила. Заместила собой мозг и шкуру. Незачем ей было плодиться.

Дарий первым вышел из лифта. Дежурный поднялся навстречу, коротко приветствовал Венценосного, быстро, цепко глянул на советника. Отступил, давая обоим дорогу.

— Поедем к Птичнику, — Дарий смотрел, как запрягают червя, оживляют, готовя к заезду, — должны успеть.

Выдохнул, шагнул с твердой площадки в сухое нутро Червя.

Встал, прижался спиной к доске управления. Руки вдел в краги. Замер, ожидая, пока не синхронизируется управление. Связана вся сбруя была с головной звездой Червя — так им правили, так направляли.

— Крепче держитесь, — сказал советнику, который растерянно озирался в поисках хвата. — И лучше сядьте, с непривычки может укачать.

Прикрыл глаза.

— Вперед, — произнес негромко.

Червь сжался и выпрямился.

Если Червь достался ему в наследство, как инсигния, то Птиц он сотворил сам. Дарий не жил хорошо до того, как Хом избрал его. Он был выходцем со Свалки, вотчины урода Орхана-Горбача. Родители, страшась наказания Башни за превышение лимита жилой емкости, выбросили сына еще несмышленным щенком.

Дарий вырос, присмотренный обитателями Свалки, в кругу сломанных вещей и людей. У мальчика оказались умные руки и светлая голова, из разрозненных частей он собирал единое целое.

Он ползал по землям Башен Вавилона, искал и строил своих Птиц — железных

большекрылых, сшитых живыми жилами. Они росли вместе с ним. И, когда Дарию случилось впервые вырваться на Хом Оливы, на чистую работу, он позвал Птиц с собой.

И они пришли. И Хом избрал его.

Дарий даже внешне не походил на смуглых, горбоносых и кучерявых уроженцев Хома Оливы. Он был высок, тонок станом и лицом, с желтыми волосами и глазами изменчивого цвета морской волны. Характер же его был характером лисовина, зверя хитрого, дикого и склонного к бешенству.

Птичник Дарий устроил под скалой. Место было надежно защищено от случайных и не праздных взглядов, а путь наружу лежал через толщу воды с одной стороны, и — через подземный ход — с другой.

Хорошее место. Дарий умел ценить норы, еще с поры житья на Свалке.

В пещере было светло от обитающего на стене плащевика. Растение, чьи дикие предки ловили и пожирали китов, нынче больше напоминало гобелен, закрывающий свод пещеры. И он излучал свет, приманивая насекомых и — яркой бахромой продлеваясь в соленую воду — мелких рыбешек.

Дарий погладил мягкую поросль. В светскую моду входили так называемые *живые картины* — аристократия заселяла виллы плащевиком, а специальные люди старались направить его рост и цвет в соответствии с пожеланиями заказчика.

Птицы его дремали высоко, в нишах. Дарий держал их в узде, не давая охотиться, где вздумается, а питались его Птицы не падалью и не насекомыми. Живым горячим мясом.

РамРай, уроженец Хома Малабар, на счастье свое проходящий обязательную службу на тишайшем Хоме Оливы, подорвался от тревожного крика рогов.

Вскочил, лупая глазами, а рядом сыпались с коек сослуживцы, одевались второпях, в темноте. Кто-то задел светильник, рубануло по глазам белым.

РамРай едва поспел снарядиться. Выскочил в хвосте, когда рота уже тянулась перед командиром.

Тот, однако, долго разговоры разговаривать не стал.

— Солдаты! Это не учебная тревога! Вторжение, класс «Б». Получаем индивидуальное оружие и к транспорту, живо!

У РамРая затылок похолодел. Пока бежал за аммонесом, хватал глазами по сторонам — подъезжали и отъезжали тяжи-быки, увозили курсантов... Куда-то.

Не учебная тревога? Да они и учебную только пару раз...

РамРай кинул на грудь броник, натянул шлем. Пристроил оружие к спине. Морские рога легли ладно, туго. Привычно. РамРай толкнулся в подножку, оказался на скамье, зажатый плечами своих из расчета. Бык тронулся, мягко переваливаясь на грунтовке.

РамРай глянул в просвет, когда брезентовая шкура отошла от борта. По небу будто провели кистью зари — так ярко, так ослепительно сияло золотое. *Что за, растерянно* подумал РамРай.

Толкнул в бок соседа, Грузилу. Тот изрядно задалбывал роту занудством, но парнем был ученым, не то что остальные. Голова!

— Эй, гля! Что за фигня?

Грузила выглянул, отлепив зад от скамьи.

— Однако, — протянул, возвращаясь на место. — Очень странное природное явление.

— Из Лута что шархнуло, может? Каменюка какая прилетела?

Грузила нервно пожал плечами. Сказал, колеблясь:

— Я бы не утверждал, но... Это похоже на манифест, который бывает перед прибытием Хангар.

— Это кто еще такие?

Грузила потер высокий лоб, будто не веря самому себе. РамРай его жалел, по правде сказать. Сидел бы в штабе, в писарях, там Грузиле было самое место.

— Это Тамам Шуд. Нум. Старые, некогда изгнанные за пределы обитаемой зоны Лута, создания. Вероятность их возвращения, согласно официальной статистике, составляет ноль и семь десятых процента. Тамам Шуд считается частью регулятивного механизма, его появление суть ответная реакция...

Он замолчал. Молчал и РамРай, трясаясь вместе со всеми в утробе быка.

— Вот и проверим, — подмигнул РамРай, когда тяж встал.

Грузила криво ухмыльнулся на это бодрячество.

— Шлемы! — гулко скомандовал старшак. — Доспех! Оружие! Вперед, бегом-бегом-бегом!

Застучали ноги. Пуганицы не было, выбрались слаженно.

Рассыпались-построились, как полагается, не мешкаясь.

— О, Лут, — вырвалось у РамРая.

Край неба был охвачен золотом, будто пожаром. Или — ржавчиной. А настоящий, земной пожар шел по долине, и имя ему было сотня сотен. Горящее соломенным золотом, слитное движение спин... РамРай сглотнул.

Вот.

Вот оно — мясо.

— Стрелки! Орудие-товь! — протяжно зазвенело в шлеме.

РамРай развернулся, вместе с другими кинулся на позицию. Сорвал со спины морские рога, выдвинул длинные ноги орудия.

То вцепилось в грунт, утверждаясь на месте, развернулось, опустило тяжелый зад. По ребристым прохладным бокам прошла дрожь. РамРай погладил оружие, настраивая контакт. С боевыми он еще не работал. Только с учебками — те ощущались легче, суше.

От боевого во рту, от центра неба, расплзался железистый привкус. Будто соль морская, кровь и мед в одном стакане.

— Аммонес! — протяжно закричал командир.

— Аммонес! — откликнулся хор голосов.

— Аммонес! Аммонес!

И странное дело, от дикого этого, троекратного совместного вопля страх съежился и место его заняла злая сосредоточенность. Они были одним целым. Каждый знал свое дело, и его делом было не подвести товарищей.

Где-то так же лежала на позиции, в обнимку с аммонес, Каира, красавица с виноцветными глазами...

РамРай лег в желоб, оставленный морскими рогами. Орудие выпростало из устья тонкие нити-биссусы, жадно приникло к человеку, к открытой коже шеи и позвоночника. РамРай привычно поежился. Краем глаза отметил, как занимают позиции боковые — страхующие, ибо в момент симбиоза РамРай не смог бы оказать сопротивления. РамРай закрыл глаза, сосредотачиваясь на других, дальних жемчужных глазах *Роя*.

Рой, папиночная паутина, унизанная каплями глаз, был связан с морскими рогами

дальним родством, а РамРай был словно одной из бусин зрения. Выдохнул, увидев близко, сверху, противника.

Это были не люди. Не всадники даже, как помстилось издалека. Странные существа, похожие на саранчу и лошадей. Золотые спины, тонкие, многоногие. Они двигались молча и целеустремленно, плотными рядами.

Вот такие они, Хангары, растерянно удивился РамРай.

— Огонь!

Огонь, подумал РамРай.

И стал огнем.

Огненным морским шелком.

Позвоночник, ребра стянуло болью, когда аммонес, подчиняясь закрепленному приказом намерению, рванул из него силы. Из горла морского рога, из нутра, знавшего глубокую соль моря, выстрелили тончайшие нити, на лету обрастая нежным пухом огня. Хитро заплелись с нитями других рогов в мощную сияющую птицу и упали на врага. РамРай почувствовал, как забила под ним-ними добыча — живая, золотая, солнечная и соленая.

Прочие обтекли, обогнули, продолжая движение. То тут, то там распускались один за другим огнецветы, разворачивали листья, жалили противника. Падали новые птицы. Воздух раскалился. Соприкасаясь листьями, цветы вспыхивали, скручивались в вихри, в огненные столбы...

А потом увидел-почувствовал, как те, другие, схлестнулись с их пехотой. Надо было отходить. Бить, рискуя поразить своих, он не имел права.

Отодвинулся, преодолевая рвотные спазмы, вытащил изо рта тонкий корень-проводок, тут же спрятавшийся в горле пушки. Огладил ее, постепенно возвращая себе зрение. Горло, кожа — все горело от жары. Страшно хотелось пить.

Но первым делом... Вместе с боковыми, в шесть руки, вытащил аммонес из грунта. Отступили. Таких огнестрелов было немного, слишком трудно их было добывать, доращивать, готовить под сопряженную работу с человеком.

Говорили, что валентность аммонес неслыханная, вполне готовая спорить даже с силой *шмелей*.

РамРай благодарно принял из рук сослуживца флягу, сделал несколько жадных глотков. Спина еще ныла.

— Как там? — перед глазами еще плыли круги.

— Жарко, — хмуро отозвался боковой, мелкий парень Эриас, — эти... Хангары прут люто. Там бивни Князя в основном держат.

Личная гвардия Князя была вымуштрована и зла. Исходом им был Хом Пепла, к ростям своим неласковый. Оттуда приходили сильные люди, способные к оружию. Дарий располагал не самой большой личной гвардией, но зато люди там были — один к одному.

Кому, как не им, подумал РамРай, малодушно косясь на тяжи. Они свою работу сделали.

Долго размышлять не пришлось. Их закинули в тяжи, в обнимку с пушками, отправили дальше. РамРай вывернул шею, разглядывая долину. Раньше, помнил он, здесь были олива и виноград.

Тихий Хом, Хом Оливы. Не придумать лучшего места для обязательной службы. У РамРая и в мыслях не было бежать военной обязанности; все знали, какие льготы Башня полагает отслужившим, как весело глядят на бравых парней девушки, как гордятся родители, как благосклонны работодатели.

Теперь все огонь и кровь. Все уйдет в землю, подумал РамРай.

11.

Как пребывание в базовой, земной форме было плоско и едва терпимо Еремии, так жизнь в Луте наполняла ее сияющей радостью. Она была истиннокровным его созданием. Чистым воплощением.

Восторженно закричала, когда другие, с другой корабеллы, не сдержали гнева и пошли в атаку. Верила своим людям и верила в них. Не рождался еще капитан лучше ее капитана.

Схлестнулись. Еремия знала каждого, как знает рыба воду, а птица высоту.

Они пришли за корабеллами.

Волоха отбросил от себя противника, развернулся, вставая хребет к хребту с цыганом. Дятел в горячке боя сбрасывал человечность, как змея старую кожу, но своих с чужими ни разу не путал.

— Быстро прознали, — коротко поделился русый. — Кто-то точно все просчитал.

— Рыжий-ржавый, гаджо, больше некому.

— Корабелла не под Башней ходит. Клеймо чужинское.

Дятел не отвечал. Отвлекся. Замолк и Волоха.

Чувствовали они друг друга страшно, до безупречной сшивки, высшей планки. Когда вставали рука об руку, плечом к плечу — единым зверем делались.

Горан.

Чужие схлынули, точно море воды оттянуло.

Начали осторожничать.

И Мусин, и Руслан, и Иночевский — не жалели. Одна Медяна еще старалась беречь, но то по слабой руке, по неопытности, по малой валентности. И пришлые это понимали.

— Всех порежем или оставить кого на труху, на тягу? — хрипло справился Дятел, утирая рукавом скулу.

И рукав был в крови, и лицо, и волосы, от того только краснее щека сделалась.

— Одного живого возьмем, — отозвался русый.

Оглядел рысьими пристальными глазами оставшихся. Еремия повела боками, как крыльями, легко отвалила от чуждой корабеллы, сбрасывая абордажных прилипал.

— Слыхали капитана?! Резать!

Медяна только глухо охнула, когда Еремия круто завернула, мешая врагам сосредоточиться. Свои, знавшие ухватки подруги, укрепились на ногах. Медяну подцепил Руслан, не дал растянуться. Улыбнулся зубами, мигнул глазом.

— Держись, девка!

И Медяна держалась.

Даже лицом не дрогнула, когда Мусин рядом зацепил кхопешем человеку горло, поддел на плечо да перебросил в Лут, еще живого. Даже не вскрикнула, когда гибкий, точно угорь, Иночевский, ушел от тяжелого удара, но пропустил легкий, скользящий, в бедро. Ответил на обиду — горячая струна живого цвета вошла противнику под ребро, со спины вышла. Исчезла, и кольца пригасли.

Тесно стало на живой спине корабеллы. Горячо, жарко, красно.

В сторону капитана и старпома Медяна старалась не смотреть. Мельница из лезвий, и та была милосерднее.

Оставшихся поставили на колени.

— Видно, младенцев ты жертвуешь Луту, коль так ему любезен, — сказал плененный.

Один глаз у него закрылся от удара, второй глядел строго, бесстрашно. *Такой ничего не расскажет*, понял для себя Волоха. Смерти не боялся.

— Я ему жертвую всего себя, — откликнулся весело. — И этого вполне достаточно.

Дятел за его спиной вопросительно шевельнулся, но Волоха поднял руку, запрещая казнить.

— Под кем ходишь, храбрец?

— Много за мной лихих дел числится, а предателем сроду не был.

— А жизнь оставлю?

— Жизнь в бесчестье не жизнь. Но коли отпустишь моих людей живыми, меня себе оставишь, тогда правду скажу.

— Достоинно, — признал Волоха. — Но отпустить не могу, вы первыми поперек встали, первыми ударили. Какая слава пойдет, если я помилосердствую?

Поднял револьвер, выстрелил в упрямый лоб, между глазами.

Вскрикнул тут один из пленных, подался из строя.

— Мне! Мне жизнь! Поклянись, что жизнь оставишь, все скажу!

Дятел рассмеялся хриплым басом, криво усмехнулись остальные.

— Жизнь оставлю. Отпущу, — сказал Волоха, переждав смех, как порыв ветра. —

Говори смело.

И пленник заговорил, горячо проглатывая слова.

Говорил, что ходит корабелла под рукой некой Девы, во всякую пору носящей личину, и что дева та весьма проворна. Не была она игроком Ведуты, не была шанти Тренкадиса, но масть забрала высокую. Пленник поведал, что прибил к команде не так давно, в русле срочного добора — текучка, пояснял рекрутер в едальне при портовой воронке, обновление состава. Задачу им поставили простую. Взять Еремию, целиком захватить и под уздцы привезти, как лошадь ко двору.

И больше ничего не знал.

Дятел поскреб в затылке.

— Ну? Прибить сучонка или еще потрясти, авось разматрешится на новые подробности?

— Нет. Слова мои не птицы.

Волоха кивнул Мусину с Буланко. Ребята подхватили пленника под локти, подтянули к борту и отпустили. Живым.

— С остальными после решу, — сказал Волоха, когда Лут проглотил крик.

Обернулся к цыгану.

— Не сходится, — проговорил негромко, — посылать к нам наспех слепленную команду? Чтобы живой взять Еремию?

— Да может, она просто не шибко умная, а? Баба же, чем ей там думать.

Медяна фыркнула. О женщинах цыган был невысокого мнения и скрывать того не думал. Волоха не ответил. Тревожно поднял голову, приоткрыл рот, ловя запах Лута. Посуровел лицом.

— Уходим, живо, — велел отрывисто. — Еремия, две страты вниз, там *желоб*, пленных за борт — балласт, одного на подкормку. Полный ход!

Еремия дважды не спрашивала, обернулась, ложась на курс. Волоха оглянулся, и вместе с ним в темноту, обросшую далекими огнями, всмотрелся и Дятел.

И увидел — далекий еще, но стремительно близящийся — силуэт быстрой корабеллы.

— Она их послала не ловить нас. Знала, что бессмысленно. А вот задержать — да. С этой задачей справились.

— Сучка, а!

Медяна глянула победоносно.

— Ну и кто теперь не шибко умный?

Еремия шла самым полным. Быстрая и сильная, но летящая по следу была не менее быстра. Ценный груз — корабеллы — оттягивал брюхо, как наспех проглоченный кусок мяса. Замкнутые в хрустальные короба сестры не могли оказать поддержки, лежали тяглом.

Волоха, прикрыв глаза, всматривался в Лут.

Хвала Луту, они успели зайти в желоб. Тонкий и длинный коридор, на одного. Чужая корабелла не могла нырнуть — ее выносило остаточным следом Еремии. Стрелять, видимо, не решались, боясь повредить груз.

Волоха знал: впереди Хом Рун, богатый реками и зеленью. Если они уйдут на него, будет шанс отбиться с земли. На закорках чужой корабеллы сидела железная смерть, маслянистый ее привкус растекался у русого на языке.

Еремия вобрала в себя кровь и плоть врагов, силы ее хватало на ровный, сильный бег. Но желоб кончался, а до Хома еще надо было добраться.

— Дятел, готовь Пелену. Надо отвлечь их.

Дятел только головой мотнул. На такой скорости Пелену они еще не выпускали. Но с Волохой в режиме капитана никто не препирался. Себе дороже.

— Руслан, Мусин, доставайте тяжести. Инок, давай сюда куклу. Мы протащим паршивцев за собой, в зонтег.

— Но он их не пустит, — возразила Медяна, нахватавшаяся мудрости за совместную путь-дорогу, — это тэшка.

Волоха глянул, как на говорящего сома.

— На то и расчет, — обронил сухо.

— Как собираешься цеплять, гаджо? — Дятел оттеснил девушку, зыркнул на идущую поверх тэху.

— Руками, — Волоха показал свои трудовые мозоли. — Пока они будут таращиться на куклу и на вас.

— Успеешь до Хома?

— Это в моих интересах, знаешь ли.

Дятел цыкнул, как большая белка.

— Лады. Ежели расшибеешься, так я твои вещички прикарманю, мне же лучше.

Медяна, чтобы не мешать, отвалила в сторону, но ее прихватил Буланко.

— Гляди, сестричка. Еремия — выворотень, стало быть, полиморф. У нее хороший запас форм и цветов, целая палитра. Обычно мы так красимся, если надо гвардейцам мозг припудрить или по красоте мимо дружков пройти. Чтобы без лишнего мяса, ага? Тут дело другое. Тяжи — гляди! — бывают разные. У нас наращенные, не чистая механика. Прочные, но Еремия в случае нужды может их скинуть. Как ящерица хвост.

Медяна только кивала, наблюдая, как ловко Руслан тянет из лунки в палубе канат. Раньше не видала она той ямки, однако Мусин с другой стороны от арфы промышлял тем же, разве что молча.

— Не путай тяжести с абордажными зацепами. Разные ткани в основе. Разные механизмы.

у зацепов в основном клюв, у наших тяжей первый рот гируда, второй, который вручную крепят — муравьиный. Наша задача, — Руслан ткнул пальцем вверх, — зацепить тэшку. И так, чтобы не догадались до поры. Почти у всех тэшек, горлинка, есть уязвимая область. Белое мясо живота, тонкая линия. Бронь там накладывается друг на друга, как чешуя, и можно сдвинуть пластины, если знаешь где и инструмент имеешь... У капитана нашего на этот счет все в порядке, пока они будут таращиться на куклу, он установит тяжести с муравчатым ртом. Иии все тогда получится!

— Ты, однако, очень уверен в своем капитане.

— Э, да как иначе?!

Медяна хмыкнула. Правда, по коже мороз продрал все равно — работу в открытом Луте она еще не видела. Буланко же зарядил тяж в катапульту, Мусин с другой стороны сделал то же.

— Пелена, капитан!

— Кукла!

— Тяжи готовы!

— Работаем, — подтвердил Волоха.

Сам он скинул свой жилет, затянул наручи с муравьиными головами.

Еремия сбавила ход. Тяжи ушли вверх. Заплелись в одно, вlepились точно в подбрюшьё тэшке, натянулись струной. Русский, не медля, прыгнул, обхватил этот импровизированный канат и споро полез наверх.

Пространство кругом дрогнуло и чуть размазалось, когда развернулась, растеклась Пелена. До поры Медяна видела ее только в обиталище — из стекла выточенной сфере. Пелена любила забавляться с новенькими, и рыжую она поначалу пугала, лепя для нее кричащие рты и изломанные силуэты. На родном Хоме Пелену звали туманницей или студеницей, ватной бабой, а здесь по-простому кликали пеленкой.

Она, кажется, не обижалась. Волоха подобрал ее на болоте, освободив из-под вбитых в сухое дерево ржавых вил — так местные расправились. Пелена уехала с Еремией. Отдавать долг.

Зазря капитан студеницу не тормозил, но тут помощь нужна была. Пелена вышла, облегла собой палубу и арфу, смазала белым борта... Стала Еремия незримой для тэшки. А после вылетела из тумана слепленная кукла. Запрыгала, закачалась, трясогузкой затрясла кормой перед тэхой. Сделанная из сухих листьев, старой одежды и прочего сора, вспоенная общей кровью, на костях луговой птицы, для тэшки она выглядела точь-в-точь Еремией.

Русский лез быстро. Тяж не был похож по структуре на канат, обхватить его ногами было проблематично. Приходилось карабкаться за счет силы рук. Тэшка шла неровно, тяж тоже ходил ходуном.

Уже под самым днищем Волоха остановился. Лезвием отжал пластины чешуи, посадил муравьиные головы. Те вросли под броню, укрепились. Намертво связали Еремию с тэшкой.

Волоха начал спускаться и в этот момент Еремия ушла вперед. Желоб кончился, корабелла набирала скорость.

— Эй! — изумленно окликнули Волоху с палубы тэшки.

Русский поднял взгляд и увидел направленный на него револьверный ряд. Улыбнулся, показывая клыки. Качнулся, висок обожгло горячим, и Волоха разжал руки.

Поймал себя на боковой движитель Еремии, хрипло выдохнул. Подтянулся, а там его уже схватил за шиворот Дятел, втаскивая на палубу.

— Грациозен, как мешок с дерьмом, гаджо, — похвалил скупое. — Однажды просвистишь мимо и не дай Лут подумать, что я буду скучать.

Впереди уже сиял зонтег Хома Рун.

— Еремия! Вались в пике, у тебя прицепом тяжелая тэха! Развези их по всему куполу!

Медяну снова перехватил Руслан. Девушка кошкой вцепилась в борт и только тарасилась, хлебная ртом ветер. На корабелле, идущей в ревущем пике, она была впервые.

На тэшке сообразили, что отцепиться не удастся и что мощная корабелла тянет их, как косатка рыбака. На верную погибель.

— Огонь! — крикнул Иночевский.

Вскинул руку, блеснул кольцами Лафона, отводя прямой удар. Еремию задело по касательной. Синее, водяное пламя занялось за один вздох, хлестнуло волной, грозя потопить, смыть за борт.

— Какой, нахрен, огонь, Инок, — прошипел Дятел, вытягивая из-под палубы пушку. — Только русалок мне здесь не хватало.

Огонь встретился с волной. Зашипело, а Еремия наддала, отчего пламя взбесилось, вскинулось на дыбы...

Так они и ввалились на Хом — ночной, крепко спящий, в шелковых лентах черных рек. Еремия не успела задержать бег, разгоряченная и обожженная. Грохнулась, пропахала грудью и килем травяное море.

Медяна не сразу, с трудом разжала пальцы. Те будто окостенели, так сильно она вцепилась в страховочные кольца. От потревоженной ночной травы густо пахло, кричали исполошенные птицы.

Девушка облизала пересохшие губы, обежала глазами своих. Все здесь. Все на месте. Где-то позади вспыхнули и занялись зарей обломки тэшки.

— Беее, — протяжно донеслось из-под крыла Еремии.

Медяна вздрогнула. Вполне мирный, деревенский звук вдруг показался чужим и даже грозящим. Отвыкла. И как быстро.

Внизу, под бортом, показался барашек. Девушка удивилась: руно его будто само по себе мерцало бирюзой...

Вспыхнул огонь — на этот раз ручной, фонарный.

— Что же вы, разбойники, наделали-то! — в голос запричитал невидимый мужик. — Барашков-то мне помяли! А вот пожалуюсь-то на вас хозяйке!

— Сделай милость, добрый человек, — сказал Волоха, вырастая у борта, рядом с Медяной. — Это как раз то, что нам нужно.

12.

Юга открыл глаза.

Сколько ему было, когда он начал осознавать себя? Точно помнил — ходить начал рано, говорить — поздно. До поры ныл не своим голосом. Зверьчым.

Не плакал никогда, даже когда били. Шипел, был стиснутым горлом. А потом бросался в глаза обидчику.

Не говорил, но слушал внимательно. Мир наполнился звуками и запахами. Звуки были ему братьями. В них он находил покой и утешение. Звуки учили его двигаться, думать. Наблюдать. Подражать.

Он не лежал в зыбке. Выполз оттуда до года и сныкался под лавкой, сбил себе гнездо из тряпок и мягкой рухляди, выброшенной Провалами.

Мать сообразила не показывать его прочим. Молока ему не нужно было, чем питался — один Лут знал. Рос сам по себе, она сперва боялась, потом перестала. И верно, мороки мало: поставила миску с обрезьем каким, с творопом ли, тем и жил. Выбирался из своего укывалища по ночам, ночами же сбегал.

Под руку пошел только на втором году. Видимо, подглядел, как прочие бабы с дитятами обходятся. Притащил тряпку-рубашку, сам в нее залез. Женщина, вздыхая от страха, подманила к себе. Тот подошел, глядя насквозь чужими, горячими глазами. Босой, с длинными, до пола, волосами. Узколицый. Глаза дырищами. Ногти или сточены, или обгрызены. Не поймешь, пацан или девка. Женщина вспомнила, как он был в первые дни в зыбке. Не нравилось ему там.

Протянула руку, обмирая, тронула щеку. Кожа гладкой оказалась, прохладной, и — вполне человеческой. На касание подкидыш вздрогнул, вскинул головой, оскалился, показывая острые зубы. Полный набор. В ту ночь она его впервые расчесала. Придела, затянула рубашку поясом. Худой, горячий, крепкий. И чистый — не иначе, в Провалах плескался ночами.

А когда обменяшу пять сравнялось, поняла — красив. Выглядел старше. Привела в дом гостя, человека прохожего, не из деревни.

Подвела сына. Сама вышла, за надобностью.

— Какой ты... Юга, — рассмеялся человек, тряся прокушенной до кости рукой.

Подкидыш только шипел, показывал клыки. Забился в угол и таращился оттуда. Глаза что змеи.

— Ну. Ну. Не бойся. Смотри, что у меня есть, а? — человек вытащил из-за пазухи низку бус.

Ярко-зеленые, они были точно самородные огни в этой глуши. Как живые горячие души Провалов.

Человек бесстрашно присел на корточки, поманил рукой. На глазах у него блестели плоские прозрачные щитки.

— Иди. Иди ко мне. Я добрый, я не обижу...

Подкидыш осторожно приблизился. Яркие бусы манили огнем.

— Чур не кусаться больше.

Человек положил руку ему на плечо, обменяш вновь показал зубы, но ему строго

пригрозили.

Правой руке не хватало одного пальца.

— Нет. Вот так. Хороший мальчик. Красивый мальчик.

Юга закрыл глаза.

Точка, в которой находился он, была лишена привязки пространственной. Единственное — знал точно — он был ее центром. Средостением. Жемчужиной этой черной мантии.

Ихор, темная темянная вода, держала его в себе бережно и цепко, как смола муху. Он мог остаться, никто бы не сыскал его здесь. Выписать себе из общего информационного поля. Как сделали остальные. Все они были здесь, Юга чувствовал, осязал их кожей, волосами, ставшими ихором.

Другая форма, та же сущность.

Надо возвращаться, подумал.

Надо. У него было к кому. У него было зачем.

Он не желал спокойствия.

Тогда возьми, сказали ему.

И память его народа хлынула со всех сторон, и вся черная вода обернулась вдруг — его волосами.

Шерлом.

Он вынырнул, проскреб ногтями, срывая водоросли и улиток, рванулся вверх, но ушел вниз. Небо над головой было круглым и сжатым, как кулак.

Когда он выбрался, вокруг порозовело. Рассвет принес туман и влажный цветочный запах. Юга кое-как откинул с глаз тяжелые, точно мертвые, волосы. Лег навзничь и лежал, не чувствуя ничего.

Очнулся, когда его дернули за плечо, кольнули мясо, будто ножом. Юга вскинулся, и пес с рычанием отпрянул.

— Пошо-о-ол, — прохрипел Юга, слепо шаря в поисках палки или камня.

Рука ухватила за мягкое. Третий глянул и поднялся, словно трезвея от холода. Вкруг него лежали мертвые. Неизвестной силой схваченные и уложенные странно, будто в хоровод, центром которого был злосчастный колодец.

— Не я же вас уморил, — прошептал Юга, дико оглядываясь. — Не мог я...

Осекся, почуяв присутствие. В нескольких шагах от него замер всадник. Станным был скакун — будто из золота отлитая насекомная, многоногая тонкая тварь. Но и всадник не выглядел обыкновенным. Они смотрели друг на друга долго, целое мгновение, а затем скакун в одно движение оказался рядом. Юга отшатнулся, рука всадника ухватила пустоту.

Золото, вспомнил Юга. То, что он видел перед падением.

Всадник казался выростом на спине своего скакуна. Ни седла, ни упряжи. Лицо в желтой чешуе. Доспех из жесткой красноватой кожи, шлем в шишках. Глаз не видно.

— Ай, чего ты хочешь, чучело, — прошипел Юга, когда всадник пустил скакуна кругом.

Хрустнуло костями сзади и в круг влился еще один подобный. То же золото, тот же доспех. Еще один выехал из раскуроченных ворот. Они молча двигались вокруг Юга и тот, устав кружиться, замер на месте.

Он не понимал их намерений, но трупы человековы были вполне красноречивы. Кто-то из убитых сжимал в руках топор или сулицу, у Юга же при себе ничего не было.

Как, шепнули голоса в голове. Мы все с тобой.

Это хорошо. От понимания у Юга заколотилось в висках. Просто, совсем просто.

Хорошо, что всадники шли кругом. Сами лезли в воронку.

Юга собрался, сжался, приставил локти к туловищу. Выпрямился резко, струной, выбросил вверх раскрытые ладони, раскинул руки и закружился вместе со всадниками.

Волосы с шелестом развернулись из косы, легли на спину, точно прилипли.

Он танцевал, сливаясь с ритмом всадников, с дробным движением ног скакунов, с тихим их дыханием, с запахом цветущих деревьев и разлагающихся тел.

Когда попытались накинуть аркан, было поздно. Юга закончил танец, оборвал его, точно рыбу подсек — одним сильным движением.

Витрувий называл эту хореограмму Мясорубкой и именовал стандартной защитной реакцией.

«Если же случится Третьему быть окружену, то исполняет он танец из свободных связок, используя доступное пространство. Вяжет воедино подручные средства и погружает угрожающий субъект, физическую его, белковую оболочку в измененное состояние. Такое именуется Мясорубкой, ибо имеет схожесть в цикличном вращении, в погружении и в результате мясного продукта на выходе».

Юга оставил поселение. Людей там не встретил — либо умерли все, либо живые спрятались. Себе ничего не взял, до ночи тащился по тракту. Переночевал в кустах, утром напился холодной воды из реки, съел горсть ягод, от которых вязало щеки и язык. Золотым шаром выкатилось солнце, давило сверху.

Сперва услышал воду и людей, только потом, взобравшись на холм над рекой — увидел. Людей было множество и они строили что-то. Лагерь. Полевое жилье себе, понял Юга.

Его тоже увидели. На берегу стояли четверо. Трое людей и один длинный, не такой. Он смотрел в его сторону. Люди, завидя Юга, крикнули пару раз, а длинный сказал что-то резко прочим. Махнул рукой, не раздеваясь, вбежал в воду, врезался плечом в волну. Пересек реку за пару гребков.

Юга сел, чувствуя, как кости его тяжелеют, немеют от подступающей, долго сдерживаемой усталости. Засмеялся.

Прикрыл глаза, а потом вовсе лег на спину.

Рядом с ним опустились в траву, обдали запахом речной воды и сухого, степного ветра. Юга приоткрыл рот, ловя его небом. Прижал языком.

— Я не мог связаться с тобой.

— Может, лучше бы и вовсе не связывался, пастух.

Выпь наклонился и быстро прикоснулся лбом ко лбу.

Юга поднял руку, не сильно дернул его за волосы — густые и крепкие, как шерсть большой дикой собаки.

— Скажи, что здесь творится?

13.

Было так.

Выпь встряхнул ихор. Худое с ним творилось. И с ним, и со всем Лутом.

Но больше всего Второго тревожило, что он не может связаться с Юга. Тот как в воду канул. Возможно, дело было в особой подвижности Лута. Да. Наверняка.

Выпь выдохнул, отвлекаясь, глянул за борт. Пассажиров на тэшку набилось изрядно. Люди волновались, слухи ходили, точно волны — один за другим.

Говорили, что Хома не подчиняются более Князьям. Что дичают и ловят корабеллы на завтрак. Что народ сходит с ума и бесится. Что там, где было два Хома, утром стал один, ибо они слились. Или сильный пожрал слабого, подумал тогда Выпь.

Башня призывала сохранять спокойствие и, если не слушались ее голоса, подчинялись ее железной руке. Наводить порядок она умела. Гвардейцы стояли плотно, в любой портовой воронке.

Странно, что когда-то он знал только Хом Сиаль.

Выпь поднялся. Не собирался толкаться, спешить ему было некуда. Наблюдал, как люди спускаются по сходням. У корабелл дежурили гвардейцы. Смотрели в лица, некоторых отводили в сторону.

Второй задумчиво коснулся ладонью горла.

Один из гвардейцев жестом велел путнику обнажить голову и тот послушно откинул капюшон. Лохматый, каштановый, без бороды. И высокий.

Выпь глянул по сторонам. Уходить было некуда. Даже если чутье верное и искали его.

Пригладил клык дикты и пристроился в хвост очереди. За ним подтянулись еще — такие же неспешники, с узлами и барахлом. Выпь старался не выдавать волнения. Ему глянули в лицо — и отвернулись, махнули рукой.

Выпь успел пройти пару шагов, а потом его окликнули.

Назвали по имени.

Второй обернулся и встретился взглядом с долговязым мужчиной. Лицо у него было не злое, одежда — опрятной.

— Здравствуй, Второй, — негромко промолвил, подходя близко. — Меня зовут Эдельвейс. Я помощник арматора.

В рисунке узкого рта жила решимость. Человек, несмотря на мягкое лицо, отступить не привык.

— Пора платить по счетам, Второй. Ты нужен Башне.

— Рыжесу Гаеру? — Выпь нарочито понизил голос, беря его под власть. Руки сложил перед собой, пальцами правой руки крепко обхватил запястье левой. — Башня должна мне за то, что сотворила с Юга. За бесчестный обман.

— Гаер вывез вас с Хома Сиаль. Укрыл от глаз Первых. Сделал все, что обещал, — мужчина кивнул гвардейцам, и те подчинились, обступили их. — Пойдешь сам или в цепях?

— Сам.

Не собирался драться — вздумай он махать диктой, могли пострадать люди, к их войне не имеющие отношения.

Они ушли от корабеллы миром, провожаемые любопытными взглядами.

— Вы, похоже, тоже должник Башни, если служите ей так усердно, — сказал Выпь, когда их оставили в комнате гостиного дома.

— Должник, — Эдельвейс присел на подоконник, широкий, тесаный из белого камня с красными жилами. — Но не Башни, а лично арматора. Я манкурт.

Выпь промолчал. В комнате ему было тесно и душно. Эдельвейс жестом предложил сесть и ему, но Второй покачал головой.

— Что Гаер хочет от меня?

— Местонахождение Третьего вам неизвестно?

— Нет. И если бы знал — не сказал.

Эдельвейс вздохнул.

— Что же, я так и полагал. Милостью Лута, что хотя бы частица чернил в твоей крови осталась, иначе не нашел бы.

Выпь вспомнил, как арматор украсил его запястье росчерком пера. Черный тот рисунок сгинул, ушел под кожу, но работу свою исполнил. Маячок крови.

Эдельвейс же поднялся, взял со стола орех, искусно выполненный из резной кости. Разъял две половинки скорлупы и выплеснул содержимое — искристую пыль. Выпь зажмурился от блеска, а когда вновь открыл глаза, вокруг стояла темнота и плыл Лут.

— Это последние слепки Лута, — глухо сказал Эдельвейс.

Выпь коснулся зонтега Хома — на подушечках пальцев осталась радужная пыльца. Точно от крыл душки.

— Не замечаете ничего необычного, Второй?

— Я не капитан, — Второй осмотрелся.

Шагнул ближе к золотом горящему Хому.

— Я не капитан, но это странно. Никогда не видел... подобного.

Эдельвейс встал рядом, плечо в плечо.

— Это заражение. Золото. Оно влияет через Хома на Князей, а через Князей — на Хома. Подчиняет их и лишает своей воли. Точно как молочный паук. Хом остается жить, но на его условиях. Посмотрите сюда, Выпь. Раньше это был один Хом. Теперь их два в одном.

Выпь наклонился, рассматривая новообразование.

— Но как это возможно? Хома не сливаются.

— Нет. Но раньше способны были на такое. А еще Хома не ловят корабеллы, по крайней мере — давно этого не делали.

Выпь выпрямился, посмотрел в лицо помощнику арматора.

— Что происходит?

— Тамам Шуд. — Выдохнул Эдельвейс и словно потемнело в комнате. — Это Нум, Второй. Они пришли с другой глубины, и их предводитель ведет армию. Их провестник — золото. Золотая пыль. Теперь они идут лавиной, дальше пойдут хамсином и саккадой. Быстрее, чем вы можете себе представить.

Выпь нахмурился. Золото, значит. Вот что наблюдали они с Готтардом.

— Чего они хотят?

— Тамам Шуд суть явление, регулятивный механизм. Он отклик на состояние Лута. Что-то вызвало его, призвало. Разрешило прийти. Хангары его желают обитать на новых территориях, вытеснив или поработив нынешних хозяев.

Второй медленно кивнул.

— Вы собираете армию?

— Башня и послушные ей Хомы собирают Отражение. И Арматор желает, чтобы вы вступили в его ряды. Ваши... способности могут стать незаменимыми.

— Но если я откажусь?

— В таком случае, — Эдельвейс вздохнул, — в таком случае пострадает ваш спутник. Третий. Вы знаете о его заключении в Башне и знаете, что арматор проводил над ним некоторые эксперименты. В его голове пластина. Бомба. Если Гаер пожелает, она убьет его в мгновение ока.

Выпь быстро выдохнул через зубы.

— В таком случае при нашей встрече с арматором я пожелаю ему... долгих лет.

Эдельвейс покачал головой.

— Лучше бы вам послушаться, Выпь. Это мой добрый совет. Вы оба мне симпатичны, правда. Такая привязанность и верность заслуживают по крайней мере уважения.

Выпь прикрыл глаза. Спросил, справившись с собой:

— Когда мы отправимся?

— Завтра утром. Я найду вас, пока отдыхайте. Комната ваша.

Выпь помедлил но все-таки окликнул Эдельвейса.

— Пойдите. Вы действительно не знаете, где находится Третий? Разве вы... не клеймили его?

Эдельвейс вздохнул, потер лоб.

— К сожалению, сигнала нет. Думается мне, это все хаос Лута.

Выпь сделал еще несколько попыток связаться с Юга. Безуспешно. Сигнал был мертв. Где он, что с ним — Второй мог только гадать. От беспокойства, смутного и томящего, его даже подташнивало.

Самым правильным было бы лечь отдыхать, но сон не шел. Второй метался по тесной комнате, пытаясь сообразить, какие еще средства связи доступны Луту.

Доступны им двоим.

Браслет на запястье был по-прежнему холоден и это странным образом успокаивало. В конце концов, измучившись, Выпь оделся и спустился вниз. Был тот период, когда спали все — и люди, и животные, и птицы. Второй прошел пустой зал, выбрался на улицу.

Приморский город был погружен в ночь, как перо в чернила. Через равные промежутки на стенах домов ровно горели лампы, откуда-то издали доносилось бледное женское пение.

Выпь постоял немного, слушая ночь закрытыми глазами, а потом решительно направился вниз по улице. В сторону моря. Большой воды.

Я скучаю, подумал.

Что они знали друг о друге, в сущности? Сиаль, становье, побег, Серебрянка и Городец, Лут, Башня, Лут, корабелла, Ивановы, Рыба Рыб. Короткие промежутки между, не втиснутые в этот неутомимый бег, что могли они?

Снова врозь.

Ему не хватало Юга почти до физического ощущения пустоты подле себя. В постели он по привычке жался к краю, оставляя место. Умом он знал его хуже, чем подспудным, натурным чутьем — рост, вес, запах, тембр голоса, дыхание.

Море шелестело мерцающим подолом, на песке о такую пору было ни души.

*Быль смотрел, чувствуя, как зарастает душу глухая тоска отчаяние. Предчувствие.
Второй дрогнул.*

Закрыл глаза, откинул голову и — запел.

14.

Михаил выслушал его, не перебивая. Не выказал даже тени удивления или недоверия. Лина это приободрило. Кажется, Иванов не считал его сумасшедшим придумщиком.

— Хом Польни. Да. Не самое приятное место в Луте.

— Но мне нужно быть там. И я буду, — Лин сжал кулаки.

Михаил наклонился, погладил кошку, вьющуюся у его ног. Лину тоже перепало нехитрой кошачьей ласки, а от бульона и тепла его вело в сон. Дождь закончился, в саду перекликались птицы, в приоткрытое окно, поддевая белые занавески, тянул лапы ветер.

— Значит, будешь, — промолвил Михаил веско.

Поднял глаза на Первого, раздумывая.

— Но одного я тебя не отпущу. Отлежишься, поедем к твоему Нилу вместе.

Лин запротестовал:

— Я не...

— Возражения не принимаются.

— Но что ты спросишь взамен? — выдавил из себя Первый.

Михаил поглядел еще раз. Так, что у Лина уши жаром налились.

— Я от тебя ничего не потребую. — Проговорил Михаил терпеливо, едва ли не по слогам. — Ты, кажется, и без того делаешь это не для себя. Едва ли защита человечества то, что нравится тебе на самом деле.

Лин растерялся, не нашелся с ответом. Он никогда не задавался вопросом, чего хочет сам. Да и не спрашивал никто... Защищать людей, спасать людей, сражать Оскуро. Еще он любил рисовать. Но это дело казалось таким мелким и неважным в общем течении жизни, на фоне таких событий...

— Мне нравится рисовать, — признался Лин неожиданно для себя.

Поднял глаза на Михаила, робко улыбнулся. Тот усмехнулся в ответ.

— Это потрясающе. А я столяр. Мне нравится работать с деревом.

— Здорово, — прошептал Лин, — столяров я еще не видел.

Ночью Лин забылся не сразу. Добрый хозяин выделил ему целую комнату на втором этаже, с окном. Только попросил не закрывать дверь до конца, чтобы свободная кошка Машка могла ночным дозором обходить владения.

Первый, взяв ихор, смотрел, что творится в Луте. Волновался, прикусывал костяшки пальцев. Лут трясло в лихорадке, и причиной тому был сепсис Нума. Лин мало знал о нем. Но еще больше его тревожила Чума. Если она задела его, значит, остальным тоже досталось.

Живы ли его собратья? Здоров ли Мастер?

Лин вздохнул. Отложил ихор, потер глаза. Михаил строго велел отдыхать. *Как можно отдыхать*, возражал Лин запальчиво, *когда Лут на краю гибели?*

Луту не привыкать, отвечал Михаил. *Он был на краю до нас и будет после.*

И отправил Лина спать, вручив кружку с горячим молоком. Теперь оставшееся молоко лакала кошка, фыркая и отряхивая усы.

Лин лег, потрогал мягкий кошачий бок. Машка пахла пылью, деревом и молоком.

— Спи тоже, зверь-кошка. — Сказал шепотом, слушая, как кошка тархтит внутренним

устройством. — У тебя четыре ноги, значит, ты устала вдвое больше меня.

Шею кольнуло, и Лин дернулся через сон, прихлопывая мелкое насекомое. Не иглы и не ликвор. Просто комар.

Традиция, истоков которой он не знал. Она существовала всегда. Старшие имели на это право, и кто посмел бы возразить?

Лин был общим столом, сосудом для Мастера и Лота. Мастеру это никогда не нравилось — он бы предпочел пить ученика в одиночку.

Увы, приходилось делиться, чтобы не вызывать дополнительных подозрений. Видит Лут, с этим мальчиком они ходили по самой тонкой нитке.

— Он пойдет к тебе сегодня, — сказал Мастер, внимательно наблюдая за лицом ученика.

Лин сглотнул. Зрачки прыгнули, но тут же вернули нормальный размер.

— Ему... он что-то знает?

— Догадывается. Я просил тебя быть осторожнее.

— Мастер...

— Молчи, — Эфор силой развернул воспитанника к себе спиной, надавил на затылок, заставляя показать шею, открытую низким вырезом воротника эгофа.

Ту область первых позвонков, куда обычно входили иглы.

Нежная кожа, темная полоска вдоль позвоночника, свидетельствующая о возрасте.

На этот раз укол вносил, а не извлекал.

— Что это? — Лин вытерпел процедуру без писка, лишь вздрогнул, свел худые лопатки.

— Угощение для моего сотрапезника, — пояснил Мастер, ловко пряча опустевший дозатор. — Не волнуйся. Тебе это вреда не причинит. Разве что легкое головокружение. Слабость. Или тошноту.

— Угощение, — замороженно повторил Лин, трогая пальцами шею.

Мастер поймал его руку. Легонько сжал запястье.

— Веди себя естественно. Помни — все, что я делаю, в твоих же интересах.

— Мастер...

Эфор прикрыл бледные губы ученика красными, словно облитыми кровью, пальцами.

— Вернись скоро.

Лин сидел на койке, прижавшись спиной к стене, откинув голову. Лот всегда брал больше, чем полагалось. Волоокая жадность. Желание сохранить молодость. Продлить бессмертие.

Но сегодня это качество должно было сослужить Эфору плохую службу.

Эфеб открыл глаза, обведенные темными кругами.

Мастер бросил ему пакет концентрата — Лин поймал, экономно двинув рукой. Шеей старался не крутить. Мастер нахмурился.

— Покажи.

Как и думал. В наскоро заклеенных проколах виднелись мышечные волокна и подсушенное русло второго позвоночника. Расковырял глубоко. Лот всегда брал неаккуратно, некрасиво, терзая донора. После него у Лина сводило руки и болела голова.

Ученик был терпелив и никогда не жаловался. Зачем все это, если все равно суждено погибнуть на зубах Оскуро? Не бывать тому, думал Мастер. Лина он не отдаст.

Мастер сделал знак лечь. Лин послушно растянулся на животе, покосился, когда Эфор с шорохом вскрыл медицинский пакет.

— Больше он тебя не тронет, Лин.

Далеко не ушел.

Мастер прикоснулся к стене. Геммы впечатали в ячейки приказ, по стене прошла легкая рябь, и зрение изменило средствам наблюдения и слежения.

— Помоги... мне, — по подбородку Лота текла кровь.

Эфор заложил руки в красных перчатках за спину, глядя на сотрапезника с подчеркнутым вниманием.

— Что-то случилось?

— Я... умираю.

— Не может быть. Слишком рано для Эфора.

Теперь Лот полз от него — сначала на четвереньках, потом на локтях и коленях, под конец — только на локтях. Кровь текла изо рта — словно невидимый фокусник тащил и тащил алую ленту.

Мастер знал, куда он направляется. Подальше от него.

— Почему... — наконец прохрипел-пробулькал Лот.

Мастер вздохнул еле слышно. Лин тоже любил задавать этот вопрос. Почему? Почему все самое хорошее — и плохое — в подобных Лоту просыпается вместе со смертью?

— Потому что мой воспитанник — мой. И никто не причинит ему боли. Кроме меня.

Лот булькнул и подтянулся еще.

Мастер дал ему выдохнуть — и ударом каблука перебил позвоночник.

Михаил не принял Лут, а Лут не принял Михаила.

Обычаем такая тождественность заканчивалась смертью слабой стороны, но в этот раз случилось иначе.

Плотников Михаил, которого в Луте знали под именем Ледокол, выжил. Это было сродни пакту о ненападении. Михаил выбрал мирную жизнь, отстранившись от Статуа и кровавой, веселой карусели приключений. Когда-то он ходил в одной связке с командой Волохи, но после их дороги разошлись. Русый сожалел о его уходе, но Михаил твердо знал одно — лучше ему держаться подальше от открытого Лута.

Открытого... Скорее, приоткрытого, как сундук, манящий немислимым блеском сокровищ.

Михаил не был самым крутым игроком в дружине русого. Были сильнее — тот же Дятел. Умнее — Иночевский, а Мусин мог дать сто очков вперед в деле учета, а Буланко был славен тем, что, стреляя, не промахивался.

Михаила зеленоглазый атаман ценил за умение говорить красно и унимать конфликты, как боль — в зародыше, в самом зерне. Именем Ледокол его нарекли отнюдь не за боевые качества, а за способность вскрывать нужным словом толстую ледяную кожуру непонимания.

Было в ту пору у Волохи две руки, два крыла — Дятел и Ледокол. Не слишком дру друга любили, по правде сказать, но оба верно служили русому. Ценил он их, Михаилу казалось, одинаково. И сам уважал команду и «командора», иначе не пошел бы под его тень.

Но однажды такой случай вышел.

Ходили они в тот раз далеко, искали без вести канувший экипаж пассажирской тэхи. Надежный источник говорил, что тэха та была под завязку гружена синим кружевом, самодельем Хома Венцано. Дорогая игрушка, опасная. Поиск вывел к Хому Зыби. Якобы там, утверждали видоки, в последний раз тэшку наблюдали.

Тогда их обманули. Ложью, путаными словесами завлекли в ловушку, убили проводящего, на шею оглушенного русого кинули веревку, заплетенную с мелкими костями, думали подвесить, подманить того, кому кланялись. Ублажить сильной жертвой для обильного урожая и удачной охоты.

Гремели барабаны, надсадно стонала какая-то дуда. По разбросанным, с углем смешанным костям плясала голая баба, кружилась, клубком каталась, и Михаилу казалось — шерсть на ней нарастает, как вода прибывает.

Верного пса-цыгана держали будто зверя, скобами на железных палках, а Михаилу, говоруну безобидному, только руки локтями назад скрутили.

Люди, их пленившие, дикими были, Луту кровью близкими.

Идолам верили, черным от зим чурбанам с зубастыми ртами. Михаил напрягал руки, силясь скинуть путы. Заговорить хотел — рот воском закрыли.

Русого потянули к высеченному из цельного древа быку-лягухе с вертикальной смоляной пастью. Пасть держали крючьями сразу несколько богатырского сложения мужиков. Загрохотало, заворчал за кругом костряного света. Дятел рванулся так, что держащие его попадали, как кегли. Загомонили, торопясь поспеть. Михаил задышал носом чаще, глубже, шаркнул глазами по сторонам. Нет, не придет помощь.

Погибнуть им здесь, как предшественникам, лежать костями в деревянных червах-жбанах, хрустеть под ведьмиными пятками... Гнев застил глаза. Почуял Михаил, как дыбом встают волосы на затылке, на хребте, точно гроза подбирается.

Лопнули веревки, как гнилые нитки.

Михаил прыгнул, выхватил у ближнего воина копье, с маху кинул. Нырнуло то копье в грудь стража Волохи, да так к чурбану жертвенному и приколело. На Михаила кинулись сразу трое, как псы на взметнувшегося медведя, но Иванов их раскидал. Еще один подхватился с воем. Его Иванов за тулово поймал, смял с кольчугой, как куклу, шлепнул о землю — только мокро хряпнуло.

Попятились люди, закричали, наладили стрелы.

Только и стрелами не укрылись.

Подступились было к нему, но Михаил выдернул из земли, как репу, чурбан в виде сидящего зайца. За зайцем потянулись из потревоженной почвы корни, униженные пульсирующими бубонами. С маху обрушил чучело на противника, снес, как река гнилую плотину.

Прошел Михаил, словно буря по молодому леску — где до смерти сломал, а где согнул в три погибели.

А потом навалились на него с двух сторон, прижали к земле, едва удерживая в четыре руки... И Михаил с трудом пришел в себя.

После этого случая отказался Плотников от Лута. Испугался, чего таить. Силы своей, власти Лута. Как голова сладко кружилась — помнил. Как косточки врага хрустели, будто перепелка в лисьей пасти — тоже навек в ушах засело.

Михаил закрыл верное оружие, спрятал дальше от самого себя. Сел на Хоме Росы. Здесь

плотничал, растил огород и приبلудную кошку Машку, рыбачил, ходил в лес по грибы и ягоды. Жил не тяжко, трудился, как честный человек.

Думал, глупец, от Лута скрыться.

А Лут сам к нему пришел. Белым мальчиком.

Извертелся Михаил без сна, мысли жалили, что клопы. Выбрался из горячей постели на крыльцо, сел на ступеньку, достал из тайничка самокрутку. Редко курил, от силы пару раз в год. В Луте, бывало, куда чаще смолил...

Даа...

Выдохнул дым, поник головой. По всему выходило, одолел его Лут. Поманил, покликнул, а тот и рад бежать. Нила-Крокодила он знал по словам едва знакомых, слава о его мошенствах ходила далеко. Исчез Нил вроде, говорили — на Хоме Альбатроса сел, век вековать.

Ан нет.

Мальчика синеглазого Михаил сперва за Первого не признал. Когда увидел — лицо, вся белая кожа была исшита черной нитью. Болел. Кожу скинул, новая выросла. Жарило его страшно, за сорок точно. Человек бы помер, а этот выкарабкался. Михаил его остужал — в мокрые простыни обертывал, в них же в купальню опускал, в ледяную речную воду. Лед таял, но и жар утекал, водой уносило.

Теперь хоть прояснилось, куда белого тащило. На Хом Польшы, не ближний свет. Михаил поскреб мизинцем переносицу. Голым в Лут идти, что голову в мясорубку совать. Следовало вернуть себе оборону. Вот только признает ли? Примется ли к руке? Сберегло ли валентность?

Вздохнул, волнуясь. Звал его Лут опять, но теперь голос у него был мальчишеский, ломкий, а глаза — синими.

15.

Остаток дня Юга проспал. Словно выпал из всего настоящего и вернулся только под вечер. Проснулся, когда его будто пнули под ребра — хорош, мол, валяться.

Мысли спутались. Или голову ему наизнак вывернули, волосами внутрь? Смутно помнил события, а их черед — хоть убей. Поднялся тяжело, зацепился глазом за дикту.

Клык ее прикусывал полог, ограждал. Или сторожил. Юга приблизился, прошелся пальцами по наростам-кольцам. Тяжелые на вид, холодные. И весь ствол оружия был испещрен мелкими подрезами. Раньше, вроде, и не было их...

Юга попробовал выдернуть дикту, но та сидела прочно. Будто корни пустила. Взялся двумя руками и вздрогнул от неожиданности, когда в глаза ягодным соком брызнул закатный свет.

Второй замер, придерживая рукой полог. Юга тоже застыл, точно пойманный вор.

— Поставил, чтобы не тревожили, — медленно произнес Выпь. — Моя палатка, но все равно лезут.

Отстранил Юга, легко, одной левой, выдернул дикту, убрал за спину.

— Выспался? — спросил, глядя сверху.

В отросших волосах его запутался колючий запах полыни, сухой земли, огня. Впалые щеки не бриты. Зеленью горели бусы на запястье. Юга кивнул заморожено.

— Как бревно, — подтвердил хриплым со сна голосом, взялся переплестать косу, раздирая пальцами пряди, — что я пропустил?

— Ничего важного. *Столпы* только прибыли. Хотят нас видеть.

Юга замер. Глубоко вздохнул, с силой выдохнул.

Столпы, они же *жеревьевые*, избирались Лутом в лихую пору для подсобы Башне. Никто не знал, на кого падет жребий, по каким приметам Лут ставленников выдвигает, а только в положенный срок к арматору прибывали выбранные люди.

Лут их таврил особым клеймом — всякий раз разным. В этот раз наградил выжженной на тыле кисти цикадой. Слинять должно было, если дело сладится.

С клейменными Башня и должна была дальше справляться. Луту не перечили, кого избрал, с тем и вставали плечом к плечу.

— Где мы, а где столпы, пастух.

Выпь на это только криво, непривычно усмехнулся.

— В одной лодке, Юга. В одной лодке.

Юга закатил глаза:

— Ай, куча народа наперлась, а грести нас поставят, пастух, вот увидишь. Остальным лишь бы с трибуны руководить. Ладно, давай поглядим, что там за благородное собрание.

Второй шел впереди, указывая дорогу. Сам он не разбирался в лагерном устройстве до того, как попал сюда. Знающие люди пояснили. Оказалось — под питательную основу лагеря выбирали специальных людей, крепких телом и умом. Готовых принести себя в жертву во имя спокойствия и защиты собратьев. Нарекали таких *стромами*, а растили и готовили на Хоме Колокола, в толстостенных, от людей огражденных, монаках.

Когда приходил черед, строма в специальном обряде живьем закапывали в землю. И уже напряжением, соединным усилием воли и физической тяги, стромы выпускали из себя

первые ростки лагеря — стены, укрепления, ловушки... То, что поднималось над поверхностью, вырезано было на их телах, а люди только принимали и дополняли костные конструкции своими силами.

Сказывали, что самые старые города на Хомах тоже стояли не на ровном месте.

Выпь слушал эти объяснения. Молчал. *Знаю я место, где из камней растят дома*, думал. *Но чтобы из людей строения добывали — такого, пожалуй, не упомяну.*

Было еще: на Хоме Оливы готовили лучших огневых стрелков, аммонес, на Хоме Фарло учили пешников, а Хом Шартра похвалялся стабилизированными, особой породы скакунами. И никто в стороне не остался.

Лагерь поднимался, прорастал живыми стенами. Солдаты деловито крепили насыпи. Юга видел гребни, строгую их линию, ряды одинаковых двускатных палаток, сторожевые вышки. Где-то там был враг с которым он так неудачно столкнулся.

— Давно здесь? — спросил, когда миновали половину пути.

Лагерь имел форму прямоугольника, палатки столпов находились у площади для общих собраний.

— Две недели.

— И что? Гаера видел уже?

Выпь покачал головой. Скулы у него затвердели от этого имени.

У входа в красноверхий шатер стояла охрана. Дуплет, в глиняных масках-окаринах. У одного шесть отверстий-дыхальцев, у другого четыре. Пырились ложноглазые в горизонт. Ко всему одинаково равнодушные, кроме нарушения дисциплины. С Хома Стени прислали, лучших отобрали для Отражения.

Синхронно отпахнули крылья полога и Второй застыл рядом с Третьим под прицелом человека внимания.

— Что же, — первой опомнилась женщина с короткими, в скобку остриженными коричневыми волосами. — Теперь мы знаем, что Башня не солгала. Я Солтон.

Она подала руку Третьему и тот принял ее. Сжал худое сильное предплечье.

— Юга, — представился хрипло.

Следующим приблизился человек с пятнистым, будто ржой изъеденным лицом.

— Пегий, — сказал отрывисто, хлопнул по ладони Третьего и вновь отошел.

— Сом, — плотный мужчина с широкой улыбкой приветствовал Юга, постучал его по спине. — Вот так, осталось дожидаться Башню и привет!

— Башня никогда не спешит, — кисло отметила женщина.

— Но никогда не опаздывает, — весело отозвались ей, и Выпь круто развернулся, остановив дикту в ладони от головы Гаера.

Рыжий только зубы оскалил.

— И тебе привет, пастушок. Вижу, вы с рапцис морено все так же дружны? Похвально.

— Почему мне не снести тебе голову? — медленно проговорил Выпь.

Юга увидел, что Выпь с рыжим Гаером вровень ростом. Раньше, казалось, пастух ниже был.

— Потому что без Башни от Хангар вам не отбиться, — арматор осторожно, ребром ладони, отстранил дикту. — Успеешь, Второй. К столу, господа. Нас ждет горячее.

На Юга же едва глянул, а тот здороваться тем паче не спешил. Встал рядом со Вторым, плечом к плечу. Обменялись взглядами. Гаер поглядел на плашки, сплошной мозаикой укрывающие стол. Со стороны глянуть — шифрованное письмо, но, меняй не меняй ромбы

местами, картинка не проявится.

Рыжий ударил стол коленом в брюхо, и из еле видной щели выскочила игла. Арматор уколол палец и шестерни внутри стола зашумели, раскрывая карту.

Лагерь открылся, как на ладони. Обряжение стен, разноцветье палаток, снующие фигуры, ровно из воска лепленные, сгиб реки синевой рядом. Дальше тянулась прозелень лугов, щетка леса, а еще дальше — сплошное золото песка. И песок этот все двигался. Наползал, отвоеывая себе землю Хома.

Гаер резко хлопнул в ладоши.

— Итак, детки, пока я говорю, все молчат. Провести Нум за один тычок Тамам Шуд не может. Сквозняков-петличек в Луте не так много, на пальцы одной руки накинуть можно. Первой волной, лавой, двигаются локуста, те золотоногие твари, как если бы саранчу с лошадью смешать. Локуста — колыбели Хангар, чтоб вы знали. В первую волну они как раз людей и жрут, чтобы силы для движения-рождения иметь. Вынашивают в себе детей, сбрасывают их полузрелыми в облатку из морского соленого песка, греют своим телом. Так те за одну ночь доходят до кондиции, как опара. Новорожденная форма уже способна сражаться. Обычно локуста опрастывается двумя плодами в одном мешке, но выживает один, сильнейший. Вторым питается, из его костей и кожи формирует себе облачение. Выходит из пузыря и занимает место седока на матери-локуста.

...Первую волну они прохлопали. Только Хом Оливы смог оказать достойной сопротивлением, благодаря бешеному своему Князю и его железным Птицам, любящим плоть.

Теперь на них двигалась вторая волна. Молодь, еще тупая, но уже сильная, способная. Солдаты. Именно их, как оказалось, встретил на своем пути Юга. Встретил и...

— Закружил, — сказал в ответ на молчаливые взгляды.

Облизал пересохшие вдруг губы, прикрыл глаза. В висках быстро-быстро стучали молоточки.

— Хореограмма, — понимающе протянул Сом в общей тишине, обмахиваясь веером. — Известная вещь. Старик Витрувий еще...

— Так ты их убил? Совсем убил? — Солтон уперла ладони в стол, пригнулась, точно кошка перед прыжком.

Глаза и рот у нее были длинными, темными.

— Я их сбросил, — сказал Юга, найдя слово, родственно близкое тому, что он совершил с золотыми татями. — Увел в воронку.

Столпы переглянулись. Гаер не казался удивленным. Скорее, удовлетворенным.

— Почему мы не можем выставить его одного и тем самым сберечь людские жизни? — в лоб спросила Солтон, резко, как пружина, распрямляясь.

Пегий кашляюще рассмеялся, но промолчал. Гаер же весело отозвался, поскребывая бритый висок.

— Потому, дорогая, что один танец одного Третьего ведет за собой перебор всего Лута. Ты этого не видишь, не чуешь в силу своей толстокожести, но это — есть. А у нас нет гарантий, что в ответ Лут не выльет нам на голову что-то пострашнее Нума.

Солтон покачала головой. Указала подбородком на Второго.

— А с ним что?

— А это поющая машина для совсем особых случаев, драгоценная моя.

Солтон оскалила крепкие желтые зубы.

— Так на кой хрен они нам вообще сдались?

— На тот хрен, — отозвался Юга, поднимая пламенные, злые глаза на женщину, — что я извел троих, а ты Хангар только на картинке видела. Побереги силы, воительница.

Солтон фыркнула, как строптивая лошадь.

— Смело говоришь, Третий.

— А ты много пустого болтаешь, — не остался в долгу Юга.

— Будет вам, — вмешался Сом, примиряя спорщиков, — враг общий, так и справляться надобно сообща, одним плечом. Неизвестно еще, как его бить следует.

— А вот Второй знает, — вклинился Гаер, указывая на сосредоточенно изучающего многосуставчатую карту Вышь.

Тот кивнул, не поднимая глаз.

— Я знаю, — подтвердил голосом. — Я читал. Вспомню, расскажу.

Печати Памяти из головы никуда не ушли, но чтобы раскрутить их, коснуться мысленно еще раз — требовалась пара дней.

Гаер потянулся, расправил плечи.

— Ну что, братва? Есть у нас порох в пороховницах? Раскатаем песок в стекло? Главное — не дать им роздыху на новую форму. Бить. Сырыми жрать.

16.

Хом Гаптики, значит. Михаил потер свежесбривший подбородок, краем глаза присматривая за Лином. Парень крутился около, прижимал локтем сумку.

Плотников бы выдержал постельный режим еще неделю точно, но Первый рвался в бой. Останавливать его было все равно что отговаривать Машку от ночных посиделок на крыше.

Так и сложилось, что уже на третий день после той кухонной беседы Иванов и Оловянный стояли в порту, ожидая посадку. Лин еще белел тонким костяным фарфором, напросвет. Но спину держал прямо, подбородок тянул вверх и взгляд имел самый решительный. Михаил только вздохнул — не отпускать же одного.

За домом вообще и кошкой в частности должна была присмотреть соседка. Кажется, спешный отъезд Иванова ее удивил: Михаил слыл домоседом. Расспрашивать, однако, не стала.

Добираться предстояло через Хом Имта. Мелкий и грязный, как чешуя илистой щуки, мало обжитый. Но именно там Михаил скинул свое кровное оружие. От самого себя подальше. Кто знал, что однажды придется вернуться? Михаил смотрел в Луг, а он поглядывал на него в ответ — пока через вуаль зонтега, но Плотников кожей чувствовал его интерес. Плотоядный и насмешливый.

Лин возбужденно дернул Михаила за рукав, кивнул на тэху — началась посадка.

— Успеем, — прогудел Михаил и придержал рвущегося Лина за капюшон куртки. — Без нас не уедут.

С энергичного Лина стало бы сигануть через борт, в обход толпе, и Плотников остро почувствовал себя на положении старшего брата. Или молодой матери.

Одеждой лила оказался не богат. Ту, что была на нем в первую их встречу, Михаил спалил подальше от людей, в яме. Для восполнения гардероба Плотников прошелся по соседям. Благо, отношения с деревенскими у Михаила были хорошими, и добрые люди не скардничали, оплатили добром на добро. Всем миром приодели парня так, что хоть честным пирком да за свадебку.

Пассажиров пропускали гвардейцы. Пытливо смотрели в лица. Лин пока мало походил на Оловянного, волосы его еще хранили следы краски, лицо истончилось до кости. Только глаза остались той же масти. Магnezийной синевы.

Однако, вопреки опасениям Михаила, он сам заинтересовал служивых больше, чем тощий пацан. Багаж Плотникова обыскали, самого обшмонали до нательного белья. Михаил перенес досмотр молча, со спокойным достоинством. Гвардейцы, разочаровавшись, отступили, и они с Лином оказались на тэшке.

Места Михаил сумел взять последние, на верхней палубе. Самые незавидные, для людей бедных или же неприхотливых. Лин тут же подбежал к борту, ухватился за поднятые в движении ажурные крылья-леер. Михаил встал рядом. Тэшка дрогнула всем своим гулким большим телом и пошла наверх, набирая высоту по спирали.

— А ты был на истинных корабеллах? — спросил Лин, повернув голову к спутнику.

— Был, — помедлив, отозвался Михаил.

Он не любил лгать. Считал, что если трудно сказать правду, лучше вовсе не говорить. Но с Лином ему молчать не хотелось.

— И я был, — Лин улыбнулся.

Ветер Лута ласково взъерошил ему волосы, а Михаилу залепил оплеуху, злобно зашипел в уши... И мягко отступил. Растянулся, раскинулся зверем черной шерсти, искрами вспыхнули далекие светляки Хомов. Безбрежная, неоспоримая, бессмертная красота.

— Прекрасно, — прошептал Лин.

— Да, — отозвался Михаил.

Облизал сочащиеся кровью, как на морозе лопнувшие губы.

Ну здравствуй, Лут.

— Надень свитер, — повторил Михаил.

Кажется, он сказал это в третий раз. И опять — не повышая голоса. Терпения ему было не занимать.

На верхней палубе порядком задувало — тэшка шла с хорошей скоростью, да и сезон начался. Члены экипажа одевались тепло, опытные путешественники тоже позаботились о собственном комфорте и со стороны гляделись клубками пряжи.

— Надень. Ты едва выздоровел, и мне не хочется вновь проводить сутки у твоей постели.

Лин вздохнул, сдерживая раздражение, но послушался. Проще было согласиться и тем отвязаться. Натянул свитер, расправил воротник, охвативший горло мягким кольцом.

Развел руками — типа, ну? Доволен?

— Теперь не замерзнешь, — внушительно прокомментировал Михаил.

Ушел к другому борту. Сел там, прямо на палубу, взялся плести что-то вроде сети... Лин закатил глаза. Он и так не мерз. Практически. А если мерз, то это легко можно было перетерпеть, зачем паковать его в эту шерсть?

Станным был Иванов Михаил. От него не исходило чувство верткости, прыгучей легкости, как от Нила, он казался более заземленным и надежным. Точно скала. Не вдруг собьешь, но укрыться всегда можно.

Не казался, одернул себя Лин. Был. Не зря его учили смотреть и видеть, кое-что в голове осталось, въелось в привычку, как гимнастика по утрам. Этот Иванов сильно отличался от своих братьев.

Помаевшись и подкрутив длинноватые рукава, Лин все-таки подошел к спутнику, опустился рядом на корточки и осторожно потрогал плетиво концами пальцев. Теперь нитяное кружево было вставлено в рамку из кругло гнутого прута, как будто под вышивание.

— Что это? Для чего это? — спросил, склонив голову набок.

— Это оберег от кошмаров, — пояснил Иванов, внимательно глянув на Первого, — обычно вешают в изголовье и он ловит плохие сны. Видишь, в центре плетения синий камень? Кошмары принимают его за глаза спящего, садятся и запутываются в лабиринтах нитей.

— О, — растерянно откликнулся Лин. Он уже сталкивался с разными людскими обычаями, но этот был внове. — Здорово придумано. Никогда о таком не слышал.

— Это почти забытый ритуал, его мало кто практикует. Я впервые встретился с ним на Хоме Ветра, там и научился...

Поднял поделку выше, дал любопытному Лину рассмотреть и потрогать.

— Прицеплю хвосты и можно пользоваться.

— Тебе снятся кошмары? — понизив голос, с сочувствием уточнил Первый.

Михаил помолчал. На шерстяной нитке приладил первый хвост. Узкое перо, пестрое, как осенний лист.

— Нет, — отозвался коротко. — Тебе снятся.

— О, — повторил Лин.

Кажется, еще совсем недавно он завидовал людям за их способность к сновидениям. Насмешка Лута: после выздоровления он сам стал частым гостем в доме снов. И были те сны не добрыми хозяевами.

Сел рядом, подтянул колени к груди. Смотрел с живым интересом, но в процесс не лез и этим выгодно отличался от Машки, которой везде надо было участвовать.

— Все Ивановы такие... Изобретательные, — проговорил негромко.

— Все? И многих ты знал?

— Не так чтобы очень, — Первый улыбнулся, — но они все любили что-то делать руками. Это интересно.

— Польщен и благодарю от имени Ивановых, — подумав, откликнулся Михаил.

Лин фыркнул негромко.

— Но ты еще и добрый. Это редкое качество в Луте. Такое редкое, что скорее недостаток, чем достоинство.

— Упрекаешь?

— Один человек однажды сказал мне, что доброта это слабость. Тогда я был не согласен. Но это скорее потому, что я недостаточно понимал наполнение понятия... Теперь я знаю какого оно цвета.

Михаил заинтересованно поднял бровь. Он знал, что лила общаются между собой цветом и письменная форма их речи выглядит как безбрежная палитра цветов всевозможных оттенков. Видимый спектр Оловянных значительно превосходил возможности палочек и колбочек людей. Оскуро, говорили Ивановы, невидимы прочим из-за особенного цвета шкуры.

— И какого же оно цвета?

Лин помедлил с ответом, словно сомневаясь, что сумеет точно передать ощущения человеку.

— Вообрази рыжее, рыхлое пламя цветка, теплое и горячее от самого нутра, хлебное, кровное и мягкое, но края лепестков загнуты вовнутрь, они ржавые и зубчатые. Ты держишь его в руках, как если бы поднял голову кувшинки с воды, тебе тепло, но еще теплее тем, кто тебя окружает. Но чем дольше ты держишь этот цветок, тем сильнее жжет тебе руки, и вот ты уже не можешь его скинуть, потому что он пророс тебя, а другие наступают теснее и требуют больше, больше тепла...

Он замолчал. Подытожил:

— Такой примерно цвет.

Михаил едва заметно поморщился. Звучало не аппетитно и он счел за лучшее переменить тему.

— Возьми-ка это, Лин. Договоримся, что я сделал его для тебя не от доброты, а только для того, чтобы самому высыпаться ночью.

— Спасибо, — Лин принял поделку двумя руками, любуясь, провел пальцем по струнам плетения, — я сохраню его.

— Можешь даже сразу проверить, — Михаил усмехнулся, когда Лин в очередной раз зевнул, прикрываясь локтем, — ложись. Ехать еще долго, можешь отдохнуть.

— Но дежури́м по очереди, — не стал спорить Лин.

Видимо, ради разнообразия. Михаил успел убедиться в первосортной упертости Первого.

— Договорились, — улыбнулся Плотников.

17.

Лут *неспокоен*, вспомнил Михаил, когда на палубе окантовкой вспыхнули сторожевые огни глостеров, предупреждая пассажиров о необходимости занять свои места.

В мутной воде хаоса охотились не только Хангары. Вылезли бродяги *Лута*, поднялись с глубины существа, доселе неведомые. Перевозки стали опаснее, и за охрану брали больше. Другое дело, что не всем усиленная стража была по карману — или перевозчики просто хитрили, стараясь сэкономить.

Лин дремал у Михаила под боком, свернувшись кошкой, но когда тэшка встала, распахнул глаза.

— Что случилось? — спросил, приподнимаясь на локте.

Михаил пожал плечами. Люди толпились у бортов, обеспокоенно переговаривались, не понимая причины остановки. *Лут*, на первый взгляд, казался чистым и пустым, как вымытое к празднику блюдо.

Сопровождающие из экипажа успокаивали народ. Лин встал, озираясь. Михаил поднялся в полный рост, шагнул к борту, оттеснив плечом любопытных. Из глубины *Лута*, как из колодца, стрекотом кричали птицы.

Иванова как ножом по жилам рвануло узнавание.

Так же звучало, когда они забрели в самые дебри *Лута*.

Когда они заблудились и их там встретили-приветили.

Сорок Сорок.

Он повернул голову и шумно выдохнул: на фальшборт скользнула нагая, алебастровая девица в белой маске птичьего клюва.

Длинное стройное тело, внахлест укрытое плотным матовым пером. Помнил Михаил, что не всяким ножам по зубам были эти перья. Девичьи пальцы заканчивались пронзительными серпами когтей.

— Какие глазки, — прошептала Сорока нежным металлическим голосом, поймав его взгляд. — Какие прекрасные глазки... Дай поносить!

Миша не дал. Молча, всей силой двинул кулаком ей в грудь, роняя с борта обратно в *Лут*, как куклу.

Обернулся на оторопевшую публику.

— Закройте глаза! — прокричал во всю мощь легких. — Закройте глаза, они на глаза идут!

Кто-то послушался — выучка *Лута* — и сел под борт, под арфу, зажмурившись, ткнувшись головой в пол, спрятав глаза за ресницами и ладонями. Но большая часть — гражданские, *Лут* открытый видящие реже редкого — заметалась без толку. А с *Лута*, как весенний град, падали Сороки.

Впервые за годы мирного житья Михаил пожалел, что не был оборужен.

Из всей sprawy воинской только нож резчика при себе имел. Отвык от *Лута*, расслабился.

Сороки наседали со всех сторон, и защитная сетка тэшки не была преградой их когтям. Резали ее, как гнилые нитки, плеснула на палубу первая кровь, закричали от боли и страха люди.

Ответом грохнули выстрелы.

Экипаж имел при себе оружие, да и не все пассажиры ехали пустыми.

Под ноги Михаилу откатилась голова Сороки. Лин уже встал между людьми и тварями Лута. Светлый свитер осыпало кровавым горохом.

Михаила толкнули в спину, почти сбили с ног паникующие люди. Сороки рвали глаза, выцарапывали, вырезали из лиц, хватали клювами, как спелые ягоды. С криками устремлялись прочь, относили добычу и возвращались, продолжая охоту.

Глаза. Их разноцветье манило тварей, как пламя — мотыльков. С той разницей, что Сороки позже выпестывали из глаз яйца, оборачивая тягу себе на пользу.

— Миша! — Лин прорвался к Плотникову, встал рядом.

Актисы его блестили, умытые Сорочьей кровью. Экипаж старался держать организованную оборону, но обреченное ужасом человеческое стадо не давало себя защитить.

Михаил уклонился, отбиваясь от когтей коротким ножом. Левую руку обмотал плотной кожаной курткой, уже покрытой глубокими порезами. Не привычное к бою оружие тем не менее позволяло контратаковать и защищаться. Сорока била с клетотом, голое тело ее, покрытое алебастровым пером, было, казалось, непроницаемо для короткого плотницкого ножа.

У ног Михаила сбились люди, кто раненый, кто уцелевший. Иванов понимал, что всех не сберечь. Сам он мог легко спастись — достаточно было присесть, спрятать глаза в горсти. Но сделать того не мог — совесть не позволила бы.

Лин вдруг опять вырос перед ним, толкнул себе за спину, притер к арфе. Шагнул вперед, разводя руки с актисами. Пространство перед ним расчистилось, точно он собирался взойти на сцену. Сверху упала Сорока. За ней другая. Третья.

Первый безупречно владел оружием — Сороки, подлетавшие близко, улететь уже не могли, падали, срубленные лезвиями. Плотников сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Парень! Держи, парень! — мужчина в одежде торговца Хома Оливы толкнул ему в ладонь липкую рукоять револьвера.

Сам он стрелять уже не мог — глаза его стали добычей Сорок.

Михаил молча сжал добровольно отданное оружие. Послушное — по закону Статута. Прокрутил барабан, слушая, на сколько его еще хватит. Выходило не жирно.

Плотников был не из тех, кто бьет белке в глаз — он и белок-то не бил, предпочитая животной охоте рыбную ловлю и грибной сбор. Выбирать, однако, не приходилось. Михаил вскинул револьвер, четко развернулся и снял первую из Сорок. Метил в голову — от тела могло и срикошетить.

Лин мельком глянул на него, увернулся от выпада противницы, позволяя твари скользнуть вперед и одним махом актиса снес Сороке клюв.

От дикого птичьего крика Михаил едва не оглох. Сорока, будто ослепнув, заметалась по палубе, натываясь на людей и товаров, кулем повалилась за борт.

Михаил снял еще двух. На четвертой обидно промазал, а пятая пуля была последней.

Лин сцепился с Сорокой, не давая ей приблизиться к сбившимся в кучу людям. Оттеснил к борту, прижал, пропустил удар в голову, Сорока закричала торжествующе и — будто захлебнулась.

Что-то стремительное, серебристым росчерком, схватило ее, опутало лесой голову и грудь, мощным рывком сволокло в Лут. А следом серебряный дождь обрушился на тэшку,

выхватывая Сорок.

Михаил, оказавшийся рядом с Лином, видел, как живое серебро, цепляя Сорок, тянет их вниз, в Лут, в открытый ротовой диск цветущей белым *Сагартии*.

Не успел Плотников сосчитать до тридцати, как Сороки закончились. Самые умные сбежали, те, кто замешкался, стали добычей другого хищника.

Сагартия, насытившись и потеряв интерес к тэшке, собрала ловчие лесы-вольвенты и опустилась обратно в Лут. Михаил проводил взглядом ее колыхающийся, как плюмаж, венчик. Глубинный охотник Лута, Сагартия, всегда жила на дрейфующих останках корабелл, и никогда не поднималась так высоко.

— Что это было? — кто-то из экипажа дико глядел на него уцелевшим глазом.

— Сагартия, — выдохнул Михаил. — И нам повезло, что ее накормили Сороки.

Хом Имта встречал тэшку суетой, лекарями и гвардейцами. Плотников, не желая увязнуть в расспросах, схватил Лина и был таков. Благо людям было чем заняться и без них.

Сначала они с Лином шли быстро и молча, удаляясь от дороги в город, пока воронка окончательно не скрылась из вида. Только здесь Михаил позволил себе немного сбавить темп. Выдохнул.

Остановился и поймал за плечо Лина. Тот растерянно уставился, облизал высохшие губы. Налегали сумерки. От травы и деревьев тянулся туман, волглый, как сырое белье. На небе висела луна со сколом.

Михаил дернул плечами, прогоняя воспоминания.

— Лин. Давай условимся. Впредь не смей загораживать меня. Я не девушка, не старик и не ребенок. Я взрослый мужчина, вдвое старше тебя. Я воин.

Лин вскинулся, глаза его горячо блеснули.

Михаил поднял руку.

— И меня оскорбляет сама мысль о том, что я буду прятаться за спиной мальчика, — отчеканил он.

— Я Первый! Я из Луча Палачей! Мой долг — защищать людей! Это то, что я умею делать и буду делать!

— А я Михаил Плотников, из Ивановых, и я никогда не прятался за спинами детей! — рявкнул Михаил так, что смолкли вечерние птицы.

У Лина обозначились желваки.

Михаил медленно выдохнул и уже спокойно попросил:

— Если не хочешь меня обидеть, не делай так больше.

Лин сузил глаза, но промолчал, тяжело дыша.

— Нил не возражал, когда я его защищал, — буркнул в сторону, ковыряя носком лесной опад. — Я сильнее тебя.

Михаил закатил глаза. Вспышка гнева уже прошла, а злиться долго на Лина он все равно не смог бы. Первый явно не имел намерение его обидеть.

— Я не он. И я буду рад сражаться с тобой плечом к плечу. Но не за твоей спиной. Мы договорились? — он наклонился, вглядываясь в лицо Лину.

Первый шумно выдохнул, как раздосадованный ребенок.

— Хорошо, — сказал.

Михаил протянул руку, и Лин осторожно пожал его ладонь.

— Долго нам идти? — спросил Первый.

— Нет.

Лин слабо улыбнулся. Михаил почувствовал его улыбку — в сумерки словно молока плеснули.

— Та Сорока была права.

— В чем же?

— У тебя красивые глаза.

...Михаил привел их к старой балке. Стемнело окончательно, но Михаил достал припасенный фонарь. Потрепанный жизнью, однако вполне боеспособный. За толстым стеклом плескался формалин, а в нем плавал под корень вырванный роговой светец крадуна. Когда-то это существо наводило страх на жителей деревни, скрадывая по ночам детей. Очаровываясь светом, мальки шли прямо хищнику в зубы.

Случайный путник, Михаил, не мог остаться в стороне. А после и вовсе задержался: сперва на правах героя-избавителя, потом — уже своего, местного... Из оврага тянуло колодезным холодом, пахло прелым листом и напитанной дождем землей.

— Ты оставил его здесь? — Лин взволнованно дышал за спиной Михаила, спускаясь за ним след в след. — Не боялся, что люди найдут?

— Сюда люди не ходят, — успокоил Михаил, слушая, как звуки голоса вязнут в овраге, будто в пуховой подушке, — они зовут это место Змейным Котлом. Якобы гады здесь так и кишат.

— Так кишат?

— По весне. Нынче спят уже. Но все равно под ноги смотри, гадюкам безразлично, кого за задницу хватать — что Первого, что человека.

Лин, судя по сопению, принял его слова к сведению.

Сам Плотников начал волноваться. Оружие он сбрасывал в некоторой ажитации, малиново-адреналиновом чаду. Место помнил — засело в памяти крепко, гвоздодером не вырвать. Михаил не чаял вернуться однажды. Тем более не думал, что приведет за собой Первого.

Дно оврага было затерто толстым слоем листа и веток, сором, что нанесли вешние воды. Михаил глядел в оба. Зверья крупнее лисиц здесь вроде не водилось, но кто знает...

Лин вдруг подпрыгнул, как кот, живо цапнул что-то из кучи листьев.

— Змея! Смотри, Миша, настоящая змея! Черная, красивая, гладкая такая! — восторженно потряс схваченной под самое горло гадюкой перед носом Плотникова.

Гадина извивалась и шипела.

— Фу! Брось! Брось подальше!

— А...

— Нельзя!

Лин послушался, закинул гадюку куда-то в сторону.

Михаил подержался за сердце, протяжно вздохнул.

— Как я рад, что мы почти пришли, — сказал негромко. — Значит, будь рядом и никого больше не хватай. Слушай меня. Лес этот непростой. Биодинамический. Теперь, как видишь, стареет, в землю уходит. Как весь втянется, останется на поверхности одна щетина-стернь. Сам лес будет лежать в глубине, зреть. Как созреет, выйдет обратно уже другим — горой вырастет, рекой выльется, не знаю.

— Надежное место для схрона, — поддержал Лин, вместе с Михаилом проверяя палкой обрывистый склон оврага.

— Да, — Плотников помолчал. — Поэтому и выбрал.

Наконец, палка запуталась в чем-то, похожем на водоросли или волосы. Михаил пролез вперед, не без труда отстегнул маскировочную сеть, потерявшуюся под слоем дерна. Лин подсобил срезать актисами, где надо.

— Вот оно, — почти шепотом сказал Плотников, отступая.

Фонарь поставил на землю — нужды в нем больше не было. Баранец спал в норе, поджав под себя четыре ножки и подогнув круторогую голову. Тело его светилось песочно-желтым, и от жара было прозрачно, как янтарь. Там, в глубине тулова, черным рисовался абрис спрятанного оружия.

— Я положил, я взял, — негромко проговорил Михаил.

Плотницким ножом чиркнул себя по ладони, пуская кровь. Коснулся бока баранца и тот втянул в себя соленое — без остатка.

Михаил глубоко вздохнул, заново узнавая оружие и позволяя ему признать себя. Он опасался — глухо и глубоко — что Статут сыграет против него, лишит силы железа и силы огня. Что сабля и револьвер больше не лягут ему в руки так, как ложились раньше.

Но житейское море, отступив, оказалось ряцовой лужей, едва сумевшей прикрыть скуластые рифы и обитые железом черные сундуки. В сундуках тех, знал Михаил, возились чудовища, гнули хребты, выдавливая соленое кованое дерево.

Лин за его спиной безмолвствовал. Чувствовал момент, не иначе. Когда он вообще видел Иванова без оружия?

Михаил слабо усмехнулся и потянул саблю на себе, вытаскивая из полуденного меда янтаря, как из подтаявшего масла. Оружие мигнуло скупой улыбкой приветствия и погасло. Вороненое лезвие вообще редко когда улыбалось, любило темноту больше крови.

Плотников пристроил ее в ножны, револьвер вернул в кобуру, приласкав истертую шершавую рукоять.

— Оружие тебе как небу птицы, — грустно признал мальчик Оловянных, покачивая головой. Свет опаловыми каплями скользил по его волосам, подрагивал в блюдцах глаз. — Я горд сражаться с тобой бок о бок.

— Будь моя воля, ты бы свои актисы только как модель в натюрморте использовал, — отозвался Михаил.

Лин робко улыбнулся, осторожно коснулся его плеча пальцами — благодаря или останавливая — и развернулся на подъем.

18.

Госпожа Танакиль, уловил Волоха обрывок быстрой, темной фразы. Танакиль, значит. Хорошо.

Их привели в замок под конвоем стражи и под напутствия старика, чьих овцов-баранцов они так неудачно примяли. Сперва думали взять в *рукава* из соляной коросты, но Волоха глянул на командира мечников, и он не стал настаивать. Хватило и того, что пошли миром.

Хом спал. От гривы травы пахло поздним летом и гвоздикой, а собой была она густа, непролазна. Предводительствовал высокий страж, и шел он, ориентируясь на мерцающую в темноте веревку, протянутую на высоте локтя. Изредка касался ее рукой, словно слепец.

Через равные промежутки на вервие ракушечными наростами вспухали узлы. Вся масса травы была проникнута, пролеплена веревочной паутиной.

Дятел молча толкнул русого, кивнул в сторону и Волоха напряг глаза, успел заметить промельк белого, быстрого за границей джута.

В траве кто-то жил.

Люди не были ей хозяевами.

Замок госпожи Танакиль стоял в ущелье, прижавшись лопатками к отвесной скале. Подступы берегло травяное море и голые камни, влажные, в слюне извергающегося водопада, наполняющего быструю реку. Волоха не часто видел в своей жизни замки — Лут сберег. Но этот, рисующийся в темноте узкими, как кошачьи зрачки, стрелками бойниц, показался ему очень старым. Останцем, клыком некогда великолепной челюсти.

Встречала их та же замурованная в вороненые доспехи молчаливая стража.

— Здесь все как будто на измену подсели, гаджо, — поделился цыган. — Не иначе, разборки с соседями. Овец делят.

— Я буду рад, если это окажется так, — негромко отозвался Волоха.

Он ждал, что их отведут в подобие тронного зала, но не было зала, и трона тоже не было. Госпожа встретила гостей в пустой трапезной, где несколько слуг торопливо разводили огонь в камине.

Поднялась навстречу.

Стража расступилась, образуя живой коридор и Волоха, помедлив, приветствовал хозяйку легким поклоном.

— Госпожа Танакиль.

Женщина оказалась много старше него. Черные волосы, тронутые крылом зимы, зубчатый венец с сеткой, больше подходящей на бармицу. Простое, по шею закрытое платье. Внимательные светлые глаза.

Она всмотрелась в лицо русого. Сделала короткий жест рукой и стража покинула зал. Остались лишь четверо по углам. Тени камней — их присутствие Волоха чувствовал, но глазами не видел.

— Приветствую вас в стенах замка Стернь.

Голос Танакиль был глуховатым, мягким и холодным, как снежная ночь. Укрывающие стены гобелены прятали звук, но Волоха готов был поклясться — в этом замке слишком тихо, словно в утробе чучельного животного.

— Благодарю вас. И должен принести извинения — моя корабелла повредила ваше

стадо.

— Я знаю, — женщина коснулась пальцами темных век, — наблюдала с балкона за вашим... Падением.

— Управляемым снижением, дамочка, — влез Дятел.

Танакиль будто не услышала цыгана. Продолжала, обращаясь к Волохе.

— Вы всполошили мою стражу, но не стану скрывать, меня занимает иное. И ваша корабелла, капитан, может оказаться полезной. Поэтому я велела вывести вас из моря травы.

Слуги продолжали воевать с кресалом. Огонь упрямылся — маленькими укусами подьедал растопку, но отвергал сытные куски.

— Разве вас не волнует причина нашего появления? Возможно, следом придут гвардейцы. Или кто-то еще из вольных бродяг Лута.

Танакиль горько усмехнулась.

— Ах, капитан. Случись это, я бы первая благословила Лут. Но увы. Вы первый, кто благополучно преодолел зонтег за многие годы.

Волоха почувствовал, как за спиной переглянулась команда. Никому не улыбалось застрять на пяток лет в компании травы и овец.

— Нельзя войти, а выйти можно?

— Я не могу ответить на ваш вопрос, капитан. За годы... Консервации была потеряна связь с Лутом. И корабеллы, и веллеры, способные взмывать в его глубины — все исчухло.

Волоха провел рукой по волосам. *Решай проблемы по мере их поступления*, сказал сам себе. Они нужны были хозяйке замка Стернь. А проверить зонтег на проницаемость изнутри можно чуть позже, когда Еремия отлежится.

— Хорошо, госпожа. Расскажите, в чем мы можем быть вам полезными?

— Непременно, капитан. Однако прежде — ваши люди наверняка устали и голодны? Я распоряджусь, чтобы их накормили и предоставили комнаты. Эстер!

Служанка, помогающая оживить огонь, тут же вскочила, сложила руки на переднике. Опустила глаза долу.

Волоха только теперь хорошенько ее рассмотрел. Кольнуло холку дурное предчувствие. Эстер оказалась не красавицей по меркам большинства: слишком худая, плоская, с короткими волосами. Но лицо ее притягивало удивительной миловидностью, живостью; заставляло искать ответного взгляда.

Так похожа на Элон — и почему ее образ, преломленный Лутом, вдруг оказался здесь?

Плохо, подумал Волоха. *Здесь опасно.*

— Слушаюсь, госпожа.

Волоха обернулся к остальным, кивнул. Цыган недоверчиво выпятил губу, скрестил руки на груди, всем видом показывая, что с места не сойдет. Остальные же, получив разрешение, отчалили, вслед за юной Эстер.

Волоха проводил девушку взглядом.

Надо же. Будто гистологический срез баснословного оригинала.

Элон Соланж, прима-ассолюта Театра-на-Камне.

Один Лут знает, почему она выбрала именно этот маршрут. Волохе было чем заняться, кроме как глазеть по сторонам — он с ребятами натуго затягивал кольчугой правый бок корабеллы, а это была работа.

Такая работа, что можно и отдохнуть. Даже Волоха позволял себе передышки, не

только команда, которая всяко искала повод отвлечься.

Мусин с Буланко провозжали проходящих девушек незамысловатыми комплиментами, Дятел изредка отмачивал что-то смачное в адрес особо выдающейся особы. Иночевский работал молча, а отдыхал, читая книгу.

День был солнечный, будто стеклянный. От жара ломило виски. Волоха вылил на голову ковш воды и встал, шурясь сквозь капельную бахромку. Лег локтями на борт. Глаз выцепил идущую по теневой стороне улицы фигурку. Сперва решил — парень, но приглядевшись, понял свою ошибку.

Незнакомка была очень стройной, по-мальчишески худой в бедрах, с плоской грудью и коротко стриженными светлыми волосами. Что-то в ней привлекло даже Дятла, который обычно выбирал дам мясистых.

Походка? Осанка? Блеск глаз?

— Эй, птичка-невеличка! Забирайся ко мне на ветку, почирикаем! — щедро предложил Дятел.

Девушка и бровью не повела. Только крепче сжала ремень объемной сумки.

— Что такое?! Или я для тебя недостаточно хорош? А может, капитан наш сгодится? Вон он, с тебя глаз не сводит, чингенори!

Она невольно покосилась на корабеллу, и Волоха встретил ее взгляд. Очи у незнакомки были, как у важенки — огромные, ореховые, с влажным янтарным блеском.

— Что, и он не люб? — продолжал надрываться цыган. — Да ты разуи глаза, цаца! И высокий, и сильный, и очи зеленые, и корабеллу по Луту водит! Столько девок за него в косы дрались, а ты нос воротишь!

Девушка вдруг обернулась, сверкнула улыбкой.

— Корабеллой командовать дело нехитрое, любой дурак справится. А вот фуэте крутить — не каждому дано.

— У-у-у-у, — откликнулась команда охотно.

Дятел так вовсе загрохотал, хватил капитана кулаком по спине.

Волоха криво усмехнулся.

Сжался в комок — котом махнул через борт, приземлился на крыло, оттуда прыгнул и выпрямился перед насмешницей. Она вытянулась, но не отступила.

Танцорка, понял Волоха. Балетная. И в сумке наверняка купальник мокрый и стоптанные туфли.

— Забьемся? — спросил без улыбки, протягивая ладонь. — На свидетелях? Что если я десяток прокручу...

— Пятнашку, — она глянула из-под прозрачной челки с вызовом, быстро облизала губы. И впрямь птичка, подумал Волоха. Птичка-невеличка. Воробей.

— Пятнашку прокручу, ты мне, и старпому, да всей команде — контрамарки?

Девушка удобнее перебрала сумку.

— Идет, — сказала и отважно хлопнула по мозолистой жесткой ладони маленькой, но крепкой рукой.

Медяна, оказывается, очень быстро отвыкла от бытового комфорта. Много воды, чтобы мыться, огромные гулкие пространства. Уединение. Тишина.

Много воды.

Купальни были устроены в подвале. Замок стоял над горячими источниками, и

благодаря системе протянутых в камне артерий был теплокровен в любую пору года. Медяна отдала грязную одежду служанкам, смущаясь любопытных взглядов и своего заросшего облика. Может быть, щетина красит мужиков, но ей определенно не шла.

Ей выдали одежду на смену — настоящее, видит Лут, платье! — кусок стеклянного камня вместо бритвы, плоску растертого мыльного корня, мочалку и здоровое, как на Дятла, полотенце.

Выложенные камнем блюдца-бассейны исходили молочным паром. Медяна бочком спустилась по скользкой от влаги лестнице, с опаской придерживаясь за перила и только в воде позволила себе расслабиться и поплыть.

— О, Лут, какое блаженство...

— Скажи, да?

От неожиданности девушка дернулась и едва не захлебнулась. Еремия подтолкнула ее твердым плечом, удерживая на плаву.

— О, ты...

— Не хотела пугать, прости, — Еремия оплыла девушку по кругу, двигаясь с бесшумной грацией большого водного зверя. Белая шкура ее мерцала сквозь толщу воды орнаментом. — А ты расцвела прям.

Медяна зарделась от удовольствия.

— Правда? Я вообще, знаешь, чувствуя себя даже лучше, так странно... Спасибо.

Она подплыла к бортику, села на выступ, убирая с лица отросшие пряди волос. Под низким потолком метались хвостатые тени. С иллюминацией здесь было неважно, весь свет шел от похожих на мыльные пузыри кладок каменного паука, которого в замке разводили, похоже, исключительно с декоративно-осветительными целями.

Медяна покрутила шеей. От такой тишины она тоже, оказывается, отвыкла.

— Слушай, а вот эти корабеллы, которые мы куда-то везем... Они очень дорогие?

— Они бесценные, подружка, — Еремия умыла лицо, фыркнула, как морской кот, — скажу тебе по секрету — истинная корабелла истинной рознь. Я вот выворотень, маневренная и быстрая. Я умею нырять на глубину. Но без брони мощност у меня так себе, та же Соль побьет на раз-два, а в дуэте с Косаткой — как пальцами щелкнуть. Есть корабеллы дикие. И они умеют жить в Луте без капитанов. Для меня это что-то запредельное, если честно.

Она почесала шею, прищурилась.

— Ты не сильно ушиблась, когда мы упали? — спросила Медяна.

Синяков на гладком сильном теле корабеллы она не видела, но мало ли как могло столкновение с землей отразиться на Еремии.

Метелица-оларша больше всех напугалась, от того присмирела и позволила поставить себя подле чужих. Был бы рядом Выпь, сумел бы успокоить...

— А, — корабелла небрежно дернула плечом, — как говорил один наш общий знакомый, падаешь — так падай красиво. И потом, это было управляемое снижение. Я не малолетка, плюхаться на пузо или носом в землю.

Брызнула водой в задумавшуюся Медяну и за ногу стащила ее в воду.

Госпожа Танакиль поняла, что вечер наедине с капитаном не состоится, потому что цыган отсвечивал, как маяк. Она предложила гостям не трудить ноги и сесть, сама прошла к окну.

Волоха следил за ней глазами, словно кот.

— А дело не подождет до рассвета? — цыган смачно зевнул, лязгнул зубами. — Спать охота, да и пожрать-помыться бы не помешало...

— Рассвета не будет, — резко отозвалась Танакиль. Тут же извинилась. — Простите мою горячность. Тема света для всех нас болезненна. Видите ли... Хом лишен солнца. Не знаю, в чем причина, но это так — ночь длится бесконечно. Вот уже... который год подряд.

Волоха переглянулся с Дятлом.

— Что, и не светит, и не греет? — цыган скептически заломил бровь. — А как же вы тут не перемерзли к собакам? А трава-мурава как прет-зреет?

— К сожалению, мне это неизвестно. Все в одной поре. Цветение. Рост. Плодоношение. Трава стала только крепче.

Она отошла от окна, но место за столом не заняла. Оперлась о высокую спинку стула.

— Помогите мне, капитан, — попросила негромко. — Мой Хом не богат, но наше сокровище, наш триумфат — бирюзовый мох. Вы могли его видеть, он растет на шерсти овец. Собственно, мы разводим не скот, а выращиваем сей редкий вид растения. Раньше бирюзовый мох был основной составляющей экспорта...

— Сделаю все, что в моих силах, госпожа, — пообещал Волоха, проигнорировав пинок от старпома. — Но позвольте спросить, как же ваш Князь?

Танакиль замешкалась. Потерла подвеску, единственное свое украшение, не считая железных запястий, удерживающих рукава вороного платья.

— Да, это еще одна странность Хома... Видите ли, капитан... Наш Князь вот уже несколько лет как не управляет Хомом.

— Мертв?

— Не мертв. Но и не вполне жив. Если вы составите мне компанию, я покажу. Прошу вас, капитан.

— *Просим, просим, капитан!*

Элон аплодировала. Затем уселась — прямо на пол, сложила длинные сильные ноги, обхватила пальцами щиколотки.

В тренировочном зале пахло трудовым потом и пылью. Кровавыми мозолями и сорванными ногтями. Стрептоцидом. Набившей оскомину музыкой, амальгамой зеркал, полированным до блеска поручнями станка.

Волоха поклонился Элон. Она шурилась. Косо бившее в окно вечернее солнце заливало паркет разбавленной рыбьей кровью.

Волоха встал в центре зала, поймал свое отражение в капкане зеркал. Зафиксировал. Глаз и крючок, вспомнил.

Толкнулся.

Дятел только оскалится и скрестил на груди руки, когда смеющиеся в углу танцовщицы примолкли. Пять. Шесть. Восемь.

Волоха крутился, как волчок, не роняя темпа.

Девять. Десять.

Еще. Еще. Пятнадцать.

Двадцать.

Остановился.

Дятел знал Волоху, только потому разглядел, что не так просто далось русому это подконтрольно-строгое вращение. Русые волосы потемнели на затылке и у висков. Резче, крепче запахло горькой смолой и хвоей. Но уронить себя, показать слабость — нет, Волоха такого позволить себе не мог. Бешеная его гордость могла поспорить с гордыней Лута.

Элон молча поднялась, не отводя глаз от глаз Волохи.

Шагнула к нему. Раз, другой — как глупая олениха к рыси.

19.

— Ты здесь с кем-нибудь успел снюхаться? — спросил Юга.

Выпь посмотрел внимательно.

Третий вздохнул, понимая, что вопрос не завидный. Даже глупый. Пастух был точно не из тех, кто легко заводит друзей и делается душой компании.

— Я серьезно.

— Нет. — Медленно ответил Выпь. — Тут объединенная армия Хомов. Отражение. Со столпами тоже много не поговоришь. Хорошо, что ты вернулся. Я скучал.

Он неловко замолчал, улыбнулся криво.

Юга, опустив глаза, погрузил пальцы в волосы, бездумно теребя косу. Вес вплетенной цепи он перестал ощущать совсем и понял это вот только.

Выпь откинулся на руках.

Они были в его палатке, за крылья прибитой к земле костылями — тут не водилось чужих глаз и ушей.

— Как вышло, что ты оказался здесь? — спросил Выпь.

Спросил давно, а Третий не торопился с ответом, собирался с мыслями. Отделялся встречными вопросами, пустыми фразами. Но Выпь терпения было не занимать. Юга переплел пальцы, обхватил колено.

Поморщился.

— Ай, долго рассказывать... Помнишь, я тогда говорил, что собираюсь на лошадный Хом? Думал присеть кому-то на шею и доползти до рокария. Так и вышло, в сущности. Нарвался на типа по кличке Щелчок и его подсвинков. — Третий щелкнул пальцами, невольно копируя запавший в память жест. — Мы успешно взяли с места, но потом...

Он запнулся, соображая, как истолковать увиденное. Облизал губы.

— Потом я увидел корабеллу, висящую в стрекалах Хома. Как выпитая муха в паучьем мешке.

Выпь потер подбородок. Молча, не отводя глаз, кивнул — продолжай, мол.

— А Хом, сам его зонтег, горел золотом. Знаешь, таким жирным, как суп. Больным каким-то, — Юга нахмурился, удивляясь, что верное определение только прыгнуло на язык, — и я почуял, что нас увидели, что будет что-то абордажное, заорал, но не успел. Хом атаковал. Хлестнул стрекалами, сбил корабеллу с курса и мы упали на рокарий.

Выпь замер. Приподнялся, потянулся к Юга и тот чуть отодвинулся.

— Эй, я целый, ну. Мне свезло, грохнулся в воду, остальных по камням растерло, тэшку в щепки расхреначило... Вылез на берег, а отойти далеко не успел, что-то меня из-под воды цапнуло и — обратно. И я как будто утонул.

Он потер руки, проматывая в памяти эпизод.

Второй молча смотрел. Кажется, даже не моргал и не дышал.

Юга сощурился, толкнул его в плечо.

— Ай, отомри уже! Вдох-выдох. Я всегда падаю на лапы, помнишь? Иногда на спину, если выгодно. Но в любом случае, делаю это красиво. Наушники утопил вот, кто возместит?

— И что было там? — хрипло спросил Второй. — Что было... в воде?

На свое место он так и не вернулся, продолжал сидеть близко. Юга, в принципе, был не

против. От пастуха шло ровное, спокойное тепло, как от прогретой за день летней земли.

А Третий промерзал так быстро, что не спасало даже внутреннее пламя.

— Вот тут уже сложно, — Юга привалился плечом к плечу Второго, вытянул ноги. — Понимаешь, та черная вода... Ну не вода, собственно, ихор — она как кровь Лута. Его чернила. Его спинномозговая жидкость. Ихор пронзает всю сущность, все существо Лута. Нанизывает на себя. Это беспредельное море, массив, это прорва информации. И я оказался в ее центре. В самом яблоке. И она влилась в меня. Через волосы. Теперь я — сердце и корона. Звучит совершенно по-блядски, да?

Выпь нахмурился, соображая. Проговорил медленно:

— Ихор наполняет те пластины, с которыми работают люди.

Юга кивнул.

— Именно. И я, значит, могу получить доступ к содержимому этих пластин. Если пойму как. Не зря, выходит, у меня получалось их чинить-настраивать...

— Ты был там один? — вдруг спросил Выпь.

Забрал себе на руку косу Третьего, осторожно, как домашнюю змею. Юга задумался.

— Ха, раньше ответил бы «да». Но теперь сомневаюсь. Понимаешь, там не было вообще ничего. Меня просто выдернуло из нашего... пласта в какой-то другой. Подключило.

— И выбросило сюда? — Второй поднял бровь.

Третий ненадолго замолчал.

— Я хотел оказаться ближе к тебе. — Признался без желания. — У меня, как оказалось, нет иного дома и точки опоры. Возможно, это сыграло роль как определения пункта назначения.

— А я пел о том же, — спокойно сказал Выпь. — Песнь возвращения. Что если это подействовало совокупно?

Оба помолчали.

— Мне жаль, что ты не нашел свою птицебабу.

— У меня есть кое-что получше, — сказал Выпь.

— Палка твоя белесая, что ли? — брякнул Юга.

Второй терпеливо вздохнул.

— Еще лучше.

Юга поднял на него глаза, открыл рот, но сказать ничего больше не успел.

Выпь смотрел. Видел лицо Третьего перед собой — так близко, как десятки раз до этого. Но — было другое. Кожа ровная, гладкая, будто маска, будто неживая. Бледная как костяная моль. У Выпь слишком глубоко сидела памятка из переулка Сиаля. Выпь знал, на что способен. Он протянул руку, коснулся щеки.

Теплая.

Юга удивленно вздрогнул.

Третий терпеть не мог, когда его брали за лицо. Видел в этом унижение себе, оскорбление. Мог укусить пальцы, ответить кулаком. Но это был не кто-то, это был — Выпь. Пастух.

Он смотрел странно, внимательно. Трогал его лицо, осторожно и чутко, как слепой скульптор и Юга терпеливо молчал. В этом было что-то смутное. Что-то новое. Обоюдное.

Над лагерем, раздвинув небо, взметнулся протяжный крик рогача. Тоскливый и чащобный, от него разило болотом и смертью, но перекрыть или заглушить этот костный инструмент ничем не можно было. Играющие на рогаче заливали уши воском, но все равно

начинали слышать не свой голос.

Юга оцепенел от неожиданности, зато Второй живо оказался на ногах.

— Хангары пошли в атаку, — пояснил, хватая с распорки легкий пехотный доспех.

Сам мастерил, из шкуры лозы, что утром рыба, днем растение, а ночью рыщет на четырех ногах. Выпь выбрал себе дневную форму, и доспех его был цветом в охру с медной зеленью. От утра кожа лозы сохранила прохладу и гибкость, а от ночи — тепло и крепость. Трудно было бы сыскать материал удачнее.

— Будь здесь. Не выходи.

Юга взвился.

— Что?! Скажи, что мне делать! Я не женщина или старик, чтобы ждать тебя у очага.

Выпь глянул искоса, затягивая наручи.

— В строю ходить не умеешь. Проблем больше, шансов выжить — меньше.

Юга оскалил зубы.

— А ты, значит, умеешь?!

— Ага. Умею.

Научился.

Пастух, он на уровне крови понимал законы движения толпы. Мог войти в нее и даже сделаться частью, но раствориться, потерять себя солью в море — нет, того не ждал.

Третий не смог бы даже держать марш в ногу.

Люди кругом двигались быстро. Без суеты и паники, каждый знал, что делать и занимал отведенное место. Выпь оттеснил Юга к крылу палатки, сам занял место в строю.

Юга растерянно оглядывался, выхватывая отдельные фрагменты: резкие, короткие команды, ровные шеренги солдат, знамена Хомов.

А потом вся масса организованно развернулась и направилась прочь из лагеря.

Выпь судорожно, на три счета, выдохнул. Перед Юга он старался держать лицо, но на самом деле не чувствовал в себе большой уверенности. Да, он учился военной дисциплине, понимал ее важность. Но в поле оказалось совсем иначе.

В поле он был словно один — даже будучи одним из многих.

Никто не ждал Хангар на закате, когда солнце било людям в спины, а Нуму — в глаза. И тем не менее, они шли. Выпь видел золотую линию, растущую с каждым вдохом.

Воинов разделяли по крепкости и росту. Выпь был сильным и высоким, его воткнули в отряд ребят с Хома Мглоты. Пикинеры. Линия обороны сразу после заградительных орудий.

Вперед выдвинулись солдаты Хома Гардарика, они заведовали движущимися щитами на колесах. Второй видел, как ловко эти ребята собирают из разрозненных элементов сплошную стену, как она обретает монолитность, рост и глухую неподвижность. В стене были предусмотрены узкие бойницы для стрелков.

Если Нум прорвется через заплот, они примут первый удар.

Выпь крепче перехватил дикту, но двинуться дальше не успел. Всадник с огненными волосами налетел и злым, тонконогим конем буквально выдавил его прочь из строя.

Никто не посмел перечить арматору.

— Ты что здесь делаешь? — Гаер надвинулся полуденным солнцем. — Какого ты здесь забыл?!

— Я готов сражаться. Как все они, — Выпь нахмурился.

Арматор побелел так, что веснушки стали похожи на брызги крови. Наклонился,

процедил, глядя в лицо.

— Ты — не они, Второй. Для лобовой атаки оставь мясо. Мне нужны твои способности. Нам нужны.

— Я не трус.

— Нет, конечно, нет. — Арматор насмешливо скривил рот. — Просто дурак. Будешь геройствовать, устрою твоему другу вынос мозга.

— Я не могу стоять в стороне, когда близится сражение.

— Так не стой, дубина. Заходи сзади — так ты и сучку эту нагнешь, и копьём в жопу не получишь. За мной.

Он ловко развернул коня и Выпь, стиснув зубы, подчинился.

— Что они делают, — в воздух спросил Гаер.

Со стены видно было, как первые ряды Хангар вдруг расщепились, раскололись. И, когда до заплота оставалось совсем немного, локуста прыгнули.

Взмыли в воздух, зависли, будто янтарные стрекозы. И развернули крылья. Выпь видел: особь локуста испускала из себя, как лучи, две пары крыльев, на свету видны были жилы и цветные пластины между ними. Как горячий, горящий витраж. Как вопль. Только красивее.

Рыжий глухо выругался, прикрывая глаза локтем. Хлестнувший красной плетью свет, пойманный и отраженный крыльями, ударил обратной волной по глазам людей.

Выпь устоял, но лишь потому, что свет не причинил ему особого беспокойства. Зажмурился на пару мгновений, а потом открыл глаза, видя мир в измененном цвете.

Люди, попавшие под удар, подобным похвастаться не могли.

Хангары не переходили в наступление, но и крылатое зеркало свое не опускали. Будто ждали чего-то.

Над лагерем вновь растянулся крик рогача и воздух заныл и задрожал от поднявшихся *шмелей*. Выпь видел их раньше. Шмелями звали окаменевшие глаза древних созданий, раньше населявших Хомы. Считалось, что в их очах запечатана сама смерть — то, что убило старших существ в один мах.

Глаза эти видом своим напоминали яйцо, размерами же превосходили голову лошади, а на шкуре имели бледные полосы. Когда их вынимали из земли, шмели тяжелели и наливались жаром. И чем выше их поднимали, тем жарче становились. Шмели несли в себе гибель, чем научились пользоваться люди.

Скованные гнетом замороженных земляных цепей, они мирно ждали вечность, но теперь, направленные умелой рукой стрелков в жаростойких кафтанах, обернулись страшным оружием.

Один шмель угодил прямо в зеркало, сминая пластинки и жилы крыльев локуст. Второй перелетел первую линию и рухнул там, взметнув приглушенный расстоянием хруст.

Но не крик.

Выпь понял, что еще было странным. Хангары, Нум — молчали. Слышен был только стрекот локуст и шорох от трения пластин.

Возможно, подумал отстраненно, на этой стадии развития они немые.

Мутус. Это бы роднило их с онто-фазами Вторых...

Жаром обдало спину.

— Отставить стрельбу! — вдруг рявкнул Гаер, скидывая руку.

Еще пара шмелей отправилась в полет, но дальше — ничего.

— На кой, — пробормотал арматор, шурясь со слезой. — Второй, что видишь?

Выпь видел. Глаза его вмещали больше, чем человеческий зрак.

— Они забирают себе снаряды, как дети бусины, — сказал Выпь.

— Твою-то мать, а, сукины дети, так их растак!

Арматор хватанул кулаком по ребру стены.

На поле меж тем ликовали, и было отчего — Хангары отступали. Убирались, точно отлив, плавно и быстро, унося с собой раненых и снаряды.

Со стороны Отражения не пострадал ни один.

Но арматор молчал, стиснув зубы и это не предвещало хорошего.

20.

Хом Гаптики дрожал и переливался на ветру, как детская вертушка. Плескались ленты, алые словно кровь и белые точно молоко. Женщины носили на шеях бусы из птичьих когтей и пахли корой дерева. Мужчины болтали, как женщины, и пели, как птицы.

— Ну. Как мы отыщем его?

Михаил плотнее запахнул куртку. Лин, напротив, торопливо избавился от жаркого свитера, будто тот заслонял ему обзор.

— Не знаю, — честно признался Лин, с моста оглядывая густую толпу, краской льющуюся по улицам вдоль канала. — Я как-то упустил этот момент.

Плотников вздохнул. Что-то подобное он предполагал. Лин очевидно не родился гением стратегии, но отличался в импровизации. Следовало поместить его в ситуацию и уж там, в сердце ее, он показывал себя.

— Тогда предлагаю сначала взять комнату, затем пообедать и после отправиться в нижнюю часть города. К стокам, так сказать. Обычно там собираются люди, торгующие людьми.

Лин задумался. Шелковистые тени от бегущих лент завязывали ему рот и глаза.

— Я только надеюсь, мне не придется никого калечить или убивать, — сказал с искренним чувством.

— Хотел бы и я того же, — поддержал Михаил.

Им повезло взять комнату, одну на двоих, под самой крышей, зато с балконом и видом на канал. Балкон обнимал плющ с темными глянцевыми листьями и остро пахнувшими, будто из воска отлитыми, цветами.

Лин рвался «к стокам», но Михаил усадил его обедать. Рыбу в трапезной на первом этаже подали вполне приличную, на подушке из какой-то съедобной пряной травы и узнаваемых помидор.

— Вечереет, — волновался Лин, посматривая в сторону обморочно заходящего глаза солнца.

Кровь его расплывалась по каналам, как по желобам.

— Тем лучше, — Михаил, не торопясь, отдавал должное рыбе и белому вину, прохладному точно серебро. — Нужные нам люди просыпаются только к ночи.

Лин пропеллером крутил в пальцах вилку. В простой человеческой одежде, он почти не выделялся из толпы малолеток. Разве что глаза, но люди на глаза смотрели в последнюю очередь...

— Возьмешь саблю? — Лин подался к спутнику через стол, понизив голос до шепота заговорщика.

— И револьвер, — особо не таясь, отвечал Михаил. — Ешь, пожалуйста.

— Я не голоден, — Лин помотал головой.

Михаил опустил руки. Глянул пристально. Сказал:

— Лин, — вложив в короткий позывной всю суровость и авторитет.

Лин раздраженно вздохнул, но придвинул к себе тарелку. Плотников удовлетворенно хмыкнул.

Вечером, когда фонари зажили своей жизнью, Михаил с Лином покинули

гостеприимный дом. Лин рвался в трущобы, но Плотников проявил благоразумие и первым делом расспросил ключника за стойкой.

— А скажите, молодой человек, где можно весело и с пользой провести вечер? — справился, облакачиваясь на полированное дерево.

Юноша окинул его цепким взглядом.

Пожевал губами, оценивая статус и платежеспособность гостя.

Выглядел гость вполне достойно.

— Развлечения ночного города? — уточнил негромко. — Можете купить справочник.

— Я больше доверяю информации местных.

Миша приоткрыл ладонь, демонстрируя пойманного светляка — лутон с желтым гуртом.

— Мхм, в таком случае, — протянул юноша, — могу порекомендовать вам Рынок Надежды. Это четыре квартала вниз. Доберетесь быстрее, если возьмете самоходку на пристани. На Рынке множество развлечений на любой вкус. Для вас и вашего спутника.

— Благодарю, — Михаил ловко послал лутон прямо в сетку пальцев расторопного ключника.

Окликнул Лина, увлеченно тискающего местного кота.

— Пойдем, спутник. Нам надо многое успеть.

Уже на улице, застегивая куртку, Михаил уточнил.

— Значит, ты ничего не знаешь про этого своего Нила?

— О, я знаю только то, что он пришел мне на помощь, и я обязан ему, — отозвался Лин.

— Разве ты не отплатил сполна, своей кровью? — Михаил не сдержал гримасы, благо Лин не мог его видеть.

Сама мысль, что можно без ущерба для совести прятаться за спиной ребенка, была удивительна и глубоко противна Плотникову. Праведным он не был, но свой внутренний кодекс чести соблюдал строго.

Нил-Крокодил авансом представлялся ему крайне отталкивающим типом.

— Это верно, — Лин смутился ненадолго, словно увидев его мысли. — Но все же.

Что «все же», Михаил недопонял, а Лин не досказал. Они пришли. Лодки теснились у пристани, как утки. Плотников выбрал одну — двухместную крылатку, узкую, хищно вытянутую, похожую обликом (особенно носом) на осетра. Перевозчика не было, вместо него предлагалось взять из автомата маршрутный шар. Плотников выбрал нужный маршрут, бросил в узкую прорезь лутон, поймал в ладонь хрупкую сферу. Закрепил ее в специальном углублении на носу лодки и та мягко засветилась по контуру зелению.

— Прыгай, — велел Плотников, отвязывая якорную веревку.

Лин тут же оказался в лодке. С каким-то детским восторгом уселся на банке, повертелся, очевидно любуясь ночным пейзажем. Михаил разместился у носа.

Лодка качнулась и мягко взяла с места.

Ночной город сиял, как трухлявый пенёк, начиненный светляками. Лин глазами пожирал многоцветье, а Михаил напряженно следил за курсом. Самоходкам он не доверял, предпочитал стандартные весла, парус и мотор. Но шли они бойко, и очень скоро лодка благополучно притерлась боком к пристани.

Лин выпрыгнул на твердую землю, прежде чем Михаила посетила шальная мысль подать ему руку.

— Теперь гляди в оба, — предупредил он Первого. — Я этого твоего Нила в глаза не

видел. И будет славно, если мы заметим его, а не наоборот.

— Понял, принял, — отозвался Лин явно услышанной где-то фразой.

Михаил только улыбнулся. Порой резвость Первого его обескураживала, но жизнелюбие и энергичность неизменно вдохновляли. У Лина была цель, были стремление и напор. Он не изводил себя думами о былом и тревогой о будущем, он жил и действовал, и Михаилу это было как глоток воды в пустыне.

Слишком давно он сам не жил по-настоящему.

Когда, к примеру, он в последний раз катался на лодке, да по ночному чужому городу?

Да и притоны тоже давненько не посещал.

Рынок Надежды ничего общего с рынком в дневном понятии не имел. Он открывался только ночью, и появлялся там, где днем стояли вполне мирные дома. Рынок вытеснял собой исшарканный дневной морок, блестел черным и золотым, горел и переливался, заманивая к себе легкомысленных девушек и легконогих юношей.

Торговые ряды ярусами уходили вверх, под плеск шелковых завесей. Сладко пахло ядом и благовониями, на прилавках исходили прозрачным соком ломти жареного мяса, под ногами хрустело битое стекло и шелуха орехов. Глаза липли к развалам сладостей и округлым спелостям дев в прозрачных одеждах.

Плетеные корзины доверху наполнились колючими самоцветами, ржавыми замками, цепями и змеями. В клетках, подвешенных на мясницкие крюки, захлебывались песнями, как кровью, птицы, а им откликались нудная, костяная музыка и голоса из раковин, поднятых со дна морей далеких Хомов.

На миг потерял себя даже Михаил, а Лин так вовсе утонул, ошалел от удара по всем чувствам сразу. Плотников решительно выдернул его из мутного потока за ворот, чуть тряхнул.

— Соберись! Мы ищем Нила.

— Он... Он же музыкант, — Лин потер горячий лоб, словно отходя от обморока. — Ему интересно искусство. Возможно, если есть здесь ряды с чем-то подобным...

Михаил кивнул. Хоть какая-то версия. Никто не давал гарантии, что Крокодил окажется здесь, но они могли выйти на человека, знакомого с Нилом. Проход между лавками то сужался, то вновь разливался, дробился на рукава-ручейки и сложновато было уследить, куда какой ведет. Однако настойчивые расспросы привели их к лавкам вещных торговцев — здесь картины и другие предметы искусства были запросто расставлены-разложены на ярких тряпках, на земле. Покупатели бродили между ними, глазели, смотрели меру, иные яростно торговались.

— Ищи, — еще раз напомнил Михаил Лину.

Тот лишь строптиво дернул лопатками. И без тебя, мол, помню.

— Медвежонок, хочешь немного меда? — в локоть Михаилу вцепились сильные женские пальцы, матово блеснули цепочки на запястьях, прихотливые цветные узоры, укрывающие голые руки.

Пахнуло цветами. Жирными пионами.

Плотников отвлекся, обернулся на деву. Едва прикрытая золотистым газом грудь, плоский живот, широкие бедра... Михаил заставил себя поднять глаза.

— Такой сильный и такой красивый, ты не должен быть одинок этой ночью, — прошептала девушка.

В горле ее словно звенел хрустальный колокольчик. Круглое личико, пышные, гладкие

волосы, светлые продолговатые глаза и крупный рот.

Как на большого зверя капкан, подумал Михаил отстраненно.

Она быстро показала розовый язычок с пуговкой прокола.

— Нет, — твердо сказал Плотников.

Он был брезглив и продажную любовь не принимал.

А тут еще краем глаза заметил, как метнулась белая тень. Лин сорвался с места без предупреждения и раскачки, но его цель оказалась шустрее.

Михаил стряхнул ловкие руки и заторопился следом, ориентируясь на возгласы торговцев. Лин, гнал добычу, не слезая с хвоста. А вот кого он преследовал, Михаил разглядеть не мог. Он свернул за белым, ныряя в проулок между домами и налетел на кулак, низвергнувший его на землю.

Михаил, еще видя россыпь звезд перед глазами, перекатился, на одной памяти тела, и весьма удачно — железный прут со свистом рассек воздух и обрушился на то место, где он только что лежал.

Плотников прыжком оказался на ногах, пнул человека в бедро, добавил кулаком, в скулу. Многих вводила в заблуждение его массивность. Двигаться Михаил умел быстро.

Нападавший вышел из строя, но горло проулку залепили его коллеги.

Лин отступил к Мише. На лице Первого читалась досада и отчаяние.

— Это низко, низко, — сокрушенно простонал он, очевидно, имея в виду поступок Нила.

— Это довольно умно, — возразил Михаил.

Нил-Крокодил наверняка предполагал, что его могут искать, и подстраховался, наняв таких вот телохранителей. Заманил в проулок, а там уже теснота и скученность должны были сделать свое дело.

Палить из револьвера в такой расселине было глупо. Но саблю никто не запрещал, и она вышла из ножен с легким змеиным шипением.

Лин, глядя на него, выбросил актисы. Налетчики переглянулись. За риск быть убитыми им явно не доплатили.

— Уходите, — посоветовал Лин.

— Тебя спросить забыли, мокрощелка, — оскалился ближний, крупный и сильный.

Он держал тесак, и держал его уверенно. Коротко, мощно замахнулся — Лин ушел с линии атаки, прокрутился волчком и коротким росчерком актисов подрезал сухожилия. Рука здоровяка упала подбитым крылом.

— Ааа, — удивленно затащил тот, роняя тесак, и для прочих это прозвучало гонгом.

Миша шагнул вперед и вбок, принимая на щечку сабли первый удар. Толкнул противника от себя, подбил ногой рассыпчатый сор, запорошил глаза нападающему. Довершил поединок, плашмя рубанув по голове. К нему подступили сзади, но Михаил заблокировал удар в корпус, наступил противнику на ногу и локтем зацепил его горло.

Сталь чиркнула вдоль бока, но крепкая куртка выдюжила. Михаил перехватил противника за руку, вскинул саблю на его плечо, скользнул к шее и подержал так. После отпустил и смотрел, как тот отступает, убираясь из проулка.

У Лина тоже все шло успешно. Толпой нападавшие больше мешали друг другу и очень скоро совсем отхлынули.

— Я его упустил! — с досадой воскликнул Лин.

— Это был он?

— Точно он!

— Тогда погоди... Есть у нас одна зацепка...

Михаил присел, похлопал по щекам контуженного.

— А?! — тот вскинулся, сморщился и зашипел от боли.

— Бэ, — хмуро отозвался Михаил. — Кто вас нанял, говори.

— Трахни своего дружка, Иванов, — ощерился раненый.

— Я так и знал.

Михаил размахнулся, но руку его в замахе вдруг удержал Лин.

Опустился рядом, на колени, взгляделся в глаза налетчика.

Вздохнул и взял его за лицо, странным образом расположив пальцы.

Бандит беззвучно распахнул рот и вывалил глаза, выгнулся, как рыба на льду. Остро пахло мочой.

Михаилу словно крапивой спину ожгло. Лин держал так руки совсем недолго, но когда отпустил, бандит был мокрым от пота и дышал, как загнанный.

— Я расскажу, я все расскажу, — прохрипел, пятась к стене. — Я все расскажу.

— Я знаю, — тихо кивнул Лин.

Нил собирался, как с пожара.

Зад подгорал конкретно.

Нанятые им ребята, любители помахать кулаками и железом, против Первого не потянули бы, но как отвлекающий маневр вполне сгодились.

Нил бросил в сумку пару сменного белья и застыл. Не было ни грома, ни грохота, ни даже легчайшего шороха шагов, но чувство взгляда в спину еще никогда Нила не подводило. Дернуло же его посетить Рынок именно сегодня!

Крокодил обернулся к дверями и выдал самую широкую из арсенала своих улыбок.

— Лин! Солнышко! Как я рад тебя видеть!

И не соврал ведь.

Нил, на самом деле, был рад видеть Первого в добром здравии. Удивительно быстро привязался к синеглазому засранцу. Но распахивать объятия и лобызать бледные щеки не спешил. Рядом с мальчиком угрюмой тенью маячил неучтенный Иванов. Если не подводила Крокодила цепкая память, тот самый Иванов, прозванный Ледоколом за дипломатические таланты.

Раньше он ходил в шайке-лейке Волохи, но позже разосрался или с русым капитаном, или с его старпомом и ушел по-ивановски, в загадочные «восвояси».

Теперь вот нарисовался не сотрешь. *Чего тебе надобно*, мысленно вопрошал Нил, быстро оценивая обстановку. Мальчик его выглядел неплохо, двигался легко, сверкал глазами и всячески демонстрировал физическое благополучие. У Нила, признаться, отлегло. Сердце не камень, за Оловянного Крокодил волновался.

— Я тоже рад тебя видеть, но... Мне нужна карта, Нил, — покраснев, брякнул Первый. — Дай мне ее, пожалуйста.

— Керридо, солнышко, я бы и рад, но мы же заключили устное соглашение, согласно которому ты провожаешь меня до условленного места, а я в знак признательности вручаю тебе карту. Ты проводил?

— Нет, — выдохнул Лин, пламенея, точно дочь купца на сеновале. — Не успел.

— Вот и вот, — Нил сокрушенно вздохнул, развел руками, сожалея.

Первый беспомощно замолчал. Эфор бы уже ломал Нилу здоровые пальцы, эфеб был не в силах превозмочь себя и навредить человеку. Не грозящему ему человеку.

Нил мысленно поздравил себя с ловким этюдом и хрипнул, дернув ногами, когда его за шею впечатали в стену. Встретился глазами с Ивановым. Тот смотрел спокойно, прямо, без угрозы. Почти равнодушно. Ему явно не хотелось здесь находиться, не хотелось вмешиваться, но и спустить Нилу жульство он тоже не мог.

— Карта, — сказал Иванов. — Отдай карту парню.

— У меня ее нет, — Крокодил скосил глаза на сумку.

— Не зли меня, — скучным голосом попросил Иванов. — Карту на стол или тебя в окно?

— Во-первых, я туда не пролезу, — буркнул Нил, но когда его прямо по стене поволокли к проему, протестуяще взвизгнул, — во-вторых! Она на самом деле не здесь! Видит Лут, я не столь глуп, чтобы держать лот в таком ненадежном месте, как постоянный двор!

— Лот? — Лин, кажется, соображал быстро. — То есть... Предмет торга? Аукциона? Ты продаешь ее? Карту всего?! Но она не имеет меры!

— Именно! — обрадовался Нил. — Именно это я и говорю покупателям! Ты понимаешь меня, малыш, как всегда.

— А я так понимаю, что мы не договорились, — Иванов опять сдвинулся, сжал пальцы, и у Нила застучало в ушах от нехватки воздуха.

— Миша, нельзя же так, — Лин осторожно тронул Иванова за локоть.

Нил выразил согласие глазами.

— Так нельзя, — согласился Иванов. — Но так нужно.

Отпустил Крокодила и без размаха поймал кулаком под дых. Пока тот кашлял, хватая ртом воздух, затылок его холодно поцеловал револьвер.

Нил замер.

— Отведешь нас к карте. Предашь — умрешь. Продашь — умрешь. Карту — лично в руки. Я глаз с тебя не спущу.

21.

Серебрянка никогда не умела говорить так, чтобы зацепить внимание зрителя. Башня выучила ее молчать и слушать-слушаться, но, оказывается, она вполне способна была к долгим монологам.

Теперь слушали ее. Корабеллы, дички Лута, низкорослые и недоверчивые, так не похожие на тренированных, высоких красавиц Башни. Мало сказать «слушали». В рот заглядывали.

А Серебрянке было что поведать.

Она говорила: как очнулась в лесу Сиаль, как угодила в ловушку, и как ее спас пастух. *Мужчина? Мужчина, да.* И как они путешествовали втроем: она, пастух и еще один мужчина. О его поприще Серебрянка стыдливо умолчала, прикрыв ширмой «он хорошо танцует». Девчонки внимали, раскрыв глаза и рты. *Мужчины*, повторяли и перешептывались. *Какие они? Правда, что волосатые? На самом деле дурно пахнут? Верно ли, что жестоки без меры?*

Серебрянка смеялась, изумленно качала головой. *Они разные*, отвечала просто. *Совсем разные. И мои, мои мальчики — самые лучшие.*

Ее появление, ее пестрые истории внесли хаос в размеренное существование корабелл. Что было раньше, подернулось дымкой. Корабеллы смутно желали нового. Желали ходить в Луте — и делить свое сердце с сердцем капитана.

С мужчиной.

Ах, думала Серебрянка, как просто все устроено. Каждая корабелла мечтает о своем капитане. Каждый капитан мечтает о своем Луте.

А о чем мечтает сам Лут, неведомо никому.

Талулла сперва вовсе не уделяла внимания рассказам новенькой. Но потом, когда число слушательниц возросло, когда истории взбаламутили умы — тогда посчитала свое присутствие обязательным. Она старательно удерживала нелюбезную маску, но Серебрянка чувствовала, что ее слова не оставляют старшую равнодушной.

А чуть позже Серебрянка начала не только рассказывать, но и показывать. Плоха, жалка корабелла, коли не может защитить свой экипаж и своего капитана! В Башне береиторы учили ее разным способам постоять за себя, в любой форме, голыми руками и оружейной.

Кровь людей, воспринятая ей без просьбы, без желания, оказала свою силу: она чувствовала, что выросла, знала, что способна теперь на большее.

Девочки смотрели внимательно, запоминали. Претворяли слова в действие, и не без успеха. Серебрянка гордилась. Впервые ей довелось учить кого-то.

Но вместе с восторженным, горячим молодняком в прайде были и старые белые львицы. Отмеченные шрамами Лута, они скептически воспринимали увлечение молодых и саму Серебрянку.

Талулла сомневалась. А Серебрянка начинала злиться. Да, она была благодарна сестрам за спасение. Но как они могли так запросто отсиживаться в безопасности, в этой скорлупе, когда внешний мир был охвачен пламенем?

Лут менялся. И корабеллы чувствовали это, как рыбы чувствуют свойство воды. Чувствовали и делали вид, что ничего не происходит.

— Тебе должно остаться здесь, — втолковывала Талулла, — здесь покойно. Здесь ты можешь расти и учиться под нашим присмотром.

— Растить куда?! — строптиво всплескивала руками Серебрянка. — Учиться чему?!

Ибо, по правде сказать, она умела и знала куда больше этих свободолюбивых дикарок. Горько было признавать такое. Скажи ей, что жестокая дисциплина и мучительная повинность каждодневных уроков в короткий срок сделают ее сильнее большинства вольных корабелл, она лишь посмеялась бы.

Но так и было.

Никто из ее диких ровесниц, к примеру, не смог бы обернуться в транспортную форму на этой стадии развития.

А она смогла.

— Разве ты не хочешь быть свободной?

— Хочу. Но я хочу быть свободной со своими друзьями.

— Твои друзья — мы.

Серебрянка упрямо мотала головой.

— Вы мои соплеменники. Мои друзья, — она запнулась, — мои друзья далеко. И я должна их найти. А для этого мне придется покинуть вас.

— Я не могу отпустить тебя, — Талулла поджала губы, — Лут кипит. Куда ты пойдешь? Ты еще слишком слаба, ты потеряешься, тебя захватят охотники Башни или пираты Агона. Ты легкая добыча.

— Это не так, — отчеканила Серебрянка, задрала подбородок. — Я могу определиться с направлением. Я могу за себя постоять. Меня хорошо учили.

Талулла тяжело отмолчалась. Своей в доску Серебрянка не сделалась. Она пришла из другой стаи и она не хотела оставаться и становиться одной из них. Талулла чувствовала ее инакость и не могла представить, что с ней делать.

Корабеллы живут в Луте, думала Серебрянка с тоской. А не в пустой сфере, как в коробке. Не в чужом доме.

Здесь ей было душно, тесно, скучно, как дельфину в аквариуме.

— Ты могла бы пойти со мной, — сказала она старшей подруге.

Талулла уставилась в ответ. Сцепила пальцы.

— Это невозможно, — выговорила наконец.

— Но почему же?!

— Я не могу оставить прайд.

— Ты можешь повести его за собой. Вы не должны вечно сидеть здесь. Корабеллы листья Лута, в нем рождаются, в нем умирают.

Серебрянка закусила щеку изнутри. Страшна Башня, страшно в Луте, больно превращаться, но разве не это движение делает жизнь жизнью? О, хотела бы она испытать слияние сердец — то, о чем толковали объездчики Башни.

Талулла не успела ответить — молодая корабелла, антрацитовая Нши, влетела в комнату, как ошпаренная. С вытаращенными глазами, и рисунок на ее коже полыхал золотой нитью.

— Что стряслось? — Талулла стремительно поднялась ей навстречу.

— Там... Старшая, там... — Нши сглотнула и выдохнула. — У нас гости.

— Добрый вечер.

Слова прозвучали и упали камнем. Долгое эхо.

Серебрянка никогда не была в центральном зале. Оказывается, здесь был и такой. Изнанка пустого ореха в кремовом цвете, сиденья амфитеатром, слишком много места для всех них.

Слишком мало места для него одного.

Такой оглушающей тишины она тоже прежде не знала. Оглядывалась, но все корабеллы прайда смотрели, как замороженные, на гостя. Высокого. Мужчину. Первого.

О, подумала Серебрянка, и сердце тоскливо вздохнуло, отчего ты так похож на Лина?

Первый стоял в центре, на помосте, под перекрестным огнем взглядов и молчал. Куртка с треугольным запахом, высокий ворот, красные перчатки. Длинные пальцы играли каким-то тонким продолговатым предметом. Серебрянка присмотрелась и не сдержала тихого, болезненного стоны — карандаш Лина она узнала бы из тысячи. Такими он рисовал ее в Башне, такие прихватил с собой в их путешествие. Должно быть, он хранил отметины — Лин в задумчивости прихватывал зубами свое орудие.

Она встретила взглядом с Первым и поняла — знает. Все знает. Серебрянка вытянулась ему навстречу, будто схваченная за жабры. Крепче, до боли вцепилась пальцами в скамью.

Талулла выглядела не в пример тревожнее.

— Что нужно тебе, Оловянный? — спросила, не стараясь казаться дружелюбной.

— Одна из вас, девочки, — отозвался прищлец.

Голос его был глубок и бесцветен. У Серебрянки похолодела спина.

Талулла бешено выпрямилась.

— Дичь! — Крикнула, сверкнув зубами. — Ты не получишь ни одну из нас!

— К чему громкие слова. Она сама уйдет со мной. — Не меняя тона, сказал Первый. —

Так ведь?

Теперь Серебрянка не сомневалась — он смотрит на нее и он говорит о ней. *О, Лут, прошептала корабелла, будто в забытьи. О, Лут. Что ему известно?*

Талулла резко обернулась, а Серебрянка поднялась. Ноги позорно подрагивали в коленках, но она пошла вперед, на магнит синих, сильных глаз.

Подруги хватили ее за руки. Она, не глядя, стряхнула их.

Оловянный оглядел ее с ног до головы.

— Маленькая, — сказал с непонятной интонацией.

Серебрянка лишь выше задрала голову.

— Сядь! — резко бросила Талулла, но Серебрянка смотрела на Первого, во все глаза.

Он верно истолковал ее интерес.

Поднял карандаш.

— Тебя волнует это, верно? Мы ищем одного и того же. И мы оба знаем, где можем его найти. Иди со мной. Поблагодари сестер за радушие. Встречаемся у моего геликтита.

Серебрянка громко сглотнула.

— Как я могу те... вам верить?

— Никак.

Он бросил ей карандаш и она его поймала. Задохнулась, узнавая. Мальчик Первых утопил ее в крови. Добрый мальчик, он вывел ее из Башни.

Серебрянка не верила Оловянному в красных перчатках.

Но она верила, что найдет Лина.

— Хорошо, что ты не такая громоздкая, как твои соплеменницы, — Первый указал на странного вида кресло.

Она почти легла в него, плотно прижалась спиной и затылком.

Геликтит висел с наружной стороны сферы, плотно сливаясь с его оболочкой цветом шкуры. Оловянный занял свое кресло, чуть подался вперед, раскрывая глаза шире — тонкие отростки геликтита коснулись его глаз, что-то надевая или сообщая.

Серебрянка невольно сморгнула.

Видимо, так геликтит передавал информацию своему пилоту, а тот посредством синнергизма мог наблюдать и контролировать движение геликтита.

— Я Серебрянка, — представилась корабелла.

Геликтит отцепился от сферы и ухнул вниз. Или взмыл вверх? Корабелла зажмурилась, стараясь привыкнуть к мысли, что теперь от нее ничего не зависит.

— Зови меня Мастером, — произнес Первый, когда Серебрянка уже не чаяла дожидаться ответа. — Теперь молчи. Путь далекий, а ресурс геликтита не бесконечный. Я приложил слишком много усилий, чтобы сбрасывать тебя на полдороге как балласт.

Серебрянка прикусила язык.

22.

Госпожа Танакиль шла впереди, одной рукой придерживая подол тяжелого платья, а другой зажимая светец — паутинный шар, тлеющий алым.

Тени скользили рядом, Волоха и Дятел не отставали.

Замок-замок будто оцепенел в спячке; от костей его тянуло теплом, но по ногам ласковой кошкой вился холод.

— Если бы вы прибыли раньше, капитан, — промолвила Танакиль с давно привычной горечью.

Они спускались ниже — ниже уровня купален, к самому истоку. К черной двери.

Там за железом, перечеркнутым засовом, и жил Князь Хома.

Дятел протяжно свистнул и из уважения к хозяйке выругался огненным шепотом.

Волоха же промолчал. В темноте он разбирался отлично, а тут ее вдобавок прорежали паучьи кладки, в изобилии развешанные под низким сводчатым потолком. Пахло влажным камнем и сухим тленом.

— Как это случилось? — спросил русский.

Хозяйка заговорила не сразу. Вздохнула, словно оживляя слова в горле.

— Это случилось тогда, когда Хом застыл. И я не знаю, следствие сие или предтеча.

Знайте же, Хом наш некогда был известным среди той породы людей, что предпочитает потешную охоту всем прочим радостям.

Жили в наших лесах некие лайтнии — существа светоносной силы. Девы-лайтнии были прекрасны и быстры, как ветер, а золотые волосы их пахли грозой. Со всех Хомов съезжались охотники, чтобы затеять длинную игру и взять свою добычу.

Начиналась ловитва на рассвете и длилась, длилась, пока не загоняли до смерти, до изнеможения желаемую добычу. Тогда победитель снимал с нее шкуру, а шкура лайтний могла лечить любые болезни и стояла как корабелла в тяжелой броне.

Однажды на охоту прибыл именитый вельможа. Один глаз у него был хрустальным, а второй — черным, как кошка ночью. Он не назвал своего имени и не сказал, откуда пришел. При нем были конь и пес. Его пес ходил на двух ногах и был молчалив, будто соль. Вельможу приняли в кавалькаду, так как он заплатил щедрее прочих. Князь хвалился победой, празднуя заранее.

В тот день жребий пал на деву-лайтнию.

Победителем вышел чужак-вельможа. Он споймал ее быстро и не убил, но пленил. Правила того не запрещали. Князь был в ярости и не признал победы. Он приказал своим слугам задержать гостя, отобрать добычу, а самого бросить в темницу.

Остальные гости не вступились за честного победителя, но с любопытством ждали, чем закончится спор. Они надеялись — кровью.

Тогда вельможа сказал: «Я вижу, Князь, ты не рад, что потеха кончилась так скоро. Пусть будет по твоему. Скачи же. Так долго, как стоит эта ночь».

Сказав сие, он прыгнул на коня, схватил деву-лайтнию и исчез, а пес исчез вместе с ним.

Князь же не сошел с коня. Вместе они продолжали погоню.

Волоха кивнул. Сощурился.

Дятел крякнул, почесал грудь.

— Однако, не со своим братом связался Княже, — подытожил задумчиво.

Князь не ответил на такую дерзость. Все тело его было напряжено, вытянуто, прикинута к лошадиной холке. Рука с плетью медленно вздымалась и опускалась, касаясь крупа. Конь трудно, как в смоле, перебирал ногами, не двигаясь с места. Они летели вперед, слившиеся друг с другом в единый организм последним словом чужака.

— Коняшку жалко, — подумав, добавил цыган. — А сбить никак? Сковырнуть, как замок ржавый, а?

— Мы все испробовали, — Танакиль развернулась к выходу. — Пока стоит ночь, он продолжает охоту. И жив тем.

Словно отвечая ее словам, глаза Князя повернулись в сторону гостей.

К слову, Элон не думала, что русский капитан явится на спектакль.

Не могла представить его здесь, в бархатном полумраке черешневых кресел, среди полированного дерева и сцены, пахнувшей потом и блестками.

Но он пришел.

Раньше ей не встречались мужчины с зелеными глазами. Должно быть, ивановское изобретение.

Не дарил цветов, и даже не присоединился к овациям. Но его взгляд компенсировал все дикарство.

— Прогуляемся?

— А куда ты хочешь?

— А куда можно?

— А давай в парк?

— Парк? — Волоха задумался, удивленно вскинул бровями. — Давай. Я сто лет не был в парке...

Элон сжульничала. Парк был не просто типовым набором деревьев и беседок, он включал в себя и аттракционы, и сладкую вату, и орущих детей, и пахучих пони. От ваты балерина с сожалением отказалась, а вот на горки полезла с энтузиазмом.

— Тебе что, совсем страшно не было? — спросила после, слегка обиженно.

Глупо получилось, пока она верещала, русский молчал и только жмурился от ветра.

— Да я в Луте накатался, — улыбнулся Волоха.

Когда он улыбался, на левой щеке обозначался тонкий шрам, будто росчерк гусяного пера. К старости он сделается заметнее и глубже, а пока лишь добавлял шарма. Элон с трудом удержалась, чтобы не проследить его пальцем.

Или — даже жарко стало — губами.

— Нет, гаджо, я многое понять могу... Простить при случае тоже, но тут что за ебалушка? Как Хом может пожрать собственную органеллу?

Волоха не ответил, пристрасно изучая застывшее, стеклянной черноты небо. Положение луны не изменилось. Звезды оставались на своих местах, словно приколоченные. А между тем, уже давно должен был случиться рассвет.

Танакиль не солгала — солнце исчезло.

— Пойдем, — русский решительно поторопил товарища, — раз нам дали право свободно ходить, где вздумается, глупо этим не воспользоваться.

— Я тоже так думаю, — обрадовался цыган, потрясая кудрями. — Дело говоришь! Винный погреб сам себя не осмотрит, знаешь ли.

— Мы идем не в винный погреб.

— А куда тогда? В левое крыло, к служаночкам?! Тоже нормально, но может, подмыться сначала?

— И не к служаночкам, — обрубил мечтания старпома Волоха.

— О, Лут, я потерял интерес, — поскучнел Дятел. — Романтики в тебе как в лопате, капитан.

Но от русого не отстал. Вместе вышли из замка, и Волоха свернул к реке. В темноте она блестела живым, змеиным глянцем, неумолчно болтала скороговорки, набрав полный рот гладких камней-валунов.

Волоха склонился над укрепленным обрывом, рассматривая воду в обрывках кружев взбитой пены.

Дятел, уперев кулаки в бедра, следил за действиями Волохи.

— Что пытаешь хоть? Рыбалить надумал?

— Гляди. — Волоха провел ладонью, собирая остатки высохших водорослей. — Уровень реки. Она здорово обмелела.

Цыган пожал широкими плечами.

— Ну так, может зима или запруду где бобры хвостами нашлапали?

— Ты обратил внимание на состояние самого замка?

— Уборка бы не повредила, сидят как мыши домовые, уши шерстью заросли.

— Камень крошится. Словно мякиш хлебный. Вода уходит. Огонь не живет здесь.

Дятел пожевал губу, прикидывая.

— Аутофагия? Хом пожирает самое себя?

— Коллапсирует, я думаю. — Волоха выпрямился, отряхнул колени. — Помнишь? Волк рвет цепь, пожирает солнце и это значит наступление конца всего...

— Погоди-ка, но бабец говорила, что это Лут знает сколько лет тянется...

— Ты заметил?

— Заметил что?

— Они не едят. Не пьют. И пищу предложили только нам.

— Погоди, ты резво взял. Она что-то там говорила о консервации?

— Я думаю, что все здесь законсервировано. Включая обитателей. Это ящик механики, который запускает в движение появление зрителя.

— А не слишком ли забористо, а, гаджо?

— Я попросил ребят пошерудить с разных сторон. Сегодня вечером... Ну, условным вечером, попробуем свести все факты. Если я прав и мы действительно среди декораций...

— Больно муторно да сложно. Пастух, по-твоему, тоже элемент? А уж матюгался, матюгался-то как настоящий.

— *Готов? Гляди, уронишь меня...*

Русый лишь фыркнул, точно лесной кот.

— *Жми, — сказал уверенно.*

Элон вспомнила к месту, как валяются из высоких поддержек балерины, на лицо падают, ломая ключицы. Разбежалась и — взлетела.

Застыла, точно вклеенная в крепкие руки.

Волоха держал жестко, даже не вздрогнул.

Аккуратно спустил на землю.

— Ну, ты здоров... Хотя твой Дятел меня тоже наверняка бы поймал.

— Мой Дятел и меня бы поймал, — хмыкнул Волоха, и Элон рассмеялась.

Вести, принесенные остальными, только укрепили подозрения Волохи. Впервые они зародились в подземелье, где все скакал и скакал в вечной своей погоне, в ожидании рассвета, Князь. Будто персонаж кулиски-вертепа — в аляповатой одежде, с вытаращенными глазами, на лакированной лошадке с мочальным хвостом.

В замке Стернь не было припасов. Зерно — прах, мясо на леднике — гниль, вино — ржавая пленка.

Замок еще дышал благодаря источникам, но в тепле его не нуждались люди. В денниках не били копытами кони, не квохтали куры на скотном дворе, и на весь замок не сыскалось ни одной усатой полосатки.

Собрались в кружок.

— Тикать надо, — рубанул воздух ладонью взбудораженный Буланко, тараща яркие глаза, — поганое место! Дюже поганое!

Иночевский с сомнением покачал головой. Переплел тонкие пальцы, вкрадчиво поблескивая кольцами.

— Истинно говорит, уходить следует. Вот только как души живые в полоне оставить?

— А что нам в них, товарищи, если Хом все равно сам себе поедом ест? — откликнулся Мусин. — Мое слово: Еремку в охапку и марш-марш, покуда хозяева еще чего не удумали. Один Лут знает, что там у них в программке. Либретто нам не выдавали!

Дятел вопросительно уставился на Волоху.

— Здесь поцелуем заклятье не снимешь, — вздохнул русский, — Лут на счастливые сказки никогда щедрым не был. Как думаете, сколько путников до нас так пропало?

Экипаж закручинился в раздумьях.

— Почему же пропало? — осторожно возразила Медяна. — Может, живут себе где-нибудь не в замке.

— В Траве, что твои кузнечики, — басом бросил цыган и хрипло рассмеялся, в общей тишине.

— Ой, Лут, — выдохнула Медяна, обхватила себя за плечи. — Нам надо бежать! То есть — уходить.

— Что скажешь, гаджо? — Дятел толкнул в плечо Волоху.

Русый размял лицо ладонями. Следовало решать быстро.

— Хорошо. Медяна, Буланко — забирайте Метелицу, идите к Еремии, поднимайте, коротко обрисуйте ситуацию и выводите к корабеллам. Мусин, Иночевский, Дятел — на вас стража у ворот. После закидывайте корабеллы на Еремию и ходу.

— А ты до ветру попрешься?

— А я попрусь выяснять, можно ли остановить этот механизм.

Народ козырнул и разбежался. Один цыган задержался. Волоха хмуро толкнул его в грудь.

— Что такое, старпом? Приказ не ясен?

— Ясен-красен, — протянул Дятел, оскалась, — а только сдается мне, все это представление для тебя одного затеяли. Вот и думай, кому ты так сдался.

Волоха проводил помощника взглядом.

И направился вниз — туда, где без остановки двигалась кукла-Князь.

Даже тени его оставили. Светцы едва тлели, но Волоху вело звериное чутье — раз пройдя одной тропой, он не забывал ее.

— Ты не туда идешь.

Дева прижималась к стене. Тонкая и белая, точно росчерк ветки на снегу. Гладкие черные волосы убраны в узел на затылке. Скулы ее были тугими и горели кирпичным румянцем, и она вовсе не казалась механическим элементом шкатулки.

Она появилась сразу, вдруг, за один мельк ресниц, и Волоха остановился.

— Что ты говоришь? — спросил, пытаясь не выдать растерянности.

Он нахмурился, тщетно пытаясь вспомнить. Он не видел ее раньше — ни здесь, ни вообще. Но она казалась знакомой. До боли.

— Это говорю не я, — незнакомка серьезно улыбнулась. — Это говорит тебе он. Ты нужен ему в другом месте. Не здесь.

— Кто — он?

— Он скажет, куда вести корабеллы.

— Кто — он? — настойчиво повторил Волоха. — И что если я сам знаю, куда мне вести корабеллы?

Девушка улыбнулась.

— Он скажет.

Волоха моргнул — и девушки не стало. Будто в стену ушла.

Русый провел рукой по стене, шершавой и холодной. Ничего, никаких выемок или рычажков-зацепов. Он не мог позволить себе промедления. Кем бы ни была бледная дева.

Вниз, вниз, к железным створам.

Элон осторожно, обмирая от собственной смелости, запустила пальцы в русые волосы. Застыла, не смея вздохнуть. Волоха не проснулся. Голова его была тяжелой и горячей.

А волосы искрились, как куна. В полутьме мерцали светлым серебром, глубокие были и мягкие. В таких седина и не приметна будет. Если Лут позволит капитану дожить до седых волос...

— Милый мальчик, — прошептала Элон, — какой ты хороший, когда спишь.

Бережно очертила кончиками пальцев жесткий излом губ. Вздрыгнула, когда острые зубы сжали фалангу.

Волоха смотрел из-под ресниц. Сильно запахло хвоей, горькой смолой, таежной холодной терпкостью.

Русый плавно выпрямился, глянул сверху вниз.

— Волоха, — пискнула Элон, и едва успела ухватиться за жесткие плечи.

Ударил по спине, силясь оттолкнуть. Вцепилась крепче, притягивая к себе.

Губы его чуть горчили.

Князь длил погоню, как пожелал некогда сам, а чужак с хрустальной зеницей — исполнил. Глаза его встретили взгляд Волохи. Черты лица не выражали ничего, но под веками стояло огромное, как горе, страдание.

Волоха обошел его по кругу.

Он не верил в заклęcia, проклятия и чары. В Луте не жило подобного. Была физика, пусть искаженная, было странное сращение биологии и механики, но не нашлось места волшебным словесам и посохам.

Значит, здесь работала похожая схема. И где-то ее можно было разомкнуть. Кто же был ключевым элементом цепи, размышлял русский. Они — зрители? Госпожа Танакиль? Безымянный пастух с его овцами? Или же сам Князь?

Не живой, не мертвый, но все еще Князь — ставленник Хома, его проводник. Их обоюдная связь обернулась ловушкой, когда чужак поймал Князя в бесконечное колесо погони. Хом замкнулся на себе и стал пожирать себя, разрушаясь. Исчезло солнце.

И должна была исчезнуть ночь.

Разгадка, очевидно, была простой.

Такой простой, что Волоха нахмурился, покачал головой, отметая идею.

Но следовало попробовать.

Он приблизился.

Крепко взял коня под уздцы.

— Тпру, — сказал, легко натягивая повод и заглядывая в фиолетовые конские глаза.

Конь взметнулся вдруг, прянул в свечу.

Волоха охнул глухо, не сразу совладал — повис, притянул обратно, смиряя лошадиный скак. Не сразу, но заставил успокоиться.

Князь же не шевелился, точно набитое чучело.

Волоха заглянул ему в лицо.

Искал — ответ.

Князь закрыл глаза.

И рассыпался прахом, вместе с конем.

Замок же содрогнулся от самого основания, от самых корней. Застонал, закачался, а русский пригнулся и нашкодившей кошкой метнулся прочь.

Ступени плясали под ногами. Волоха пролетел коридор, а после поперек грохнулась плита перекрытия, и он, отскочив, побежал в другую сторону.

Свернул в открытый коридор и замер, оглушенный тишиной.

Ничего не раскачивалось, не падало и не разрушалось.

Лишь вдалеке играла смутно знакомая мелодия. Она притягивала, чаровала. Простая, заикленная — будто кто-то до упора завел музыкальную шкатулку и открыл крышку. Она все шла и шла по кругу, слепая рудничная лошадь, и русский, напряженно вслушиваясь и вглядываясь, вышел к источнику.

Помещение словно копировало однажды виденный театральный зал — малый его вариант. Чудно, как они умудрились воссоздать...

Там, за рядами поломанных кресел, в жарком свете одинокого софита, на авансцене, на вращающейся платформе кружилась кукла балерины. В человеческий рост.

Кукла стояла на одном носочке правой ноги, прогнувшись в поясице и красиво закинув голову в арке вскинутых рук. Арабеска.

Волоха сделал шаг. Еще, и еще один, а потом — узнал. Понял. Увидел.

Чучело примы ассолюты Театра-на-Камне глянуло на него пластмассовыми шарами и поплыло по кругу, и свет подчеркивал грубые стежки на коже.

Стежки те складывали слова: Тамам Шуд.

Волоха остановился. И сердце остановилось его, и дыхание, и глаза. Мертвая Элон

танцевала — для него одного. Как обещала когда-то.

А потом музыка оборвалась. Из-под рампы на Элон просыпался серебристый дождь конфетти.

Из глубины зала мерно, одобрительно аплодировали.

Волоха круто обернулся, дыша ртом от перехватившей горло ярости. Метнулся ослепшими в горе глазами — никого, пыльная темнота, и едва заметная щелка света от приоткрывшейся и вновь закрытой двери.

Волоха сорвался с места. Выскочил в коридор, уловил тающее эхо быстрых шагов. Кинулся, как кошка на мышь, свернул за угол и лоб в лоб столкнулся с цыганом.

— Волоха, твою мать! — рявкнул тот. — Все огонь! Бежим, вот-вот взлетит к ебням!

Русый, не слушая, рванул дальше, почти видя ускользящий след убийцы.

Дятел бросился наперерез, всей массой впечатал друга в стену, выбивая пыль и дурь.

— Пусти, — прорычал русый, срываясь на вой, — пусти, пес!

Вместо ответа старпом ухватил капитана за волосы и приложил лбом о стену. Волоха обмяк.

Цыган без натуги вскинул его на плечо, и прыжками понесся к выходу. Взрыв придал ускорение, волна почти на руках вынесла парней в пролом, шваркнула о землю и накрыла обломками.

Волоха пришел в себя. Во рту было солоно, гудела голова. Сверху лежало что-то тяжелое, вроде шкафа.

Волоха шевельнулся и «шкаф» с кряхтением и матюками скатился в сторону, обернувшись верным Дятлом.

— Он убил Элон, — тупо сообщил Волоха.

— Он?

— Или она. Или они.

— Бля, гаджо... Уверен? Откуда бы ей тут взяться?

— Возвращаемся. Ребят в кучу, двигаем к Агону. Потом — Хом Мастеров. Нужна броня на все корабеллы. Вскрываем общак. Берем оружие.

— Типа, мы идем на войну? — ощерился Дятел.

— Да. Мы идем на войну.

23.

— Это *Матица*, — сказал Выпь.

Прочие разом повернули к нему головы.

Выпь вздохнул, растолковал, как по писаному.

— Матица, многоногая, белоструйная. Свивается коконом, зреет в Луте до срока, устроив себе гнездо в брюхе живой корабеллы. Сосет ее изнутри как теля — матку. После выходит на свет, начинает пастись. Множится делением.

— Агаааа, — сказал на это рыжий Гаер.

Они стояли на стене, поросшей ворсом защитных струн, пялили глаза. Желтолицая Солтон кусала истерзанные, ссохшиеся на ветру губы, Сом то и дело утирал лоб расшитым платком, отдуваясь. Пегий сутулился, прятал руки в карманах. Лагерь стоял в раскаленном хомуте жара. А над стойбищем Хангар будто туча разлеглась, и с той тучи тянулись к земле множественные слюдяные нити.

— По-твоему, она просто так там гуляет или тамошние умельцы ее себе на цепь посадили?

— Если знающий человек возьмется, Матица ему служить будет, — Выпь потер глаза.

От песка и жара горели, будто песка наелись. Юга молча протянул ему флягу с водой, Выпь принял.

Они с ним стояли наособицу, в стороне от прочих. Ненароком, так уж само сложилось.

— А бьет как? — жадно допытывался Гаер, терзая волчьими зубами мундштук трубки.

— Пасется, — глухо уточнил Выпь. — Кормится на живом мясе, а уж звериное алибо человечье, ей без разбору.

Там, где ныне стояли Хангары, некогда жили люди. Никто не станет кормить пленников, если можно скормить их самих.

— Таааак, — арматор покрутил докрасна сгоревшей шеей. — Еще что знаешь?

Зернь, подумал Выпь. *Паволока*. *Хворост*. Существа Лута, которых, по словам разведчиков, Хангары вели за собой.

Вот только каким вабиллом?

Память его пестрела пестрядью, взятой у Печатей Памяти и купленного самоплета. Нс Печати давали знание только о том как извести тварей, и молчали про то, как привести их к покорности. Считать все он не успел.

Или же Хангары знали неведомое Вторым.

Выпь кололо чувство досады. Убить, считал он, всегда можно. Простая мера. А вот разобраться, попробовать под себя выучить — куда сложнее.

— Стало быть, укрепляются, — обмахиваясь надушенным веером, сказал Сом, — ваши предложения, друзья мои?

— Запалить их к такой-то матери, — высказалась Солтон, — пушки, хвала Луту, есть. А можно и корабеллы подтянуть, сверху огнем ливануть.

Пегий кисло усмехнулся. Светлые глаза его были совсем прозрачны.

— Опасно подводить корабеллы к этой вот, как юноша сказал, Матице. Без должной подготовки. У вас есть на примете толковый адмирал, арматор?

Гаер звучно поскреб висок.

— Есть-то он есть, да далековато ходит. Покуда докричусь, уже не надо будет. Я так считаю, ребзя: нужно клин клином бить. Шерстим закрома, ковыряем занычки, у кого что прикопано на черный день, а?

— Не всякое оружие сгодится, — сказал Выпь.

— Знаешь, какое?! — Солтон так и впилаась глазами.

— Знаю. Но достать его — отдельное дело.

— Ага. Ну что же, значит, будет чем заняться. Пойдем-ка вниз, хлебанем холодного да расскажешь, что там да куда совать, чтобы успех был.

Когда спускались со стены, Юга улучил момент, придержал друга за локоть, оттянул в сторону:

— Откуда берешь это все? Печати?

Выпь кивнул.

— Они самые. В голове сидят.

— А про локуста ничего не сидит?

— Про локуста нет.

Юга помедлил. Спросил, чуть запнувшись:

— А... про меня? Про мой род? Есть?

— Есть, — выговорил сипло Второй. — Как изничтожить.

Юга отпустил Выпь и тот прибавил, моргая воспаленными глазами:

— Но я никогда это знание против тебя не оберну.

В палатке было прохладнее, чем на стене. Сом, любитель излишеств, притащил с собой в лагерь и консервированный лед с Хома Долгого Снега, и теневой веер, забаву знати Хома Оми, и даже морской ветерок в нарядной плетеной клетке, добычу дителей Хома Ковыля. Последний без колебаний забрал Гаер, подвесил к балке на крюк и уже оттуда спускалась, веялась прохлада.

— Против Матицы есть средство. Подсадить ей в ножки бегучий огонь. Он Матицу изнутри выест, она пеплом изойдет. — Выпь стоял, пока остальные сидели. Говорил медленно, негромко, но его слушали. — Огонек на старых костях водится. Где многих вповалку хоронили или лабиринты костяные строили.

— Знаю пару таких мест, — кивнул Гаер, желтым пальцем уминая табак. — Дальше говори.

Курил он в лагере много. Будто нехватку сна перебивал.

— От Зерни-Зерницы другая помощь. Сама по себе Зернь не ходит, на других ездит. Огонь и железо болячку не берут, но можно манилкой-трещоткой привлечь и в коробе запереть. Манилки для Зерни еще в *повалушу* делали, у антикваров, должно, остались.

— Потрясем стариков за бороды, — хмыкнул Гаер, почесал ляжку.

— Паволока же страхом сильна. Песни поет, люди и звери от тех песен головы теряют, прочь бегут. Натекает, как туман. Находит, как волна. Как от волны и средство: резаков наставить, боронами оборониться.

Замолчал.

— Ну? — нетерпеливо пришпорил Гаер.

— Всех тварей назвать не могу, — Выпь едва уловимо поморщился, обвел взглядом присутствующих. — Лут знает, кого еще Хангары на свою сторону притянут. Но от этих, названных, знаю как отбиваться.

— Та-а-ак, — Гаер потянулся, закинул жилистые руки за голову. — Чур с меня трещотка. Знаю, у кого такую надыбать. Самолично отправлюсь. Кто за огнем?

— Я, — Солтон подняла руку. — До Голубой Кости дойду. Была в тех краях.

— А я тогда на Хом Чайки поспешу, устройство от Паволоки доищу.

— Здесь останусь, — решил Пегий. — На пару с вами, юноша, пригляд устроим.

Юга Выпь нашел на стене. Тот стоял, весь обратившись в слух. Тянулся в сторону стойбища Хангар. На Выпь глянул быстро, отняв от лица дальнозор.

Простой вроде прибор, две трубки-долбленки вместе скреплены, да два оконца, вот только вместо стекла стояли там ястребевы очи. Добирали их на Хоме Бедуинов, старики в пустыне растили белых птиц, до самой смерти холили, а когда те коченели — выносили под луну, засыпали песком и солью. Птица оборачивалась хрусталью, вот тогда глаза у ней и доставали, да строгаи тонко, да после за большую цену продавали.

— На, погляди, — сказал Юга нетерпеливо, вручая приبلуду Второму.

Тот послушно прижал окуляры к лицу.

Увидел Хангар близко, словно в окно подглянул.

— Будто пляшут.

— Ай, так и есть! — Возбужденно подтвердил Юга. — Пляшут, в барабаны бьют, тем, похоже, и тварей сманивают. Глянуть бы вблизи, подслушать...

Задумался, вдруг щелкнул пальцами.

— В ночь пойду.

— Пластуны? Возьмут ли?

Выпь нахмурился. Опустил дальнозор. Пластунов-разведывателей набирали из охотников — низкорослые, выносливые, могущие по три дня подряд выслеживать добычу, передвигаться бесшумно и видеть каждую мелочь.

За главного у них был некто Таволга, молчаливый жилистый мужик. Лицо ножом порезано, усы подковой, сама башка налысо обрита.

— Меня — так запросто. — Небрежно фыркнул Юга. — Я же сама ночь, погляди. Особенно если в черное обрядить.

— Тебе-то идти зачем?

Юга с досадой нахмурился.

— Как не поймешь, глупый. Мне самому надо услышать, самому посмотреть, чтобы потом на свой танец переложить. Ну как удастся вмешаться, тварей оттянуть? Не могу я на жопе ровно сидеть, просто ждать, когда другие все сделают или само оно развяжется.

Выпь помалкивал, обдумывая. Звучало здраво, но все в нем предложению противилось.

— Если поймают? Заметят?

Юга только усмехнулся. Легко повел плечом.

— Тогда и плакать будем, пастух.

Таволгу Юга не сразу приметил. Тот, верно, был в разведке, когда вернулся — непонятно. Доложился начальству, а на выходе с Юга столкнулся. Перемигнулись, разошлись.

После разговорились.

Расположение к себе Юга сразу почуял, всегда настроение собеседника срисовывал. Да и сам Таволга ему глянулся. Простой, хороший мужик, даром что в вершках. Тело сухое,

подбористое, руки крепкие.

На Второго похож, только ростом ниже и вообще — проще.

Его просьбу выслушал, хмыкнул. Но уважить не спешил.

— Много просишь.

— Справлюсь.

Таволга молчал, щупал его глазами.

Юга придавил раздраженный вздох.

— За благодарностью не постою. А случится драться, не побегу.

— Ты же Третий, черныш. — Обронил Таволга, пряча подбородок в кулак. — Какая, эта, от вашего брата польза в бою? Окромя красоты, с тебя и взять нечего.

Юга сощурился, выпрямился резко.

— За мной иди, — бросил отрывисто, круто повернувшись. — Что покажу.

Таволга, усмехаясь, пошел следом. По дороге зацепил глазами Выпь, только руками развел — сам, мол, позвал. Не обессудь.

Юга привел его к реке, на песчаный берег, взрытый копытами, засыпанный водорослями и до бела высушенными костями-корягами. Жарное марево разметал пришедший ветер, взрыхлил мягкое речное мясо, засеял редким дождем. Здесь Юга встал, развернулся к пластуна.

Потянул из волос цепь. Человек подобрался, но не отшатнулся.

— Цепкой, эта, много не навоюешь, — предупредил.

Юга шагнул в сторону. Качнулся, как маятник, влево-вправо повел змеиным обрядом, а когда Таволга прилип глазами, вдруг обошел. Был — и не стал. Вырос за спиной, пластуна в лопатки толкнул.

Тот пошатнулся, крикнул.

— Эх-ма, заморочил! Глаза отвел, тьманник. Ну-ка, еще повтори.

Встал вновь к лицу лицом, напружинил ноги, подсобрался.

Юга стегнул улыбкой.

Обернулся вокруг себя, вздрогнул всем телом, раскрытыми как крыло волосами и в ответ самого пластуна подняло, обернуло, хлопнуло по лбу берегом.

— Управился, — сказал он, отплевавшись. Подгреб рукой песок. — А ну, смотреть не станут? Сразу ударят?

Пшакнул песком, как зерном, в лицо целясь, но Третий отшатнулся. Гибко перегнулся назад, волосы же, против движения, метнулись вперед, будто плащом укрылся.

— Тоже уйду, не беспокойся, — Третий уже стоял поодаль, жег очами. — Так что? Возьмешь с собой?

Таволга поднялся, растирая поясницу. Пожевал губами.

— В черное оденься и волосы свои, эта, притяни. Обещай во всем слушаться. Под свою руку беру.

Юга улыбнулся, победно сверкнув глазами.

Когда Выпь откинул полог общей палатки, Юга уже почти собрался. Стоял, крепя наручи. Взгляд у Третьего был пустым, отсутствующим, Второго он едва заметил. А сам Второй остановился — до этого не случалось видеть Юга в боевом обряде.

Шкура Третьих, ангоб — смоляные доспехи, на истинном живом носителе сидела идеально точно. Словно Юга и впрямь смолой окатили. Накладки-утолщения, будто

хитиновые пластины, прикрывали бедра, пах, плечи и грудь. Второй думал, что доспехи блестят, но они оказались матовыми, даже шершавыми на вид. И — только заметил — черное их царство цвета было неоднородно.

Протянул руку, скользнул всей пятерней, растопыренными пальцами вдоль спины, прослеживая втравленный в толщу защиты узор. Словно прорезы, сплошными линиями глубокого, как сон, цвета. Точно жила-река. Эти линии продолжались одна в другой, обнимали, обвивали все тело и двигались, когда двигался сам Юга. Их танец едва заметен был, но чаровал — на каком-то ином уровне взгляда-восприятия.

В ответ на касание Юга повернул голову, скосил глаза.

Под ресницами, впервые разобрал Второй, лежали синеватые зимние тени.

— Как устроены твои доспехи? — осведомился Выпь хрипло.

— Не знаю, — отозвался Третий с легкой заминкой.

Волосы он прибрал, перевил цепью, не дающей им воли. Поделился, переводя разговор.

— Представляешь, Таволга сказал — на гривнях пойдем.

— На гривнях? — тупо переспросил Выпь, опускаясь на койку. — Травни?

— Ай, вроде они. Таволга их на каком-то Хоме от пала спас, с тех пор под рукой ходят.

Я ни разу на таких не катался, а тебе случалось?

Речь его, Выпь приметил, после рокария сделалась иной — более плавной, певучей, с призвуком черничного серебра. Инаковости. Обычный его говорок, быстрый, как верховой пожар, когда мыслями за словами не успевал, где-то в нутре Лута остался.

Выпь молча покачал головой.

Гривни, или травни, считались существами свободными. Жили обычно на Хомах с высокой, в человека, травой. Завязывались сперва узелками в междуузлиях, маковым зернышком в росинках, а потом вырастали, сбивались в стаи и бродили туда-обратно. Люди не знающие смотрели, думали — вот ветер волну травную гонит. А то гривни ходили.

Взнуздать их редко кому удавалось. К людям гривни особо не тянулись. Могли заплутавшего вывести, ребенка-потеряшку согреть. Молодые особи, особо любопытные, к людским стоянкам прибивались, там-то их звероловцы и брали.

— Ну. Вот. — Юга встал, опустил руки. — Навроде собрался.

Выпь поднялся. Распрямился, нависнув. Доспехи доспехами, а беспокойно ему было отпускать. Сказать что-то надо было, но опять ничего на ум не шло.

— Осторожнее там, — сказал потеряно. — Не лезь в огонь. Таволгу слушай.

Юга фыркнул, хлопнул Выпь по груди — точно доброго коня — развернулся и вышел.

К ночи ветер притомился, лег. Едва шевелил траву, да морщил туго протянутое полотно реки. Дождь чуть песок вымочил, до ломкой холодной корочки. Выкатилась луна, высеребрила холодом. В ночь пошли малым отрядом: сам Таволга, трое ребят да новик.

Юга явился к месту сбора, как уговорено было, в черном. Сам смуглый, только улыбка — зубастый снежный месяц.

Таволга крикнул. Надеялся, видно, что Юга труханет, передумает — но не вышло. Ребята если и подумали что, то при себе оставили. Перед тем, как отправиться, в кружок собрались, из наперстков хлебнули.

Таволга и Юга поднес: с ноготь посудинка, вроде как красноглиняная пустышка, и что-то в ней налито под край.

— Что это? — Юга сощурился.

Таволга, кашлянув, пояснил новику.

— В темноте, эта, особенно если дождь или трава густа, не шибко разберешь, не много покомандуешь. Значков у нас нет. Шуметь нельзя. Так мы вот что заместо того пользуем: ерепня-червя на части рубим, да после каждый парень мой кусок евоный перед походом заглатывает. Червь, он живет еще долго, и мы как бы через него сообщаемся. Что один видит, то и другой глядит. Опять-таки, если командовать мне — то и жестами пойдет.

Юга переглотнул.

— Мне что же... Тоже надо?

— А иначе как.

Юга не стал приглядываться к содержимому. Задержал дыхание и махом закинул в себя, глотнул, сдержал рвотную судорогу.

Пластуны одобрительно зашумели.

— Добро. После дела просто выблюешь. А теперь меня держись, — негромко напомнил ему Таволга.

Пешими, оберегаясь, миновали укрепления, дошли до травы. Та волновалась под лунным светом, тихо шелестала. Таволга протянул руку и вытащил за узду свитого влажными стеблями конька.

Передал Юга. Третий незаметно обтер ладони о бедра. Не давая себе думать, поймал гривня, ловко метнул тело на голую конскую спину.

Травень повернул голову, словно из изумрудных жил выточенную, глянул влажными, дышащими провалами глазниц. Прочие пластуны-разведчики разобрали себе скакунов. Таволга первым тронул своего гривня под бока. Тот потянулся-втянулся в траву, следом бесшумно канули остальные.

Понесли седоков. Гривень Юга двигался мягко, стелился точно трава под ветром. Быстро, плавно, сильно. Не разобрать было в темноте, где сам скакун, а где прочая трава. *Возможно, подумал Юга, одно в другое перетекает.*

Затем позамедлились. Тихо пошли. *Хангары тоже ведь не дураки, в себе услышал Юга отражение шепота Таволги, сторожей наставили, ловушки растянули. Еще в первую ходку тропки наметил, где можно пройти, а где нет. На второй заход всегда сложнее.*

Потом трава поредела, пришлось скакунов отпустить. Гривни, седоков скинув, мигом на траву расплелись, отбежали волной. Таволга повел ладонью, и прочие поняли, разошлись. *Ты рядом держись, шепотом велел Таволга.*

Юга был не в пример себе прежнему послушлив. Не шумел, жался к земле по первому знаку. Лежал сколько нужно, извозился, как собака, но не пикнул. Сперва дымом горьким потянуло, затем долетели гортанные переключки.

Или чловечьи голоса? Откуда бы люди с той стороны?

Вжались, вросли в землю.

У Юга бешено колотилось сердце, стягивало холодом кожу на спине. Дышал через раз. В земле, у-под корней ползала всякая сволочь, раз мелькнула тихим блеском многоногая крупная тварь. Дальше, велел Таволга. Что-то его смутило, он, остерегаясь, уводил людей с маршрута.

Луна на небе на другой бок перекатилась и только тогда выползли к чужому лагерю. Таволга всунул Юга под нос дальнор. Жестом разрешил — гляди, мол.

Юга, стараясь не сильно высовываться, прижал к глазам холодную оковку труб. Вздрогнул от неожиданности — совсем близко вдруг противник оказался.

Не обманул слух: и люди в чужом стане были, и Хангары, вперемиш.

Как на людей обличьем похожи, подумал Юга, мучимый каким-то стыдным, мутным любопытством. Две руки, две ноги, голова. Все соразмерное, не уродцы. Одинаковая, бледно-золотистая плетеная одежда, лица да головы чешуей укрыты, не разобрать, накидка или кожа.

Повел дальнзором дальше. Там, в кружке у дымного огня, плясали. Били в барабаны, колотили в бубны, трещали трещотками. Здесь Юга задержался, впитывая звуки всей кожей, мысленно прилаживая к себе. Так глядел, пока не ткнул в ребра Таволга, не окликнул шепотом в голове — *хорош пялиться. Пора и честь знать. К рассвету как раз обратно должны были обратно выйти.*

Кольнуло затылок, будто соломкой. Юга резко повернулся, встретился глазами с человеком не их лагеря. Дозорный уставился на лазутчиков, раскрыл рот для крика, но тут змеей из травы выбросился Таволга, повалил, подмял под себя вмиг, заломал горло.

Полоснул коротким зачерненным ножом под подбородком, как кочан с грядки снимая. Шибануло горячей кровью.

Быстро, уходим, прошептал Таволга. *На кровь налетят.*

Всполох, однако, успел противник своим кинуть. Взметнулся тревожный крик, запалили близко огни.

Таволга заскрипел зубами, выругался, но от земли не поднялся, и Юга рядом так же вжался. Траву повело от тонких ног локуста — вблизи видел Третий, что ног и впрямь восемь, а еще они с внутренней стороны зазубрены, а на концах, где копытам положено быть — ровно костыли.

Такие, подумал мельком, *можно в силки-сетку ловить. Встрянут и не вывернутся обратно.*

Качнулись Хангары в другую сторону, Таволга заторопился вперед. Юга, не мешкая, за ним. Над травой будто зарево полыхнуло.

Видно стало, как днем. Глухо вскрикнул из травы кто-то, дозорные, кончив кружить, бросились с клетотом, как птицы. Подорвался Таволга следом и захрипел, царапая показавшуюся из-под ключицы стрелу.

Юга сбил его под колени, быстро, не распрямляясь, оттащил дальше, дальше от рыскающих поверх всадников Нума.

— Лежи, я мигом, — быстро проговорил Юга.

— Ку-у-да, — просипел Таволга, сгребая горстью воздух.

Не успел.

Юга отскочил, отбежал, закричал, махнул руками над головой. Тупо боднуло под лопатку, в плечо вдарило, вжикнуло у виска, срезав прядь волос.

Третий кинулся прочь, проламывая траву, как тяжелую воду. Опять совсем рядом гуднула стрела, но он упал навзничь, перекатился с шумом, стараясь оттянуть к себе как можно больше внимания.

Полежал, таращась в небо, слушая, как летят к нему Хангары и люди. Вытянул руки, вытянул себя, вскинулся и волосы взлетели вверх, поднялись короной, черным пламенем, пожрали свет. Трава легла кольцом, загалдели люди, визжали, приседая, локуста. Бились в кольце темноты, не могли вырваться точно мошки под стеклянным колпаком.

Юга же бегом вернулся за Таволгой, закинул себе на плечо. Выговорил, задыхаясь от пережитого:

— Давай, ходу, покуда те с теньями в пятнашки играют. Ребят зови.

Таволга окликнул шепотом, отозвавшемся в костях.

Шурхнула трава, выползли остальные. Глядели на командира, но больше пялились на Юга, на дикие его глаза.

— Ходу, ходу, к гривням, — хрипло повторил Таволга, облизывая губы.

Убрались быстро. Оглядывались — враги, как зачарованные, метались в кругу, перекликались тоскливо, будто птицы.

Выехали к своим, когда совсем рассвело. Таволгу приняли лекарцы, среди встречающих каланчами торчали Гаер и Второй. Рыжий арматор ожесточенно кусал трубку, Выпь, судя по всему, так и не ложился.

— Ну, — заговорил, обегая взглядом, когда Юга подошел к нему, — подсмотрел, что хотел?

— Подглядел, — устало кивнул Третий, — ай, досыта нагляделся...

Не договорил, отвернулся, упал на колени, выкашливая из себя мутную слизь.

Выпь оказался рядом, сгреб волосы.

— Помочь? — спросил участливо.

Юга чуть не поперхнулся желчью и смехом. Отмахнулся. Принял от Второго флягу с водой, прополоскал рот. Протянул с омерзением:

— Ай, чтобы я еще раз...

Выпь ткнул его в плечо заскорузлым пальцем, растер бурый след.

— Не ранило?

— Доспехи сберегли. Поклевало, не прошибло нигде. Таволгу приложило и еще одного, остальные целыми пришли. Плохо, пастух. У Нума люди на подхвате...

Выпь помолчал. Играл желваками. Юга пихнул его бедром, пошел к реке.

— Ополоснись хоть с дороги. Новости есть какие?

— Сом да Солтон укатили, Гаер снаряжается.

— Лагерь на кого оставляют?

— На Пегого. — Помолчал. — И на меня. Я вроде как по советам.

Юга глянул через плечо.

— Расте-е-ешь, — протянул с неясной насмешкой.

Выгнулся, скидывая шкуру доспехов, Выпь отвел глаза.

Вспомнилось вдруг, как схожим манером Юга скидывал образ черной твари после гостевания у Греты. Лаброс.

Плеснула вода, и Выпь, кашлянув, снова заговорил:

— Знаешь, чего не пойму? Слышишь?

— Слышу, говори, — глухо откликнулся Юга, обливаясь водой и жмурясь от кусачего холода.

— Почему на этом Хоме встали? Чем другие хуже? А этот чем лучше? И они уперлись. И мы не уступаем.

Юга помолчал, растирая кожу.

— Рыжего не пытал?

— Нет. Думаешь, знает?

— Он-то? Да вполне, — Юга, вытянув над головой, рассматривал свои руки, сжимал пальцы, будто впервые видел, — спроси-спроси, потом мне расскажешь. А если стесняешься, я могу и лично подкатить

Выпь усмехнулся, покачал головой.

— Сам.

Юга наскоро домылся, вышел на берег, выкручивая волосы. Улыбнулся, головой толкнул Выпь в плечо.

— Давай я тебя порадуя, пастух. Есть идея, как локуста поймать. Ноги у них знаешь, с зазубринами. Пильчатые, под углом. Если сеть какую кинуть, можно взять.

— Можно, — задумался Выпь, кивнул. — Локуста — красивые.

— Ну уж, — фыркнул Юга, вскинул голову, тряхнул мокрыми волосам. — Я-то всяко лучше.

— Даже когда блюешь — первый красавец на селе, — серьезно поддержал Выпь.

24.

Молчание стыло, загустевая. Нил и Михаил умели хранить обоюдоострую тишину красноречиво, звеняще.

«Не нравишься ты мне», читалось на лице у каждого.

Но оба немствовали.

Лин старался не эскалировать конфликт, с примирительными речами не лез.

— Ах, сердце мое! Если бы я знал, как все обернется, подготовился бы заранее, — сокрушался Нил, пока они пробирались ночными улицами к воронке.

— Ты знал, — скупно обронил Михаил. — И подготовился очень хорошо. Очень заранее. Будь Лин один, тебе бы удалось его провести.

Нил растянул губы в улыбке, холодея глазами. С куда большим удовольствием он бы воткнул наваху в медвежий загривок Иванова.

— Ну я, все же, не такой наивный, — вступил Лин.

Нил с Михаилом с одинаковым выражением глянули на него, потом друг на друга.

— Что же, по крайней мере теперь наш мальчик в надежных руках, — дипломатично улыбнулся Нил.

— Никаких «наш», — проворчал Михаил.

Примириться с Крокодиллом он не желал.

Лин только вздохнул. В упрямстве Иванов мог потягаться с любым из Первых. Пожалуй, прикинул Лин, они бы сошлись с Мастером. Эфор не жаловал людей, но умел уважать некоторых из них.

Веллер ждал Крокодила, затененный в укромной ложе. Он ничем не выделялся из десятка других лодчонок; Нил предпочитал прятать иглу в игольнице.

— Еще раз предупреждаю — лот под охраной.

— Значит, ты и поможешь нам ее ликвидировать.

— Ликвидации не по моей части, Ледокол, — поморщился Нил.

Лин уверенно добавил:

— Мы постараемся избежать кровопролития.

Михаил с сомнением покачал головой.

— Едва ли это в нашей власти, Лин. Хом Лок это Хом Лок.

И посмотрел на Нила особо выразительно. Крокодил только зубы показал. Что отвечать? Во всем Луте не сыскать хранилища надежнее. Что банки, что подподушечные хранилища, когда был целый Хом, самой физикой происхождения предназначенный для сокрытия?

Нил не был глупцом. Лот такой баснословной ценности нельзя держать при себе. Особенно когда бродили вокруг охочие до добычи люди Ведуты и шушера помельче. Хом Лок принимал на хранение любую вещь любой стоимости, кремальеров не интересовало содержимое ячейки, а сам клиент, после оплаты, вправе был лично определить место и условия изъятия.

Ну, Нил и выбрал.

От души.

— Хочу напомнить, радость моя, что я спас тебе жизнь. И не пожалел ради этого

некоторых весьма редких своих активов.

— Я ценю это, Нил, — серьезно ответил Лин, прежде чем Михаил решился вытолкать Нила за борт, Луту в пасть. — Правда. Ценю.

Нил прижал руки к сердцу.

Иванов неприязненно покосился на виолончель.

— Зачем ты таскаешь с собой эту бандуру?

— Прошу простить, но я же не интересуюсь, к чему ты всегда носишь с собой голову, — парировал Крокодил, надувшись. — Тебе, как существу бесконечно далекому от тонкого мира прекрасного, не понять. Вот Лин понимает. Он ни разу не спросил меня об этом.

Лин бледно улыбнулся.

Координаты Хома плавали, обновлялись и доступны были даже не каждому вкладчику. Крокодилу посчастливилось знать нынешнее его расположение. Туда он и направил веллер, настроив маршрут под чутким наблюдением Михаила.

— Ах, ми вида, я вовсе не намерен предавать вас.

— Тем лучше. Целее будешь.

Парни хмуро уставились друг на друга.

Лин вздохнул. Помнится, Гаер тоже легко раздражался, когда был голоден.

— Кто-нибудь хочет мясного пирога? — спросил Первый примирительно.

Веллер, подмигивая нарядным оперением глостера, быстро добрался до точки, обозначенной в информатории Нила просто как «Хом».

— Не вижу здесь никакого Хома Лок, — Михаил скрестил руки на груди, — ты водишь нас за нос, Крокодил.

— Отнюдь, Ледокол, — пропел Нил, — это всего-навсего защита от дурака и, как видно, она прекрасно работает.

Он выдержал паузу, наслаждаясь мстостью и кислым лицом Иванова, затем жестом фокусника извлек из рукава расшитой куртки смычок.

— Видишь ли, у каждого вкладчика имеется свой персональный доступ первых врат. Иначе пройти к сейфу может любой праздношатай, а это не дело.

Нил так же торжественно расчехлил виолончель, блеснувшую тугим лакированным боком. Взял за горло, нежно провел по оголенным жилам смычком.

Глубокий вибрирующий стон отразился в Луте; беспримесная чернота его дрогнула и растаяла, обнажая тоннель, достаточный для прохода веллера. Веллер втянуло в него, точно течением и путников обступила синяя мгла, переплетенная с чем-то, похожим на полые корни и морозный узор.

— Я убью тебя, если это ловушка, — громовым шепотом предупредил Михаил.

— Не бойся, Иванов, это всего лишь особенная пропускная система, принятая во многих элитных сферах, тебе неведомых.

— У преступников и политиков, ты хотел сказать?

Внутри корней что-то двигалось, а сами они тесно обступали веллер и шевелились, будто готовые по первому сигналу накинуться.

Михаил, не стесняясь, держал руку на рукояти сабли; Нил бодрился, но старался быть между Первым и Ивановым.

— Ребята, ребята, смотрите: мы прибыли.

Веллер никто не встречал. Нил, нервно оглядываясь, первым выскочил на шершавый

язык стыковочной площадки. Четыре на четыре шага, освещенная скупо и холодно, прямо по курсу дверь в завитушках. С боков площадку тесно подпирала темнота.

Видимо, для каждого транспорта был предусмотрен отдельный узел.

— Что-то не так? — прошептал Лин, вставая рядом с Нилом.

— Предчувствие дурное. Наверде как после той кукурузы под сливочным соусом, которую я неосмотрительно попробовал на Хоме Пернатого Змея. Ну, дай Лут, пронесет. В известном смысле, конечно.

Он решительно прошел вперед, приложил к выемке в двери ладонь. Дверь глухо зарычала кишками и выдвинула в ответ челюсть, густо усаженную зубьями на подвижных штырьках.

Михаил с Лином заинтригованно встали с двух сторон от Нила, взволнованно дыша ему в уши, пока тот дергал и переставлял зубцы, набирая нужный код. Когда последний зуб встал на свое место, платформа пришла в движение. Приподнялась, опасно качаясь, и с легким гудением, поплыла вперед.

Лин неожиданно скакнул к краю, свесился, заглянул под днище и отпрянул, восхищенно тараша глаза.

Состыковалась с основным блоком.

Здесь было значительно светлее, от платформы уводил длинный коридор, подпlesenный темными нишами и дверями.

Михаила это впечатлило.

— Да сколько же здесь дверей.

— Наверняка больше чем в твоей берлоге.

— У Михаила не берлога, — вступился Лин. — У него очень красивый дом. И он показал мне кошку.

— О, Лут, Иванов, ты ведь знаешь, что ему не больше шестнадцати? И не хватай меня за горло, я просто спросил...

Спор прервал мелодичный звуковой сигнал. Навстречу визитерам выступил представитель Хома, облаченный в шелестящую, расшитую мантию серого цвета. Судя по всему, выступил он напрямиком из стенной ниши.

— Это кремальер, — шепнул Нил, — говорить буду я.

— Добро пожаловать, уважаемый вкладчик! Ваш визит очень важен для нас. Пожалуйста, сформулируйте цель вашего посещения.

Нил подбоченился.

— Легко. Мне нужно забрать мой вклад.

Кремальер немного подумал, старательно улыбаясь.

— Ваш номер... Подтвержден. Операция недоступна.

Нил вскинул брови.

— Порке? Почему это?

— Высший приоритет защиты. «Изъятие вклада до завершения торгов невозможно».

— А-а-а, Лут, — Нил в сердцах стукнул себя по бедру, — о, этот мелкий шрифт! Требую возврата. Форс-мажор. Чрезвычайные обстоятельства!

Кремальер задумался.

— Я перенаправлю ваш запрос. Ожидайте, пожалуйста.

Вежливо кивнул гостям и плавно убрался обратно.

— Это была живая кукла? — шепотом спросил Лин, дернув за рукав Мишу.

— Похоже на то. Или просто тут так принято.

Ожидание затянулось. Нил кашлянул, переступил с ноги на ногу. Покосился на сумрачного Михаила. Вновь нежно прозвенело, выплыл тот же кремальер.

— Благодарю за ожидание! Ваш запрос обработан. В операции отказано.

— А, пинче пута! — Нил пылко рванулся вперед, намереваясь сгрести за ворот кремальера, но спутники успели его перехватить. — Что за порядки у вас?! Я требую возврата! Тrequю как вкладчик! Это сверхчрезвычайная срочность! Это дело жизни и смерти!

— Пожалуйста, подождите. Я перенаправлю ваш вопрос.

Кремальер вновь, тем же манером задом-наперед, скрылся. Нил выругался. Лину показалось, что от него в сумраке разлетаются искры.

На этот раз к ним вышел другой, в мантии красного цвета. Вышивка у него была куда богаче и прихотливее.

— Добро пожаловать! Мы рассмотрели вашу заявку и приняли во внимание срочность запроса. Мы готовы пойти вам навстречу.

— Отлично, — выдохнул Нил. — Давно бы так.

— С тем условием, что вклад заберете вы сами. Если же вы не сможете этого сделать, он будет передан новому владельцу в соответствии с результатами торгов.

— Но-о-о...

— Мы согласны, — быстро сказал Лин.

Михаил недовольно дернулся, но промолчал. Нил хмуро кивнул.

— Пусть так. Но я пойду с этими двумя.

— Пусть так. Следуйте за мной, пожалуйста.

— Ты иногда столь прыток, ми альма, — сокрушался Нил, пока они брели за кремальером уютным коридором.

Ниши, видимо, представляли собой капсулы хранения кремальеров. В неактивном состоянии члены Братства дремали, похожие на куколок, надежно защищенные от стрессов извне паутинно-тонкими белесыми ниточками. На нитях, забегающих в рот, мерцали прозрачные мутные капельки.

Лин подумал, что ниточки эти похожи на материал, которым были расшиты их же мантии.

— Ах, боюсь, это приключение выйdet нам боком.

— Почему? Забрать вклад так сложно?

Нил вздохнул, обернулся на Михаила.

— Я бы сказал: невозможно. Высший приоритет защиты. Лот имеет огромную ценность и я постарался защитить его... И немножко перестарался.

Кремальер подвел их к замкнутой двери. С улыбкой протянул Нилу бумажный пакет.

— Пожалуйста, за этой дверью ваша ячейка. В пакете необходимая справочная информация. Удачных поисков. Благодарим за обращение.

И скрылся. Нил интереса ради прощупал стены, но ничего, похожего на нишу или тайный пролаз, не отыскал. Развел руками.

Лин же с интересом изучал содержимое пакета. Держал на ладони, как бабочку, рассматривал хитросплетения нитей.

— Эта «справочная информация» похожа на твой ловец кошмаров, Михаил, — Лин

провел пальцем по леске и та ответно вспыхнула нежной сахарной пудрой. — Только запутаннее.

— И это меня настораживает. Нил! Ты знаешь, как устроено хранилище?

— О! Хм. В теории, амиго.

Михаил поморщился.

— Говори.

— Видите ли, уважаемые мои... Любезные мои друзья. Сие хранилище первое, которое было создано Братством Кремальеров и это отнюдь не означает, что оно хуже следующих, новейших. Оно по-прежнему лучшее.

— Буль-буль, — перебил Михаил. — Столько воды, что впору кого-нибудь утопить.

Нил раздраженно вздохнул. Помассировал виски.

— Ах, каброн! Я всего лишь пытаюсь сказать, что это хранилище столь великолепно, потому что представляет собой кусок мозгового вещества Некого Великого, когда-то обитавшего в Луте. Разумеется, оно заботливо оправлено в железо и иные материалы, предупреждающие распад. По всей видимости, эта часть мозга отвечала за сон. И — скажу я — этот Некий не успокоился тем, что его голову разнесло на клочки. Он жив. Он спит и видит сны. И нет ничего надежнее, чем спрятать вещь в чащобе сновидений существа столь древнего, что сны его лишены всякой логики.

— О, — выдохнул Лин восхищенно. — Это невероятно.

— Увы, так оно и есть, гатитто. Ходить по нему могут лишь специально обученные люди — братья кремальеры. Они, в каком-то смысле, типа муравьев, пасущих тлю. Если люди не ошибаются и мои глаза меня не подвели, мы косвенно были свидетелями окормления. Ниши, помните? Говорят, этот конденсат дарует бессмертие и...

Михаил остановился, жестом прервав размечтавшегося Крокодила.

— Так. То есть, наши шансы отыскать карту крайне малы?

— Но они есть у Лина! — Нил указал на Первого двумя руками, как на приз. — Кто лучше поймет логику не-человека, как не-человек?

— Ах ты... Сумка крокодиловая, — выдохнул Михаил, но Лин положил ладонь ему на локоть.

— Он верно мыслит, Миша. Мне, скорее всего, впору придется перемещение по лабиринту снов. Я смогу не заплутать и не сбиться, тем более с картой. Мне будет спокойнее, если вы подождете меня здесь. Я не умаляю твоих достоинств, но в этом есть резон.

— Даже ты не можешь знать, что тебя ждет по ту сторону, — насупился Михаил. — Получается мы, два здоровых мужика, просто будем ждать в предбаннике? Лично для меня это унижительно. Ладно Нил, но я тебя не оставлю. Ты видел, ты знаешь, как я умею управляться с оружием. Вдвоем будет проще. Что скажешь?

Лин поднял голову.

— Я пойду один.

— Не хмурься, медведь.

Решение Лина явно облегчило душу Нила.

По крайней мере, он заметно приободрился, хоть и продолжал вглядываться в темноту коридора с подозрением.

Михаил молча скрестил руки на груди. Он действительно был мрачен, как осенняя туча.

— В конце концов, если сонный лабиринт этого существа имеет нечеловеческую форму логики, то ему там должно быть проще ориентироваться. В Эфорате, знаешь...

Он резко замолк, как порезался.

Михаил поднял голову.

— Та-а-ак, — протянул с расстановкой. — И много ты знаешь про Эфорат?

Нил, вздохнув, сел на камешек, пригорюнился.

— Не так мало, как хотелось бы, — признался.

— Откуда? — вымолчав паузу, справился Михаил.

— Был там. Разок.

— И ушел целым-невредимым? Отпустили за здорово живешь?

— Ну, как сказать, — Нил выразительно перебрал металлическими пальцами.

Михаил вновь растянул молчание до предела.

— Когда я нашел Лина, он был болен. Не знаю, что за хворь. Ни на что не похожа. Кожа сошла, кровью кашлял. Пластом лежал.

— Да ладно? — Нил встревоженно вскинулся. — Это, бато, похоже на Оловянную чуму. Она, знаешь, их брата на раз косит. Если одному прилетело, значит, всей популяции такой вот подарочек... Ах, проклятье!

Нил вскочил, забегал.

Как под хвост ужаленный, подумал Михаил неодобрительно. Он сам в любой ситуации старался вести себя бестрепетно.

— Если так, если так... Это значит, что Лин — отбраковка. Иначе не оправился бы, умер. А остальные? Тогда Эфорат опустеет и Оскуро смогут прорваться... О, Михаил! Это Тамам Шуд! Нужно срочно доложить Башне!

Михаил следил за метаниями Нила, как кошка за хаотичным полетом мухи. При упоминании Башни поморщился.

— Значит, Оскуро реальны?

— Реальнее чем твоя спокойная жизнь, — нервно хохотнул Нил, потирая руки. Остановился. — О! Кстати. Ты ведь не в курсе, что он знаком с Волохой?

— Неужели?

— По его словам.

Михаил медленно потер подбородок. Без спешки осмысливал эту новость.

Нил, успокаиваясь, вернулся на камень.

— И, если мы так разговорились, амиго... Почему ты идешь с ним?

Михаил неторопливо потянулся. Пусть он был согласен с Нилом по некоторым пунктам, но...

— А вот это уже совершенно не твое собачье дело.

Язык и письмо Первых были заключены в цвете. В палитре на безбрежное число полутонов, и никакой язык человеческий не смог бы передать эмоцию или мысль точнее, чем эбру. Лингвистическая конструкция людей имела каменный скелет. Она была точна и тяжела. Как их язык.

Лин выучился сурдо и сурда, мужскому и женскому языку Лута, но в мыслях своих всегда говорил на эбру.

И сны его шли на родном языке.

Когда створы двери за ним сомкнулись — тихо, как губы под водой — он оказался в

преддверии сна Некогого Великого. Вещь, которую он искал, точно лежала здесь, но могла обрести иную форму: человека ли, животного ли.

Лин не знал языка, которым мыслило существо, но полагал, что сны всех существ разговаривают на языке одной природы.

Внутри этой материи нет разности масти.

Прямо перед Лином тянулась дорога, собранная из камней слов, некогда брошенных. Они были мертвы, хрустели под ногами, как ракушки или жучиные панцири. Панцири, подумал Лин. Дух, суть слов ушла, а оболочка осталась.

Дорога росла вширь и ввысь, горбилась, перекатывалась дюнами, но идти по ней было легко. Лин поднимался выше и выше; сверху медленно, как обожженные листья, падали слова без смысла — они таяли на губах пеплом, легко обжигая и оставляя странный, томящий привкус и чувство тоскливого недоумения.

Лязгнуло, как в грозу. Запахло сырой медью. Лин поднял голову. Над ним, занимая все видимое пространство, ползла река, раздутое брюхо ее было мутным от песка и камней, а шкура нестерпимо блестела.

Река вдруг раскололась с треском — так лопается кора дерева в мороз — и Лин присел, машинально закрываясь руками, в ожидании ливня. Однако массу воды разметал ветер, и он же снес все слова. Лин был в стенах лабиринта. Такого знакомого, что в середине заныло.

Он уже не осознавал, где находится. Мышцы сами вспомнили нужные движения, и вот Лин крался, предчувствуя, как близится другое, враждебное. Рукояти актисов знакомо лежали в ладонях, продолжением его собственных рук.

Лин выскользнул ему навстречу и застыл в низкой стойке. Но против него было только полотнище черного зеркала, растянутого от пола до потолка, от стены к стене. Своего отражения Лин там не увидел и не удивился этому, точно так и положено.

Зеркало же вдруг сделалось прозрачным. За ним была чернота, испещренная сияющим крошевом.

Калейдоскоп, подумал. У брата была такая игрушка, и он любил разглядывать ее в Башне.

Лин коснулся стекла. Холод мглы за ним колот пальцы.

— Что это, — прошептал замороженно. — Почему это так красиво? Почему я помню это? Почему там мои глаза?

Теперь он видел свое отражение в стекле. Оно, зыбкое, дрожало и расслаивалось, будто за плечами у Лина стояли еще, другие. В непривычной одежде, но синеглазые, синеглазые. В точности как он сам.

Вздрыгнул, когда по стеклу с внешней стороны ударило. Отлетело и стремительно отдалилось, вращаясь. Лин увидел, как раскрылся в пространстве многомерный металлический цветок, обнажая переплетенные жилами нутряные лепестки. Это был механизм, непонятный, но Лин помнил — опасный.

Он смотрел. Казалось ему, что вот-вот поймет, вот-вот ухватит за хвост нужную мысль. Поймет, что видел во сне Некий.

— Лин!

Окриком вытянули, как багром. Первый моргнул, обернулся, а когда вновь взглянул на стекло, ничего уже не было.

— Чего ты застыл? — Нил дернул его за руку, потащил дальше. — Забыл? Нельзя здесь стоять.

Михаил, хмурясь, кивнул ему. Лин взял карту. Пальцы были слабыми, чуть подрагивали, и Лин не мог понять, что с ним творится.

Странно, странно.

— Ты в порядке? — Михаил смотрел так, словно видел все то, что успел разглядеть Лин.

Но, разумеется, это было не так. Вежливое беспокойство.

— Да. Просто сон, — Лин вымученно улыбнулся. — Нам налево.

Он — они? — свернули, и ветер раздул, как занавеску, золотое пламя. Оно взвилось на дыбы, до самых небес, и небеса дрогнули, пошли кракелюром — черные трещины на белом, точно молоко, исподе. Воздух раскалился, но кто-то сильный поймал коня за гриву, нагнул, заставил припасть на передние ноги.

Пламя схлынуло, скорчилось, закрутилось волной горячего песка и обнажило чей-то костяк. Броском накрыло его, спрятало обратно под брюхо.

Четыре столба поднялись — четыре смерча — и встали на горизонте.

У них нет имен, вспомнил Лин. От этого они ничьи и дики. Их еще не существует.

Имя всему дают Вторые.

Только подумал об этом, как невыносимо зачесалось горло — точно там, как в пироге, билась живая птица. Лин закинул шею, нетерпеливо поддел актисом гортань и горло треснуло, как пересохший глиняный сосуд.

На ладонь ему выпал ключ.

Голова у ключа была женской, а бородка — мужской. Он был как язык Лута. Двудомный.

Лаброс, вспомнил Лин.

Про Третьих учили, что они существа двойной природы — но имели под этим не деление на мужское-женское. Что же?

Ключ в его руках изменился, теперь он сжимал стрелу с древком, выкрашенным в грубый синий цвет. Хвост стрелы был черным, а глаз сорочьим, беспокойным.

Лин поднял руку и пошел туда, куда смотрела стрела.

Песок расступился, обнажая лежащее на боку изваяние, пойманное кольчужной сетью. Лин тронул стрелой сеть, и сеть расплелась, рассыпалась, как волосы из косы. Изваяние пошевелилось, зарываясь в песок, будто многолапое насекомое.

— Лин! — позвали его.

Голос шел откуда-то с другой стороны, и Лин мучительно содрогнулся, вспоминая. Над песком висело нечто огромное, похожее на вареный глаз.

Стрела стала розой — белой — и Лин понял, что его хотят вывести к объекту охоты, и это теперь словно компас. Он пошел дальше, и роза сделалась зоревой, а когда прошел еще немного, налилась алым.

Красного цвета стало так много, что чаша ладоней переполнилась. Алые капли побежали по пальцам, обрываясь на песок, а роза развернулась, пульсируя, будто сердце. Она обжигала, шевелилась, как медуза. В ладонях Лина ей было тесно, неудобно.

В гладких стенках сердца Лин видел свое отражение и лицо свое видел белым, подернутым тонкой черной сетью.

— Потерпи, — прошептал Лин розе-сердцу, оглядываясь. — Потерпи.

Он опустился на корточки и осторожно посадил ее ножками в песок. Не успел отойти, как ключ стал аркой — петлей, похожей на силоч.

Или — на позвоночную дугу.

Арка была сложена из незнакомого материала и испещрена символами, как ранами. Одни зажили и едва виднелись, другие рубцы чуть кровоточили розовым, а другие были глубоки и цветом в сырое мясо.

Лин коснулся теплых, как кожа, символов. Это был чужой язык, ему неведомый. Но даже так он понял, что там, в глубине, и была спрятана карта — зеница ока.

Он шагнул в арку.

— О, Лут! — Нил подпрыгнул, но почти сразу же вернул наваху на место. — Лин, какого?... Ты же заходил в эту дверь? Почему не вышел тем же путем?

— Сон как река, — заторможено отозвался Первый, с подозрением оглядывая спутников. — Одну воду не испробовать дважды. Течение уносит твоё отражение, стирая из мира сего, и память твоё делается памятью воды.

Михаил переглянулся с Нилом.

Крокодил пожал плечами.

— Ты нашел?

Вместо ответа Лин подошел ближе, ткнул в плечо сначала одного, потом второго.

— Вы настоящие или я еще в лабиринте?

— Настоящие, настоящие! — нетерпеливо подскочил Нил. — Так где карта?

— Карта.

Лин достал из кармана что-то, похожее на тончайший браслет из лески.

— Вот она. Ничего нельзя пронести сквозь сон без изменений.

Нил моргнул.

— Это струны? Для виолончели? Но как... Я должен играть карту, что ли?

— Именно так. Именно ты.

25.

Дятел был последним человеком, пригодным для спасительных бесед. Обычно мозги команде вправлял Волоха, а нутренности — сердце там, душу, прочий ливер — починял Иночевский. Ну или тот же русский, если дело касалось физических повреждений, а не мудостраданий, до которых, как известно, всяк Иванов большой охотник.

Но тут как-то все Хома не иначе раком, блять, встали, и указали на Дятла.

Нашли, мать их, стрелочника.

Как свалили с Хома, так капитан замазался у себя в каюте и носа не высовывал. Дятел волновался больше всех, хотя виду не казал.

Все беды от баб, размышлял угрюмо. Какая-то стриженная танцорка, ножками на сцене дрыгала, а русский теперь на стены лезть будет.

Цыган прибился на камбузе, пока там хозяйничала их собственная рыжая беда. Кашеварила, гремела доской. Пахло вкусно. Цыган хмуро втыкал в столешницу нож, ковырял ногтем трещины. Отшлифовать да залачить, размышлял, вот и заделье същется.

— Ты бы с ним поговорил, а?

Цыган свел лопатки, ощетинился.

— Я ему нянька-мамка, что ли?

Медяна обернулась, закинула на плечо полотенце. Им она наловчилась лупить мух, тараканов да цыганов. Больно, главное.

— Ты ему лучший друг! — Ткнула в спину пальцем. — Горан! Кого еще он будет слушать, а?

— Не силен я в речах. Чай, не Ледокол, лясы-балясы точить.

— Уж расстарайся ради капитана!

— Да я лучше так посижу, на жопе ровно. Ради него же.

Медяна поджала губы, покосилась, размышляя. Сдула со лба прядь. Уперла руки в боки.

— Хорошо. Дело хозяйское. Но тогда я скажу ребятам, что полномочия капитана на Тренкадесе берешь ты? И весь спрос с тебя, значит, как со старшего помощника?

Дятел яростно поскреб подмышкой, гвозданул кулаком по столу.

— Ведьмица ты! Приблудилась на мою голову, — вернул нож на место, поднялся.

— На обед не опаздывайте! — догнал его окрик девчонки.

Вот щучка, подумал цыган. Ни кожи, ни рожи. Ведь боялась его поначалу до усрачки, а теперь насмелилась, как пса гоняет. Но если русский не прочухается до Агона, тогда хана им всем. Репутацию можно строить годами и проебать махом. Вон, у Еремии даже арфа потускнела. А надо, чтобы горела изумрудом. Чтобы издалека расчухали, щеглы.

Дятел вздохнул, остановился перед плотно запечатанной дверью в Волохину каюту. Ни ручки, ни щелки. Потеребил тяжелую серьгу.

Еремия, отчини дверь.

Не положено, печально отозвалась Еремия. *Капитан не велел.*

Дятел закатил глаза. Терпение не было его добродетелью.

Открой, или к Луту саблей измордую! Ты меня знаешь!

Еремия вздохнула и щелкнула замком.

Сколько ему годков на ту пору сравнялось, цыган сам не знал. Не вел счет как-то. Авось, двенадцать наскреблось бы. Подлеток безусый, голенастый, ухватистый. Много чего умел, много чего насмотрелся, а попался, как воробей на гумне.

Задумал свести коня у богатейчика. Такого коня, что голову положить не жалко. Высокий, тонконогий, не ходит — плывет, шерсть огнем горит, глаза как сливы лиловые. Песня, а не конь! Приведи такого к старшему на погляд, сразу в круг примут! Ни с кем не перемолвился, не посоветовался, сам-один пошел. Удадь показывать, ага.

И почти сладилось дело. Девку белую-дебелую, куклу сахарную, дочку хозяйскую, заболтал-охомутал. Все бабье на него велось, на сладкие речи, на широкие плечи, на глаз черный, на елдык точеный. Простого бабы склада, учили старшие. Лей им в уши послаще, рукой между ляжек шуруй, и вся наука. Твоя будет краля-шкура.

С этой тем же манером сталкивался. Батька ейный злой был. Двор богатый, сад здоровенный, венцов в тереме как говна у козла. Волкодавов злющих держал. Девку, как телушку, кормил да холил, но воли не давал. Конь-огонь в конюшне томился, а на ночь спускал его хозяин по саду ходить, шелковую мураву щипать.

Ночью и решил его брать.

Уломал кралечку на свиданьице. Та покачевряжилась для вида, но согласилась быстро. Переспелая была, засиделась в девках, кровь бродила.

Псов на цепь посадила, любовничка в калиточку поманила. Ну, дело-делом, все успели. Подпоил дурочку, а когда та храпака задала, мигом к конику кинулся.

Разглядел наконец, что за клад ему в руки шел.

Ахнул только, присел, хлопая себя по лягам. До того хорош конь оказался, чисто самоцвет смородиновый. Не боялся Дятла нисколечко, горбушку с ладони взял. Цыган с коняшками хорошо ладить умел. Вот и этого — привадил, погладил, в шелковую гриву пальцы вплеп. Только заметил, что заткан весь конь тонким кружевом, а к кружеву тому колокольцы пришиты. Меленькие такие, с ноготок.

И подрезать сеть-кружево никакой возможности, плотно на коне сидит. Взмок Дятел загравком, но от задуманного не отступил. Повел за собой, в калитку сунулся.

Конь возьми и взыграй.

Звякнули колокольцы.

И не слышно вроде, а вспыхнули огни во всех комнатах, высыпал народ в портах, но с дрекольем. Дятел знал — за такое дело бьют смертным боем, живым в землю вгоняют. Ждать не стал, коня бросил и полетел. Не к своим, прочь, к утреинему лесу.

Мужики дворовые за ним кинулись. Злые, чисто кобели цепные. Гнали, как волка. Лесто им знаком был, а Дятлу откуда бы. Только у деревни встали летовать.

Уходил вприскокку. Страх в спину толкал, в затылок мокрый дышал, да и ноги легкие, длинные-лосиные, вынесли бы. Вот только так разогнался Дятел, что не угадал трясины за чарусой, травой да цветами забранной. Ухнул по бедра. Не сразу смекнул, что обратно к берегу бы рвануться. Задергался, вперед прынул, сильнее увяз. Ноги в пустоте болтались, ряска у пуна заплескалась.

Взвыл тут Дятел в голос. Почуял, как цапнула за пятку костяная рука.

Заорал, людей клича. Пусть услышат, пусть найдут — лучше от человеческой руки подохнуть, чем так вот, скотиной.

Не откликнулся никто, не выбежал ему головушку беспутную проламывать. Или отстали, след потеряли, или нарочно загнали да оставили в наказание, медленной смерти

на растерзание.

Поорал еще Дятел, повыл, пока голос до заячьего писка не сорвал. Утренний лес молчал. Солнышко набухало, припаривало. Пахло живицей, зверем. Туман клоками расходился. Нудела мошка, забивалась в нос и глаза, перекликались осмелевшие птицы. Над верхушками елей расходился зеленый, холодный рассвет.

Зеленый, как глаза у паренька, что на кочке стоял. Откуда взялся, Дятел не разглядел. Молчал сначала, смотрел только.

— Жить хочешь? — спросил хрипло, дернув горлом.

Дятел рванулся, моргая опухшими, искусанными веками.

— Да! — откликнулся страстно. — Да! Да!

Никогда прежде так не хотел жить, как в болоте на издохе.

Зеленоглазый огляделся. Легко прыгнул с кочки на сушь. Дятел вывернул шею, боясь, что пацан рассмеется да кликнет кого из старшаков.

Парень же вернулся с хорошей веревкой. Бросил. Дятел не сразу сумел поймать, натянул на себя. Пропустил подмышками. Руки дрожали, как у пропойцы.

— Не вытянешь же, — сказал.

Зеленоглазый хмыкнул.

— Там поглядим.

И — вытянул.

...жил паренек в землянке. Справной такой, зиму зимовать можно. На склоне была устроена, дерном покрыта, по бокам окошки, пузырями затянутые. Труба даже торчала. Недалеко бежала речка, там Дятел и отмывался от грязи, от вони болотной, зубами клацая. Пока плескался, сморкался да порты полоскал, пацан в норе своей возился.

Цыган вылез обсушиваться на солнце, отряхнулся, выжал одежды, усталился на лесовика.

Тот стоял у своей землянки. Спокойный, что пень. Глаза его, Дятлу показались, посверкивали, как у лесного кота. Собой видный — жилистый, стройный, лицо чистое, волосы русые с серебром.

Дятел трусом не был. Ну, правда, кто еще в лесу жить станет, от прочих людей на отшиб? Как подумал, так сразу и спросил.

— Ты ведьмак? Или лешачок, а?

— Может, и лешачок, — ответил русский.

Прищурился.

— Ну? Под кустом спать будешь? Или рыбу на муди приваживаешь?

В землянке оказалось тесновато, но ладно устроено. Очаг в полу грел, дым через трубу вытягивало. Котелок на треноге пыхтел. Спальное место у стены. Сам пол травой сухой застелен.

Хозяин присел на корты у очага, пошуровал деревянной ложкой. Стряхнул пену. Вытянув губы, подул, снял пробу. У Дятла громко забурчало в животе. Пожрать он всегда любил.

Пацан зыркнул на него из-под светлых, добела выгоревших бровей.

— Ты кто вообще будешь? — спросил парень.

— Дятел.

— Это я сразу понял.

Вздыхнул.

Обтер ложку полой рубашки, протянул Дятлу. Давай, мол. Наворачивай. Так и ели, по очереди черная из котелка, пока ложка по дну не заскребла. Все пригарочки собрали. Волоха оттащил котелок в сторонку. Потер глаза.

— Отскрести надо. Песком речным. Сделай, я на ужин что придумаю.

Дятла после беготни да еды морило нещадно, но отпираться не стал. Харчи хозяйские отработать следовало. Чего уж там.

Поднялся, зацепил котелок за дужку.

— Чего хрипишь-то? Или застыл?

— С отвычки. Давно с людьми не говорил.

И отвернулся.

Дятел потащился к речке. Потом, как закончил, нашел колун, дров наколот хозяину. После русский вручил ему лопату, велел земляных колобков накопать. Водились такие, на лесной поляне. Так до темна и провозились.

— Меня Волохой звать, — сказал русский уже под ночь, когда спать укладывались.

Дятел приподнялся на локте, ответил долгим взглядом.

И остался.

По эту пору виделась Дятлу в кошмарах та трясина. Медленное погружение, вонь болотная, беспомощность стылая. Не доела старуха-трясина, не добрала своего... Из самых челюстей вырвал русский, с клыков снял. Нет, думал цыган, просыпаясь. Что угодно, Лут — только не такая смерть.

В каюте пахло чащобой. Muskом, поднятым дерном, хвойной горечью, грибами, цветами какими-то дурманными, воском да прелью. Нанюхался всего этого цыган в свою пору с лихвой, спасибо.

По лесу он не тосковал нисколечко.

Совсем темно не было, спасала лампа под стеклянным колпаком. Дятел провел рукой по стене. Мох, пара глубоких царапин — будто зверь драл. Развернулся резко, лицом к лицу встречаясь с капитаном.

Мигом подобрался.

Волоха в таком состоянии мог и прыгнуть, и зубами порвать.

— Ну? — спросил Дятел нарочито грубо. — Долго еще собираешься сопли на хуй мотать?

Волоха качнул головой, отошел к столу. Тяжело оперся.

Дятел, бесшумно ступая, приблизился со спины.

Был русский без мехового своего жилета, босой, в рубахе навывпуск. Лохматый, небритый. Чисто Леший. Права девка-Медяна, если кто его таким увидит — хана Еремии. Налетят сожрут.

Когда болит, знал цыган, мир сокращается до точки боли. И в шорах этих ни хрена не разглядишь. Хорошо парням вроде Лина. Первый, осознавая боль, мог ее отсечь да отбросить. А если внутри режет-колет? Не выbleвать, не вырезать.

Они с русым давно гораном были, значит, и боль его Дятел как свою принимал.

— Я виноват в ее смерти, — выговорил Волоха.

Как из горла кость вынул.

— Да. Ты виноват.

Волоха вздрогнул, словно под плетью. Но лучше Дятел его выстегает, чем русский себя до

ручки доведет. А это он мог. К остальным Волоха был строг, но себе спуску вообще не давал.

Продолжал.

— Ты же знал, что Лут своим добром не делится. У капитана корабеллы сердце в цвет ее арфы. Ни семьи. Ни любимой. А ты поперек попер. Думал, такой особенный? Что раз Лут тебя любит, то и это спустит? А вот выкуси.

С каждым его словом пальцы Волохи все сильнее стискивали край стола. До белых костяшек.

Обернулся, катая в глотке камешки рыка.

— Да я на Еремию ее ни разу не приводил! Луту не показывал! Держал от всего дальше!

— Ага, да к сердцу ближе. Лут не глуп и не слеп, гаджо.

— Меня карать надо было, меня! Ее-то за что? Девчонку молоденькую!

— А об этом думал ты, когда крутил? Добро бы снюхались-разбежались, а то чего задумал, в любовь играть. Себя тешил, сам и получил!

— Да не игрался я! — Тяжко простонал Волоха. — Не игрался.

Дятел припечатал.

— На том и погорел. Лут тебя, гаджо, как щенка на место поставил.

Волоха разъярился. Отчаяние его захлестнуло. Развернулся, в грудь толкнул.

— Ты-то кто такой, чтобы мне выговаривать, а? Пес цыганский! Мясо! Подо мной ходишь! Забыл?

Дятел усмехнулся, темнея лицом.

— Я-то помню. Я-то всегда на своем месте. Это ты выше головы прыгать любишь. Это тебе мозги вправили.

Волоха не сдержался, взял его за воротник, натянул до треска.

Запахло лесом — резко, будто на качелях въехали. Захоти Волоха, вытащил бы *Лес* прямо сюда, на корабеллу, в Лут. Болтаться тогда Дятлу на сосне, кишками ворон кормить.

Не стал Дятел медлить, толкнул русого прочь, к столу, выбивая из лесного в человеческое. Волоха мотнул башкой, прочухиваясь, с места прыгнул на Дятла. Сцепились, покатались.

Волоха даром что ниже и суше, в драках никогда не плоховал, даже когда против врага крупнее себя шел. С Дятлом они по младости частенько бока друг дружке мяли. Возились, как щенки. Это позже их уже жизнь натаскала, научила бить не до первой крови, а до смерти.

За оружие не хватались. Дятел подмял русого под себя, залепил горло ладонями. Придушить чуток — успокоится. Стол под ножки подшибли, русский подхватил карандаш, вбил Дятлу в плечо, в самое мясо.

Цыган взревел, отпуская Волоху. Получил в переносицу, откатился в сторону, но и сам русский продышаться пока не мог. Стоял на коленях, горло мял.

— Что, стало легче?

— Нет, — глухо откликнулся Волоха.

— Потому что это, блядь, так не работает! Потому что ты не имеешь права на горе, как бы оно тебя не сжирало. Мы горан, я знаю, каково тебе, даже если не хочу этого! Соберись, гаджо. Иначе Агон тебя не примет. Иначе все напрасно, ложись да помирай.

Волоха сипло дышал. Затем спросил, не глядя:

— Что, если он и тебя решит отнять? Чтобы помнил свое место?

Дятел поднялся. Выдернул из плеча деревяшку, как занозу. Склонился, ухватил русого за

волосы на затылке, натянул — так, чтобы смотрел. В глазах Волохи морозом жгло большое горе.

— Я не танцорка, гаджо. — Проговорил Дятел внятно. — Меня так просто не возьмешь. От меня так просто не избавишься. Я всегда с тобой буду. Подле тебя. Это мое место.

Перевел дух, успокаиваясь.

— Собирайся давай, Медяна там отстряпалась.

Повел плечами, к двери направился.

— *Тамам Шуд*, — медленно проговорил Волоха и Дятел остановился.

— Как ты сказал?

— Тамам Шуд.

Если Хомы были свободными существами Лута, приведенными к покорности Вторыми, то Агон жил свободной сущностью. И он создал свой Хом — Тренкадис. С играми и прочими развлечениями.

Собрал из разнородных элементов, скрепил вместе и вдохнул жизнь в эту странную конструкцию.

Такую жизнь, что издалека видать.

Тренкадис являл собой, на взгляд стороннего, подобие ласточкиного гнезда. Основу его составляли корабеллы, плотно, как зубы, сцепленные между собой. Единый конгломерат, окутанный прерывистым частоколом огней. Многоглазое, многоглавое существо Лута, могущее в мгновение ошестиниться пушками. Облепить собой и сожрать чужака, будь на то воля Агона.

Башня, Гвардия, Ведута знали о существовании Тренкадиса. Знали и мирились, уважая силу. Сотворенный Хом вольных бродяг Лута, он был единственным, чьему гласу шанги были покорны, чьему сердцу верны. На Тренкадисе мог найти убежище любой, но и гвардейцы имели право обратиться к Агону с просьбой о наказании преступника. Если означенный действительно преступал закон Тренкадиса, Агон его карал. Но не выдавал. Никогда.

Волоха редко бывал на Тренкадисе. Чужое мнение его мало волновало, чужие стаи не влекли. Один раз стоял во главе, больше не хотел.

Но каждый раз, подходя к Тренкадису, издалека видя его сияние, русый чувствовал азарт, радостное предвкушение долгожданной встречи. Отголосок Лута. Отражение чужого счастья. Легкий укол адреналина.

Но не сегодня.

Еремия легко встала боком к причальному мосту, подвела крыло. Охрана их срисовала. Если бы заподозрила что, встречали бы их иначе. А так — только глостеры вспыхнули, и зеленая дорога. Иди куда хочешь, мол, на все четыре.

Волоха хотел напрямиком к Агону.

Команда шла следом, на Еремии ни один не остался. Медяна глазами пыталась охватить все сразу, и, не будь рядом Руслана, давно бы отстала. Парень был знаком с привычкой новичков теряться. Прихватил Медяну за локоть и вежливо, но настойчиво тащил за собой.

Медяна активно вертела башкой. Корабеллы и веллеры, составляющие массивное тело Тренкадиса, соединялись друг с другом трапами и абордажными лестницами, крыльями высоты и простыми досками. Внизу мерцали огни других корабелл, над головой балками перекрытий тянулись кили тэшек.

Чужаку Тренкадис мог показаться несуразным месивом. На деле каждый элемент его имел свое назначение, свою окраску. Там, где глостеры горели красным, предлагали компанию для усталых экипажей. Где свет был белым, ждали недужных лекари. Если подмигивал желтый — торговали оружием. А если мерцал зеленый — там и еда, и питье, и койка-место.

Медяна была оглушена и смущена. Голова слегка кружилась, вокруг переливались огни, запах жареного мяса мешался с едкой вонью невымытых тел, лекарственной горечью, тлением пряной древесины и душистыми душными притираниями. Люди деловито суетились на корабеллах, спокойно переходили с одной на другую. Волоху узнавали, окликали, но он не поворачивал головы.

Решительно продвигался вперед. Агон не скрывался, местом его обитания было чрево, сердце улья. Вот только выходил он не часто.

Дозваться надо было. Докликать.

Медяна даже не сразу поняла, что они пришли. Просто все вдруг замерли, и ей пришлось остановиться. Прямо по курсу висела очередная корабелла. Она отличалась от прочих ослепительной, молочной белизной и тем, что бока ее не смыкались с боками товарок. Над ней не было соседей, под ней — тоже.

— Это Ладья, — шепнул Руслан. — Считай, матка.

— А, — слабо откликнулась Медяна.

Пока была в Луте, в составе экипажа Еремии, она почти утратила способность шумно удивляться. Лут щедр был на сюрпризы, и Медяна скоро перестала подпрыгивать и орать на каждый.

У Ладьи не было арфы — случай почти небывалый. Арфы рубили под корень только самые злые люди, когда хотели искалечить корабеллу. Потому что новую отращивала корабелла долго, а без нее не могла обернуться, не могла выжить в Луте без посторонней помощи.

Вместо расцвеченного пояса глостеров бока Ладьи держали цепи. Слойми укутывали, под новыми, блестящими, угадывались совсем старые, уже порыжелые.

Волоха прыгнул на подрезанный руль высоты, ухватился за цепи, подтянулся. Оказался на палубе.

Огляделся, словно выискивая кого-то. Из-за отрызка арфы вышел, приволакивая ногу, смотритель. Пожевал губами, словно вспоминая имя стоящего перед ним. Один глаз у него был затянута бельмом, второй глядел цепко.

— Волоха. Припожаловал, русский. Чего тебе?

— С Агон перемолвиться.

Смотритель криво улыбнулся. Почесал щеку, изрытую пороховыми оспинами.

— Ишь чего. Ну, спытай. Порядок ты знаешь. Давно он не показывался, сколько вашего брата здесь билось, а факел все одно не говорит.

Кивнул на корму. Там был устроен колокол — из кости, распятый-растянутый на туго сплетенных жилах. Под колоколом на треноге умещалась костяная чаша. Уста Агона.

Волоха поймал взгляд Дятла. Кивнул. Дятел, крикнув, снял с пояса нож, бросил Волохе. Русский поймал его в воздухе, чиркнул по ладони, проливая кровь в чашу.

Дернул колокол за рыбий язык, и над Тренкадисом раскатился долгий гул. Тренкадис стих в ответ, присмирел, как птицы перед грозой.

— Гляди, — прошептал Руслан Медяне, — вот налетят, глаза пялить.

Дятел молча принял на руки меховой жилет, рубашку, саблю же русский оставил при себе, только ножны скинул. Остался босой и голый по пояс. Отошел к самому хвосту Ладьи.

Медяна прижалась к Руслану.

— Чего творит, а?

— Обычай блюдет, — откликнулся Руслан, — Агон просто так не станет говорить, его выкликать надо. Если есть у тебя просьба такая, что прямо от сердца — почувет, уважит. А чтобы почувял, сыграть с ним надо.

— Сыграть? — у Медяны вытянулось лицо.

Меньше всего Волоха походил на человека, изготовившегося к веселой игре. Да и остальной народ на игроков не походил.

— Правило такое. А теперь нишкни. Хочешь — помогай.

Поплевал на ладони и потянул за цепь. Тут же впряглись и остальные, свои и чужие, обступившие Ладью плотно, как мураши жука. Цепи зазвенели, расплетаясь, расхлестываясь, а корабелла освобожденно дрогнула.

Будто вздохнула. Повела боками.

Иночевский, оказавшись рядом, негромко пояснил:

— Агон предлагает каждому игру ритуального характера. *Кон*, называется. Если совсем коротко, то от игрока требуется пройти начертанный путь. Агон ценит то же, что и Лут: храбрость, решимость, упорство. Кровь, железо, огонь.

— Но почему Волоха должен играть один? — Медяна тревожно таращила глаза.

— Потому что это только его путь. Его *Кон*. В Агоне нет соперника сильнее тебя самого.

Руслан кивнул и потянул девушку за руку, к другой корабелле:

— Давай, теперь надо подальше да повыше. Жара будет.

Не обманул: народу к Ладье прибыло изрядно. Будто дел других не было. У Медяны тоскливо сжалось сердце. Волоха стоял на палубе совсем один, опустив руку с саблей.

Цепи Ладьи расслабленно висели, как воздушные корни.

— А он прежде... Играл?

Парни отрицательно помотали головами, и только Дятел не шевельнулся. Медяна не стала переспрашивать.

Руслан дернул за плечо:

— Гляди!

С верхних корабелл обрушилась музыка и цепи вдруг ожили. Взметнулись змеями, атакуя одинокую фигуру на палубе. Медяна, хоть и насмотрелась кое-чего, не удержалась и вскрикнула.

Сразу, вдруг, игра не началась. Сначала Волоха почувствовал рык Агона, ощутил вибрацию палубы босыми ступнями. Раньше, говорили, играли *Кон* почти обнаженными, в одной набедренной повязке.

Кровь нужна была для пробуждения Ладьи. Из чаши она впадала в хребет корабеллы, разбегалась по арфе и бокам, и Ладья формировала в ответ на подношение единственно верный путь. Идеограмму игрока.

От ног Волохи пробежала стежка, круто завернула, вспыхнула огнем по кайме, почернела, точно обуглилась, разрослась в ширину... Пролегла до самого колокола. Весь он был — перед самим собой.

Агон смотрел.

Кон ждал.

Цепи встали стеной, огораживая игрока.

И не цепи это были, а позвоночные столбы тысячи лутоходцев. Тех, кто был до Волохи. Эта ладья была им колыбелью и стала последним пристанищем.

— Сражайся, — шепнули ему на ухо.

Знакомые руки легли на плечи, ободряя и поддерживая.

— Элон, — выдохнул Волоха.

Вскинул саблю, делая первый шаг и отбивая первый железный удар.

Музыка Волохе была только на руку. Помогала держать ритм, а он был, пусть исковерканный, изломанный, перебивчивый. Цепи хлестали, как ливневые полосы, огненная стена дрожала по обе стороны.

Свернуть, отклониться от маршрута нельзя было. Только пройти до конца.

Говорили, что пройденный путь повторяется на коже. Еще говорили, что путь Агона — на подушечках пальцев. Волоха не знал, чьим словам верить, но твердо знал одно: он обязан пройти его.

Огонь. Железо. Вот что приготовил ему Агон. Каждый шаг давался с трудом, каждый шаг — стезок на коже. Но он шел, потому что не умел отступать.

Потому что сам выбрал.

Медяна вцепилась в Руслана, едва ли отдавая себе в этом отчет. И, если команда Еремии молчала, то остальной люд Тренкадиса заливался на все лады.

Подбадривающие выкрики, ставки, личное мнение и споры, все сливалось в один мощный горячий гул.

Волоха крутился между железом и огнем, как волчок. Отводил удары саблей, прыгал, уворачивался, падал, выводил так, что цепи переплетались меж собой и падали, беспомощно дергаясь в узлах. Не сразу, но поняла Медяна — Волоха шел от кормы корабеллы к ее носу по определенному маршруту. Странному, запутанному.

В один момент ей показалось, что Волоха не вытянет, не сможет больше. Но он смог. Пробился, прошел между железом и огнем, расплатился потом и кровью, ухватил колокол за язык, рванул. Раз, другой, раскатывая колокольный гул над Тренкадисом.

Огонь упал, как трава под косой. Цепи расплелись, развеялись сухим ржавым листом.

Волоха, едва отдышавшись, выпрямился, жадно оглядывая палубу. Шарил нетерпеливым взглядом. Чаша под колоколом была так же пуста. Так же нема.

Медяна сжала кулаки. Неужели напрасно? Он же прошел, он выиграл Кон! Зрители разочарованно загудели.

Служитель покачал головой.

— Ступай. Не повезло.

Но Волоха не ушел.

Зарычал, взмахом сабли рассек чашу вместе с треногой, и ропот толпы стих. Над Тренкадисом пролегла тишина, вытянулась большой хищницей.

— Агон! Агон! Агон! Услышал ли ты меня теперь?

Медяна вдруг задышала чаще, сжала Руслану плечу — до костной боли.

— Эй! Чего...? Плохо тебе?

Руслан удивленно обернулся на девушку. Глаза его расширились.

Волоха обернулся к зрителям, когда те вдруг загомонили удивленно, расступаясь перед кем-то.

— Я слышу тебя, капитан. Чего ты хочешь? Говори. Если это интересно, я отвечу.

Волоха уставился на говорившего.

Агон легко, как лисица, прыгнул на борт корабеллы, смотрел сверху. Черты лица неуловимо менялись, мягко плавилась, словно Агон подгонял их под себя. Но рыжие кудряшки торчали так же непокорно.

Нечасто он брал себе живые факелы. Только если выбратся куда-то хотел. В последний раз, кажется, такое случилось в Триумвират.

— Тамам Шуд, — сказал Волоха.

Сказал так, чтобы все слышали. Чтобы знал весь Тренкадис.

— Тамам Шуд, — задумчиво повторил Агон.

Спрыгнул на палубу, одним мановением руки очистил ее от цепного сора.

Сел напротив капитана, скрестив ноги. Жестом пригласил сделать то же самое. Волоха опустился на палубу, чувствуя, как между лопатками от натяжения кожи сочатся кровью стежки.

— Говори, — потребовал Агон. — Это интересно.

26.

Выпь взял на себя много.

Лагерь рос, прибавлял людьми, постройками, запасами и оружием. Набирался сил, забирал внимание. Выпь рано вставал, ложился поздно, часто — позже всех. Приходил измотанный, умывался, наскоро ужинал, падал как подкошенный и сразу засыпал. Старался вникнуть во все дела, творящиеся на территории лагеря.

Юга в эти внутренности не лез, ему хватало своих забот.

— Куда ты? — прохрипел Выпь спросонья, когда Юга, бесшумно собравшись, уже готовился покинуть палатку.

Юга с досадой щелкнул языком, обернулся.

Выпь сонно жмурился, привстав на локте. Редкое утро, когда он позволил себе заспать. Обычно Выпь вскакивал с рассветом, и Юга волей-неволей поднимался следом. *Обкорнаю сегодня*, решил Юга, глядя на взъерошенные, на солнце выгоревшие волосы друга. Вон, челка в глаза уже лезет.

Рука сама потянулась поправить; волосы у Второго были жесткими, точно стерня.

— К Таволге. Проведать старика, да и расплатиться честь по чести.

Выпь нахмурился, провел ладонью по векам, стряхивая сон.

— С тобой пойду.

— Ай, да на что ты там? Выспись лучше!

Второй упрямо помотал башкой. Начал подниматься.

— Ждать не буду, сам догоняй, — сказал на это Юга и откинул полог, окунаясь в жаркое утро.

Таволга сидел у себя, ковырялся с деревянной птичкой-свиристелкой. Изредка подносил к губам, осторожно дул — тогда в глубине птицы что-то глухо сипело. Чирикать птаха упорно не желала. Таволга кряхтел недовольно, кусал ус и продолжал возню. Правая рука еще плохо слушалась, стрела Хангара выгрызла себе порядочно мяса. Таволга не сдавался. Птичку ему присоветовал лекарец. Вручил кусок фиолетового дерева и сказал резать — хотя бы ложку. Родом брусочек был с Хома Панга, где жили чернокожие люди и белые львы. Дерево, из которого выходила птица, у тамошних племен считалось священным за способность перетягивать на себя людскую хворь.

Разводы на теле птицы стали темнее, точно древесина напиталась маслом. Зато рана не нагноилась, быстро зарастала нежной розовой кожей.

На Юга Таволга вскинул глаза, обрадовался.

— А, какой гость! Милости просим, заходи, садись. Ты, эта, чай будешь? С мятой, с сахаром, холодный?

— Давай сразу к делу, — Юга блеснул зубами, изящно опускаясь на колени, — жара страшная, до реки хочу успеть.

— Ну. Сразу так сразу, — не стал спорить Таволга. — Ты, люди говорят, шарить малехо в этом деле?

Юга застенчиво опустил глаза, подцепил ногтем кисточку подушки. У Таволги оказалось неожиданно прихотливое убранство палатки: сплошь подушки, ковры и узорочье.

— Способности есть. Самородок.

— И скромный какой, — расхохотался Таволга. — На-ка вот тогда, гляди мое хозяйство.

Юга углубился в изучение. Полог палатки хлопнул парусом, впуская еще одного гостя.

Выпь замер на пороге, лицо его выражало мрачную решимость.

Таволга несколько опешил, но поднялся навстречу, за руку здороваясь с Выпь.

— О! И комендант здесь! Счастливейший день, не иначе! Чем обязан?

Третий опустил голову ниже, кусая губу и давя улыбку. Выпь скосил глаза на ихор в побитой рамке, который Юга задумчиво изучал.

Ответил на рукопожатие, а вот на вопрос — не сразу.

— Ну... Так, просто заглянул. — Пояснил скомкано. — А ты что здесь делаешь?

— Правлю настройки, — коротко отозвался Юга, глядя пальцем чешуйки экрана. Скосил на Выпь насмешливый глаз. — Этим я занимаюсь последние недели, но ты, кажется, единственный не в курсе.

— Самородок, — весомо подтвердил Таволга, подмигнув Юга. — Пожалуй, кофе нам устрою.

Он поспешил отойти к выкопанному в земле песчаному колодцу, на котором приноровился греть воду и готовить пищу.

Выпь сел рядом с Юга, неловко подогнув длинные ноги. Заглянул через плечо. Почесал в затылке, признался задумчиво:

— Не знал, что ты этим и здесь занимаешься.

Юга поднял бровь, спросил ровно, но с насмешкой:

— Думал, я по-прежнему всем отсасываю?

Выпь растерялся, подыскивая слова.

— Да...

— Очаровательно.

— То есть нет. Ты не такой...

— О, я такой!

— Не такой такой.

Юга сдавленно застонал.

— Просто я знаю, как ты выглядишь для других. И что они думают, глядя на тебя. И чего они хотят. И...

Выпь замолчал, нервно потирая костяшки правой руки. В лагере многие поначалу смотрели на Третьего, как на маркитантку. Выпь не слыл драчуном, но подобные речи никому не спускал.

Юга хмыкнул, не отвлекаясь от устройства.

— Поэтому ворвался спасать меня?

— С чего взял, что тебя?

Третий подавился смешком от неожиданности.

— О-хо-хо, когда ты пытаешься шутить, стыдно становится мне, — фыркнул, улыбаясь.

Примирительно толкнул друга плечом и пояснил, кивая на ихор:

— Они все массово сбоят. Это, я полагаю, реакция Лута на стресс. На Золото. Помехи эхо, краевые видения. А я помогаю им прийти в себя. Чувствую, как это можно сделать.

Выпь наблюдал, как друг работает, не мешал. Юга вытащил из волос шпильки, одну взял в зубы, другой осторожно поддевал чешуйки.

— Я помню, как ты выращивал трованты. — Сказал Выпь негромко. — На Сиаль. Видел

пару раз в саду у старосты. И тогда у тебя было такое же лицо. Ты улыбался.

Юга вынул из зубов шпильку.

— Ай, да я и в Веселом Доме скалился.

Выпь покачал головой. Юга чувствовал его взгляд. Пристальный, жгучий, как солнечное пятно. Раскаленная медь.

— Это другое.

— Кажется, ты считаешь меня лучше, чем я есть.

— Вовсе нет. Просто я вижу тебя настоящего.

— Смотри, да не ослепни, — буркнул Юга.

— Комендант! Просят на стену, — ординарец был бледен от духоты, но держался молодцом.

У Пегого юрких порученцев было двое. Аль и Таир, мальчик и девочка, одинаковые на лицо и фигуру. Родом они были с Хома, где одно имя преламывалось между братьями или сестрами, если суждено им было выйти из утробы матери вместе.

У Выпь на посылках бегал кудрявый парнишка именем РамРай. Его подогнал Юга. Лично представил, лично отрекомендовал. Пристроил, как давнего друга. Второй сначала не знал, куда этого пацана девать. Настороженно косились друг на друга, но по мере того, как накапливались обязанности, нашлось заделье и для парня.

— Наше счастье, что мы выше по течению стоим, — вместо приветствия сказал Пегий, когда Второй взошел на стену, на тот ее гребень, что был обращен к Хангарам. — Гляди. Не иначе, желтые что-то задумали.

Выпь принял из рук Пегого теплый дальнозор. В который раз подивился привычке столпа кутаться в любую погоду. Растянутая вязаная кофта ничуть ему не мешала, кажется.

Река Несушка брала начало в горах, шла через весь Хом, как синяя станочная жила, и впадала в беспокойное, недоброе здешнее море. Соль ее была горькой, и приморцы выращивали на шерстяных нитках неводов кристаллы, а после ткали из них доспехи. Говорили, что доспехи те ослепительны на солнце, прозрачны при лунном свете, а разрушить их могут только женские слезы.

Лагерю достался жирный бок Несушки. Хватало и запасы пополнить, и рыбы наловить, и самим освежиться. Кто-то из лагерных даже водорослями наловчился скотину подкармливать. Все шло на пользу: и песок, и речной камень, и сухие коряги. За чистотой, чтобы не превращали реку в отхожее место, следили взводные. Они же приглядывали, чтобы народ не таскал жемчужниц, ибо от того жемчуга у людей белели глаза, подергивались перламутром.

Выпь смотрел. Там, где терялся хвост реки, творилось оживление. Хангары спешно возводили диковинное сооружение, не особо заботясь о чужих видаках.

— Что скажешь, специалист по тварям?

Выпь покачал головой, ответил честно:

— Такого не видел прежде. Но ждать, думаю, не стоит.

— И я того же мнения. — Пегий энергично кивнул. — Вот что. Отшибить от реки, это первым делом. Что бы они не мутили, нам это по-любому боком... Собирайся, вместе пойдем.

— Я один выйду, — перебил Выпь. — Если выманивают и двоих сразу возьмут, кто во главе останется? У меня шансов больше.

Пегий сощурился. Помолчал, что-то решая в уме. Худое, пятнистое лицо его высохло на солнце до кости; как кость побелели и волосы, схваченные в короткий хвост. Пегий выглядел старше многих, но истинных его лет никто не знал.

— Ну, смотри, Второй, — сказал задумчиво. — Здесь не мне тебе указывать. Единственное скажу: возьми-ка людей Дивия. Идите малым отрядом.

Выпь не стал возражать. Пегий в таких вещах разбирался больше.

Собирались быстро, дисциплину взводные держали железную, чтобы — по первой команде. Юга шикнул на РамРая, чтобы вымелся из палатки. Сам взялся помогать Выпь затягивать составные доспехи.

— С тобой не набиваюсь, радуйся. Но ты там особо не помирай. Не люблю.

Выпь глядел на спутника сверху вниз, чуть склонив голову набок, как птица. Отметил: все так же лежали тени в подглазьях, или от недосыпа, или от ресниц. В гладких волосах запуталась слабая речная травинка — эхо реки. Прохладу пальцев Юга Выпь чувствовал сквозь доспехи. Руки у Третьего были сильные, но легкие.

— Еще что-то? — спросил Выпь, когда друг замолчал.

— Будешь на берегу, травы кислой мне нарви, здесь наши все выели, — серьезно попросил Юга.

Выпь кивнул, хмыкнул. Вытащил из темных волос былинку. Юга замер. Вдруг толкнулся в открытую ладонь макушкой, почти сразу отстранился. Вытянул из палатки.

РамРай подвел коня — соловой масти, с диковатыми глазами, но крепкого и ладного. Выпь махнул в седло. Встретился глазами с Юга, неловко кивнул на прощание.

Вышел с малым отрядом, с людьми Хома Дивия. Псов своих эти люди растили вместе и наравне с детьми, воины носили литые маски собак, а псы — маски людей. Имя человека было тождественно имени пса. Видом псы были высокие, взрослому по середину бедра, поджарые. Гладкой шерсти и мастью что чернозем с красной глиной, умные не позвериному складу. Собак не продавали на другие Хома, а взять на службу воина Дивия можно было только с его псом.

Говорили, что слюна этих псов может срастить изрубленное в куски тело. Говорили, что нынешнего правителя Хома выкормила молоком красно-черная сука.

Много чего говорили, но сами воины были молчаливы. Держались стороной от прочих обитателей лагеря. Общались между собой на своем языке. Отвечал за них и с них спрашивал юный командир, с темными лисьими глазами и жестким ртом. Отзывался на имя Рин.

За воротами зной обрушился с новой силой. Выпь спиной, затылком чувствовал, как отдаляется лагерь, уходит его благодатная прохлада и защита стен. Они миновали оборонительные сооружения, высокую траву, а дальше пошли берегом. Сушь стояла опасная, хрупкая, огненная. Ехали молча. Оружие не бряцало, упряжь не скрипела. Только кони всхрапывали, тянулись к свежей воде.

Псов своих люди Дивия взяли на седла. Берегли собачьи силы. Все прежние стычки с Хангарами оказывались редкими и короткими. Пленных взять не удавалось; противник всегда уходил, унося с собой раненых и убитых.

Когда до противника осталось совсем немного, Выпь поймал взгляд Рина и натянул поводья. Спустили собак. Легли в траву вместе с лошадьми. Отсюда было лучше видно, над чем трудится враг.

Но по-прежнему непонятно.

Рин молчал. Ждал приказа от Второго, но тот медлил.

Выпь пытался разгадать, зачем Хангары возводят эту странную конструкцию из жердей, костей и тряпок. Не было похоже, что они пытаются устроить дамбу, и не похоже было, что строительство стараются скрыть от глаз лагеря.

Сооружение напоминало комара, вонзившего хоботок в тело реки. Ноги его были в воде, и все тело, сложенное жердями и костями, подрагивало, точно отражение или марево. Это завораживало. Чем больше Выпь смотрел, тем сильнее чувствовал, как натягивается кожа на затылке, деревенеет позвоночник. Эта штука казалась живой, при всем том, что живой она быть не могла. Она тянула к себе взгляды, обморачивала и этим смутно напоминала танцы Третьих. Выпь помнил, что нельзя смотреть прямо.

— Ждите, — шепнул он Рину и пошел один.

Но, когда приблизился вплотную, Хангары исчезли. Растворились. Смаргивая воспоминания, Выпь не был уверен, что они вообще были. Казалось, эта вещь выросла сама по себе, как трава в воде.

Он обернулся, махнул рукой Рину, уже не прячься. Сам пошел вперед, приблизился к останцу.

От конструкции длинные тени тянулись во все стороны, как шерсть от животного. Острые щепные тени. Выпь вытащил из-за спины дикту и ударил по игле тени. Она с тихим звоном сломалась. Так Выпь прошел к самой воде, расчищая себе дорогу.

Встал, разглядывая живот сооружения. Оно было дополнительно обвешано лоскутами, колокольцами и круглыми блестящими тарелками. Все это двигалось само по себе, не слушая ветер и реку. У Выпь заболели глаза, заломило шею.

Возможно, существо и впрямь было странной формой существования. Он не знал его, не помнил. Но разве это не дело Вторых — преумножать знания о сущностях? Разве это не то, что так влечет его самого?

Один способ был проверить догадку.

Выпь зажмурился ненадолго и *заговорил* с ним, *запел* — низко, протяжно. Отпустил *голос*, позволил ему протянуться к этому странному созданию. Сплестись с ним, вьесться в члены. Конструкция замерла. Короткая волна прошла по ее суставам, скрепленным железом и колючей веревкой. Она завибрировала, откликнулась немо. Второй замолчал, воспринимая послание кожей.

Звуки облепили его, как мошка потное лицо, сели на губы и на веки. Выпь старался разобрать их, но существо говорило слишком быстро. Захлебывалось.

— Это Коромысло, — Выпь разомкнул губы с трудом, медленно сплевывая слова, как приставшую к языку шелуху. — Оно говорит, что другие, желто-соломенные, стреножили его и принудили. Оно тянуло наши глаза, но теперь — нет.

Рин напряженно разглядывал Коромысло.

Выпь вдруг перебрросил в руку дикту и черты лица его стали резче.

— Говорит, они ушли по реке. К лагерю. Коромысло взяло с воды наше отражение и перелило на Хангар. Они несут на себе наши образы. Лагерь их пропустит.

Рин со свистом выдохнул. Обернулся к своим, отдал команду. Язык его Хома был резким и свистящим, как голос пикирующего ястреба. Сколько они стояли, очарованные Коромыслом? Как далеко успели пройти Хангары?

Выпь продолжал смотреть на Коромысло и Рин, скрывая нетерпение, спросил его:

— Что ты делаешь?

— Зову его на нашу сторону.

Рин оглянулся.

— Мы не сможем передвинуть его.

— Ни к чему. Оно свободное существо.

— Но...

Рин замолчал. Стоило ему моргнуть, и сооружение стерлось из виду. Выпь молча кивнул ему за спину. Коромысло стояло посреди травы, расставив длинные ноги.

— Свободное, — повторил Выпь.

Однако, скоро обернулись, подумал Юга, разобрав в общем оживлении лагеря шум открываемых ворот. Он дожидался Выпь в палатке, ковыряясь в устройстве ихора.

Сперва многие в лагере держали его за подстилку. В глаза не лепили, но Юга слышал негромкие речи за спиной, да и взгляды о том говорили. Доказывать — только убеждать. Юга спокойно относился к своему прошлому ремеслу, но здесь, в лагере, никого к себе не подпустил.

Хватит, подумал.

Что-то в нем переменялось после рокария.

Сломалось. Или, наоборот, с щелчком встало на место.

К возне с ихором он вернулся с азартом. Всегда быстро загорался идеей, а тут прямо шло, жгло руки. И интерес был. Одно к одному сложилось, как некогда с тровантами, тут Второй верно подметил. На Ивановских прибрдах тренировался, и тут к руке пришлось... Единственное, что глупое стеснение перед Выпь бороло, за занятие это. Как задом голым сверкать, так спасибо-пожалуйста, а тут вдруг... Ну как засмеет.

Хотя Выпь никогда над ним не насмехался.

Задумался, не услышал близящихся шагов. Полог откинулся, Выпь шагнул через порог. Замер, разглядывая Юга, и тот тоже застыл, чувствуя смутную неправильность встречи.

— Я так погляжу, миром управились, — произнес тягуче, меряя глазами расстояние.

Отложил ихор, прикрыл тряпицей.

Выпь закрывал выход. Дышал тяжело, с присвистом. Держался прямо, отведя плечи назад и вниз, а обычно чуть сутулился и руки прятал.

Юга поднялся без спешки, приблизился к нему и уже в движении понял, что не так. Запах был чужим.

Чужак взметнул дикту так быстро, что Юга не успел увернуться. Шатнулся, но дикта задела голову, опрокинула на шкуру. В глазах брызнуло, а чужой уже навалился сверху, сомкнул руки на горле.

Юга гибко изогнулся, с силой ввинчивая острое колено в тело, в печень. От того, кто вернулся в маске Выпь, разило Хангаром. Хватка чуть ослабла, Юга одной рукой уперся Хангару в нижнюю челюсть, а другой ударил, целя пальцами в глаза.

Получилось, противник с рычанием убрался, и Юга смог встать. Застыли напротив друг друга. Маска стекала, как вода, обнажая чужое лицо и чужое тело.

— Зря ты сюда приперся, чучело, — просипел Юга.

Вскинул руку к волосам, но противник его опередил. Выбросил что-то, коротким движением от бедра, и плечи обожгло, прикрутило к телу. Боли не было, а вот ярость — пришла. Когда Хангар бросился вновь, рассчитывая, что без цепи и волос Юга легкая добыча, тот убрался в сторону. Поймал голодный взгляд, попятился.

Улыбнулся.

С тихим смехом повел плечом, скользнул языком по губам, будто дразня.

Хангар бросился еще. И еще.

Настиг, повалил. Схватил за волосы, до кости пропорол руку, но остановиться уже не мог. Очевидно, он шел сюда с намерением убить, но теперь желал другого.

Юга поддался. Раскрылся, дождался, пока руки врага окажутся у него на бедрах, скользнут ниже. Мягко обхватил ногами, перекатился, оказавшись сверху.

Стиснул колени и впился зубами в горло Хангара.

Хангар рванулся, желая освободиться, но ноги у Юга были железными. А зубы — острыми. Держал так, пока Хангар под ним не перестал биться. Кровь медью забивала горло и стучала в голове.

— О, Лут, — глаза замершего на пороге РамРая были полны ужасом, как озеро рыбой.

Парень обвел взглядом залитые кровью шкуры, Третьего, умирающего чужака...

— Тебе лекарца надо...

Юга не без труда распрямился, выплюнул кусок кожи. Странная веревка сковывала и, кажется, врезалась глубже с каждым вдохом.

Однако важнее было другое.

— Бей в барабаны, парень. В лагере враг.

Черный дым увидели издалека. Лошади вынесли их к воротам, наглухо затянутым. На стене никого не было, словно лагерь умер и оставил по себе только погребальный дым.

Выпь спешился, приложил к воротам ладонь. Прижался ухом, как к устью раковины. По ту сторону что-то туго гудело, как зимние пчелы в улье.

Конь Рина переступил с ноги на ногу, роняя пену с удил.

— Мы должны оказаться внутри. Там наши соратники, — сказал Рин.

— Там мой друг, — сказал Выпь.

Пес Рина вдруг наострил уши, вздыбил холку и зарычал глухо, низко. Задуло холодом. Рин обернулся, и тень положила лапу ему на лицо. К лагерю шла туча. Тварь, привязанная Хангарами.

Выпь отступил на шаг, уперся диктой в землю, как посохом и *запел*.

27.

— Здесь так влажно, что я скоро лягушками начну потеть, — пожаловался Нил, оттягивая на груди рубашку.

Михаил хмуро промолчал, хотя сам страдал не меньше. Ему, человеку с севера, легче было переносить холод, чем обволакивающий сырой жар.

Хом Муссона встретил компанию сезоном дождей. Лило даже не как из ведра, а как из бадьи, сплошным потоком. Пока добирались до постоянного двора, все трое промокли насквозь.

Им повезло хотя бы в том, что лишних людей, праздных шатаев, в этот сезон на Хоме не было. Поговаривали, что часть вины лежит на Хангарах: пришествие смутило всех странников.

Комната сыскалась. Михаил мрачно забраковал первый номер, отказался от второго варианта и счел приемлемым только третий. Торговался уже Нил — со рвением, вкусом и обильной жестикуляцией, с взываниями к Луту и совести.

Лин заворуженно наблюдал за ящерицами, снующими по резным, темного жилованного дерева, перилам. Цвета шкурок были столь прихотливы, что рябило в глазах. Лин подставил пальцы и ящерки обвили его руки точно браслеты и перстни.

— Эй, княжна! — окликнул Нил, довольный результатами торга. — Отклеивай зверюшек, пойдем сушиться.

— Не трогал бы ты всякую живность, особенно в подобных местах, — проворчал Михаил, поднимаясь следом за спутниками по скрипучей лестнице, — она может оказаться ядовитой.

— Я не чувствителен к ядам, — успокоил его Лин. — Растительным, минеральным и животным в том числе.

В комнате было сухо, что заметно порадовало Нила. Виолончель свою он тут же пристроил обсыхать. Помимо ужина и завтрака, Нил выторговал сушильный камень и отдельный теплый душ.

Лина отправили купаться первым. *Потому что не жалко*, сказал Нил, *а не потому что ты меня взглядом сверлишь, Иванов*. Вернулся Оловянный с промытыми волосами, растянул постиранную одежду на камне и сразу завалился спать.

Михаил после омовения переоделся в сухое и спустился вниз, в общий зал, где как раз собирались на ужин прочие постояльцы. Хотел побыть в одиночестве, но скоро прискакал бодрый Крокодил.

— Знаю, моя компания тебе не масть, но надо потолковать, — заявил, усаживаясь напротив.

Кинул ногу на ногу, жестом предложил спутнику разделить самокрутку.

Михаил покачал головой, растирая переносицу. Отложил ихор, на котором только-только растянул книжную историю.

— О чем нам говорить, Крокодил?

— Ну, — Нил прикурил от огня, который держала на языке глиняная лягуха, зыркнул на Иванова из-под влажной челки, — хотя бы о том, с какой стати тебя повернуло к Луту передом. Даже я, мирная рыбка, знаю о ваших акульих разборках с шайкой Ивановых. Разве

ты, страх выговорить, не отрекся от Лута?

Михаил не ответил, постукивая ногтями по краю шерботой тарелки. Ужин был простым, но сытным: лепешка, запеченная с сыром, жареные яйца с мясом и красной фасолью, травяной настой на запивку.

— Тебя это не должно касаться, Крокодил. Мы идем вместе только потому, что в твоих руках карта, нужная Лину.

— Именно, — Нил ткнул железным когтем в Иванова. — Все дело в Оловянном, си? Взыграл материнский инстинкт или просто считаешь на благодарность Эфората?

— Это мое дело.

— Вот уж дудки, и мое тоже. Мы в одной лодке, амиго. И я отказываюсь грести, пока ты не приоткроешь карты. Ты выходил пацана, когда он в лежку лежал, и пошел за ним в Лут, хотя так наплевал в этот колодец, что рано или поздно захлебнешься.

Нил прищурился, затянулся.

Покачал ногой, и Михаил впервые обратил внимание на кандалный рубец, охватывающий щиколотку.

— Или, постой-ка... Возможно, не ты провожаешь Лина, а он тебя, а? Ловкач! Делач! В мальчишке энергии хватит на десяток молний, он приведет тебя к цели, даже если ты палец о палец не ударишь. Так что тебе нужно?

Михаил нахмурился. В чем-то Нил был прав. Для придурковатого, трусоватого жулика-виолончелиста он был слишком проникателен и знал слишком много.

— Мне ничего от него не нужно, — проговорил медленно.

— Лей воду другой рыбе, — фыркнул Нил, — Лин тебе никто, о плате вы явно не договаривались. Либо ты считаешь через него увидеться с Ивановыми и поквитаться, либо выйти на шишек Эфората, либо тебе позарез нужно к Хому Полыни.

Он вскинул брови, словно удивляясь своим словам. Царапнул когтем висок.

Плотников подался к нему через стол. Крокодил не успел отшатнуться, Михаил сгреб его за воротник и притянул нос к носу.

— Не твое дело, Крокодил. — Повторил едва ли громче шепота свечи. — Будешь лезть — шкуру спущу, сапожки пошью. Понял?

— Понял, понял. Успокойся, медведь. Выкинут к Луту, как мы оставим мальчика одного?

Михаил разжал пальцы и вернулся на свое место. Кажется, их маленькая стычка прошла незаметно для окружающих. Или, что вероятнее, к сценам бурных выяснений отношений здесь относились как к чему-то обычному.

Дальше ужинали молча. Окончательно стемнело. Дождь не унимался, но местные настолько привыкли к его неумолчной болтовне, что не обращали на нее внимания.

— Я вот что думаю, — Нил отодвинул пустую тарелку, — как мне все-таки лучше это осуществить? В Луте или на Хоме?

— Сыграть карту? — Михаил обхватил ладонью кружку. — Думаю, можно попробовать и там, и здесь.

— А если количество попыток ограничено?

— Не попробуешь — не узнаешь.

— Лаааадно, завтра, — шумно выдохнул Нил, потягиваясь, — я отлить и спать. Ты как?

— Еще посижу, — Михаил откинулся на спинку стула, подвинул к себе ихор.

— Твое дело, — поддел Нил, поднимаясь.

И тут же плюхнулся обратно, широко раскрыл глаза.

Михаил хотел обернуться, но передумал, ощутив железный клюв револьвера между лопатками.

— Добрый вечер, молодые люди, — за стол плавно подседа худая женщина в длинном пестром платье и с бесцветными, по плечи обрезанными, волосами. — Нил, право, тебя легко потерять и так трудно найти. Вижу, ты все так же быстро обретаешь друзей.

Глаза ее, острые словно гвозди, вонзились в лицо Михаила.

— Иванов, надо же. Чем он вас купил, юноша?

— Мы не друзья, — проскрипел Нил. — Просто компаньон за ужином.

Женщина протянула руку, нежно перебрала пальцами волосы на затылке Крокодила. Сжала кулак и припечатала Нила лицом о стол.

Несколько раз.

У Михаила не дрогнул ни один мускул, только побелели крылья носа.

— Не лги мне, солнышко, — попросила женщина, вытирая ладонь салфеткой. — Я приглашаю тебя и твоего приятеля составить мне компанию в вечерней прогулке. Вы ведь не откажетесь проводить одинокую женщину?

Михаил поднялся, подчиняясь жесту невидимого стражника за спиной. Одинокой женщина определенно не была, но отказать ей они не смели.

— Вы так любезны. — Женщина подцепила обоих под локти. — Это недалеко, уверяю вас. Вы очень быстро освободитесь.

Михаил думал: *лишь бы не поднялись в комнату*. Да, умом он понимал, что Лин, даже спящий, способен почувствовать угрозу и отреагировать, но... Все это в теории. По факту наверху спал смертельно уставший подросток, а у этих людей были при себе револьверы.

Они явно пришли за Нилом. Михаил напрягал память, но не мог припомнить эту женщину. А, судя по поведению, она имела силу и влияние. Церра Ведуты?

Постояльцы старались не смотреть на них. В полной тишине спутников вывели за порог, усадили в колесный черный короб, запряженный укрепленными лошадьми. *Стабилки*, вспомнил Михаил.

Женщина заняла скамью напротив, тонкими пальцами разгладила платье на коленях. Пунцовые бутоны в полутьме короба выглядели точно пятна крови.

— Ах, право, где мои манеры. Нил, мальчик мой, представь нас.

— Госпожа Червей, — едва слышно проговорил Нил.

— Громче!

Нил откашлялся.

— Госпожа Червей — Михаил Плотников. Ледокол.

— Ледокол? — Тонкие брови женщины поднялись в уважительном удивлении. — О, наслышана.

— Это... взаимно, — признался Михаил.

Значит, Госпожа. О ней он слышал, еще когда ходил под одной арфой с Волохой. Эта худая женщина с плохими зубами промышляла одуряющими веществами, занималась контрабандой и, самое главное, держала целую ферму червей. Особого сорта. Тех, кому можно было скормить тело и быть уверенным, что его не найдут.

Волоха сторонился дурмана, лишних тел при себе не держал, и их пути с Госпожой не пересекались. Кто знал, что доведется вот так свидеться.

С двух сторон от Госпожи сидели смуглолицые охранники; оружие они держали на коленях, как любимых детей.

— Вы нравитесь мне, Михаил. У вас простое, открытое лицо человека, который не станет держать камня за пазухой. Насколько мне известно, вы больше не связаны с командой Еремии. Хочу сделать вам предложение. Работайте на меня.

Нил быстро стрельнул глазами на Иванова, но промолчал. Михаил задержал дыхание от неожиданности.

— Госпожа... Я не одобряю дурмана, — ответил прямо.

Нил закашлялся.

— Кто говорит о нем, глупыш? — Госпожа игриво шлепнула Михаила по колену когтистой пятерней. — Я про работу на ферме! Смотрю на ваши руки и вижу приверженность к честному труду. Мне нужны такие люди. Конечно, вы не будете рядовым пахарем. Вы станете тем, кто присматривает за остальными, чтобы те не совершали ошибок. Что скажете? Я дам вам дом, достойную оплату, возможность заниматься любимым делом.

— Мне нужно подумать.

— Пожалуйста. Я не настаиваю на немедленном ответе.

Нил тщетно пытался подглядеть, куда они едут. Его любопытство на корню пресекала охрана Госпожи и затянутые металлическими полосками окна, но у Нила были свои наработки. Проникающий в короб воздух изменился, стал гуще и жарче, громче запели ночные птицы, под колесами простучали бревна моста, прошелестела река, почти неслышная в гомоне дождя.

— Да, Нил, ты все верно понял, — Госпожа кивнула, не сводя с него глаз. — Именно туда мы и направляемся.

Михаил никаких выводов еще не сделал. Он понял лишь, что они углубляются в лес, что бежать через полуночные заросли не самый лучший выход, и что Нил, вероятно, до смерти испуган.

У него не было при себе оружия. За Нила не ручался, но охрана тщательно обыскала Крокодила до того, как пустить в короб.

Цугцванг, если он верно помнил значение этого термина.

Наконец приехали. Госпожа покинула экипаж первой, за ней высадили и Нила с Михаилом. Иванов быстро огляделся. Их привезли к подножию не слишком высокой пирамиды, сложенной из серо-зеленых блоков. Кругом горел прирученный огонь в треножниках, окруженный голосом леса и его влажно-мускусным, звериным дыханием.

На этом Хоме, говорили приезжим, некогда практиковали человеческие жертвоприношения. Кажется, Хом ничего не имел против.

На вершину вели отполированные до зеркала ступени. Госпожа шагала легко и уверенно, демонстрируя завидную выносливость. Охраны было слишком много — по двое через каждые десять ступеней. Михаил видел, как Нил бросает взгляды по сторонам, наверняка пытаясь измыслить план побега.

— Итак, мальчики, мы на месте. Хочу немного похвастаться перед понимающими людьми. Увы, редко кто уделяет должное внимание сельскому хозяйству. А ведь агрономия это основа основ! Но люди так боятся испачкать руки.

Она сокрушенно покачала головой. Вторя движению, прозвенели подвески в ушах Госпожи.

Нил следил за ней очень внимательно, напряжинившись, как перед прыжком. Госпожа,

напротив, казалась расслабленной. В свете факелов кожа ее блестела, словно умащенная маслом.

Она взяла под руку Михаила. Плотников через рубашку почувствовал холодные, крепкие пальцы.

— Думаю, вам прекрасно известно, какую роль в растениеводстве играет плодородие почвы. К сожалению, не все Хомы могут похвастаться богатыми землями. На многих злоупотребляют искусственными подкормками, тем самым нарушая хрупкий баланс. Но! Я пошла другим путем. Я училась у лучшего учителя — самой природы. Здесь все очень мудро устроено. Обычные навозные черви способны превратить мусор в ценнейшие копролиты, готовую питательную смесь для растений. Методом селекции я вывела особую породу червей, отличающуюся повышенной всеядностью, устойчивостью к температурам, страстью к размножению. Червям необходима влажность, обилие пищи, им вредят заморозки и прямые солнечные лучи. Поглядите, как ловко я устроила червятники!

Михаил только кивал, рассматривая сооружение, устроенное прямо в бывшей усыпальнице. Черви внушали. Крупные. Ярко-красные, почти рубиновые. Нил косился по сторонам.

— Биогумус я продаю по сходной цене на другие Хомы. Вы знаете старика Орхана? Горбача? Он мой давний клиент. Благодаря в том числе и моим усилиям его Башни Вавилона превращаются в оазис! Черви благодарны, они перерабатывают органику, взамен отдавая прекрасное удобрение. В пирамидах просто замечательные условия для моего промысла. Лучше не придумать.

Она довольно улыбнулась. Убрала волосы с лица, доверительным шепотом поделилась с Михаилом, потянувшись губами к его уху:

— Даже из такого отброса, как наш добрый Нил, получится нечто чудесное. Черви все делают лучше. Мои растения, разумеется, тоже получают все только самого высокого качества. Чуть позже я покажу вам мозаичное панно на стене одной из пирамид. Я сохранила его, потому что это важнейшее культурное наследие Хома...

Госпожа положила узкую кисть на грудь Михаила.

— Так вы принимаете мое предложение? Учтите, я приглашаю к сотрудничеству далеко не всех.

— Я бы хотел сперва... Взглянуть на мозаику, — хрипло сказал Михаил, стараясь увеличить их с Нилом шансы на спасение.

— Вы нетерпеливы, — Госпожа улыбнулась. — Но так и быть. Вы гость, все же.

Панно оказалось в отличном состоянии. Михаил не был особым знатоком древностей или искусства, но он мог оценить прекрасное. А мозаика, определенно, была сокровищем.

Целая панорама, она занимала стены небольшой комнаты соседней пирамиды. Восхождение на нее далось легче, а от товарки она отличалась еще и тем, что ступени ее были увиты неким ползучим кустарничком. Эдакие естественные перила. Имела пирамида и довольно широкий желоб, ведущий от верхней площадки к озерцу-сеноту.

Госпожа Червей, как радушная хозяйка, тут же пояснила, что желоб предназначался для жертвоприношений. По нему-де сбрасывались тела — прямо в озеро, где обитает поглощающая сущность.

— Обитала?

— Обитает, — снисходительно улыбнулась Госпожа и замолкла, давая возможность

гостям рассмотреть панно.

В комнате-камере не было ничего, кроме изукрашенных прихотливой мозаикой стен. Панно изображало батальную сцену, но цвета были смешаны и положены так прихотливо, что рассмотреть подробности можно было только заняв определенное место в центре комнаты. Как только Михаил понял это, панно ожило.

Луна вышла из-за туч, свет ее отразился от зеркал и комната наполнилась звуками: и криками людей, и ржанием коней, и ревом существ, и звоном оружия, и грохотом, и едким запахом меди... Земля содрогалась, а сам он едва мог удержаться в седле — конь под ним был неисправен и шел, сбиваясь, пробивая себе грудью дорогу.

Левая рука онемела, но в правой он крепко сжимал рукоять сабли. Лик ее потемнел от крови. В горле першило; на сколько хватало глаз, кипело море сечи и трудно было отличить своих от чужих. Но тут, черным веретеном, в самую гущу ввернулось существо, взметнуло вокруг себя алую пену, вздыбилось, оказавшись стремительным и отвратительным на вид.

Михаил не успел ничего сделать.

Конь его пал; завалился на бок, а Михаил не смог выдернуть ногу из стремени.

Между ним и существом встал воин — Михаил увидел его со спины и узнал сразу же. В следующий момент черная тварь прыгнула вперед, а воин прыгнул. Не как люди прыгают, много выше.

Оказался вровень с тварью и ударил с обеих рук, но тварь ответила. Упали они вместе. Тварь срубленным деревом рухнула, свернулась кольцом, вверх брюхом, как издыхающий червь. Воин же оказался на земле рядом с Михаилом. Пошевелиться Иванов не мог, но мог смотреть.

Воин ему улыбнулся. Начал подниматься, не отводя взгляда, пока брошенное копье не ударило его в спину между лопатками, пригвоздив к земле.

— Чего ты, мужик?! — Нил тарашился, а щека горела.

Плотников стиснул зубы, загоня обратно нутрянной, животный вой.

Стража смотрела настороженно, а Госпожа — с удивлением. Стены стояли незыблемо. Кажется, все случившееся пригрезилось ему одному.

Михаил потер ладонью мокрый лоб.

— Виноват, — выдавил из себя вместе с кривой усмешкой, — почудилось.

— Надо признаться, мозаика производит впечатление, — Госпожа Червей вновь взяла Михаила под локоть, погладила по руке, — эффект зеркал, плюс архитектурные хитрости, искажающие звук. И вот оно, ощущение присутствия.

— Да, — сказал Михаил, — так и есть.

Поймал взгляд Нила, настороженный, ожидающий. Отрицательно прикрыл глаза. Это было его личное переживание, и делиться им он не намеревался. Следовало все осмыслить.

Госпожа, видимо, была из тех, кто любит играть с едой. Она не торопилась отдавать распоряжения касательно Нила. Но не забывала о нем ни на миг, а уж в бдительности охраны сомневаться не приходилось.

— Прекрасное у вас хозяйство, — сдержанно похвалил Михаил, когда они вновь оказались на ступенях. — Чувствуется твердая рука.

— Доброе слово знающего человека приятно вдвойне, — воркующе рассмеялась Госпожа.

— Вы наверняка прекрасно разбираетесь во всех этих... растениях.

Михаил обвел рукой бурную зеленую поросль.

— Увы. Не стану лукавить, мне хотелось бы предстать перед вами знатоком, но это не так. Я увлечена червятником и узким ареалом культурных растений. Не все дикие мне известны. А вы? Не желаете блеснуть особыми знаниями?

— Разве что как ваш потенциальный работник, — Михаил жестом попросил дозволения снять с треножника факел.

Госпожа милостиво кивнула.

Охрана подтянулась ближе.

Плотников, откашлявшись, подступил к кряжистому, раскидистому кусту, упрямо карабкающемуся вверх к пирамиде. Видно было, что его пытались стричь, но скоро бросили эту затею.

— Вот, позвольте обратить ваше внимание. Это хаура, одно из старейших декоративных растений. Привередлива к климату, поэтому широкого распространения не получила. Видите, ее плоды похожи на маленькие тыковки? Считаются стимулятором.

— Как кстати! — воскликнула Госпожа. — Некоторые мои работники, определенно, нуждаются в этом.

Нил слушал, пребывая в легком замешательстве. Внезапная готовность Михаила к сотрудничеству его удивляла: на перебежчика Михаил не походил. На всякий случай Нил утроил бдительность.

— Есть интересный момент. — Продолжал Михаил. — Вблизи открытого пламени коробочка начинает испускать тонкий аромат. Его еще называют «тыквенной ванилью». Вы слышали, возможно.

— Что-то припоминаю, — кивнула Госпожа приподнимая в раздумье брови.

— Разрешите?

— Прошу вас.

Михаил боком оттеснил Нила, осторожно поднес огонь к маленькой тыквочке.

Та не сразу, но занялась, а потом, вдруг — вспыхнула легко, точно бумажная. И взорвалась.

Нил заметил это краем глаза, уже падая в желоб от мощного пинка под спину. Михаил рухнул сверху, а огонь по цепочке бежал вверх и вниз, охватывая плоды на кустах, и те взрывались, как маленькие гранаты. Семена в липком соке летели во все стороны, люди с криками хватались за лица, спасая глаза.

Нил этого уже не видел. Он с воплем скользил по желобу вниз, набирая скорость, и твердо помня одно — там, внизу, обрыв с сеном и кем-то легендарно-хищным.

Туда он и влетел.

Озеро оказалось глубоким и теплым. Нил дернулся, всплывая, приложился обо что-то каблуком, оттолкнулся и оказался на поверхности. Рядом целеустремленно, как настоящий медведь, выгребал Михаил.

— Что за хрень, Иванов?!

Он не рассчитывал на ответ, но Михаил сподобился, пояснил между гребками и фырканьем:

— Пороховое дерево, слышал? Его действительно... использовали. В качестве оружия. Если... если зрелые плоды поджечь, они взрываются, разбрасывая семена, а те... фух, весьма токсичны.

— Смертельно? — Нил выплюнул теплую воду, прислушиваясь к воплям и хаотичной пальбе.

— Зависит от... от дозировки. Если успеть промыть водой и обработать ожоги, обойдется.

— Где-то здесь должно быть чудовище...

— Если ты про то, что плавают сзади тебя, можешь не волноваться.

Нил обернулся так быстро, насколько позволяла мокрая одежда. Бревно в наростах и костяной чешуе плавало кверху брюхом.

— Чинга ту мадре!

— Видимо, ты зашиб это, когда приземлялся ему на голову.

Михаил вылез на берег, отряхнулся, подал руку Нилу.

Крокодил с надеждой задрал голову.

— Они про нас забыли?

— Скорее, им есть чем заняться. Судя по хаосу и стрельбе, все думают что на них напали конкуренты.

Перебежками, Михаил с Нилом добрались до леса. Нил поежился.

— Признаться, амиго, идея лезть в ночной лес меня не прельщает.

— Ну так оставайся, — хмуро отозвался Иванов. — Уверен, Госпожа будет рада.

— Ты не даешь мне выбора, — с надрывом прошептал Нил, но последовал за Михаилом.

Солнце поднялось высоко, когда двое оборванцев перевалили порог гостиницы. Невозмутимый хозяин за стойкой оторвался от полировки стаканов и предложил завтрак.

— Сначала душ, — едва шевеля распухшим языком сказал Нил. — Потом еда. И спать.

Михаил чувствовал удивительное согласие с Крокодилом, но вынужден был возразить:

— Нет. Берем вещи и сваливаем. Если Госпожа захочет мести, где будет искать в первую очередь?

Нил простонал обреченно:

— В следующий раз, когда я захочу перекусить на ночь глядя, напомни мне про «тыквочки».

— Напомню, — пообещал Михаил.

— Ребята!

Лин, свежий и бодрый, удивленно взирал на них со ступеней. Оказался рядом в два прыжка.

— Что случилось? Почему вы так рано встали и... почему вы так плохо выглядите?

Парни мрачно переглянулись.

Лин вытащил из волос Нила ярко-красного червячка.

— Вы... ходили на рыбалку?

— Да, солнышко. На рыбалку.

— И что поймали?

— Лещей. — Михаил развел ладони. — Вот таких. По ведру на брата.

28.

Юга откинул полог и замер. Тишина толкнулась в уши. Лагерь стоял в пепельном молоке по горлышко. Руку вытянуть — пальцев не разглядишь. В бело-серой ватной каше редко перекрикивались человеческими голосами, но звуки обманывали, метались, как летучие мыши.

РамРай удивленно выдохнул рядом.

— Что это? — спросил растерянно. — Ничего же не было...

— Изнутри хотят порушить, как я думаю, — отозвался Юга.

Стиснул зубы.

Выпь с людьми Дивия шарился где-то за воротами; вероятно, специально выманили. В лагере из облеченных старшей властью оставался только Пегий.

К нему и следовало пробираться.

— До Пегого надо, — сказал Третий.

Угадал, что РамРай кивнул.

— Держись ближе. Голос не подавай, слышишь? Звать будут, не откликайся.

Может, Юга и зря так стерегся, но и стрелу в голову — на звук брошенную — приманить не хотел.

Так и пошли. Ощупью, медленно, тихо. Мрево заваривалось, зрело; двигаться в нем становилось будто труднее.

Юга запнулся обо что-то мягкое. Остановился, наклонился, рукой пощупал — пальцы угодили в мокрое, разворошенное. Поднес к глазам, но наперед услышал запах — медный, резкий.

Потянул за рукав РамРая, пригибая к земле.

На кровь, Юга знал, всякая тварь прийти могла. А тут парнина под ногами лежала. Далеко или близко прокричали — дико, длинно, тошно. РамРай вздрогнул, но с шага не сбился.

Из мрева выскочило, налетело, слепо ударилось о них. Пискнуло женским голосом.

— Таир? — признал Юга, хватая за локоть девушку. — Где Аль?

Девушка закинулась, дрожа, заслонилась руками.

— Таир, это мы, — вылез РамРай.

Девушка его узнала. Всхлипнула, перестала биться.

— Где Аль? — настойчиво повторил Юга.

Порознь брат с сестрой не ходили. Вместе всегда, как на живую нить сшитые.

— Он... Это он...

Таир мотнула головой, не договорив. Разобранные волосы соломой валились на плечи. Юга переглянулся с РамРаем.

Прибили парня, прибрали? Кто-то из своих? Брат с сестрой вместе у спины Пегого стояли. Неужели самого...

— Пегий? — спросил Юга.

Таир сжалась, глянула через подрагивающие пальцы. Отняла руки. РамРай охнул жалостливо, Юга же промолчал. Один глаз девушке вынули, вставили вместо него братов.

— Пегий моим братом смотрит, — сказала Таир.

Голос у нее дрогнул, стал шершавым, шепотным.

— Мясо его ел. И мне давал. Я про то не знала. Простите.

Заплакала одним глазом. Другой глядел спокойно, с любопытством.

— Что ты, — РамРай взял ее, прижал к себе, стараясь успокоить. — Что ты...

Растерянно уставился на Юга.

Юга думал, горячо и быстро. Значит, Пегий. Третий не знал его, в его сторону не смотрел лишний раз, мыслил — один из старших. Столп. Человек верный.

Выпь с ним ближе сошелся.

— Кто еще знает?

— Никто, — всхлипнула Таир.

— *Никто*, — эхом подтвердил голос Пегого.

Накрыл их, как стакан. Нашел. Пришел сразу со всех сторон, из мрева просочился, от земли поднялся:

— Не бойся, черненький. Я тебя не трону. Я тебя не съем. Твое мясо — золото. Ты Манучеру — уда, ты ему — скоба. Зазноба, — Пегий тихо посмеялся. — Ничто не остановит, все сокрушит; перед тобой встанет.

Юга до крови укусил губу.

Выпь, Выпь, подумал тоскливо. Сколько народу о тебя бьется.

РамРай и Таир совсем затихли. Мрево залепляло глаза сметаной, ноздри заливало теплым медом. Дышать тяжело стало, не хватало воздуха.

Таир хрипло застонала, схватилась ногтями за горло.

— Что же ты, — с упреком сказал Пегий. — Так, глядишь, весь лагерь поляжет. Думаешь, тут только *белая корова* да Хангары в личинах ходят?

Действовать, подумал Юга, сжимая кулаки. Надо было действовать, отбиваться, а значит — опять что-то сместить. Но и затаиться, ждать Юга не мог. Пегий наблюдал через Таир. Ждал.

Цепь скользнула из волос, освобождая. РамРай шепнул испуганно, но перечить не посмел. Юга еще колебался. Не мог решить, как поступить, что будет верно, а что — ошибочно. Подсказчиков тоже не было.

— Не смотри, — хрипло предупредил РамРая, — и ей не позволяй.

Прикрыл глаза и шагнул в танец, как с обрыва ночью.

Веретено.

Мрево было живым, и живое в нем бродило, прибирало застрявших людей. У мрева был исход-исток, кто-то выпустил его из коровьего рога, натравил на лагерь, наговорил на смерть.

Юга собирался отнять у мрева его силу.

Потянул на себя плотное прядево, наматывая на пальцы, на кисти, на предплечья влажные полосы, в танце, в движении собирая волокна и волоконца;

вплел обрывчатые, зубчатые крики; капли крови; смуглоту лежащих пол лагерем корней; белизну трубчатых костей;

память лагеря, влажный хруст растущих клыков; коровий череп;

сны.

Мрево простонало, как живое, отхлынуло, вынимая рога из тел людей, разжал когти. Все задышало.

Юга остановился, встряхнул кистями, роняя с пальцев белую пену, серые ошметки.

Почувствовал, как опускаются на спину разобранные волосы, умеряют рост. Разобрал в воздухе особый посвист Таволги — кликал своих.

Прояснилось.

Таир, повернув бледное лицо, в упор глядела на Юга глазом брата. Глядел через него Пегий.

— Убери, — простонала девушка, — сама не могу вынуть. Плоть от плоти моей.

Неслышно ступая, подошел Таволга, глянул быстро. Смекнул тут же.

— Добро, что пакость эту отбил. Плохо, что пришлых напоззло, как цветами яблоню осыпало. Как их выманить, как узнать?

Спрашивал с него, будто со старшего. Так же глядели и РамРай, и Таир, и те, кто следом подходил.

Юга потянул себя за волосы, размышляя. Как отличить? Он чужака в лже-шкуре Выпь по запаху разобрал, по повадкам. Знал его хорошо. А тут всех обнюхивать не станешь.

— У лагерных дозорных спросить, кто тогда со Вторым вышел. Тех взять и трясти.

— Добро, — кивнул Таволга, развернулся к своим.

— Глаза ей завяжи, — попросил Юга РамРая.

Парень кивнул. Девушка покорно подставила голову. Если свой глаз она могла прикрыть, то братьев не слушался — глядел сам по себе, жадно, зорко. РамРай увязал ей глаза ее же волосами, погладил по спине.

Но Пегий голос больше не подавал. Убрался ли вовсе или молчком сидел — один Лут знал. РамРай увел Таир; Юга же нагнал Таволгу.

Пластун как раз спрашивал с дозорных — те отвечали бойко, хоть и были бледны от пережитого. Лагерь после схлынувшего мрева выглядел так, словно по нему бороной прошлись. Все вывернуто, перемешано.

Неужели мое, подумал Юга в смятении.

Неужели это — я?

Люди Таволги разошлись по искуроченному лагерю, высматривая Хангар в личинах. Если те, по правде сказать, еще на них держались. Если нет — без крови не уйти.

Перевести дыхание Юга не успел. Мимо, всхрапывая, роняя хлопья пены, тяжелым галопом проскакала лошадь без седока. В той стороне, откуда явилась, факелом взметнулся крик, взлетела, точно подброшенная, вещная мешанина.

Юга застыл. Огляделся. Рядом никого не было, и отступи он, кто бы слово сказал? Но вновь закричали, и Юга как хлыстом вытянули.

Сорвался с места.

Сразу за хаотичным нагромождением палаток увидел, как льнет к земле некая прозрачная сегментарная тварь, как пятится, отвлекая ее, Выпь, и как быстро опутывают существо веревками люди Дивия.

Юга замер, примеряясь глазами, но тварь его заметила. Сжалась вдруг, как пружина, прынула к нему. Сетка веревочная вспыхнула, объяла пламенем бока. Юга пикнуть не успел, только руки выставил — и будто бревно горящее смело.

Наверное, его вырубило, потому что следующим воспоминанием стал голос Выпь — неожиданно сиплый. Он настойчиво звал его по имени, и Юга с трудом разлепил глаза.

— Привет, — сказал. — Как дела?

Выпь помолчал, глядя сверху.

Глаза его были совсем птичьими — круглыми, желтыми и безумными.

— Как у меня дела?! — уточнил свистящим шепотом.

Резко, сердито наклонился — Юга зажмурился — и царапнул лицо сухими губами.

— Цел? — спросил хрипло.

Юга кивнул, все еще ошарашенный.

— Остальные?

— В порядке. Это Пегий, Выпь. Его замут.

Выпь наклонил голову. Скулы его заострились. Погладил по плечу, помог подняться.

Отпустил, перекинул в руку дикту. Кольца ее были влажными, точно в крови.

Рин не устрасился, только брови дрогнули. Псы молчали, вытянув шеи, торчком поставив уши. Идущая от лагеря Хангар туча замерла, будто повод натянули. С собой она была словно снятая с ножки грибная голова, червивая, комковатая. Висела низко, а под ней, как под наседкой, укрылись Хангары на локуста

Второй пел. В песне его — слышал Рин — слов будто вовсе не было.

Но чудное дело, Рину мнилось, что слышал он эту песнь раньше. Может быть, в снах приходило? Матерь певала? По воде шло, в огне отзывалось? *Голос* ширился, креп, пока не встал над ними, точно купол — живой и прозрачный.

Чужая тварь протянулась к ним, коснулась белесыми ниточками незримого щита и остановилась. Пес Рина рычал, дыбил холку. Хангары не шевелились. Пригляделся Рин, уразумел: к каждому от той головы спускалась тоненькая блестящая нить, ныряла в темечко. От песни Второго нить как будто ярче сверкала.

Или они сами ее на себе вырастили?

Не ее ведут, понял тут же. А голова ими правит, как опытный кукловод. Голове виднее. Голова сильнее.

Вот что им уготовано было — точно так же встать, в один ряд с прочими носильщиками.

Рин выкрикнул команду. Повторять дважды не было нужды — бойцы все были славные. Псов спустили на землю. Изготовились биться.

Второй замолчал и вышел вперед, встал рядом с Рином. Голова обмерла, будто зачарованная.

— Или обаял ты ее? Или запер?

— На замок закрыл, — сипло ответил Выпь, потирая горло и сглатывая, будто застыл. Поморщился. — Это ее удержит. Пока мы можем опорки ее подрубить. Не дать к лагерю пройти, сверху сесть. Готовы?

Рин кивнул.

Махнул рукой.

Псы сорвались с места, огибая Хангар с флангов.

Не видал до того Выпь, как сражаются воины Дивия. Схлестнулись люди с Хангарами стенка на стенку, а псы точно пастухи по краю обошли, с тылу подбираясь.

Выпь прокрутил дикту, наращивая, набирая силу. Соловая его кобылка не подвела, внесла в бой сильно и плавно. Влепил дикту в грудак первого Хангара, сминая плетеный доспех. Хрустнуло хитином, да и крови не было — сухота, соломенное золото.

Визжали локуста, кусались, зло бились. Кони теснили их, молчаливые, как хозяева.

Псы скакали по крупам и плечам, толкались от спин, жестоко рая противника. Их,

быстрых да увертливых, схватить и поразить в общей куче было сложно. Выпь опомниться не успел, как оказался в самом сердце схватки, в роговом ее кольце. Вихрилось вокруг черно-золотым смерчем.

Глянул коротко наверх. Шибануло памятью, как обухом — давно ли так под *шлюпкой* стоял?

Обрушил на голову Хангара новый удар, едва поспел сдержать дикту, сберегая оказавшегося на холке локуста пса. Кипело вокруг молчаливое побоище. Отвлёкся Выпь; зацепили его ловко, стащили наземь, затерли конями и локуста.

Ухватился Второй за подсумки своей соловки, и пальцы ожгло — глянуло на него лицо медное, маска.

Вздел Выпь ту маску и миг переменилось все. Прострелил взором округ, поймал своего скакуна, оказался в седле и новыми глазами видел, как отходят Хангары, пятятся, как сжимается, истаивает Голова.

И как стоит на всхолмье, издалека смотрит на них *он*.

Тамам Шуд, понял.

Манучер, прозвучало в ответ.

Увидели друг друга.

Выпь вскинул над головой дикту, приветствуя и предупреждая. Маска не стесняла обзор, не труднила дыхание. Лежала на лице естественно, как отблеск живого огня. И, мнилось Выпь, захоти он — огнем бы обратилась.

Отошли Хангары; истаяла Голова, разошлась на еле видимые лоскутья. Зацепятся где-нибудь, а после сядут себе на чью-то маковку, наново прорастут.

Но ворота стояли крепко сомкнутыми; лагерь затопила тишина. Недоброе там творилось.

Выпь знал это; знала маска. Не снимая, спешил, подошел к воротам и ударил в створ раскрытой ладонью. По костяному дресву прошел гул-гуд, стоном отозвался. Не по своей воле закрылся от них лагерь, понял Выпь.

Раньше пел он песню-замок, а теперь — ключ.

Родилась в костях, огнем пробежала по жилам, хлынула горлом, как кровь. Маска же будто способствовала; пелось легче, сильнее. И слов не было, а ворота дрогнули, отворились. Не посмели послушаться.

Безлюдно за ними было. И ровно перемешано — все не на своих местах.

Вступили осторожно, боевым порядком. Увидали — кости, из земли выпирающие, в мясных лохмотьях. Будто что наскоро обьяло, прежде чем сдернули. Тишина стояла, только пререживал ее колокольчик.

Выпь оглядывался, не узнавая лагерь. Сила неведомая перемешала стройные ряды палаток, будто насмехаясь, настроила из них башен; узлом закрутила помосты, воедино слепила оружие. Маска молчала, подсказок не давала. Выпь потянулся, стараясь почувствовать Юга — он всегда его чувствовал, срединной линией. Но что-то мешало, соринкой в глазу.

Досадуя, сдвинул маску на затылок. Потускнело все, зато Третьего он почти сразу же услышал — как за ребро потянули.

С глухим рычанием прыгнул пес, сминая показавшуюся из-под груды палаток тварь. Взвизгнул, брызнул кровью; глухо вскрикнул его хозяин.

— Назад! — крикнул Рин, когда подорвались на вырубку другие.

Неведомое показалось целиком, ощерилось. Изогнулось, садясь на задние ноги, громоздясь над группой людей. Составляли его — стало видно под прозрачной, как мутное стекло, эластичной кожей — тела да тленные вещи. Все, что долго под землей да водой хоронилось. Вылезло вдруг, выпросталось.

Выпь диктой удержал Рина.

— Это *черемица*, — сказал негромко, не сводя глаз со жвал, — тварь собой опасная. Обычно на землю к живым не ходит, падалью побирается. На бранных полях заводится. Эту кто сюда зазвал, не ведаю.

— Справиться как? — Рин дал знак своим рассыпаться, окружить тварь.

Выпь примерялся к памяти. С черемицей не думал столкнуться, тем более с такой вот зрелой особью.

— Огнем закидать можно попробовать, огненным вервием опоясать, — ответил. — На части дробить нельзя, только целиком.

Черемица же, словно подслушав такие речи, качнулась, рушась на воинов. Отскочили, убереглись. Псы зашлись лаем, но без команды не кидались — на броню себе черемица выпустила щепу да ржавое железо, проступало то из кожи, ровно щетина.

— Веревками взять! — крикнул Рин. — Огонь запалить!

— Я отвлеку, — кивнул ему Выпь, — вы вяжите. К земле приколотите.

Спешился, сунулся под самый нос твари, крутанул дикту. Прянула черемица, не дотянувшись, только вонью трупяной обдала. Выпь отступил, увлекая за собой. Люди Рина, спорые и дружные, перекидывали друг дружке через тушу промасленные веревки. Быстро смекнули.

Оставалось дело за малым — огонь высечь.

Черемица вдруг повернула голову. Выпь проследил ее взгляд и похолодел. Не успел позвать, запеть; тварь ринулась, как на добычу. Огонь от резкого движения сам вспыхнул.

Тварь накрыла собой Юга, огневея, как летний полдень; завалилась на сторону, сворачиваясь клубом, издыхая. Изошла пеплом.

Выпь голыми руками, не слушая Рина, сшиб ее остатки с Третьего, обмирая, схватил того за плечи...

Сели друг подле друга.

За стенами палатки командовал Таволга — спойманных Хангаров в оползающих личинах взяли в замок; ждали возвращения старшего. Пока же наводили порядок, приходили в себя.

Юга вдруг беспокойно огляделся.

— Потерял чего? — спросил Выпь устало.

— Да. Труп.

Второй заинтересовался, тоже оглянулся. В палатке их было чисто. Ни крови, ни, тем паче, тел неубранных.

Юга зевнул без звука, как рыба. Взъерошил себе волосы, спрятал лицо в ладонях.

Проговорил устало, отчаянно:

— Было же, было...

— Верю. Раз ты так говоришь, значит, было.

Юга быстро глянул через пальцы сухими блестящими глазами.

— Что случилось там, за стеной? Куда вы ходили?

— Хангары Коромысло нам на дорогу устроили. Хитрые. Умные. Знают много.

— Больше, чем ты?

— Больше.

Юга хмыкнул недоверчиво. Взглянул помогать Выпь откреплять доспех.

— И дальше?

— Когда вернулись, оказалось, что лагерь изнутри закрыт, а нам в затылок Голова дышала. Пришлось воевать.

— Повезло, — шепнул Юга, — то есть, повезло, что без смертей обошлись. И тебя не зацепило.

— Доспех правильный, — Выпь пристально посмотрел на Юга. — Ты танцевал?

Юга отвел глаза. Скрываться не хотел: после танца того лагерь как перевернуло. Последствия. У каждого из их проявлений было последствие.

И, главное, никто слово в упрек не сказал. На мрево подумали.

— Ай, пастух, у каждого свое оружие. Ты вон песни распеваешь, я пляски пляшу.

— Черемицу, значит, ты из-под земли вывернул?

— Если и я, то случайно. Как видишь, сам и получил.

— Знаю, — Выпь коснулся затылка Юга.

Грохнулся тот знатно. У Выпь едва сердце не остановилось и, думалось, прибавилось седых волос.

Оба прислушались. Низко, мощно прошумело над лагерем. Только одна корабелла так садилась.

— Гаер припожаловал, — вздохнул Выпь.

29.

— Почему ты решил, что играть я должен в Луте? Давай в тепле, сухоте, уюте да красоте...

— Это же Карта Всего, Нил. Она должна открыться там, где родилась — у Лута в объятиях.

— В объятиях, керридо, обычно зачинают, — проворчал Нил.

После приключения на пирамиде он был чужд себе: колюч и неприветлив. Не выспался, не отдохнул толком. Повинуясь Иванову, они сменили не только постоянный двор, но и сам Хом.

Нил уже нарядил в новые струны виолончель, будто накиннул сетчатую вуаль на красавицу. Под присмотром Михаила, конечно. Тот вообще глаз с Крокодила не сводил. Словно подозревал в чем; Нилу это неверие было глубоко противно. После всего, что они совместно пережили!

— Сообщники, давайте условимся — сыграю вам карту, и разойдемся. Вы на свой Хом Полыни разлюбезный, а я на... на все четыре, а? Бьен, мои хорошие?

Лин кивнул. Покосился на Михаила. Иванов не отвечал. У Первого тоскливо, протяжно зануло где-то за ребрами. Кажется, добрый человек на самом деле собирался его провожать — до самого до порога Хома Полыни.

Лин не мог им так рисковать.

— Сыграй для начала, — ответил Иванов, сдавшись под настойчивыми взглядами. — Может, ты на балалайке своей даже пикивать не умеешь.

— Какое оскорбление! Эступидо!

Нил возмущенно выгнул спину.

— Умеет, — примирительно вмешался Лин, улыбнулся Михаилу, — он очень хорошо играет. Очень красиво.

Михаил хмыкнул. Поднялся вдруг и вышел из комнаты.

Первый и Нил переглянулись.

— Каро, солнышко, давай я порепетирую хотя бы? — устало предложил Крокодил. — Вдруг в Луте мои музыкальные упражнения привлекут ненужное внимание... Ненужных существ?

— А если попытка только одна? — вздохнул Лин.

Нил пожал плечами.

Оба помолчали, рассматривая виолончель. Новые веревки в полутьме вкрадливо поблескивали, как кошачьи глаза.

— Попробуй, — решил Лин. — Попробуй теперь.

— Пока Ледокола нет? — понимающе изогнул бровь Нил. — Не хочешь, чтобы этот человек следовал за тобой, а? Как коварно! Кажется, он к тебе прикипел.

Лин опустил глаза, сцепил пальцы. Сказал виновато.

— Я не могу подвергать его такой опасности. Он и так сделал для меня много. Безмерно много.

Нил пригладил гриф. Сощурился.

— Хорошо, ми альма. Попробуем повернуть все тайком, как юные любовники

весенней ночью. Обведем папашу Мигелито вокруг пальца, а? Закрой дверь, чико. И окна. Если карта ломанется во все стороны, лучше нам не выпускать ее из ладоней.

Подмигнул. Лин растерялся, неуверенно подмигнул в ответ. Ему не нравилось действовать за спиной Михаила, но это был единственный шанс.

— Начинай, — сказал твердо, закрыв ставни.

Крокодил глубоко вздохнул и поднял смычок.

Михаил выбрался на крыльцо, перевел дыхание. Пахло цветами, горячим маслом, жареным мясом и духом тел; близким дождем. Михаил потер виски. Хотел проветрить голову и побыть в тишине. Не ожидал, что на первом этаже будет столпотворение. Обычно народ разгонялся перед сном.

На этот раз постояльцы и прохожие толкались на улице, оживленно переговаривались, таранились в небо. Кто-то даже вооружился дальнозором. Михаил тоже поднял глаза.

— Что там? — спросил в толпу.

— Луг бесится, — проворчал старик, день деньской просиживающий на крыльце с пивом и трубкой, — *кипень* пришел. Раньше положенного. Весь самоход накрылся. Так что если собирался куда, парень, то сидеть тебе здесь еще с неделю.

Кипень. Вар. Жемчужное вино. Все эвфемизмы были не в силах описать то, что творилось теперь за пределами Хома, в открытом Луге.

Вар находил редко и обычно следовал календарю лутоходцев-шанти. Ему предшествовали стандартные манифесты вроде лессировки или ряби; в этот раз случилось иначе. Обрушился сразу и вдруг. Луг запылал, как подожженный с четырех углов дом.

Виною тому были мрамористые сферы, идущие варотоком через обитаемое пространство Луга. Романтики сравнивали этот поток с разорванным жемчужным ожерельем, с каплями молока; люди попроще усмехались, что не молоко это вовсе. Зла сферы не деяли и едва ли вообще замечали что кругом, но свернуть с пути не могли, увлекаемые неизвестной тягой. И силу движения имели такую, что могли легко просадить трафарет насквозь.

Были отчаянные, выходившие в такую пору на своеобразный промысел: подбирали осколки корабелл, мародерили, обирая убитых варом, ставили ловушки на мелкие сферы. Позже кололи их, облатку сбывали на черных рынках, жидкую сердцевину запечатывали и продавали отдельно.

Правду сказать, на Хомах, в руках людей, сферы не жили. Начинка их сперва была розовато-прозрачной, чуть вязкой, пахла розовой водой и перцем. Говорили, что охотники до вечной красоты ценили эту субстанцию выше многих средств. Вот только долго она не жила, начинала чернеть, мутнеть и сгнивала за неделю. Лишь скорлупа оставалась хороша; сохлая же за прочность и лепость ценилась доспешными мастерами Хома Мастеров.

Плотников краем глаза приметил группу оживленно перекликающихся на рioxе ребят. Простая одежда, вытянутые поперек спин ножны с рабочим орудием, похожим на гибрид гарпуна и зацепа. Скакуны-поскакушки. Беззаконные воры Луга, бьющие в сезон и *псов окко*, и *телей*, и *сферы*. Михаил их презирал. Нет благородства в победе над тем, кто не может по слабым силам дать отпор: над ребенком, стариком, животным ли.

Странные чувства в нем боролись, и довлела стыдная радость. Это не делало Иванову честь, но... Вар пришел. Значит, они не могли прочитать карту в Луге. Значит, Лин не сможет уйти на свой Хом. Значит, у них есть еще... пара дней точно.

Значит, он мог быть спокоен.

— Это опасно, даже я говорю тебе — это опасно, — в ажитации Нил свистел, как закипающий чайник.

У Михаила был такой, с интересным приспособлением на носу. Лин старался снять его с огня до апогея кипения. Пронзительный звук напоминал ему крик животного и был мучителен.

После грандиозной новости, принесенной Михаилом, Нил не успел перевести дух и расслабиться. Первый решил обернуть вароток в свою пользу.

А именно — идти вместе с поскакушками. И надо было Крокодилу на радостях разболтать впечатлительному и решительному мальчишке об отхожем промысле этих локо! Чем их подкупил белолобый, осталось загадкой. Едва ли парни согласились подвезти красавчика по доброте душевной.

Теперь они шептались в темноте коридора, пока Иванов мирно давил подушку. Подлинно, как любовники.

— Нил, — Лин прихватил его за рукав, притянул к себе, — все будет в порядке. Ты говоришь, они уже были в Луте в сезон вара?

— Типа. Этим кормятся. Но никто не застрахован, знаешь, сколько таких бьется?!

Лин только вздохнул прерывисто. Его мучила необходимость уходить так — воровским обычаем, под укровом темноты. Не попрощавшись с Михаилом. Не пожалвав на прощание крепкой руки.

Но Иванов уже спал, убаюканный ночным дождем, уверенный — карту они будут играть позже. В открытом Луте.

Они с Нилом обманули хорошего человека, и Лина почти физически тошнило от этого.

— Удержи его. Пожалуйста. Я знаю, ты умеешь говорить.

— Я-то умею, но вот умеет ли он слушать — большой вопрос, — закатил глаза Нил.

Лин выглядел подавленным. Крокодил смягчился.

— Да объясню я ему, не убивайся так. Вали. И будь осторожен с этими ублюдками.

Лин кивнул. Порывисто обнял Нила.

Крокодил похлопал его по спине, легко взъерошил волосы.

И отпустил.

Михаил проснулся от смутного, гадкого чувства тревоги. Так бывало, вскидывался в прошлой жизни — когда ходил на корабелле, и беда готовилась их приветить.

Дождь умолк.

В комнате было тихо — слишком тихо для троих. Лин, бывало, бормотал во сне, стонал, дергал ногами или руками, как игрушка пьяного кукольника. Но ловец, подарок Иванова, каждый раз аккуратно пристраивал в изголовье. Михаил приподнялся на локтях, настороженно взгляделся. Первый, кажется, крепко спал; в полутьме было плохо видно. Однако Михаил успел запомнить, как Лин лежит обычно: и с этим был рассинхрон.

Плотников спустил ноги на пол, в течение сквозняков. Скользнул рукой под подушку, пальцы обхватили шершавую рукоять револьвера.

— Тише, — сказали ему из полутьмы, — уже поздно подрываться.

— Что...

Михаил понял. Негромко зарычал.

Прыгнул к двери, но его броском перехватил Крокодил.

— Спокойно, Ледокол, — пропыхтел, не давая высвободиться, — мальчишка уже далеко. Не рекомендую соваться следом. Там, где они пройдут, ты встрянешь.

— Какого... Какого?! — взъярился Михаил, одним рывком освобождаясь из цепких объятий Крокодила.

Отшвырнул его, как медведь пса. Нил упал на зад, щелкнул зубами.

Михаил опасно надвинулся, закричал-зарычал в полный голос:

— Какого лешего?! Ты позволил ему уйти в ночь, в кипень, одному?!

— Да! Позволил! — Огрынулся Нил. — Знаешь, почему?! Потому что он единственный кто сможет добраться до Хома Пылини и выжить там!

— Он мальчик!

— Он Первый! Упертый ты Иванов. К тому же он не один, а с попрыгунами! Для тех вар что мамкины руки, доскачат!

— Браконьеры?! — Михаил почувствовал, как волосы на затылке и холке встают на дыбки. — Да как им можно доверять?!

— Никак, — фыркнул Нил, — доверять вообще никому нельзя. Кроме тебя, похоже. Прежде чем продолжишь орать, знай: Лин так поступил, потому что за тебя боялся, медведь ты косолапый.

Оба помолчали, переводя дыхание

— Я иду за ним, — произнес Михаил устало. — Потому что его дорога — моя дорога. Одна на двоих.

Нил ощерился, блеснул глазами:

— Что же тебя так приморозило-то? Или ты Луту обещался?

Михаил ожидаемо не снизошел до ответа. Нил покрутил башкой.

— Я пас, — твердо объявил. — Гоняться за мальчишкой Первых по кипящему Луту — Иванов, за кого ты меня принимаешь?! Я, может, и придурок, но не самоубийца!

— Тогда прощай.

Иванов и впрямь развернулся спиной, без лишних слов принялся собирать вещи. Немного их было — сумка, оружие.

Хлопнула дверь.

Нил высунулся из окна, цепляясь когтями за притолоку. За зонтегом шарашило. Надо было быть настоящим безумцем, чтобы рискнуть идти теперь...

Крокодил догнал Михаила, когда тот с каменным лицом направлялся к воронке. Шел быстро, а Нилу спину оттягивал кофр.

О, ни одна виолончель не весила столько, сколько то, что имело ее обличье...

— Во-первых! — прокричал. — Никто, ни за какие лутоны, не возьмется везти тебя в кипень!

Михаил не сбавил шаг.

— Во-вторых! — продолжал надрываться Нил. — На корыте типа веллера ты в лепешку размажешься о первую же сферу.

Михаил и бровью не повел.

— В-третьих! Твоя смерть ляжет невыносимым грузом на плечи Лина и испоганит ему всю оставшуюся жизнь! А я уж позабочусь, чтобы он знал, по чьей вине ты сыграешь в ящик!

Михаил остановился. Нахмурился, потемнел лицом. Стиснул ремень сумки так, что костяшки побелели. Нил мысленно себя похвалил и поздравил.

— Что ты предлагаешь? — глухо спросил Плотников.

— Пойдем. Я знаю, где можно подхватить телегу. Если ты... готов взять чужое, — он усмехнулся, заметив, как в глазах Иванова мелькнула тень сомнения.

Принципы столкнулись с другими принципами.

— Веди, — процедил Михаил.

В угоне еще запачкаться не успел.

Нил вел бодро, уверенно. Почему-то — за город. К сбросовым водам, сообразил Михаил с изумлением. Помалкивал. Понимал, что пользы от пустых вопросов не будет, одно воздуха сотрясение.

Крокодил, будто оправдывая свое прозвище, свел Иванова к самому берегу жирненькой городской реки. Вода блестела точно гудрон; противоположный берег занимали жилища бедняков. Запахи витали соответствующие; возобладала тухлятина. Михаил сунул руку в сумку, достал плоский фонарь, но Нил зашипел камышовой кошкой, велел спрятать и не мотать ему нервы.

Наклонился, подковыривая сырой черный песок ногами.

— А, Лут, — сказал в сердцах, хлопая на щеке комара, — глухо как загнали.

— Что ищем хоть?

— Свободно через зонтеги ходят истинные корабеллы, геликтиты Первых и знаешь, что еще?! Ха! Еще, друг мой, туда-сюда ныряют лодки контрабанды! *Ночные пловцы!* Не увидишь даже под своим носом.

— Меньше слов, — поморщился Михаил.

Нил наконец нашел, что искал.

Пихнул в плечо Михаила, подхватил какой-то канат, поросший водорослями. Вервие было прикопано на совесть, продолжалось в воду. Нил перебрал руками, рывком потянул на себя.

Михаил без слов присоединился.

Шло туго, будто они тянули невод, набитый каменной рыбой. Вода вздулась бугром.

Выволокли на берег; вывалилась туша, собой похожая на винную бочку длиннее обыкновенного, в коросте из улиток, ракушек, водорослей и неопознанного илистого сора.

— Что это? — не сдержался Михаил, хотя и зарекался спрашивать.

— Строба цепня, — жизнерадостно отозвался Нил, и Плотников брезгливо отступил.

Крокодил расхохотался, откинув голову.

— Кальма те, кальма! Эта штука для хождения по Луту в таких вот особых условиях. Вода местная как бульон наваристая, она ей промежуточный хозяин. Сюда стробу знающие люди сажают, растут, крепят, а потом уже снимают, как овощ с гряды. Скачет лихо! В Лут через зонтег проникает, Лутом же и питается, там и растет. Эту, видишь, уже скорректировали. Помогай, Иванов. Почистить сперва...

Достал нож, раскрыл щелчком и начал срезать шкуру.

Михаил присоединился.

В четыре руки стащили коросту, и цепень заблестел боками, показал утопленный контур двери в бочине. Ее Плотников прорезал с усилием.

Нил, бормоча что-то себе под нос, обошел их транспорт.

— Повезло, повезло, Мигелито, сразу призовую вытащили. Тут важно, чтобы она была достаточно зрелой, со сколексом, видишь? На носу и под брюхом. Органы фиксации... Как это. Модифицированные? Нам ой как пригодится, амиго.

Плотников с сомнением смотрел на неуклюжую бочку. Смутно припоминалось что-то на тему омуля и девы-лебедя. Откуда бы?

— Я не вижу ни арфы, ни крыльев. Как она вообще перемещается?

— О, поверь, Иванов, ты будешь приятно удивлен.

Нил смело нырнул в полость тела стробы. Повозился там, выбросил какую-то слизь комом, деловито втащил виолончель и только после позвал Михаила.

— Так, давай сюда.

Внутри оказалось светло, особенно на контрасте с влажным мраком ночи. Свет исходил от самых стенок их капсулы. Цветом она стала похожа на лакированное красное дерево, и это Михаила немного примирило с тем фактом, что находится он внутри преобразованного паразита.

А еще в стробе было устроено что-то вроде кресла пилота и двух пассажирских сидений. Все грубое, вытянутое из внутреннего мяса, но крепкое. Даже с застежками-ремнями.

Нил копошился над изгибом доски управления, лежащей под обзорным окном, вмонтированным в переднюю часть стробы. Михаил заглянул ему через плечо, покачал головой. Какие-то лунки-ямки, крючки, колышки с натянутыми шерстинами.

— Умеешь со всем этим?

— Иванов! — Даже оскорбился Крокодил. — Не умел бы, не совался. Затяни дверь и сядь уже ровно.

Жизненный опыт Нила был богатым. Намного богаче, чем он сам. Доводилось кататься на таких вот темных лошадках. Их строили с таким расчетом, чтобы удержались на гребне в самые высокие шторма.

Должны были проскочить.

— Дай, Лут, памяти, как тут все устроено...

— Знаешь, — выдохнул Михаил. — Ты не обязан идти. Я разберусь.

— Разберешься? Ха, амиго, ты разберешься на взлете — голова в одну сторону, ножка в другую...

Михаил сердито замолчал. Поступок малого его явно огорчил. Нил бы рискнул сказать — разозлил, но ведь злости он не чувствовал. Видел только тревогу. Опасение — не за себя.

Михаил боялся не успеть.

— Так, ключ на старт. Давай, Иванов, вгрызайся в стены. Погнали.

Лут кипел.

Михаилу казалось, они — щепка, подхваченная валом весенней воды. Он вцепился в ремни, закрыл глаза, но помогало плохо. Стробу валило с бока на бок, она ныряла, взмывала, качалась, но стойко держала курс.

Он как-то упустил момент прыжка. Только что стояли на земле, в обзорном окне слезилась, дрожала ночная река, а потом — вдруг — шапкой нахлобучился Лут. Объял, пенный, громокипящий.

Строба увеличилась в размерах, растянулась в длину и в ширину. Михаил не знал, как она выглядит снаружи, но чувствовал, что идут они с хорошей скоростью. Цепень легко избегал столкновения со сферами.

С кем бы ни вышел в кипень Лин, им наверняка пришлось хуже.

Михаил, как отступила дурнота, следил внимательно: Нил неплохо справлялся. Не давал стробе свалиться или притянуться к Хому. Чуйка на Лут у него была неплохая.

Плотников, сцепив зубы, вынужден был признать — без Крокодила он бы не справился. Цепень имел норы, а уж сложное управление было по рукам — по пальцам — только такому же хитровану, как поскакушки.

Нил выругался на своей риохе, велел Плотникову отодвинуть шторку в полу, прикрывающую прозрачный лючок. Вар вроде как унялся.

— Мы его оседлали, вскочили на гребень, — пояснил Нил, вытирая мокрый лоб, — и, сдается мне, нагнали этих локос, вон их скакун. Только тут такое дело, амиго — не мы тут первые. Да ты вниз смотри, не на меня пялься.

Михаил взгляделся и прикусил язык, чтобы не бросаться черными словами.

Скакун браконьеров — вылитый палочник с длинными ухватистыми ногами — стоял на *пльвуне*. Такие самообразовывались в Луте, когда всякая мелкая живность обживала обломки трафаретов или скелеты корабелл. Шатались без привязи. На пльвунах как раз и отсиживались, если Лут лихорадило: пльвуны обзаводились наростами и даже подобием зонтегов. Скакун стоял, прикипев к нему лапами и брюхом. Он был целым — сферы его не взяли, веселые воры знали свое дело. Вот только лючки на боках были отпахнуты.

На пльвуне нашли пристанище не только люди.

Плотников взгляделся еще и увидел шальное, обморочное многоцветье.

Это...

— *Луминарии*, амиго.

Оба замолчали. Михаил тяжело сглотнул, выдохнул прерывисто. Он знал, о каких рожденцах Лута толкует Крокодил. Существа, сделавшие игру преломления света и приманкой, и оружием. Существа, живущие глубоко в Луте — и пришедшие вместе с варотоком, увлеченные его течением.

Луминарии. Витражницы Шартра, как их называли в кругу гисторов. Имя их было одного корня с Хомом; оттуда родом был знаток, первым приметивший и назвавший тварей.

— У тебя есть...

— Держи, — Нил уже протягивал Михаилу из кости вырезанные очки, с прорезями столь узкими, что они больше походили на щель забрала. — Прости, амиго, единственный экземпляр. Я покараулю нашу лошадку, а ты иди, тащи пацана.

Михаил пригладил шершавыми пальцами очки. Единственное верное средство от гипнотического многоцветья.

— Откуда? — только и спросил Плотников.

Крокодил хмыкнул. Щелкнул пальцами вдруг, как кастаньетами.

— Много говоришь. Лучше поторопись, амиго. Может, успеешь — пока до тени не обточили.

Убивающие светом и питались не как прочие твари. Из добычи они первым делом выпивали цвет, сосали жертву, как бабочки, пока от нее не оставалась бледная тень.

Говорили, что тени те, несчастные останцы, и после покоя не знали: так и скитались сухотой Лута, наводя тоску на экипажи, виновные в смертной истоме и мертвых штилях.

— Разве сабля твоя не живого мяса взыскает? — насмешливо проговорил Нил, когда Михаил проверил верную подругу. — Что она против витражниц?

Михаил не ответил. Только крепче сжал рукоять. Раньше зарево луминарий он видел издалека, над тушами погибших, заморенных корабелл. Ближе никто не подходил — вынуть человека из петли света полагалось делом самоубийственным.

Да и то — люди, даже случайно выпавшие из круга, даже вытащенные, отнятые, после

снов не видели, цветов не разбирали. Тосковали и помирали вскорости.

— На саблю больше гляди, чем по сторонам, — напутственно шепнул Крокодил в самое ухо Иванова.

И отступил.

Под ногами хрустнула доска. Видать, не всем везло сесть на пливун ровно. Попрыгунам удалось. Наверное, чаяли переждать вароток, отсидеться. Только нашли их витражницы.

Обсели мотыльками, заволокли блескучими крылами. Михаила будто тянуло глянуть как следует. Стащить очки, вдохнуть, выпить глазами полыхающий цвет...

Что было с Первым — попал ли под власть многоцветья — Михаил мог только гадать.

Танцевал свет, преломлялся, морочил, лился полотнищами. Через прорезь все иначе смотрелось. Тускло, плоско. Не опасно.

Михаил понял, что как только начинает рассматривать, пытается разобрать цвета — ломит виски. Внял совету Крокодила, стал глядеть на саблю свою. Она мерцала ровно, уверенно, будто ночная река омывала глаза прохладой.

Свет ее обтекал, не садился.

Спустился Михаил еще, в чашу-выбоину. И увидел. Не побрезговали витражницы и падалью. Чаша, шрам-вмятина от давнего столкновения, оказалась полна костей. Объели мертвых, *до теней обточили*, а живые пока стояли. Тесно, плечо в плечо, будто хороводить затяли.

Витражницы танцевали, мурмурация завораживала, замуровывала.

Лин выделялся, как лилия среди арматуры.

Захлестнуло Михаила, будто арканом ребра стянуло.

Ускорился, под ноги не глядя, хотел тронуть — задержал руку.

Лин стоял подле других, зачарованно пялился на витражниц. Впитывал раскрытыми глазами сонм красок. Его как будто меньше тронуло, только обмахнуло. Возможно, потому что с цветом он ближе прочих знался.

Может, были и среди браконьеров достойные спасения люди. Но Михаил не мог взять больше положенного. Лут бы не разрешил.

Краем глаза Михаила поймал движение, развернулся, отбивая быстрый, как язык ящерицы, белый и горячий всплеск света. Сабля глаз не имела, краски на нее не действовали. А вот Иванова оглушить-порезать вполне могли.

Тем более теперь — набравшие и вес, и плотность, луминарии сняли слепок с выпитой добычи, обернулись боевой формой.

Завихрилось столбом, перехлестнуло лицами, как картами.

— Лин! — зычно крикнул Михаил, прежде чем обрушился на него цветной вихрь.

Первый словно вздрогнул, скидывая наваждение, но пробудиться окончательно не сумел.

Поняли луминарии, что Михаила им так легко не взять. Что пришел тот подготовленным, и не уйдет, своего не заполучив.

Михаил двигался быстро и плавно, крутился волчком, отражая всполохи света, похожие на всплески шелка. Только шелк тот резал, будто актисы.

— Лин! — позвал Михаил снова, когда его захлестнула новая волна.

Луминарии вьюжили, не давая приблизиться. Жалили с разных сторон. Отлетали согласно, точно птицы, и атаковали вновь, виртуозно меняя облик. Михаил не сумел сообразить, как оттеснили его к краю пливуна.

Сабля со свистом рассекла строй витражниц, едва ли кого повредив. Луминарии сомкнулись, откатились и маятником толкнули человека в грудь.

Михаил только руками взмахнул.

Сильные тонкие пальцы обвили запястье, отдернули от пасти Лута. Лин стоял, смежив веки, но Иванова держал крепко.

— Идти можешь?

Первый неуверенно кивнул. Двигался он, очевидно, на слух, а глаза не открывал, чтобы не попасть вновь под обаяние витражниц.

Сам того не желая, Иванов забрал себе внимание луминарий; ослабла их власть, пленники зашевелились. Витражницы метнулись обратно, обрушились на добычу парчовым, прихотливо расшитым шатром.

Больше Михаил спрашивать не стал. Подхватил парня, закинул на плечо и прыжками помчал наверх, прочь из костяной чаши мертвецов.

— Скорее! — прокричал Нил, перекрикивая взвой ветра. — Новая волна идет! Тут сметет все!

Двигаться, держа на себе Лина, и отбиваясь от луминарий, было не просто. Михаил стиснул зубы. Он знал, что справится.

Строба рвалась наверх, но цепи сколекса не пускали, держали крепко.

И Нил дождался. Дождался ведь, а Михаил думал — бросит, уйдет, и куковать им тут, и сгинуть вместе...

— Давай сюда, Иванов!

Вместе, в четыре руки, закинули Первого в глухое чрево, сами прыгнули следом. Стало тише, теплее, мельче. Нил, бормоча ругательства, сбросил цепи, и строба подпрыгнула мячиком, удирая от новой волны сфер.

Михаил не видел того, но почуял: смело плывун, как песочный замок.

Нил уверенно правил, набрав на пальцы спутанные нити, как чужие волосы. Михаил склонился над Лином.

Тот открыл глаза, и страх чуть отступил. Плотников боялся увидеть пустоту на месте яркой синевы.

— Миша, — голос у Первого был будто наждачкой натертый. — Прости. Я... поделом.

Михаил коснулся ладонью рассеченного лба Первого. Что там стряслось до витражниц?

— Все хорошо. Отдыхай. После поговорим.

Лин прикрыл глаза. Облизал бледные губы.

— Твой должник, — разобрал Михаил едва слышное, непоправимо виноватое.

Со вздохом покачал головой, закрепил ремни, перебрался в другое кресло. Ощутимо трянуло, Плотников прикусил язык.

— Аккуратнее, ну. Не дрова везешь.

— Дубину, ага, — фыркнул Нил. — Две дубины.

Щелкнул каким-то рычажком. Потянул за петельку. Пальцы его двигались с поразительной сноровкой. Михаил откинулся в кресле. Поморщился.

— Что же, — проговорил, наблюдая, как под брюхом стробы мелькает болтанка Лута, — Хом Польни и после разойдемся?

— Как в Луте корабеллы, амиго, — кивнул Нил и улыбнулся в ответ на улыбку Михаила.

30.

Она вовсе не рисовалась эфирным созданием, сотканным из духа и шелка. Не бредила одними только танцами и сценой. Была сильной, веселой, энергичной. Грызла ногти, когда волновалась. Шумно, как лошадь, фыркала, перед тем как начать заливисто смеяться.

Надо было видеть ее чаще.

Но зато теперь Волоха встречал ее каждую ночь.

— Ты такой хороший, когда спишь, — прошептала Элон.

Волоха распахнул глаза. Элон лежала близко, так близко, что он видел каждый шаг шва на милом лице. Глаза ее были влажны и печальны. Русский онемел от тоски. Застыл, не в силах шевельнуться.

Она подняла руку и он увидел ее белые, нежные, виноградные пальцы с коротко подрезанными ногтями.

С тихим деревянистым щелчком сломался указательный. Безымянный.

Он не мог закрыть глаза. Не мог шевельнуться.

Замычал, немим криком раздувая горло, силясь напряжением всего тела, всего ума прорвать, преодолеть беспомощную стену.

И проснулся.

— С пробужденницей, гаджо, — сказал Дятел.

Цыган сидел в развалистом кресле, закинув ноги на койку Волохи, прямо на перекрученное, сбитое одеяло. Лушил семечки. Сплювывал шелуху в кулак.

Проталина иллюминатора едва теплилась.

— Что, мертвячка приходила?

— Не говори так о ней, — Волоха прижал кулак к влажному лбу. — Она не заслужила.

Дятел помолчал. Лицо его терялось в полутьме, только взблескивали серьга да зубы.

— Хорошо. Не буду.

К женщинам у цыгана было своеобразное отношение. Всего два сорта: или шкура-кряля, хипа крашенная, или товарищ боевой, наподобие Медянки. И вот, Элон. Третий вид.

Волохе стоило многого труда приучить старпома к этой мысли.

— Прибыли, гаджо. Хом Мастеров, как заказывал. В воронке стоим, расчехляемся.

Волоха сел в постели с трудом, будто его мокрыми простынями тянуло обратно в беспомыслие. Цыган склонил голову, разглядывая капитана.

— Может, кровь тебе пустить, а? Или я трав заварю.

— Нет. Нормально, — ответил русский, пустыми глазами глядя перед собой.

Дятел вздохнул. Пахло остро, сломленным бурей молодым деревом, вместе с комлем вывернутым.

— Вздевай портки, гаджо. Пойдем сбруйку нашей красоте искать. Да и себя не забыть, не обидеть. Справим тебе португую, а? От глотки до жопы, первый парень на деревне будешь...

На палубе команда уже толпилась в полном составе, включая заселенную-засаленную — Медяну-Агон.

Девушка со своим приложением свыклась необычайно скоро. Чувствовала, что ее — такую — справедливо опасаются Ивановы. Все пока сторонились, кроме Руслана и Волохи.

— Я иду с вами, — заявила рыжая.

Волоха пожал плечами.

— Проследи, — сказал Руслану, когда Медяна первой направилась к сходням.

Буланко подобрался, кивнул. Рядом с подружкой он как-то враз сделался серьезнее и тише, и все указывало на то, что теперь под нож девушку бы не пустил — даже по слову капитана.

Раструбы воронок занимали несколько всхолмий сразу; от каждой вились вниз нахоженные дороги. Сновали люди пешие и конные, отдельно двигались груженные повозки; под ногами хрустела скорлупа местного лакомства, каленых орехов.

Хом Мастеров дышал жизнью и трудом. Работа кипела здесь днем, не затихала и ночью, когда вздували в стеклянных клетях огни. Хом оправдывал свое название — он стал верным пристанищем для всякого знатока ремесла. Здесь работали и инженеры, любимые Сводом Галео, и оружию кузнецы, Статут соратники.

Сюда приезжали со всего Лута, чтобы справить лучшее обмундирование для красавицы корабеллы или орудие по руке, починить побитый трафарет, подобрать доспех. По мирным тяготам тоже прибывали, всякое искали: инвентарь для земляных и горных работ, кухонную утварь, домашние и дворовые приبلуды.

Волоха с командой был на Хоме Мастеров не в первый раз. И точно не в последний. Люди, к которым он обращался, брали много и вперед. Но их работа стоила каждого лутона.

Русый кивнул казначею.

— Мусин, не обидь ребят. Парни, в драки не встречаем, слушаем, что говорят. Доспех, оружие — прикупить, зря средства не переводить. Сбор на нашем токе завтра, в полдень. Вопросы?

— Нет вопросов, — хором гаркнули парни.

Лица их светились предвкушением свободы и короткого праздника.

— А я с тобой, — Дятел подцепил хмурого Волоху под локоток, — пройдемся шерочка с машерочкой.

— Что, даже к шкурам своим не заглянешь?

Цыган небрежно цыкнул.

— Успеется. Гля, или блазнится, или впрямь народу больше обыкновенного набежало?

— Больше, — Волоха чувствовал сутолоку кругом.

Покупатели были взволнованы. И то сказать — едва улегся вар, а Хангары и отступить не думали. Крепился каждый, вооружался кто чем горазд. Мастера трудились не покладая рук.

Волоха, задумавшись, крутил в пальцах лутон.

Странная вещь, думал праздно. Сказывали: лутоны не множат искусственно, не уют, не чеканят. Общее их количество в Луте решалось самим живым пространством. Конечно, некая часть хранилась у кремальеров, но остальная... Лут волен был исторгнуть или поглотить некоторое количество лутонов, как если бы держал их в своих глубинах.

Волоха знал, что порой авантюристы жизни кладут на то, чтобы сыскать такие вот *мешки* — образования, где бы Лут хранил свои сокровища. Сказки, конечно. Но у сказок очень длинные ноги.

Гаер всякого навидался. Порой думал, будто не за себя одного жизнь живет. Может, так и было — скольких прибрал, не сосчитать. На большой крови стоял.

Навалился животом на фальшборт, выглядывая из-под руки нужный домик. Антиквары на Хоме Мастеров гнездились наособицу. Белая кость, желтый жир.

Не домики даже — дворцы. У кого под колонны и портики Хома Оливы сработаны, у кого загибы Хома Тумана, у кого попроще, но всяко забористее, чем простые кирпичи под красной черепицей.

Антик, которому собирался нанести визит Гаер, жил с привкусом. Вкуса ему все-таки не доставало.

— Здесь! — рывкнул арматор, тыча пальцем вниз. — Вот эта улица, вот этот дом! Скидываемся, парни!

Соль нависла, закрыв собой солнце, над яро-бирюзовой крышей. Главное здание было исполнено в стиле песочного, змейно-струйного замка Хома Гауди, смущало зрение и разум калибром и калибровкой. На балкон выбежал человек в халате с кистями, охнул, всплеснулся, скрылся.

Солнце стрельнуло на створе захлопнутой двери.

Во двор высыпала вооруженная охрана.

Гаер усмехнулся.

— А? — сказал. — Каков удалец?

Манкурты, оборуженные и в доспехах, понимающе кивнули.

— Туки-туки, — пропел арматор тонким голосом, предусмотрительно убрался в сторону, прилепился лопатками к простенку.

Костяшками пальцев постучал по изукрашенной двери.

Ни звука.

Гаер закатил глаза.

Дорогу себе прорубили быстро. Наемные люди жизнь свою на жизнь хозяйскую менять не захотели, так что взяли малой кровью. Гаер прошел по прихотливо убранному дому весело, не снимая ботинок, и встал перед дверями в кабинет.

Антик успел запереться изнутри. Домашняя прислуга разбежалась, затаилась, ключ спрашивать было не с кого.

Гаер постучал жесткими табачными пальцами по клавишам прохладной кости, исторг из инструмента нутряной стон. За дверью безмолствовали. Створы были хороши: резные, прихотливые, похотливые. Голые девицы мясо-молочной породы на выпасе у речки.

Гаер вытащил из пасти смолку-жвачку, с варварской обстоятельностью налепил ее на девушкин глаз, подозрительно живой.

Успел отойти, нырнул за комод и там переждал взрыв.

Дверь разворотило вместе с косяками, треснула потолочная фреска.

Манкурты уже тащили кашляющего и шипящего мужика, цепляющегося босыми пятками за ковер. Обильное пузо было обсижено мурашами.

— Саечку за испуг, — ласково сказал ему Гаер, щелкнул по лбу. — Признавайся, гад, рад ты мне или не рад?

— Не рад, — искренне простонал мужик, кулем сваливаясь в кресло. — Варвары, варвары...

— Правду говорить легко и приятно, да? — Гаер просиял улыбкой. — Тогда, раз ты в нужном настроении, сразу к делу. Колись, где у тебя тут трещотка-манилка?

Антиквар искренне вытаращился.

— Но это... запрещено?

Гаер поморщился, сделал отметающий жест ладонью.

— Притворимся, что мы оба слишком умны, чтобы тратить на эту тему.

— У меня нет подобного.

Гаер вздохнул, потянулся, подошел к ближней безделице.

Антиквар напрягся. Арматор пробежался глазами по предметам, украшающим длинную полку над камином. Камин тоже был непростым, являл собой наживо вынутый орган огня водяного ящера. Всегда теплился, всегда в глубине его мерцало пламя, а для защиты от погара служила ледяная цепка, скованная здешними умельцами из материала Хома Долгого Снега.

Но не камин интересовал Гаера.

Остановился на кубке, исполненном в форме цветка. Работа была столь тонкой и точной, что для жизни кубок был помещен на влажный мех губки. От лепестков, формирующих корону-чашку, шел приятный аромат. Чашу наполнял нектар, одна капля которого могла помочь даже дряхлому старцу удержать молодую любовницу.

Гаер протяжно присвистнул.

— Ишь ты подишь ты, как говорят Ивановы. Что за фигулина в три вилюшки, а?

И на каждом слове, будто кот, подгонял к краю каминной доски кубок.

Нагло смотрел антику в глаза.

Мужик облизал пухлые, мучнистые от волнения губы.

— Я не держу это дома, — сказал доверительно, низким, как дождевые облака, шепотом, — слишком опасно. Тебе ли не знать, арматор, сколь непредсказуемы трещотки... Уводят беду, но и привести могут... Стой!

Выдохнул, когда кубок застыл у самого края, вскрикнул тонко, когда Гаер столкнулся и подхватил у самого пола.

Рассмеялся арматор.

— Ну?!

— Схоронил я их, как только опасность понял! — Переглотнув, закричал антик. — В подкорье спрятал!

Гаер сощурился, упал на тонконогий, изгибистый стул. Подкинул и поймал кубок.

Антик, едва успев перевести дух, вновь заволновался.

— Та-а-ак, — Гаер качнулся на стуле, заставив мебель страдальчески скрипнуть, а антиквара — всхлипнуть. — Тогда прошу указать координаты. И лучше сразу сдать все ловушки с потрохами, я не в настроении. Отражение, знаешь ли, очень плотный график.

Столкнулись — руки на оружие бросили.

Народ отшатнулся, стало кругом тихо.

А встреча случилась на площади; Гаер с манкуртами резали путь от хоромины антика, а Волоха с Дятлом только от доспешного мастера вышли.

— Ба, — первым заговорил Гаер, поспешно дожевывая орехи и чудом не подавившись, — вот вроде большой Луг, а нам двоим в нем тесно, не?

— Поместимся, ежели бока подберешь, — отозвался Волоха, отнимая руку от оголовья сабли.

Гаер повторил жест. По его знаку манкурты расслабили плечи, но от хозяина не отступили. Заботливый Эдельвейс подал арматору флягу с водой. Неру с Дятлом с интересом

таращились друг на друга.

— Дело пытаешь или за так шатаешься? — Гаер сделал глоток, предложил русому, но тот головой покачал.

Не пил не ел из рук чужих.

— Корабеллу снаряжаю, — Волоха окинул взглядом Гаера и малую свиту, прикидывая, зачем арматор собственнлично заявился на Хом Мастеров. — А ты что здесь забыл?

— Так Отражение у нас, русский. От каждого, так сказать, по возможностям. Я вот за манилкой подъехал.

Дятел хмыкнул удивленно.

— Трещотка-манилка, от чумницы пастуший рожок? — русский поднял брови. — На что тебе?

— Ну уж не в нужник повесить, ворон пугать, — фыркнул Гаер. — На войне все средства хороши, не? Так вот, некоторые средства хороши особенно.

Волоха с интересом разглядывал Гаера. Очевидно, пути их слагались в один.

Тамам Шуд.

— И нашел? — спросил лисьим голосом.

— Есть на примете тайник, проверить нужно, — уклончиво отозвался Гаер. Медленно проговорил. — Если имеешь интерес, могу с собой позвать. Ты, я так полагаю, тоже не просто так Еремии броню ладишь?

Поведал антик про тайное место в закорье, только беда — у Гаера под седлом одна Соль была, и пройти в лаз не смогла бы.

А вот Волохина Еремия была мастью в капитана — подбориста, жилиста, пронырлива.

— Что предлагаешь? — прямо спросил русский.

— Мне твоя корабеллка сгодилась бы. Уж больно далеко на своих двоих пехать, а Соль мне в этот раз не помощница.

Дятел помалкивал. Не потому, что арматор и манкурты — страха он ни перед кем не имел. А просто чуял, что молчанием больше Волохе подсобит.

— Я помогу тебе.

Гаер даже крякнул. Вот так просто?

— А что взамен? Не юли, мы с тобой одного волчьего куста ягодки.

— Взамен ты ничего не возьмешь с моей корабеллы.

Гаер потер щеку. Цыкнул.

Хитро сощурился.

— Корабеллки, значит, все до одной решил себе прибрать?

— Я оберну их против Нума, — сказал Волоха и глаза его потемнели.

— Ой, сдюжишь ли?

— Справлюсь. По рукам?

Гаер протянул руку и крепко оплел пальцами запястье русого.

Хом Мастеров устроен был хитро, с подвыподвертом.

Не как прочие. Внутренности его были скручены, будто улиточный дом, и точной карты никто не имел. Подкорье — так именовали здешние эту систему просторных ходов, ведущих, казалось, к самому сердцу Хома. Там привольно текла чистая вода, а на стенах нарастала живица. Прежде находились умельцы ее срезать, но теперь без крепкой охраны никто не совался.

Некогда мастера брали под себя глянувшиеся тоннели. Устраивали склады и тайники. Не учли только, что воды Хома все забирают, а возвращают не то, то взяли.

Неладное стало твориться в подкорье.

Закрыли ходы.

Антик же успел трещотки в самую глыбку поместить, и теперь сам забрать бы не сумел.

— *Я не думал, что трещотки сгодятся кому, после того поветрия-то... Так и уложил, убрал далеко, чтобы не было искуса взять, а уже после дев Габа ходы и закрыли! Я правду говорю!*

— *Твое счастье, пузан, — Гаер отпустил мужика, вытер руки о скатерть, задумчиво обозревая убранство. — Богатая хоромина. Придаришь чего на памятку, а?*

И подмигнул, и рассмеялся...

— Стало быть, ходы закрыты, конкурентов у нас не будет? — подытожил рассказ арматора Волоха.

За разговорами дошли до Еремии, а там обнаружились двое: Медяна и понурый Руслан. Девушка явно ждала гостей — сидела на руле высоты, сложив кренделем ноги.

Прыгнула белкой, ошпарила взглядом.

Агон, понял Волоха. Потому и обратно притащилась — небось, зачуяла что. С сущностью русый не тягался, не спорил. Только Руслан имел отчаяние препираться.

— Что-то девчушка у тебя молчунья, а? — Гаер кивнул на Медяну. — Где только берешь таких?

Агон презрительно повела бровью.

Арматор смотрел на нее с подозрением, смутно чувствую под обложкой человеческой инаковость. Интуиции своей он доверял, не раз та упасала его от ножа под ребра, от яда в горло.

— Где беру, таких больше нет, — улыбнулся Волоха. — Поди сюда. Раз уж на мою спину сел, так помогай.

Гаер из свиты отобрал пятерых манкуртов, включая Неру. Посимпатичней, как сам признался.

Эдельвейса оставил на Соль за старшего. Ну и чтобы было кому принять власть, удержать в узде Башню, случись нестраховой случай.

Волохи он не опасался. Для русого Гаер был союзником, значит — до смерти не прибьет.

— Ишь, не сбрыхал прощельга твой, — сказал Дятел, когда зев в холме распался, обнажая гладкий тоннель.

Хом сильно вырос мясом, раздался, но ходы стояли крепко. В гладкой трубе было прохладно и тихо.

— Если застрянем, как слива в жопе? — громким шепотом справился недоверчивый Дятел.

— Тот же вопрос, — оживился Гаер. — Я просто стеснялся спросить. Ты капитан, конечно, тебе виднее, но все же — если?

— Тогда и будем думать, — улыбнулся Волоха.

От тихой улыбки его манкурты отступили.

Подкорье встретило гостей приветливо. Понизу стелился рушником ручей, распадался от стены до стены. Пахло, вопреки чаяниям, хорошо: водной травой, сырой свежестью.

Еремия легко шла вперед. Манкурты бдили, Агон с Русланом и Дятлом тоже торчали у

борта. Волоха повернулся к рыжему.

— Я слышал, Лин удрал из Башни.

Гаер протяжно вздохнул.

— Молодой, глупый, — сказал с сердцем, — тоска, видать, заела.

— Едва ли это явилось истинной причиной, — Волоха склонил голову, разглядывая арматора, — Лин тебя любит, рыжая башка, огорчать бы не стал. Ищешь пацана? На след кого поставил?

— Парочку розыскателей, — уклончиво отозвался Гаер, поскреб бритый висок, — да сдается мне, напрасные мечтания. Лин куда быстрее, а когда дает себе труд подумать — и умнее..

— Утроба не приберет?

— Пусть попробует, — глаза у Гаера сверкнули, — наизнанку выверну каждого. Лин мой, я один и спрашивать могу.

Волоха хмыкнул. Гаер был жесток и в ту же пору — сентиментален.

— Лин не птица, чтобы сидеть в клетке. Тебе давно пора было его отпустить.

— Вот только не задвигай мне за педагогику, а?! Иначе я тебе такие флаги на Башне покажу, сам не рад буду. Замастыришь себе дитенка, сам и воспитывай, во что горазд. А я лучше знаю, что для него хорошо, а что — плохо.

Волоха возвел очи горе, но смолчал.

Гаер, выпустив пар, постучал ногтями по перевязи.

— Твою мать, русский, — буркнул, успокаиваясь, — мне одного Эдельвейса хватает с его нравоучениями на тему отцов и детей. Давай пропустим. У нас тут другие пироги.

Волоха поднял ладони, соглашаясь.

Меж тем освещение изменилось. Стены тоннеля сочились розовым светом; как туман, поднялись с воды сумерки.

Волоха велел зажечь глостеры; сверился с планом. Переданный антиком чертеж был стар, но, если ход не изменился, то двигались они в верном направлении.

— Или вентиляция тут приличная, не? Дышится по сю пору легко, а забурились уже прилично.

— Думаю, тоннели вбирают кислород, как кора. Через видоизмененные устьяца.

— Интересное образование, капитан, — поддержал Руслан, — я пробу взял, на досуге полюбопытствую.

Волоха рассеянно кивнул, вслушиваясь. Шлепало едва разборчиво, будто похлопывала о камень небольшая волна.

Еремия, что видишь?

Иду по приборам, капитан. Эхо глушит.

Плохо.

Обычно Еремия не нуждалась в опорках вроде встроенной навигационной системы, хватало врожденной.

— Неру говорит, пузан затирал тебе за дев Габа. — Дятел встал рядом. — Что то за причуда?

Ответил Волоха:

— Ходилки, сторожницы здешние. Вообще говоря, они не под заболонь сработаны. Им место — дворцы, дворы богатые. Мы схлестывались как-то...

Волоха помолчал, вспоминая гибких, белых как цветочная пена и легких как пауки дев.

Сработанные из молока, с черными запертыми глазами, девы Габа не чувствовали боль, не понимали усталости и признавали одного хозяина.

Кто-то из Мастеров по неосторожности закрыл их на складе тоннеля, а девы ушли по воде и сделали ходы опасными.

В чем-то схожи они были с манкуртами, вот только манкурты все же оставались живыми людьми. Девы же изначально ими не были.

— Ступают неслышно, нападают дружно. Крови в себе не имеют, остановить их трудно. Голову с плеч.

— Это можно, — хмыкнул Гаер, давая знак своим быть внимательнее.

Глубже брала заболонь. Теснее становились своды, но света больше не умаялось. Напротив — будто пекло сильнее.

Мелькнуло впереди. На шупе-щепе, выступающем из дресвы, русалкой качалась фигурка. Белая, как из мыла струганая, с лепниной вьющихся волос, телом хрупким как у долгунца и темными глазами.

Изящно перебрала руками-ногами, свесилась над корабеллой, провожая слепым взглядом.

— Она?

— Она.

Еремия, осторожнее.

Ни крика не было, ни звука, но прочие девы уже выглядывали из устьиц, как ласточки из норок, смотрели внимательно.

— Слыхал я, русский, о псах особой сторожевой породы, что в дом пускают вора, а на обратной дороге рвут, — поделился Гаер. — Я бы такой, что вдарил сук на упреждение. А?

С Волохой советовался лишь потому, что на его корабелле шли. Русский это понимал. Гаер чужой власти над собой не любил.

— Если теперь ударим, могут вход запереть. Тогда, получается, вовсе зря сунулись.

Арматор покивал рыжей головой. Волоха посмотрел, как катает тот меж пальцев синий, с два ногтя, *ежик* — уронить такой, корабеллу пробьет.

Меж тем впереди выступил из-под воды остов-остров, обтянутый серым шелком течения.

— Вот, значит, как далеко закопал.

— А, слушай, если...

— *Идетидетидет*, — прошелестело бабочками над корабеллой, сверху спустилось и от воды поднялось. — *Ктоэтоктоэтоктоэто?*

Волоха не сразу осознал — быстрый голос принадлежал девам Габа. Говорить им от сотворения не было положено. Думать, впрочем, тоже.

Но тут, в подкорье запертые, они вобрали в себя живицу Хома. Развились. Обучились.

— *ХозяинБашни...*

— *Лес...*

— *ХозяинВольеров...*

— *Горан...*

— *Арматорарматорарматор...*

От хора голосов Волоха почувствовал, как занялась, закружилась голова. Девы говорили каждая по себе и вместе. И думали, видно, тем же манером.

И знали сообща — больше.

Остров же придвинулся вплотную. Еремия легла на него грудью, замерла.

Десантируете, капитан?

Волоха кивнул заторможено, обернулся к спутникам. Арматор внимал шороху голосов, похожему на пересып сухого песка. Будто тщился и страшился разобрать что-то для себя особенное.

Например, имя, давно позабытое.

— Останешься?

— Или не я этот поход затеял? — фыркнул Гаер, встряхиваясь. — Вместе пойдем. Мои трещотки!

— Беляночек-то крошить-крушить али как? — уточнил Руслан.

— Пока сами не сунутся, молчим, наперед не огрызаемся, — предупредил Волоха.

Промочив ноги, добрались до берега. Песок был белым, плотным, чистым. Девы следили за пришлыми с воды и стен, но нападать не нападали. У Волохи от их внимания чесалось между лопатками.

— Маловат островок, холодна водица, — сказал Дятел, — айда костерок запалим, сосиски погреем?

Волоха покосился на болтливую цыгана, не ответил. Другое отвлекло. Антик говорил рыжему, что трещотки спрятал, как язву моровую погреб — под камнем. Под каким, правда, не уточнил, а следовало бы спросить.

— Мать твою, — Дятел с шипением отдернул руку, едва коснувшись боковины камня. — Хорошо, что задом не приложился...

— Аль-Атар, — сказала Агон. — Пылающий.

Возложила ладонь на плоскую, гладкую как столешница сторону камня. Руслан дернулся отнять, но Дятел не дал, поймал товарища за плечо.

Камень под рукой Медяны дрогнул, шевельнулся. Шкура его съежилась, покрылась рябью буковиц, затем треснула скорлупой и расщепилась вдруг, обнажив нутро.

Волоха ближе всех стоял, он и рассмотрел, что уходят вниз, как в узкое горло, толстые серебряные и цветные нити, что бегут по ним огоньки, мелькает в глубине что-то, не разобрать...

Зачесалось, запекло предплечье, Волоха украдкой дернул рукав, наблюдая, как проступают на коже символы, цифры, взятые из Рыбы Рыб — будто откликаясь зову.

Вдруг — накатило, вырвалось пламя клубом.

Метнулось лисьим хвостом, заставив людей отшатнуться. Агону лишь волосы на спину отбросило. Сжала кулак, умиряя горячее пламя, и то улеглось, свилось клубом. Агон зачерпнула его ладонью и на ладони пламя застыло, сжалось, превратилось в малый камешек янтарный.

— Я сберегу, — сказала Агон камню, — но и ты не обмани.

Повернулась к людям.

— Трещотки ваши давно в живицу перетекли. Девы Габа теперь их в себе несут. Надо — так с собой берите. На такой случай, говорит — можно.

Кто говорит и на какой случай, не уточнила. Волоха переглянулся с Гаером.

Всех корабелла не утянула бы при всем желании.

Девы Габа подошли вплотную — облепили остров, обступили людей, корабелла увязла в них, как в гипсовой пене. Не кидались рвать чужаков, но и выпускать, очевидно, не собирались.

— Вот что, девчули, — Гаер вышел вперед, хлопнул в ладони, — есть предложение. Выбирайте делегатов, поедут с нами. Нам нужно-то... не больше пяти. Остальные, увы — мимо.

Девы смотрели в упор.

— *Онговоритонговоритонговорит...*

— *Отражениеотражениеотражение...*

— *Свободасвободасвобода...*

— *Тамамишудтамамишудтамамишуд...*

Возбужденный, нарастающий шум голосов заглушил, казалось, сами мысли. Люди не выдержали, закрыли уши ладонями; бестрепетно стояла одна Агон.

Наконец, смолкли.

Сдвинулись с места.

Люди схватились за оружие, но девам то было неинтересно.

Они шли друг к другу.

Обнимались, сцеплялись, налезали друг на друга; свились одним шевелящимся кублом.

— Чисто крысиный король, — ошеломленно поделился Дятел.

Волоха рассеянно кивнул, наблюдая странную метаморфозу. Клуб застыл совсем; белые тела дев стали вдруг сохнуть, сереть, нищать размерами. Застыл шершавый кокон недвижно. Но, прежде чем Дятел для профилактики пальнул в него из револьвера, треснул, раскололся и вышла к людям последняя дева.

Была она видом почти как человек, даже платье имела — шелк серого жемчуга, сушеная плоть подруг.

— С вами мне ехать, — сказала певуче. — Я — трещотка.

— Извольте, — насмешливо изобразил полупоклон опомнившийся Гаер.

Корабелла под трещоткой просела на мгновение, глухо охнула.

— Стало быть, все уместились, — сказал Волоха.

31.

— ………, — сказал Гаер, оглядывая раскуроченный лагерь. — Вы что здесь, картошку подрывали-глушили, твари?!

Волоха обежал взором раздолье беспредела, уточнил вежливо у Гаера:

— А, то есть это не порядок вещей?

— Это беспорядок люлей! — Гаер на каблуке развернулся к подоспевшему Таволге. — Какого?! Стоило мне отойти, не?!

Таволга говорил мало, но по делу. Не оправдывался; однако и лишней вины себе не брал. По ходу повествования лицо Гаера вытягивалось все больше и больше. Под конец арматор выругался, пнул какой-то земляной ком в сетке корней и успокоился.

— Ладно. Найду пегую тварину — камнями брюхо набью и в колодец кину.

— А я посодействую, — кивнул Таволга веско. — Ребята через его предательство шибко побились.

Явление же Волохи с командой для Выпь с Юга оказалось неожиданностью. Однако — не попятились, не побежали. Стояли друг против друга, глазами мерялись.

Слова берегли.

— Живы, щеглы, — оскалился Дятел, порушив молчание первым.

— Да и от вас разит, как всегда, — не остался в долгу Юга. — Стало быть, не сдохли, не заветрились.

— Стало быть, вместе биться будем? — спросил Выпь русого.

Капитан молча кивнул.

— И корабеллы в ходпустишь?

Не верил намерениям Волохи. Однако, видать, случилось нечто пока они порознь ходили. Изменило капитана.

— Когда черед придет — пуцу. Сам в голове встану.

Медяна держалась наособицу. Тревожно оглядывалась, пожималась, как от холода. Агон в голове любопытничал, возбужденно скалил зубы. Сама девушка встрече со старыми знакомцами обрадовалась, но подойти не решалась.

Учуют, думала.

Узнают.

Так и сбылось.

Выпь с Юга подошли с двух сторон, и встали близко — руку протянуть.

— Привет, — девушка примученно улыбнулась, чувствуя, как трескаются пепельные губы, — рада, что вы оба благополучны. Не гадала, правда, что так скоро свидимся...

— Что это в тебе? — перебил Юга, глядя в упор.

Он как-то еще больше похудел, построжел. Глаза и рот резче обозначились, ярче зажглись, и новое выражение в них появилось — Медяна не могла разобрать. Хорош стал — невмочь. Немыслимо. Всегда заглядным был, а тут мог красотой перешибить, как плетью — обух.

Оружие, осенило Медяну подсказом Агон. Красота Третьего была оружием, и чем ближе опасность, тем ослепительнее, тем острее. А тут — сердцевина.

Выпь помалкивал, но дикту за спину не убирал. Придерживал, аккурат между Медяной

и спутником.

— Агон, — созналась Медяна. — Тренкадиса хозяин и владыка. Я ему факел.

Выпь опустил веки, шаря в памяти, в тоннелях, пробитых Печатями. Третий же быстрее сообразил.

— Сильно, — присвистнул, — сама пустила или само прыгнуло?

— Сама... само, — Медяна сердито дернула плечами. — Уж так случилось, не я выбирала, меня выбрали. Вы-то как, оба-два?

— Долго говорить, — Выпь что-то для себя решил, шагнул к Медяне.

Та сжалась, но Второй только коснулся ее плеча, слегка обнял, приветствуя. Агон шатнулся ближе, жадно разглядывая Второго через Медяну. У девушки зачесались глазные яблоки, но сморгнуть не могла. Выпь спокойно изучал Агон в ответ.

Наконец спрятался сосед.

Юга поманил Медяну.

— Пойдем, рыжая. Я покажу, где разместиться.

Для Медяны поставили отдельную палатку. Места хватало. Лагерь рос телом, ширился с каждым днем — Хомы жертвовали Отражению людьми и оружием. Сам же лагерь пускал новые отростки, раздвигаясь — говорили управляющие ростом знающие люди — по рисунку *пасти*. Видать, эта форма в предлагаемых обстоятельствах была ему предпочтительнее. *Пастью* его все чаще в разговорах и величали. Прирос именем.

Девушка смотрела на Юга — как тот двигался, говорил, помогал ей, ловко и легко. Помалкивала, беседы не заводила. А когда собрался уходить, придержала за рукав.

— Обожди. Слушай... Ты в порядке вообще? Не думай, что я слепая или тупая. Ты будто слегка не в себе. Не обижает тебя Выпь? Может, мне ему по холке дать, на правах старой подруги? У меня рука тяжелая, и не таких бычков кастрировала...

Юга даже рассмеялся, вообразив себе сказанное.

Однако рыжая глядела без улыбки, строго поджав губы. Волосы у нее отросли, сделались наподобие гривы, полыхали медью и золотом. Губы налились пурпуром, глаза — особым сияющим блеском. Лут пошел деве на пользу: расцвела. Или не Лут был тому причиной, и даже не Агон?

— Я сам кого хочешь обижу, тебе ли не знать, змейка-медянка.

Медяна вздохнула с облегчением. Расправила плечи, глянула веселее.

Юга ответил улыбкой.

— Ай, но колтуны у тебя на башке — вошки спотыкаются. Давай подрежу-расчешу, все лучше будет. Столько воинов справных, авось, привадишь кого?

— Не надо мне... война, — фыркнула Медяна, но за расческой полезла. — Есть уже один, тоже певун-говорун. Частушками стреляет, семечками угощает, рукастый. Вот, кактус котусовый Гришку вместе растим, скоро уж пойдет... Может, дурноватый, но парень хороший. И Агону нравится.

На след Пегого поставили псов Дивия, но большой удачи не случилось. Утек предатель. Один Лут знал, как давно и за сколько он Нуму продался, да как много успел подглядеть.

Выпь на общем собрании был задумчив. Из головы не шел Тамам Шуд. Видел его в тот раз близко, будто совсем подле себя. Как такое могло быть? Через маску притянуло?

Еще бы взглянуть.

Говорил Гаер; после слово взял Волоха. В свою очередь заговорили и Таволга, и всегда

сердитая Солтон, и Сом-сибарит. Оба вернулись с прибытком: Солтон принесла бегучий огонек против матицы, а Сом раздобыл резак от Паволоки.

Русый рассказал имеющееся на Еремии оружие.

— Есть *игольницы*, что разят без промаха. Иглы их с Хома Осоки, тоньше травного листа, острее рысьего глаза. Кровь нашу они знают, не ужалят. Есть *пятнашки* — был бы свет, а фонарь далеко бьет, дотянется...

На Волоху поглядывали, сдерживая любопытство. Не до расспросов стало. С Пегим и помощниках, Нум все ходы знал. Следовало менять лагерь устроиться, растить рога комолу, а то и на опережение бить.

— Я пойду в Нум переговорщиком, — сказал Выпь.

Прозвучали особо громко в общей тишине, сложившейся после слов Волохи.

— О чем толковать-то? — искренне удивился Сом, задержав в пухлой руке многоглазый перламутровый веер. — Разве ж они разумеют нашу речь, разве мыслят схоже?

Ответил Гаер:

— Раньше нельзя было, твоя правда. Не та стадия развития. Теперь — можно. Уж почитай, третью форму сменили. Визири выходят. Вот с ними можно и беседы беседовать. А пуще — с теми предателями-человеками, что Нуму жопку лижут, за свои боясь...

Задумались.

— Однако, в гости к Нуму идти риск большой, — признал Гаер, раскуривая трубку, — им наших засланцев хлопнуть, что поссать.

— Предложить им разве пленных? — сказал Волоха. — Что в замке томятся.

Сами Хангары пленных не брали. Про то все знали.

— Я пойду, — повторил Выпь, будто не слыша те речи, — один.

Юга сердито шикнул.

— Думаешь, на тебя стрелы не сыщется?

Выпь смотрел в сторону.

— Меня Нум пустит.

Гаер глянул с подозрением, шевельнул рыжими бровями.

— Сговориться думаешь?

— Обговорить, — поправил Выпь спокойно. — Выслушать.

— Что слушать, — закудаhtал, засмеялся Сом, — они, Хангары, есть поглотители, вторженцы. Им земля нужна жирная, да моря соленые, да мясо парное. Люди им — корм локуста. Кто с травой подножной, сеном-соломой, говорить будет?

— Я не человек.

Солтон гневно повела плечами, будто тянула ее кольчуга, свитая из жестких, черных кобыльих волос.

— Нашел чем бахвалиться.

— Не бахвалюсь. Факт утверждаю, — Выпь едва посмотрел на нее.

Говорил он с Гаером. Как ни крути, за рыжим было последнее слово.

Арматор сердито укусил мундштук. Прищурился.

— Ладно. Проверим. Не договоришься, так хоть глазами постреляешь, авось что вызнаешь, как там устроено с изнанки. Утром выйдешь.

Юга был не рад такому обороту.

— Ты бы хоть мне наперед сказал, а? — проговорил сердито, едва вышли из шатра,

миновали стражей-дуплетов. — Что тебе туда одному переться, стрелами закидают, локуста затопчут!

— Ты ведь тоже ходил, — возразил Выпь, — правильно тогда сказал — самому надо увидеть, самому понять.

Юга всплеснул руками.

— Ай, сравнил! Я не один был, с ребятами Таволги! И то — насилу ноги унесли.

— Но так я не ползуном пойду, а явно.

Юга ответил мрачным взглядом. Затея Второго ему не нравилась. Выпь ко всяким странным тварям питал пристрастие, живой интерес. А тут целый Нум. *Ну, ужалила мысль, ну покажутся ему эти Хангары ближе и милее, чем людской завод? Решит остаться?*

Тряхнул головой. Предателем Выпь не был, на другую сторону бы не убежал. Не то устройство.

На Пасть меж тем ложилась темнота. Зажигались огни — то раскрывались, светясь, цветы-гелиофаги. В дневную пору сманивали к себе в пузыри-кувшинки свет, а ночью охотились, на тот же свет насекомых подзывая. Бликовала военная справа ночных дозорных.

— Так понимаю, меня с собой не берешь?

— Нет.

— А зря, — хохотнуло из мрака, — в гости, да без подарочка-гостинца, кто ж так делает? Подложить Нуму шкуру нашу? Ради общего дела, во имя общего блага, а?

Юга рот открыть не успел на отповедь, а Выпь длинно шагнул. Цыган едва успел отшатнуться — дикта свистнула в мизинце от виска.

Волоха встал вперед старпома, ладони выставил.

— Тихо. Тихо.

— Да что я...

— Смолкни, — цыкнул на него русский, как на пса.

Выпь молча вернул дикту за спину.

— Следи за языком, — предупредил хмуро.

— А иначе? Что ты мне сделаешь? — хмыкнул Дятел. — Вызовешь на дуэль?

— Нет. Я скажу тебе снять штаны и трахать тот камень до тех пор, пока не сотрешь член до основания.

Прозвучало веско.

— Это не гуманно, — уже другим голосом сказал Дятел.

— Зато убедительно.

Дятел под взглядом капитана прищурился, но продолжать не стал. Юга же взял за руку Выпь, молча потянул за собой. Говорить, объяснять, паче ругаться — не хотелось.

До своего места дошли быстро, в молчании.

Только в палатке Выпь вдруг заговорил.

— Тот, Ррат. Ты же совсем несмышленьшем был?

Юга вздрогнул, точно его выстигнули.

Память Второго оказалась цепкой. Однажды сказанное, давно оброненное — крепко запомнил.

— Сколько тебе было? — продолжал допытываться Второй.

Юга слабо замотал головой. Отвел глаза. Видит Лут, никогда взгляда не прятал, а тут — само, само.

Выпь взял его за плечи, и Юга задрал голову, глядя снизу-вверх. Пропеченное, ветрами

обожженное лицо Второго было сухо и твердо. Скулы, ввалившиеся щеки. Крепко сжатый рот, упрямый подбородок. Широкие брови. И глаза, глаза — охряные, с медью на дне.

— Я сам, — сказал Третий, потому что молчать стало вдруг страшно. — Сам, понимаешь? Не силой брал.

— Ты был ребенком. Он — взрослым.

Выпь говорил спокойно, но Юга чувствовал, знал треск пожарища, скрытого до поры медными листами.

— Это давно случилось, теперь что ворошить? Чтобы все прознали?

— Никто не узнает.

Юга дернулся, стараясь скинуть руки Второго с плеч. Разозлился.

— Ай, это только мое дело! Плакаться не буду, горевать не желаю!

— Не правда, — тяжело, нараспев произнес Выпь. — Это касается тебя. Значит, это и мое дело тоже.

Они смотрели в глаза друг другу. Юга медленно, не моргая, поднял руки, сжал предплечья Второго. Закрытые щитками из дерева и змея, они были шершавыми и холодными.

Злость легла, как лошадь в траву.

— Не надо, Выпь, — устало попросил Юга. — Оставь. Сделанного не воротишь. Прощай тебя. Не мучай меня.

Выпь наклонил лохматую голову, пряча глаза. Пальцы его смяли, сдавили плечи Юга, Третий зашипел сквозь зубы. Второй опомнился.

Разжал хватку.

— Я тебе подарок припас, — проговорил сипло. — Все вручить не удавалось.

Юга изумленно промолчал. Подарков между ними как-то не водилось.

Пока думал-гадал, к чему такое, Выпь полез в сумку, достал что-то, завернутое в тряпицу. Протянул.

Третий, глянув искоса, осторожно развернул, не сдержал восторженного возгласа:

— Абалоны! Ай, вот угодил, вот порадовал, пастух... Где взял только?!

— Выменял у маркитанта, конь у него захромал, я починил, — скупно пояснил Второй, наблюдая, как Юга, освещенный радостью, крутит-вертит наушники.

— Правда понравилось?

— Ха! Словами не выразить, это ж я теперь могу не только твой храп по ночам слушать...

Выпь только фыркнул, не сдержав улыбки.

Легли позже обыкновенного. Юга понимал, что отпускать от себя Второго сегодня не стоит. Взвинченный, выпитый войной, он и так отдыхал реже положенного.

— Ты горячий, — сказал Третий, ладонью трогая лоб друга. — Что на тебя нашло, а? Дятел же, на него каждый раз вестись — жизни не хватит. Не стоит того.

— От тебя прохладой тянет, — пробормотал Выпь, закрывая припухшие веки и лоя в темноте его руку, — как от ночной реки, знаешь. Хорошо так.

— Ну, правильно, тиной и лягушками несет. — Рассмеялся Юга. — Ты огонь, я вода.

— Верно. Верно.

Второй успокоился постепенно; закинул руку ему на бок, задышал глубже. Юга всматривался в его лицо, удивляясь, как оно изменилось — и не изменилось совсем — с той первой встречи на Сиаль.

Вечность минула.

Сильный, высокий. Жилистый. По-прежнему чуть сутулился, когда стоял. Ходил широко, размахивал руками. И рот большой. Лягушачий. Юга вздохнул.

Верно, верно, повторил про себя его голосом и закрыл глаза, засыпая под тягучую переключку ночной стражи.

Его сдернуло с койки, вбило спиной, затылком о крытый шкурами пол.

Юга вытаращился молча, растеряв дыхание.

Палатки не было — к земле прижимал Второй, закрывал собой от чего-то лютого, кричаще воющего.

Ревели рогачи. Вторили им люди и животные, пахло пролитым огнем и кровью.

Выпь взметнулся, подбил ногой дикту и, круто извернувшись, остановил удар, упавший сверху.

Юга перекатился, чтобы не мешаться под ногами. Вскочил сам и глаза в глаза столкнулся с Хангаром. Лицо его было плотненько забрано золотой, с ноготь, чешуей. Смотреть долго не стал. Бок резануло болью, а волосы вскипели, хлестнули, выбили Хангару лицо вместе с черепом.

Юга оглянулся. Кругом диковало. Нападение случилось внезапно. Пришло, и готовы к нему не были. Люди отбивались в полутьме; Хангары наступали. Шкуры мягко скользили под ногами. Выпь добил тварь, похожую на вырезанную из темноты длинную птицу, и встал рядом, спина к спине. Третий клял себя последними словами — какой болван, снял доспехи. Следовало ложиться в них.

Нево-небо просветлело, когда с корабеллы Волохи сорвался сгусток света. Брызнул гибкими иглами, минуя своих и казня чужих. *Игольница*.

Ночные пришлецы дрогнули, попятились.

Люди воспряли.

— *Долосс! Долосс!* — прокричали из темноты.

Ударили барабаны, вторно запели рогачи.

Где-то там билась Медяна, сражались арматор и кудрявый РамРай. Мир Юга сузился до пяточка, до спины Второго, к которому его прибывало волнами Хангар.

Выпь держал врагов на расстоянии. Дикта шла его рукам, был он с ней ловок, точно цыганский пес Волохи — с ножами.

Юга же с другим оружием дружен был. Вздохнул, выдохнул, пользуясь коротким затишьем. И шагнул вперед, прямо под изгибистое, струнчатое, пилой выщербленное оружие Хангар. Шагнул, увлекая, таща за собой в плетень танца, окутывая уже созданным, уже начатым прежде и теперь — лишь продолженным. Таких заготовок у него скопилось изрядно. Научился. Научили.

Противников отшвырнуло прочь, смяло, смололо в крошку *Граблями*. Юга даже вздрогнул — не ждал такого эффекта.

Из темноты же, из межпалаточного ряда, вдруг выдвинулось нечто. Собой оно было будто бы сложение двух людей: как если бы один встал на четвереньки, а другой влез ногами ему на макушку. Существо двигалось быстро, споро, раскидывая людей, как сухие листья.

— Долосс, — сказал Выпь.

Выставил дикту, пригнулся. Долосс же остановился против них как будто в раздумье, в нерешительности. Вблизи стало видно, что сложен он пока не крепко, что пленные Хангары

вросли друг в друга не совсем ладно.

— Ну, — шепнул Юга, — тоже будешь приручать диковину или к Луту, сразу пришибем, чтобы не мучилось?

Долосс же определился скорее, двинулся к ним. Однако прежде, чем успели дать отпор — на спину твари скакнул некто и с разворота снес верхнее туловище, с плечами и головой.

— Проглядели! — рывкнул сердитый Гаер, коротким движением освобождая Двухвостку свою от налипшей золотой шелухи. — Задницы оторву!

Погрозил кому-то кулаком и прыгнул в темноту.

— Это он не нам, — обнадежил друга Юга.

Дальше стало не до разговоров.

Долоссы больше не подходили, но и рядовых Хангар хватало. Отражение забороло, верх брало; враги, зажатые Лагерем, теряли в силе и количестве.

Наконец, Хангары отступили от них и — рассыпались вдруг с тихим, мертвым шелестом. До Юга долетели удивленные вскрики соратников. Выпь подошел, ткнул диктой — золотая пластинка хрустнула, ломаясь.

— Старая шкура, — сказал Второй, развернулся к Юга. — Обноски свои нам закинули. Что не жалко. Так, видимо, и пробрались — птицы ночные шелуху на крылах принесли. Кто же на птиц подумает? Корабеллы да веллеры по воробьям не стреляют.

— Кто же птиц тех так ловко направил? — спросил Юга задумчиво, опустил на корточки, пальцами коснулся изношенной пластинки.

На подушечках осталась золотая пудра.

Выпь пожал плечами. Он смотрел куда-то вдаль, щуря глаза. Юга проследил его взгляд.

Светлело. Вновь забили барабаны.

— Сбор, — вздохнул Выпь, глянул на Юга. — Сдается, раньше мне идти.

«Зовется вещьца та Врановой Матерью, происходит от корня людова, живет же особо, сторожась. Птах голубит, врачует, птичий язык ведает. Пташие ей службу служат, указки исполняет. За то Вранова Матерь птицу от зла укрывает, плотью своей кормит».

Выпь поднял взгляд на собравшихся.

Бережно закрыл «Сказки о тварях». Погладил корешок, приласкал, как Рин — морду своей собаки.

— Еще один человек на службе Нума? Чем он их берет?! Не могут же все на золото липнуть!

— Значит, предлагает что-то еще. Особое. Каждому — свое, — задумчиво сказал Гаер.

Смотрел при этом на пустое кресло, где прежде сиживал Пегий. А по Пегому не сказать было, что до золота жадный.

— Собирайся, Второй. Пора тебе в гости на зорьке, по холодку.

В провожатые вызвались Волоха с Дятлом. Юга рвался, но Выпь попросил — и тот остался.

Гаер вышел проводить. Рвал зубами вяленое мясо, быстро говорил на прощание:

— Смотри только мне, русский, головой за своего пса отвечаешь. Чтобы не тьякал без спросу, понял, не? А ты, мутус, лучше рот чаще открывай. А надумаешь предать, вилку мне в жопу воткнуть — я твоему парню башку оторву, с волосами вместе.

Гаер зол был с утра. Сам собирался ехать, но Выпь и его остановил. *На что ты там,*

сказал. *Вы с Нумом друг друга не поймете, не узнаете. Он другой породы, моей ближе. Ты — Башни Хозяин. Каждый лишь свою правду знает, на ней и стоять будет.*

Ехали молча.

Ивановы были при оружии, Выпь взял дикту. Доспех вздел.

Не сильно верил, что все это выручит. Какое убеждение от локуста с Хангарами?

Выпь знал лишь, что Тамам Шуд его ждет. Без этого бы не пошел, тем более — людей бы с собой не повел.

Дятел коротко присвистнул, когда миновали столбы граничные, Хангарами оставленные. Взосли те и росли, кажется, сами по себе — не вкопаны, не тесаны. Вместо стражи дозорной стояли — испещренные живыми глазками. Повернулись глаза, следя за путниками.

Таволга и Юга о таких не сказывали, значит, прежде не было.

Ближе, ближе — надвинулось стойбище шапкой, и потянуло дымом костряным, живым. Пение слышалось низкое, земляное, да гуд — как от толстых струн. *Раньше, вспомнил Выпь, здесь деревня была. Ничего от той деревни не осталось, все сравняли.*

Разве что глаза оставили — сторожить.

Раскинулось впереди поле, золотом убранное. То лежали, поджав ноги, разведя крылья, локуста. Недвижимые, точно из золота отлитые чурки. Хангары с людьми кто между ними бродил, кто отдыхал, кто зенки на чужаков пялил.

Были и долоссы — на земле, стянутые прозрачной пленкой, будто бы высохшим плодным пузырем. Вкруг них стояли обычные Хангары с человеками, пели на одной ноте, ударяли в железо.

В тревоге никто не подхватился. Будто и впрямь — ждали.

Выпь смотрел на Хангар и думал: *не разбираю лиц их, не понимаю, не помню, будто сквозь сон гляжу. У остальных — неужто — так же?*

А еще — увидел он — как Хангары мастерят себе оружие. Берут сброшенные крылы локуста, гнут их под себя и ножом правят. На дальний бой снаряжение — стрелы кидать; на ближний — рубить-колоть. Значит, понял Выпь, у локуста крылы тоже меняются, как и шкура.

Добрый конь под тобой, сказал Тамам Шуд. *Только на что мне людей привел, мясной приплод? Неужели нет мне веры?*

Выпь оглянулся на провожатых и понял, что голос тот в голове у него одного звучал. Тамам Шуд с ним беседовал.

Спешивайтесь, гости дорогие. Скотину вашу присмотрят. Прошу ко мне.

Как по мановению, расступились Хангары, разошлись локуста, открывая проход. Тем коридором и пошли: Выпь впереди, Волоха следом, Дятел замыкающим.

Вышли к поляне. Не было там ни стола, ни ковра, ни шатра, ни иного убора. Только костыли разновеликие, в землю впитые, с ушами игольными, а чрез уши те были жилы продеты, а на жилах уже всякий сор болтался. Жилы между собой через узлы соединялись.

Тамам Шуд ждал их. Стоял во весь громадный рост, за спину руки убрав. По пояс голый, босой, в простых штанах, в метях своего народа, как в дорогой рубашке. Бритую голову обегал венцом рисунок. Глаза смотрели внимательно.

И — подле сидел Пегий-предатель, а еще тучный мужчина в богатой одежде, а еще женщина, прекрасная собой. Тамам Шуд кивнул гостям.

Теперь садитесь, поговорим.

Сам опустил по центру, легко скрестил ноги. Взял себе жилу, на руку намотал, как конский повод. А другие то же сделали. Не иначе для того, чтобы мыслями сообщаться, в одном поле разговаривать, понял Выпь.

Сам опустил на землю, коснулся рукой жилы, удивился нутряному ее натягу. Только увидел — не костыли то были. А ровно тощецы, до смерти изнуренные, сушеные. Даже ряд рук виднелся, на груди сжатых. А то, что он за ушки игольные принял — дыры на месте лиц. Неужто, и есть — *Визири?*

Выпь особо посмотрел на Пегого. Тот улыбнулся, катая в ладонях шарик. Не шарик, сообразил Выпь. Глаз девичий. Спокойно глядел Пегий. Будто не он людоедствовал, будто не было предательства, удара в спину. Благожелательно кивнул.

Ты, Второй, верно мыслишь, сказал Тамам Шуд. Под моей рукой не только Хангары, чада мои возлюбленные. Под мою руку и ваши братья пришли, кто умнее, кому владычество Башни — поперек.

Я запомню их лица, пообещал Выпь.

Люди переглянулись.

Услышали, значит.

Не спеши судить. Сам сперва скажи — дело ли, в страхе жить, в Луте мясоядном, до крови алчном, детей растить? Перед Башней спину гнуть? Власть ее велика, неумолима, неизмерима. А только я могу дать ей укорот.

Башня Уйму к миру привела, сказал Волоха. Речь его была как лесной шум. До Башни распри между Хомами, разбои и насилие. Сильный пожирал слабого. Вырезали друг друга, а после плодились без ума, без меры. Башня завела ограничения, емкость жилую, к ногтю буйных прижала. Башня — закон. Снеси ее — люди обратно зверями обернутся.

Не будет так. Не будет, ибо сам Лут поменяется.

Тамам Шуд поднял руку.

Хом этот, на который встали и стоим — сердце будущей короны. Сложим Хома в один, сольется все в одно и наступит царство золотое, век мира, век спокойствия. Нечего будет делить, ибо все равны станут.

Золото твое под стать лишь мертвецам, сказал Дятел. Голос его мыслей опалил, кольнул лезвием. Спокойствие — это же тлен убогий. Обещаешь ты саван умертвиям, а не мир мирный.

Тамам Шуд перевел на цыгана тяжелый взгляд.

Отдайте Хом мне. Без бойни, без крови. Я покрою его золотом. Привлеку другие Хома и вместе, рука об руку, как братья, мы войдем в новый мир, где...

Локуста твои людей жрут, правда считаешь, что мы так лоханемся?

Выпь понял, наконец, зачем выбрали послом Дятла. Цыган не медлил лепить в лицо оппоненту то, что думал, пока остальные подбирали выражения.

Подумайте, построжел Тамам Шуд. Сроку вам до заката. Нум руку протягивает. Ваша воля — диким зверем кусать или принять. Если нет...

Если, дружно сказали на это Дятел с Волохой и рассмеялись так, что остальные вздрогнули.

Перед тем, как отпустить гостей, Тамам Шуд жестом позвал за собой Выпь. Провел через поле спящих локуста, привел к краю ямы. В ямке той лежал, подогнув ножки, жеребчик.

Бери себе, сказал Тамам Шуд. Бери, ибо я чувствую в себе твою кровь. Он порожний, паршивый, потомства не даст. Мне ни к чему. Бери, ставь под седло. В Луте на нем свободно можно. Сумеешь сойти к нему да обратно взойти с ним же — твой. Неволить не стану. Мне одно, здесь ему помирать или тебе отдать.

Выпь смотрел. Жеребенок был мал, костляв. Маленьких локуста он прежде не видел, и этот видом был точно кузнечик — торчали длинные ноги да большая жалкая голова.

Второй осмотрел яму. Она походила на песчаную воронку, в не крутых склонах ее было куда ногу поставить. Проверил, легко ли дикта ходит, и начал спуск.

В яме было тихо и холодно. Ощущалась она глубже, чем виделась. Выпь склонился к жеребенку — тот поднял морду, тихо горготнул. Звук получился тонким, скрипучим. Глаза у жеребчика были закрыты еще. Выпь думал. Обратно подняться, с ношей, не оступиться, не обронить — задача другая.

Не было у него при себе вервья, не было вьюнов, способных закрутить сырой песок в канат.

Тамам Шуд взирал сверху. Препон не чинил, но и помощи не оказывал.

Поступил так: жеребчика закинул на плечо, как кота, руками же перехватил дикту, будто упор. Так и пошел. Где подтягом, где ногами — к верхней кромке поднялся. Не скоро, но сам выбрался, и жеребенка не уронил.

Ничего не сказал Тамам Шуд.

Волоха с Дятлом, ждущие у своих коней, на подарок только глаза выкатили. Выпь закинул его поперек седла и обратной дорогой следил, чтобы не свалился.

— Бабе своей на воротник тащишь, что ли?

— Баба моя тебе однажды язык через горло вытянет, — вздохнул Выпь. — Зубами.

Волоха на середине пути придержал коня, развернулся к спутникам. Сказал прямо.

— Мне Тамам Шуд за предательство не деньги сулил, иное. Много ценнее. Вам, полагаю, тоже?

— Ха! А мне шмот да цацки, да баб раскидистых-покладистых, да пряников, — охотно похвастался Дятел, приосанился. — Но я сказал: маловато будет, сучье вымя, так он еще и Хом сверху нахлобучил. Обещал, что подумаю, с кондачка такие дела не делают.

— Мне гостинец поднес, — сказал Выпь задумчиво, глядя локуста, — знал, чем потрафить.

— Визири его поднимаются, сами видели, жилы тянут. Долоссы выделились. Людей готовится к оружию поставить, а где люди против людей, там Статут. — Волоха посмотрел на Выпь. Склонил к плечу голову. — Оружие Вторых и Первых, да Хангар — Исключение. Но с людьми воевать — по-человечески и глотки рвать. Тут, пожалуй, мы по-настоящему пригодимся.

Выпь нашел его за периметром, близ реки. Опасная граница, но Юга жил с опасностью, как с давней подругой.

Манучер стоял, наблюдая. Юга танцевал. Обычно собранные волосы были спущены со сворок, лежали на спине и плечах. Блестели темной водой, перекликались с белизной абалонов.

Третий повторял одну и ту же вязь движений, с прихотливыми вариациями. Замирал, опускал руки, иногда с досадой поддевал ногой песок. Начинал сначала.

Не смотри долго, напомнил себе Выпь, когда закружилась от танца голова, потянуло

глаза. Дрогнул воздух, как вода от брошенного камня. Сместились тени.

Выпь окликнул Третьего.

— Эй.

Юга обернулся в движении. Глаза его, кажется, стали совсем черными, прозрачными, как летняя ночь.

— Долго тебя не было, — сказал непонятное.

Лицо его постепенно прояснилось. Выпь подошел, тронул волосы на затылке, ощутил ладонью жар кожи под ними.

— Что делаешь? — спросил с любопытством.

— Танец вытягиваю, — Юга помотал головой, отбрасывая со лба волосы. Стащил на шею наушники. — Не зря же с пластунами мотался. Вплетаю песни и музыку Хангар, встраиваю. Сдастся мне, из этого будет толк. Пока, правда...

Щелкнул языком, досадуя.

Выпь наклонился, подобрал речной камень. Круглобокий, солнцем выжаренный в уголь. В его руках он треснул скорлупой и растекся, просочился между пальцами черными тягучими каплями.

Юга упер руки в боки.

— Ай, или выходит что-то, — проговорил задумчиво.

32.

— Везде обман, Мигелито, — пожаловался Нил, — и не черный он совсем, и полыни не видно. Вообще ничего не видно, откровенно говоря.

Плотников отмолчался. С утра он вообще разговорчивостью не блистал, а тут все совпало: не завтракали, не спали толком, а Хом не внушал доверия.

После встречи с витражницами, когда вароток пошел на спад, им удалось счлаться с трафаретом торговцев — громоздкой метафорой. Такие же безумцы, удачно отсидевшиеся под прикрытием паруса из заостренного купола-роговицы, сброшенной кем-то из Лутовых обитателей. Благодаря надстройкам, сплетенным из лозы и черной соли, метафора легко наводила стыковку с покупателями в открытом пространстве.

Взяли теплую одежду и некоторые припасы. Михаил же отдельно прикупил для Оловянного светлую куртку с мехом. Тот принял ее со словами благодарности и, надеясь, что Плотников не заметит, тут же дополнил разрезами — чтобы ловчее двигалось и воевалось.

— Друзья мои, — сказал Лин проникновенно, в волнении до хруста сжимая тонкими пальцами плечи спутников, — мы добрались. Ваша помощь неоценима, мне сложно найти слова признательности, но дальше я пойду один.

— На здоровье, мальчик мой.

— Оденься потеплее и идем, — проворчал Михаил, по-медвежьи ворочаясь в тесном пространстве их капсулы.

— Но... Миша... Михаил! Я справлюсь.

— Шапку бы тебе, там уши отморозишь, — сказал на это Михаил, глядя в окно под ногами.

Лин всплеснул руками. Иванов был непоколебим.

Отпускать лила одного Михаил не собирался. Хом Черной Полыни на проверку оказался белоснежным, матовым, закутанным в снег, как елочный шар в вату. Один Лут знал, какие ловушки, какая опасность подстерегали там, внизу.

Сидеть в капсуле, пока мальчик шастает в одиночку? Ха. Михаил Плотников, прозванный Ледоколом, был не из таких.

Он был из тех, кто верен до конца.

Михаил сдержал тяжелый вздох, некстати припомнив Волоху и продолжил сборы.

Нил, глядя на них, вдруг нервно выругался и тоже подхватился.

В снег вышли втроем.

— Скажите на милость, какая сумятица, — сказал Нил, прикрываясь рукой от снежной пыли, — а я ведь даже лыжи не взял. Кто бы знал. Ты знал, зайчик?

— Я не знал, — честно ответил Лин и тут же фыркнул, спохватившись, — я не зайчик.

Михаил подавил улыбку. На белом снегу Лин в новой куртке почти не виднелся и действительно походил на зайца-беляка. Только клыкастого.

Пахло фиалками. Свежий и сильный запах, будто цветы цвели вот — под ногами. Под снегом.

— Не заблудиться бы, — Михаил озабоченно оглянулся на капсулу.

Вьюга зализывала следы. Кругом не было ничего приметного — ни камня, ни деревца,

ни шва горизонта. Сплошная снежная замазка.

— Не заблудимся, — уверенно пообещал Лин и вдруг насторожился.

Поднял руку. Михаил застыл в движении. Нил, не сразу, но тоже замер.

— Что? — спросил свистящим шепотом.

— Там, впереди, — Лин сощурился, — что-то движется.

Михаил без лишних слов обнажил саблю, проверил револьвер. Нил, сопя, вытащил наваху.

Что-то шло в их сторону, перемещаясь стремительно и бесшумно. Михаил не успевал разобрать движение. Мелькало, как мушки-ниточки перед глазами. Без подсказки Первого он бы и не обратил внимание; подумал бы — то зрения обман, снеговая нелепица.

Лин сорвался с места.

Разбежался и прыгнул.

Как заяц, ошеломленно подумал Михаил, впервые наблюдая воочию то, о чем прежде только слышал.

В устройстве их заложены дополнительные механизмы биологии, в частности, белковые волокна, сообщающие ногам особую силу. Ммм, как у блох, проще говоря.

Лин прыгнул на три человеческих роста вверх, в движении раскрывая руки, как крылья. Лезвия актисов скорее угадывались, чем были видны.

Снежный закрут объял его, точно алебастровое пламя.

Нил сильно толкнул Михаила в бок, и оба упали, а рядом рухнуло, зарывшись в сугробы, нечто огромное, содрогающееся и — не видное. Михаила обдало движением воздуха, ледяной волной дыхания.

— Берегись, — запоздало сказал Нил на сурдо и эмоционально продолжил на риохе.

Лин подошел к спутникам, убирая актисы.

Он был спокоен. Михаил, чувствуя себя прескверно и глупо, таращился на желоб. Судя по распашке, создание было не маленьким. Снежинки медленно таяли, сцепляясь между собой расплавленным льдом, преломляющим свет. Только теперь Плотников смог разобрать силуэт.

Очертания были подобными очертанию огромной собаки или же волка.

— Из множества, как один, — Лин, казалось, понял мечущийся взгляд Михаила. — Я его не убил. Нельзя убить, как нельзя воду зарезать. Нарисую тебе его.

— Пожалуйста, не сей момент, — проворчал Нил, отряхиваясь, — видит Луг, у меня снег там, где... он не видит.

Они пошли дальше, и Плотников, сделав над собой усилие, оглянулся только два раза. Первый раз — чтобы бросить взгляд на незримое существо, сотканное роем снега, и второй — когда прошумело гулко, и через купол зонтега в снег охотным ястребом упал веллер.

Путники застыли на месте. Нил даже рот приоткрыл — к счастью, без слов.

Блеск оружия Михаил не столько увидел, сколько угадал.

— Пригнись! — рявкнул Лину.

Нил тоже послушно присел, прикрыл голову руками.

Стреляли густо, но пусто.

Выручал завязавшийся снег, укрывший их от глаз неведомых преследователей. Пришлось значительно ускориться.

— Кто это такие вообще?!

— А я знаю?! — устало огрызнулся Нил. — Они, если заметил, не представились,

поросята. Можешь подойти, спросить.

— Как они нашли Хом Полыни? — с тревогой в голосе спросил Лин.

— Я вам справочное бюро, что ли?!

Первый явно растерялся. Кажется, нападение его не смутило, а вот незваные гости — да.

— Я уверен, тут опасно для людей, — поделился он со своими спутниками. — Пожалуйста, не уходите далеко от меня.

— Я буду рядом, — пообещал Михаил. — Не бойся.

Лин ответил странным взглядом.

— Вообще я к тому, что так мне будет легче защитить вас.

— Вообще-то я взрослый мужчина и способен позаботиться о себе сам, — обиделся Михаил.

— Вообще, заткнитесь оба! Спасайте меня хором, я не возражаю.

Преследователи, кем бы они ни были, отстали. Снег же не думал исчезать; загустевал с каждым шагом, как кисель.

— Далеко нам еще? — сипло спросил Нил, вытирая лицо.

Из снега вынырнули первые деревья. Михаил перевел дух — он успел вообразить себе, что окрест лишь пустыня из снега, странных существ и осадков в виде револьверных пуль.

Меж тем стремительно темнело.

Нил с Михаилом брели бок о бок, Лин бодро рысил впереди.

— До чего резвый у нас мальчишечка, одно любование, — умильно сказал Нил, вздохнул, посмотрел скося на заснеженные брови Михаила, — даже жаль такую красоту арматору в зубы отдавать.

Плотников споткнулся.

— При чем... Зачем здесь Башня?

— Или не знаешь? Не сказал тебе?

— Нет, — нахмурился Михаил.

Лин издал радостный возглас, прервав разговор.

— Смотрите — тяга!

Михаил пригляделся. В самом деле, из-под снега к деревьям тянулась струна, туго натянутая, в сумерках мерцающая самоцветом. Такие струны ставили люди, если случалось им жить и бродить в местах, для этого трудных. Чтобы не теряться, чтобы было за что ухватиться и к укрытию выйти. Плотников точно не помнил, но, кажется, струны те были вылеплены из брошенных шкур великих змей, облегающих горы Хома Полоза.

Лин без колебаний ухватился за струну. Плотников, вздохнув, обогнал его и встал впереди. Лин хотел возразить, но посмотрел на решительную спину Михаила и передумал.

Так шли молча.

— Ты, случаем, не знаком с парнем по имени Гаер? — Спросил все-таки Михаил. Вопрос жег рот, как уголь. — Рыжий такой, виски бритые, рисунки на теле. В юбке ходит и трубку курит.

— Гаер? Да, он мой брат. Ну, побратим...

Михаил остановился и обернулся так резко, что Лин едва не клюнул его под ключицу. Беспokoйно вскинул глаза, но различить лица спутника не мог, все прятали сумерки и снежная каша.

— Эй, ты чего?

Михаил молча, ошалело покачал головой. Забыл про холод, про летящий снег забыл. Брат. Гаер, рыжая чума — и названный брат Первому. Уму непостижимо.
— Ладно. Ладно, белек, — отмер, двинулся дальше, твердо ставя ноги.
Путеводная струна под ладонью ныла и гудела, точно живая жила. Теплилась.
— Но...
— Не спрашивай.

— Хорошо, — Лин с трудом проглотил рвущиеся с языка вопросы.
Михаил молчал. Первый видел его широкие плечи в рваном белом плаще. Иваног старался идти не быстро, чтобы, как понимал Лин, принимать на себя основной удар ветра. Лину перепадали только легкие оплеухи.

— Прости, — чуя за собой вину, проговорил Первый, — я не знал, что у вас с ним какие-то разногласия. Кажется.

Михаил молчал.

Нил тоже помалкивал, тихо фырча на снег.

Спрашивать у Лута было опасно. Он всегда выполнял просьбы, но — в собственнической манере.

Как давно Михаил просил дать ему шанс отомстить, как прикидывал сотни вариантов отыгрышей рыжему и, когда уже перестал ждать и зажил собственной жизнью, прошение сбылось. Упало в руки, обернулось белобрысым мальчиком с глазами цвета лазури.

Плотников повернул голову, оглядывая дремлющего Первого. Лин спал беспокойно, вздыхал и постанывал. Под конец пути снег перестал, но сильный, кряжистый ветер принес ледяной дождь, сбивший капюшон у спутника. Трепал белое пламя волос.

Струна вывела их к грубо устроенному, заброшенному укрытию. Отнятая у какого-то зверя нора-землянка, изнутри выстланная старой травой. Зато с вкопанным чугунным горшком, чтобы жар завести, и с дверью из материала, похожего на теплое легкое железо. Устроились как-то, решили переждать до света.

Михаил прикусил губу, заложил руки за голову. Выдох обернулся облачком. Ну хоть от ветра их пристанище спасало.

Что ему делать, что делать... Все казалось вполне простым еще вчерашним простывшим утром, а теперь...

Надо пройтись, тупо решил Плотников. Надо прогуляться, развеяться на холодке, потому что мыслям было тесно в черепашке — того гляди, треснет по швам.

Он осторожно, стараясь не тревожить спутников, выполз из убежища, плотнее запахнул куртку, выше поднял воротник вязаной кофты. Огляделся.

Лес кругом стоял прозрачный, в веской тишине рассвета. Карамельное сердце солнца поджигало оставшиеся на черных ветвях листья, терпко пахло прелым, ледяной каменной водой. Михаил прикрыл глаза, глубже вдыхая чистый воздух и дернулся, когда холодные пальцы плотно зажали ему рот.

— Тише, — сказал Лин, его голос был хриплым от беспокойного сна на свежем воздухе, — мы не одни.

Присутствие Михаил скорее ощущал, чем слышал или, паче того — видел. Что-то или кто-то бесшумно кружил около, наблюдая за вторженцами.

Вторженцы в лицах Лина, Плотникова и Нила, вели себя по-разному.

— Давайте белый флаг смастерим, а? — предложил Нил, прижимая к груди кофр. — У кого есть что белое?

— Куртка.

— Труссы, — буркнул Михаил.

— Отлично! Чем больше флаг, тем яснее намерение!

Свистнуло, и под ноги им приземлился круглый, твердый предмет. Нил вскрикнул и отскочил, Лин впился глазами туда, откуда прилетело.

Михаил же смотрел. Голова, очевидно, принадлежала незадачливому преследователю. Срезано было чисто, одним ударом и по живому. Сказано тем было больше слов.

Лин выступил вперед, соединил над головой актисы и застыл. Постоял так, плавно убрал оружие и повел руками по воздуху, точно перебирая, цепляя струны. Михаил моргнул, когда, подчиняясь, пальцам Лина, воздушные нити окрасились, вспухли искристо-синим, и пурпурным, и сиренью...

— *Миллефиори*, — проговорил Нил с едва слышной завистью. — Не думал, что снова доведется...

Лин продолжал творить, грациозно поводя руками, вышивая невиданной красоты узор. Цвета смешивались, перетекали один в другой, слагались, вспыхивали, разгорались истомнее, ярче и — таяли.

Когда Михаил сумел оторваться от завораживающего калейдоскопа, перед ними стояли вооруженные люди. Не люди.

Первые.

Оловянные, лила, Отбраковки.

Они смотрели на Лина. На полотно цветов.

Были одеты тепло, но розно, орудие при них тоже было разнобойным, точно — с тел снятое.

Наконец, из ряда выступил один. От прочих его отличала стеклянная маска, закрывающая правую сторону лица. Он, движением робким и страстным, протянул руку, задел пальцами узор и улыбнулся, когда ниточка цвета отозвалась его касанию.

Посмотрел на пришлецов. Сказал низким голосом:

— Ступайте за нами. Здесь нельзя быть долго.

Песня виолончели звучала особенно густо и звучно. Отражалась от гладких стен, от хрустального ядра. Очаровывала слушателей.

Первые вывели их на мыс, носом корабеллы рассекающий снег. При виде жилого устройства и Михаил, и Нил застыли, оцепенев от красоты. На солнце, в снежном пухе, застыли кристаллы, запечатавшие, запечатлевшие в себя и крылья бабочек, и огненные цветы, и саму радугу, и потешные огни.

Дихроичное стекло, сказал на это Первый. Или не стекло вовсе — но имени этого материала мы не знаем.

То были: Куб, Пирамида, Сфера, Раковина и Улитка. Ставлены они не были, между снегом и основанием прослойкой в три локтя лежал холодный воздух. За счет чего держались, знал один Лут.

И знали, как говорили Отбраковки — *старшие люди*.

Были еще, другие фигуры — Квадрат, Колесо и странного вида существо, но они лежали в снеге, как мертвые. Шкура их была подернута мраком.

Первые жили внутри оставшихся фигур.

— Тепло здесь, — пояснил Первый, пока гости с восхищением оглядывались, — в прочих ядро уже не теплится, не играет. А тут — горит.

Ядром он называл центральный кристалл, стержень, в глубине которого в самом деле будто бы плескалось пламя.

— На лабиринты Эфората похоже, — сказал Лин, положил узкую ладонь на бок кристалла.

Улыбнулся и прижался щекой, жмурясь, точно кошка от тепла.

Нил поладил с Отбраковками неожиданно скоро. Все белобрысые, все синеглазые, все молодые и любопытные, они тянулись к музыке, к пришельцам, к живому.

Лин на их фоне выглядел мелким, с тонкой костью. Странно, думал Михаил. Или Отбраковки все рослые, а Лин сделан по иной форме, по особому лекалу?

Предводитель назвался Ланиусом. Усадил гостей в зале, сделанном из стекла, но заполненном живыми, извне привнесенными, предметами: из дерева, из кожи, из кости и меха. Нил почти сразу убежал в компанию Первых: учиться играть в игру старших людей, *тафл*. Фигуры в той умной забаве будто бы повторяли фигуры из стекла, занимающие мысленно. В Луте эту игру хорошо знали, и водили в ней похожими фишками-самостругами, в мизинец величиной.

Лин же остался, и Михаил от него не отошел.

— Я в жожаках не так давно, — рассказывал Ланиус медленно, глядя на подопечных, — предшественник мой не уберется, пожрал его Метельный Зверь. Замел, до костей обглодал. Места тут опасные. Гости редко заходят, а те, что заходят — лучше бы подальше держались. Вы как нашли?

— Карта Вторых, — ответил Лин.

Ланиус посмотрел с новым чувством.

— Смотрю, и тебя самодива поцеловала. У нас тут... не все выжили после. Зачем вы здесь?

Лин подался ближе.

— Если знаешь про Оловянную, знаешь и то, что Эфорат теперь не преграда. Тамам Шуд явится, с ним и Оскуро придут.

— Предлагаешь на защиту людей выйти? — устало вздохнул Ланиус. — Что нам с того?

— Не только людей, — тихо сказал Лин, — Луга. Оскуро сытыми не бывают, тебе ли не знать. Сперва людей заедят, после за остальное возьмутся. И будет только черное и золотое, царство Оскуро и царство Нума.

Ланиус нахмурился, отвернулся, обратив к собеседникам неживое лицо.

— Эфорат нас отринул. Люди, дай им волю, толпой камнями забросали бы. Пусть их.

Михаил в разговор не лез. Понимал, что на сурдо беседовали только из вежливости. Так — свободно бы на палитре своей болтали.

Ланиус поднялся, извинился сухо и пошел к своим. Лин смотрел ему вслед, вцепившись пальцами в острые колени.

Михаил кашлянул, привлекая внимание.

— Ну, что? — спросил негромко. — Упрямый парень.

— Не упрямее меня, — улыбнулся Лин. — Погоди. Ему надо все обдумать и решить... И понять — нет другого выхода для него. Мы не созданы для того, чтобы сидеть под камнем. Мы — воины.

Самоубийцы, подумал Михаил с горечью, *вот вы кто*. Сам укрепил сердце, запрет себе поставил. Не жалеть. Жалость не продуктивна. Эти, Первые, на взгляд большинства были живым оружием, а оружие без боя не существует. Тускнеет, прахом рассыпается.

Лин потерянным не выглядел.

— Ты говоришь, арматор тебе — побратим, — заговорил Михаил, катая в ладонях стеклянный камень, теша глаза всполохами-искрами внутри, — как так вышло?

— Волей Луа, — Лин вновь задумчиво улыбнулся, будто вспомнив что, — он оказался в Эфорате, и Эфоры приговорили его, как недостойного, как илота. Я должен был убить человека — то была бы моя ступень. Руки мои облегли бы красные перчатки. Но я того не сделал. Мы бежали из Эфората, и пленник тот оказался арматором, приютил меня в Башне.

Михаил молчал. Нил закончил играть, и Оловянные восторженно зашумели. Молодые голоса высоко летели; казалось, от них ярче горит ядро куба, теплее делается.

— Он хороший, Гаер, — мягко проговорил Лин, — много лучше, чем сам о себе думает. Я его видел. Я его знаю.

Михаил смотрел и не знал: или он болван, или Лин дурак. Или они оба.

— И пусть он остается Башне хозяином, нежели власть другой возьмет, — продолжил Лин еле слышно.

— А есть кому перенять?

— Я видел, — повторил Лин, и до Михаила дошло, что не о физическом зрении речь.

Задумался. Лжецом Первый точно не был.

— Что же, если откажется Ланиус за тобой идти? Силой принудишь?

Лин помолчал, глядя на свои руки. Плотникову помстилось: кисти у Оловянного подрагивали. Или свет играл? Но, прежде чем сумел убедиться — Лин сцепил пальцы в замок. Поднял на Михаила глаза:

— Он согласится. — Сказал невесело. И добавил про него, но как будто про себя. — Ему, видишь ли, совсем не из чего выбирать.

— Почему ты — Ланиус? Кто нарек?

Ланиус помолчал. Собирали ужин, можно было поговорить о пустом.

— Человек один заблудился, упал на Хом Польшни. Так вышло, что я его нашел. Отбил от Хлада, насадил врага на колья: мы против существ этих ловушки ставим, чтобы близко не подходили... Так пришлец после все повторял — Ланиус, Ланиус... Так и прилипло.

Сказав, умолк.

Михаил с Лином переглянулись.

— А что с ним после стало, с человеком этим? — осторожно спросил Лин.

Михаила это тоже занимало.

— Ушел, — было ответом.

И поди пойми, что под этим подразумевал Первый.

Михаил только принял в ладони теплое круглое дерево с мясом и овощами, только взялся за ложку, как подступили к кругу двое Первых. Сказали что-то негромко, друг за другом. Ланиус отставил мису с похлебкой, поднялся; за ним встали еще.

— Идемте с нами, — сказал Ланиус. — Увидите, чем заняты мы здесь.

Нил притворился, что не слышит — увлечен тафлом. Михаил, скрипя сердцем и урча желудком, потянулся следом за Лином.

Как такое возможно, подумал Плотников, когда они вышли не там, где зашли. Улитка

снаружи не гляделась полой, но помещала в себя больше ожидаемого: залы, этажи, витые лестницы. А вышли они к высокой стеклянной гряде, охватывающей мыс точно хрустальная скоба.

На спину гребню тому вели рубленые из дерева лестницы, обметанные снегом, как плесенью. Михаил ставил ноги осторожно. Свалиться — костей не соберешь.

Первые шли легко и быстро.

— Там, под всей землей, думаю — все пустоты. — Говорил Ланиус. — Хом этот похож на искусственный. Или родился таким, или сотворили такое. Мы как-то взялись копать, когда оттаяло немного по теплу. Думали доискаться. Не вышло. Жесткая шкура, дубленая.

С гряды было видно, что дальнейшее пространство огорожено от прочего, на котором стояли Первые, обрывом и развалом немислимой крутизны. Тянулся же он насколько глаз хватало — не иначе, через весь Хом щрамом. За разломом же стояло плоское, как блин, море.

Михаил удивленно моргнул. Вода так себя не вела, по его разумению.

Не было ни шума от моря того, ни запаха, ни тепла, ни холода. Не двигалось вовсе, как вклеенное.

Лин провел пальцем по буквицам, будто бы вмурованным в кожу стекла. Было видно — кровью чертали.

— Старшие люди. Их письмена. Они и научили тех, кто до нас сюда попал — как жить, где добычу брать, как Метельного Зверя обходить и бороться, как бить тех, *кто не так ходит*.

— Как «не так»? — чувствуя, как стягивает от дурного предчувствия затылок, спросил Михаил.

Ланиус кивнул, указывая на море.

— Люди, до нас здесь жившие, называли их *фрам*. Пена Лута, пена пасти бешеного волка. То, что Лут на Хом выбрасывает, наигравшись. Есть их нельзя, но обирать приходится. Одежда, снаряга. Лут нас и губит, и дарит.

Ланиус усмехнулся.

— Что-то сидит внутри полости Хома. Что-то, что тянет фрам, зовет к себе, властвует. Старшие люди фрам щитами встречали и множиться не давали. Иначе — говорили — состроит фрам себе некий корабль и худое случится.

Михаилу прежде в ум не приходило, что деется с теми, кто в открытом Луте сгиб. Разумел — большую часть падальщики подбирали да иные твари, до органики охочие. Но были и те, кого мотало течениями, трепало смитьем и выбрасывало. На такие вот, оказывается, берега.

Берега кости, иначе не назовешь.

— Мы их дело продолжаем. Резать фрам без толку. Лучшее — грозовые рога. Такие случаются, когда гроза находит, землю бодает. От тех рогов кусочки отламываются и после разрастаются, корни пускают. Мы их выкапываем и к стрелам крепим, к копьям, ножи срабатываем. Для фрама оно — чистый яд. Выходит, и здесь на страже Лута стоим, а?

Лин принял из рук подоспевшего воина лук, легко натянул, кивнул благодарно.

— На меткость одну не полагаемся, — сказал ему Ланиус, — оружие у нас давнее, древнее, но исправное. Бьет сильно, кроет тучей.

Михаил как-то видел подобное на Хоме Мастеров. *Павлиний хвост* — видом было что тяжкий, не по рукам человеку, арбалет о множество болтов.

Сидело по такой птице-павлину через каждые сто шагов, на выступах, как в гнездах.

Михаилу же подступивший Первый молча вручил оружие: щит и длинный нож, с простой деревянной рукоятью и странным лезвием, серым, как бумага. Видимо, то и был грозовой рог: бугристый, на вид хрупкий, обточенный с двух сторон до молниевой остроты.

Плотников тронул его ногтем осторожно, удивился.

— Неужели бывает так, что гряде седлают, в ближний бой идут? — не поверил.

— Случается, когда вал особенно сильный накатывает. Мы их тут и срубаем. — Сказал Ланиус и успокоил улыбкой. — Против фрама воевать не так трудно, главное — ухо остро.

Ну да, не трудно, подумал Михаил с сомнением. Оловянным, с их скоростью и реакцией, с их выделкой — под Оскуро, фрам должен был казаться медленным, как мед супротив горного потока.

Может, таким и был?

О тех, *кто не так ходит*, Плотников знал мало. Помнил, что на некоторых Хомах, жарких и бедных, порой случается мор. Селениями ложатся. А потом встают. Виной тому был хитрый грибок-паразит. Когда находила великая сушь, и еды грибу тому не доставало, то высыхал он до прозрачности. Стоило задеть — лопался, спорами исходил. Споры те любыми путями к человеку попадали, прорастали, под себя усаживали.

А человек, суп грибной, под его указку и землю добрил, и кормил, и поил. Случалось — другими людьми.

Но здесь-то как?

— Ты как будто не вполне веришь моим словам, Михаил, — спокойно произнес Ланиус. — Ну так поверь своим глазам.

Михаил развернулся туда, куда указывал Первый.

Люди так не ходят, подумал.

Первые сражались молча. Как понимали друг друга без слов, без сигналов, Михаил не сообразил. Видно, крепилось все тренировками, опытом, дисциплиной внутренней, наработанной.

Павлиньи хвосты раскрывались, срывались болты, летели, срезая на подходе вал: то, что вышло из плоского мертвого моря. Видом вал был как серая гипсовая пена, собранная из множества отдельных людей.

Сперва море выпускало волну медленную. Приближаясь к гряде, волна та вздымалась, обращаясь валом, переходила разлом и распадалась на отдельных воинов. Каждый из человек держал в кулаках оружие.

Особенно шустрых отстреливали лучники. Лин стоял среди них, Михаил — подле, без слов помогал управляться с павлинами. Когда фрам подошел ближе, Михаилу открылось: не ножи в кулаках. То были ногти, ставшие когтями.

Шел фрам, вал за валом. Вот, еще и еще — вздыбилось, ударило в стекло так, что Михаил подошвами ощутил его дрожь. Но устояла гряда, а позади лучников выросли другие воины, с щитами, с длинными ножами.

Брызги следующего вала долетели до гребня, но Отбраковки не отступили, не дрогнули. Михаил бросил на руку щит, укрепился и, когда встал перед ним фрам — один из многих — Плотников ударил без раздумий.

Вопреки опасению, нож не сломался. Точно закаленная сталь, прошел горло, рассекая и разоряя. Михаил развернулся, ловя щитом длинные когти. Поддел грозовым рогом серую плоть, потянул вверх — и освободил оружие, ногой отбросил противника.

Через гряды переваливался новый и новый фрам, точно лезущая из кастрюли грязная пена. Каждого встречали щитом и ножом; Первые сражались без голоса, не позволяя фраму коснуться лучников и тех, кто стоял подле павлинов.

Ледокол же утвердился близ Лина, оберегая его от наступления.

Первые работали четко, Михаил же едва успевал поворачиваться: гряда не была широкой, стекло, присыпанное снегом, ехало под ногами, а фрам наседал, продавливая массой.

Не успел заметить Михаил в горячке, когда враг отступил.

Откатился вал, втянулся обратно в море и то застыло. Михаил, переводя дыхание, склонился над распавшимся фрамом.

— Когти срежь, — сказал ему Ланиус. — Когти срежь обязательно. Это — главное.

Михаил подчинился, чувствуя странную одурь. То, к чему он прикасался, человеком давно не было, носило лишь форму его, как сам Михаил — выделанную из шкуры дубленку.

Когти рубили вместе с кистями, бросали в мешки. А после — сказал Ланиус — предавали огню. Михаил старался не смотреть в лица фрама, что не укрылось от Ланиуса.

— Я их столько видел, — сказал Первый со вздохом, — ни разу не повторялись.

После говорили, стоя у большого огня.

— Если мы с тобой все уйдем, кто останется против фрама?

Вновь завязался снег. Летел, сгорал на языках пламени.

Из Первых никто в сражении не пострадал, но Лин все молчал и будто ждал чего-то. Михаил его не спрашивал, однако далеко не отходил. Успел узнать Оловянного: молчаливом тот точно не был.

А теперь, плотно сомкнув уста, смотрел в сумерки, за спину Ланиусу.

Оловянный обернулся.

Из темноты на свет шел некто.

Ланиус вскинул руку, и в сторону пришлеца полетели стрелы. Пришлец некоторые отбил, от других же отклонился, не сбавляя шаг.

Лин стянул куртку. Опустился на колени. Низко нагнул голову, открывая шею, позвонки.

Пришедший встал над ним, возложил на незащищенную плоть пальцы в красной коже.

Ланиус, помедлив, преклонил колени следом. И вскоре только Михаил с Нилом торчали, будто два копья.

Плотников посмотрел в лицо визитеру и почувствовал, как напряглось все его существо. Он, визитер тот, ощущался безмерно опасным. До тошноты.

Будто открывшаяся под ногами пропасть.

Будто падающее лезвие машины Гильома.

— Мастер, — сказал Лин.

И впервые в его голосе был — страх.

33.

Лин пискнуть не успел, когда арматор железной рукой поймал его за химок, рывком подтащил к себе и хлестнул по заднице срезанным — как на гуся — прутом.

— Ай! Гаер! Ну ты... Да за что?!

— Еще спрашивать будешь?! Ууу, окаяние, кровь мне выпил, мозг мне выел, заяц белобрысый!

Лин вертелся, но без особого успеха. Гаер держал крепко и, свистя прутом, знай приговаривал:

— Из Башни удрал! Корабеллу угнал! Под чужим именем шатался! От меня скрывался! Сколько раз сдохнуть мог! А?! А?! А обо мне ты подумал, сукин ты сын, не?!

— Я не... Я был не один! Гаер, ну, Гаер, как я воевать буду, ты мне все отстегнул... Отстегал! Гаер, смотри, я друзей привел!

Гаер хмуро поднял глаза на «друзей». Нил напряженно улыбнулся, сделал ручкой. Михаил мрачно наблюдал за экзекуцией, сжимая кулаки. Будь его воля, Лина бы рыжий арматор и пальцем не тронул.

Мастер взирал бесстрастно и только на «сукин сын» поднял бровь.

Гаер едва трубку не проглотил.

Взъярился еще пуще.

— Друзей?! Да то шайка-лейка почище Волоховой! Ах ты, засранец!

Вновь схватился за прут, но тут Михаил уже вмешался.

Ветка треснула не о Линову спину, а о подставленное плечо Плотникова.

— Хватит, арматор. Мальчишка свое получил.

Гаер отпустил Лина — скорее от неожиданности, чем по своей воле, уставился в лицо Михаилу.

— Тебя не спросил, выкормыш Ивановский, — сказал с растяжечкой, нехорошо очерившись.

Михаил промолчал, глядя в ненавистное, кинжально-узкое лицо с двухцветными глазами.

Лин встал между ними, оттеснил одного от другого.

— Гаер, Михаил меня от смерти спас, — заговорил быстро. Уши у него горели, а голос подрагивал. — Когда меня Оловянная чума поцеловала, он рядом оказался. И дальше, в пути, от опасностей берег. Теплую кофту дал, от кошмаров оберег сплел. И кошку показал.

— Какую кош...

Гаер замолчал, руки опустил. Глубоко вздохнул, размял переносицу, царапая веснушки.

— Если ритуал встречи соблюден в полной мере, — бесстрастно заговорил Мастер, дождавшись затишья. — Я хотел бы обсудить с ведущими лицами план наших действий. Незамедлительно.

Были двое, спорили между собой, стоя подле играющих. Играли же, как понял Михаил в *перо-и-железо*, путевую забаву.

Для той игры всего требовалось, что перо какой птицы — лучше дикой, не домашней — и нож с коротким лезвием, вкусивший крови. Брали некоторое количество колышков, брали

шерсть, кудель или крапивную пряжу. На земле, дереве или песке чертили фигуру, размечали; по углам ее ставили колышки, между ними запутьем протягивали шерсть.

Игрокам по жребью доставалось кому железо, кому перо. С равной высоты, с рук, бросали. Что быстрее коснется фигуры, того и выигрыш. Также считалось, сколько шерсти заденет, да ближе к какому углу, к какой мете, падет. Игра была долгой, со многими правилами, и путь скоротать помогала или же, как теперь — отвлечься.

Михаил, если случалось ему выбирать, выбирал другое: *тафл* или *змеиную игру*. Была еще одна играм сестрица: *сколько нас*. Гибельная, хуже рулетки Ивановых.

Лин прерывисто вдохнул-выдохнул. Встал как вкопанный, указал глазами на спорщиков. Михаил посмотрел.

Один был высок, в рост Гаеру, с длинными ногами и руками, лохматой каштановой головой. Чуть сутулил плечи, но физической крепости это не умаляло. Ивановы таких звали двужилыми: при сухих мышцах мощи и выносливости им было не занимать. За спиной парня лежало диковинное оружие, белый шест в кольцах.

Другой же был строен, тонок, весь в темном уборе и смуглолицый. Стоял боком, сердито опустив глаза, нетерпеливо подергивал ногой. Волосы, длинные и темные как зимняя ночь, сгущенной тенью тянулись в косе до пояса. Был он так собой хорош, что у Михаила дыхание сбилось.

Красота его — как Линовы очи — была не от мира сего.

— Вот, — сказал Лин и даже прихватил Михаила за локоть, чего раньше за ним не водилось. — Это они. Второй и Третий.

Нил присвистнул, а Михаил нахмурился, головой покачал.

Не нравилось ему, что на роль оружия брали столь юных.

— Привет, — Лин смело шагнул, улыбнулся. — Я Лин. Я Первый.

— Однако, — протянул черноволосый, склонил к плечу голову, оглядывая мальчика, — я Юга. Я Третий. Этот вот, который тарашится и молчит что пень — Выпь. Как нетрудно догадаться, он Второй. А в затылок тебе дышат, бивни твои?

— А? Нет. Это Михаил, он из Ивановых. А это Нил, он...

— Мужчина всей твоей жизни, гуапо, — сизарем прокурлыкал Нил, выходя из ступора и впадая в образ.

Подвалил, дерзко коснулся волос, пущенных вбег вдоль плеча. Михаил только разглядел, что перевиты они — будто лентой — матовой цепью.

— Ух. Настоящие? Если дерну, оторвется?

Юга ответил сложным взглядом. Улыбнулся, приблизился, прильнул. Ухватил Нила за промежность, сжал пальцы:

— Тот же вопрос, придурок, — горячо проговорил на ухо.

Стоящие подле засмеялись. Видать, случалось уже подобное. Михаил поморщился, на выручку не поспешил; протянул руку высокому парню.

— Михаил.

— Выпь, — рукопожатие было сильным, сухим, а голос — глубоким, как омут. Запястье охватывала браслетка зеленых камней. — Ты Волохе друг?

— Скажем так, я ему не враг, — уклончиво отвечал Михаил.

Юга отпустил Ниловы яйца, презрительно фыркнул. Нил же не стушевался, не отступил; продолжал глядеть с интересом.

— Покажешь мне, где тут что, ночной огонь? Расскажешь о себе...

Отвечал же ему Вышь.

— Я покажу вам, как тут все устроено, — проговорил спокойно, глядя на Крокодила сверху. Задержал пожатием когтистую ладонь. — Заодно и побеседуем.

Волоха знал Ледокола, пожалуй, лучше многих. Когда-то давно он был его левой рукой, доверенным помощником — прикрывал спину, советовал, а то и спорил. Дорога развела. Как оказалось, чтобы встретиться здесь, на закате.

Русый подошел, когда Михаил сидел на камне у огня, стругал ножом деревяшку. Пахло смолой, огнем и пылью.

— Не думал, что ты голову покажешь, — Волоха смотрел внимательно, говорил без злобы, — ты Лут отверг, да и он тебя не больно жалует.

— Не всем Лут в зрачках носить, командор, — спокойно отозвался Ледокол.

Поднял голову. Кивнул приветно, чуть помедлив.

Волоха улыбнулся едва заметно. *Командором* его величал только Михаил. Отчего, почему, уже не доискаться.

Михаил казался спокойным. Именованный Ледоколом, сам он походил на плавучую льдину — поди угадай, что под водой мерещится, что в самых костях льда прячется.

— Из-за мальчишки? — русый кивнул в сторону палатки.

Эфеб Первых отдыхал там, рисовал, склонившись над клочком бумаги. К своим не ушел. С Михаилом он за дорогу сдружился, спелся; с братией своей терялся в молчании.

— Он ребенок в сердце войны. Как мимо пройти?

— Он Оловянный, — возразил русый задумчиво, — ты сам знаешь, как их создают и обучают. Защищать людей от Оскуро — их назначение, их судьба, их программа.

Ледокол ответил ровно:

— Ты не первый, кто говорит мне это. Но ты последний, от кого я подобное желал бы слышать, — отвлекся, сбрасывая стружку в огонь.

С деревом он всегда любил возиться. Говорил — теплое, живое. Руки-де отдыхают. Ум, глаза, сердце веселит. Дятел еще смеялся: мол, Ледоколу нашему баба-бревно в постели не наказание, а мечтание.

Русый коротко выдохнул. Он сам влез в эту разборку, потому что сердце загарпунили.

Опустился рядом, прямо на землю, подобрал привычно ноги.

— Что режешь хоть?

— Вещицу одну, — Ледокол раскрыл ладонь, показал Волохе поделку.

Мягкая древесина медово поблескивала в костряном отсвете. Гладкий шарик, мордочка с ушами, прижатый хвост, кот или заяц, промысловый зверь.

— Игрушка?

— Скорее, плацебо, — Михаил улыбнулся вдруг, — Лин, когда волнуется, костяшки на руках грызет. Кожа стесана, ранки воспаленные. Хочу сделать ему парочку таких зверей, чтобы было чем руки занять, если тревожно.

— Затеено, — признал русый.

Задумался, чуть шуря глаза от пыли. Он знал за Лином эту привычку — еще с Башни — но ему и в голову не приходило, что мальчишку нужно от нее избавить.

Помолчал еще и сказал вполне искренне.

— Я рад, что ты здесь, Миша.

Плотников глянул, задержав руки.

— И я рад быть здесь, Волоха.

Как бы ни бранились между собой, как бы ни собачились, а враг был — общий. Один для всех.

После, решил каждый для себя. После между собой будем разбираться, кто прав и кто виноват. Сперва чужака от порога общинного дома прогнать.

Разведка донесла: армия человеческая к Нуму примкнула. Будет выводить, сказал Таволга, кусая ус. Срок, отпущенный Тамам Шудом на раздумье, весь вышел.

Судили-рядили в шатре, где места уже едва всем хватало. Говорили Гаер и Солтон, говорил Волоха, за ним — Таволга и Рин. Смотрели на живую карту. Смотрели на Ланиуса, на Второго и Третьего.

Разошлись подле рассвета: ждать, готовиться.

От лагеря-стромы коренного отросли, обособились клычия, заполнились новыми, пришлыми. Росла Пасть, скалилась острыми зубами. Много Хомов встало под руку Башни, но много и в стороне осталось. А случились и те, кто под Нума лег.

Всех запомню, сказал арматор. Всем железа хватит, про всех огонь запасен.

Михаил глаз не сомкнул, лежал, таращился в свод палатки. Слушал шорохи да ночное дыхание Лина. Первый дремал, пристроив в голове от кошмаров страж. Плотников уснуть так и не сумел.

Мысли в голове теснились, замешивались крутым тестом — голове от них делалась тяжело. И рад бы Плотников не думать, да не мог.

Эфор, Мастер, сказала тогда Отбраковкам: *«Те, кто пойдут с нами, погибнут. Те, кто останутся — спасутся, но с Хома Польши не выйдут. Решайте»*.

У Плотникова сердце щемило от такого выбора. *Дети*, думал он, они же дети, *ничего не видевшие, кроме битв и холода. Отчего так несправедливо, Лут?* Лут же только посмеивался.

Пришли же они на истинной корабелле именем Серебрянка. Открылось, что и Лин, и Нил были с ней хорошо знакомы. Но если Оловянный неподдельно рад был встрече, то Нил на слова приветствия оказался неожиданно скуп.

Что между ними случилось, никто не сказал.

Серебрянке по-девчоночьи очуметь от радости мешала транспортная форма. Перекидываться ей запретил строгий Иванов с зелеными глазами; почти сразу припас к прайду.

Но со своими мальчиками Серебрянка успела поболтать.

Выросли как, думала. Совсем большие стали. Совсем взрослые.

С Юга о Башне словом не перемолвилась, как стоворились. Видать, ему в полон куда хуже пришлось. Странное дело, теперь с Третьим Серебрянке трещать было легче, чем со Вторым. От красоты Юга даже у нее дыхание подрубало, а ведь свычна была, видела не раз... Серебрянка похвасталась ему и арфой, и боками, и рулем высоты, и хвостовым оперением — а Юга с видом знатока осмотрел и оценил.

Рассказывал, как на Еремии ходил с Ивановыми, а Серебрянка жадно внимала.

Выпь больше стоял в стороне, молчал, смотрел на них обоих. Слушал. Тянуло от него новым: цепко взнузданной, сдерживаемой силой, укрощенным огнем...

Опасностью.

— Гаер хочет — *Великого Слепого* вывести, — говорил Выпь негромко, — чтобы разом все ловушку прозреть, все хитрости Нума.

— Ну а ты что? — зевнул Юга.

Потянулся. Выпь разбирал ему волосы. Пропускал пряди между пальцами, точно мыслил плетиво творить. В цепном стяжении нужды после рокария не стало. Юга же от змеи звеньевой избавляться не спешил — привык пользоваться как оружие.

Ты покамест своим косичкам не хозяин, не указ, однажды сказал рыжий Гаер.

Теперь иначе было. Шерл Юга повиновался. Шерл только вид имел и форму — волос. По сути, по природе своей, вмещал он в себя всю память Третьих. Юга то знание до себя не допускал. Держал плотинной. Утонуть, захлебнуться, себя потерять — не мог. Не хотел.

Второй осторожно сплел косу, стянул веревкой.

— А я говорю — рано. Пока рано. Тамам Шуд не глуп. Всех и вся не покажет. Постарается и нас узнать...

— Гаер сразу с козырей идет, — фыркнул Третий, — такая натура.

Выпь молчал. Юга обернулся: Второй задумчиво катал в ладонях свою игрушку. Эдр, двенадцать граней. Юга вздохнул, тронул его за колено.

— Ложись, — предложил тихо. — Отдохни немного. Завтра один Лут знает, что случится. Так если сдохнуть придется, хотя бы выспавшимся. Красивым, без мешков под глазами.

Выпь хмыкнул, но послушался. Задул светец, лег. Со вздохом вытянулся, чувствуя, как ноет тело.

— Ангоб вздешь. В гущу не лезь, ага? На глазах будь.

— Я с ребятами Таволги встану. Сам не дуркуй. А то я тебя знаю — увидишь тварь симпатичную, так последние мозги теряешь. Вон, валяется.

Жеребенок локуста сбил себе гнездо из шкур и лежал там. Спал. Едва глаза открылись — ходил за ними двумя, пальцы сосал, скрежетал, как насекомое и плакал, как щенок. Юга, на все корки Выпь костеря, и травы с берега натаскал, и костей помягче. Поилку устроил.

Локуста с псами Дивия полюбил бегать-играть; от коней же пока шарахался, дрожал, когда те тянулись обнюхать.

— Как назовешь хоть?

— Искорка? — помедлив, предложил Выпь.

Юга сдавленно простонал.

— Ни ума, ни воображения. Соломкой еще нареки.

— А что? Соломка — хорошо.

И тихо засмеялся, когда Юга потянулся его по лбу шлепнуть.

Едва звезды побледнели, ударили в барабаны.

Михаилу дали коня. Иначе как, пешему — с конными браниться.

Плотников оглядел жеребца, огладил. Славный коник, подумал. От сечи животное прикрывали легкие доспехи. Черного солнца, композитные, на жженой кости замешанные — знал Михаил, сколько такие стоят. Тонкие конские ноги оплетали гибкие прутки. Один глаз был лиловым, точно спелая слива, второй блестел ртутью.

Стабилизированный, понял Плотников. Таких еще кликали стабилками, за особую крепкость. Мастерили-проращивали под заказ, на лошадном Хоме Шартра, специальные

люди. Не всем подобные скакуны доставались, но своих людей Волоха берег всегда. Даже тех, кто из команды низринулся.

Михаил оглянулся, выискивая среди множества единственного.

Лин и Ланиус стояли чуть поодаль; за ними клином расположились дети Эфората. Синеглазые, беловолосые, в простых одеждах. Михаил выдохнул, ухватился за лук, одним прыжком оказался в седле.

Конь прынул ушами, принимая руку седока. Ключило ладонь тонкой иглой, забрало частицу крови, синхронизируя всадника со скакуном. Спине стало жарко — на мгновение.

Тронул поводья, чуть поддал каблуками под крутые бока — конь плавно двинулся вперед, вливаясь в общую массу.

Не оглядываться, сказал себе Михаил, чувствуя макушкой, как тяжелеет небо. Наливается, проседает, будто от туч грозových. То строились корабеллы.

Гаера он с утра не видел; арматор был где-то в голове, впереди. По обычаю Лута, командиры доспешного обережения не носили. Кому, как не им, своим примером показывать расположение Лута, кому как не им, властью наделенным, первым проливать свою кровь? Иначе — какая им вера среди людей.

Михаил не был командующим. Он и доспех взял, и шлем не забыл. Щит ему выдали мастера Хома Гардарики — из дерева, кожей затянутый, а поверх той кожи наросты древесного гриба посажены. Крепче железа, весом же не больше подушки.

Тонко, порезом бумажным, обозначился рассвет. Бледнел цвет, чаша долины блестела влажным, паутинным туманом. Где-то с другой стороны двигался навстречу Отражению Нум.

Михаил возблагодарил Лут, что люди не видят числа противника. Не знают их лиц. Легче бить, когда нет одного перед тобой, а только безликая грозящая масса. Стихия — не люди из плоти и крови.

Не пели птицы.

Конь Михаила прядал ушами, слушая воздух. Строй двигался быстрее и быстрее; туман, точно конехват, спутывал конские ноги рваными бинтами; влажно дохнуло в лицо травостоем.

И вдруг по крутой дуге упала птица — железный нос — упала и съела лицо идущего рядом, в стремя, воина.

Тот без крика свалился, а тишину разорвал нарастающий, как лавина, вопль, слиянное пение Нума. Михаил толкнул коня, посылая его вперед, бросил на руку щит. Успел — новая хищная птица ударила тяжело, по наростам щита, вторая же на излете чиркнула шлем.

А потом Михаил увидел вблизи золото. Локуста прыгнула, но в прыжке ее приняли на копья люди, стянули со спины всадника, прибили к земле... Все метнулось по краю глаза, осталось позади.

Конь внес Михаила в строй Хангар.

Плотников не думал — бил. Тело все помнило, оказывается. До сих пор умело: ударять, отводить удар. Убивать. Саблей едва поспедал вращать, щитом — прикрываться. Густо вокруг было, трудно. Визжали локуста, щелкали узкими челюстями; визжали Хангары, рубились с пешими и конными.

Конь не давал седока в обиду. Шел, мощной грудью пробивая дорогу. Крепкими зубами рвал шеи локуста, хватал за морды, кусался люто. Бил копытами, а когда самому доставалось — всхрапывал только, а у Михаила в спине тонко стреляло, будто струны гитарные ножом

подпарывали.

Или туман развеяло, или они выбрались на возвышенность, а только вокруг вдруг развернулось все поле. Кипело оно, точно сковорода. Михаил краем глаза видел, как проминается строй Отражения, как продавливают его Хангары, теснят.

Ухнуло над головой, тяжело свистнуло, мазнуло смертной тенью — то выскользнул из брюха корабеллы шипастый шар на цепи, прогудел-пронесся, влетел в ряд противника, круша и ломая. Закричало там.

Шар маятником-мясником погуливал, сеял смерть. Кто-то из отважных прыгнул, первым повис, цепляясь за шипы, за ним потянулись еще, и еще. Полезли наверх, по цепу, к корабелле. Там уже встречали оружием.

Другую же корабеллу, оруженную секирным лезвием, за цепь прихватили долоссы, поймали, как строптивного коня за узду, потянули к себе. Не удержала высоту; пала тяжело, давя и своих, и Нум.

— Рот закрой, а то засунут чего, — Дятел, забрызганный кровью, оскаленный, появился тут же.

Конь под ним вертелся, бешено таращил глаза, прижимал уши и более походил на заседланного волка.

— Я думал, ты подле командора будешь, — Михаил дал себе вздохнуть.

— Лут подле него, — рассмеялся Дятел, откинулся, утирая лицо рукавом.

Он был словно пьяный. Михаил его такого знал — от крови и железа кругом Дятла вело.

Обычно Волоха сдерживал, но теперь, видать, не до того русому было, поэтому отпустил от себя старпома.

Дятел же ткнул пальцем в далеко видный стяг Хома Мурано: белое древко, пурпур, золотое шитье.

— Видал, а? — сказал, щеря рот. — Как бабьи портки. Айда, доскачем, возьмем тряпку, порубаем ихнюю сволочь к такой-то матери!

Михаил колебался. Зато Дятел — нет. Пнул коня, вскинул руку, ссаживая выстрелом чужого борзого всадника. Все четыре револьвера были при нем, и еще — сабля.

— Ну?! Не ссы, Мишань, Лут наглых любит!

Ага, подумал Михаил. Иных — до смерти.

Волоха быстро глянул. Завалили, затянули трафарет, приведенный союзниками Отражения. Истинные же все были целыми. Их забороть было труднее.

Волоха взял под свою руку и прайд Башни, и Серебрянку. Гаер позаботился, укрепил своих девочек — насады на борта, оружие, броня. Серебрянка одна голой осталась, ей Волоха с ребятами наскоро доспех пошили.

Русый смотрел, как ходит маятник, сминая вражеские силы внизу. В них стреляли, но корабеллам в броне то были семечки, а люди хоронились за щитами.

Сверху видно было, как колышутся армии — точно море с морем боролось, волна на волну находила. Звучанием даже казалось схоже: глухое рокотание. Дятла от себя Волоха отпустил, велел низом идти, подле Михаила держаться. Помнил, на что Плотников горазд. Пусть друг за другом посмотрят, решил.

От Нума корабеллы и веллеры не выходили, существа тоже себя не являли. Ждал Тамам Шуд, выгадывал чего-то.

— Капитан! — звонко крикнул Руслан. — Не иначе, рогатки!

Руслану никакие дальноторы не нужны были. Остроглазый, что ястреб. Волоха глянул — и впрямь, под прикрытием глубокой фаланги выкатили Хангары стрелометы.

Заряжали, если правильно разобрал, разъятыми на части шмелями. Как умудрились?

— Опасность-воздух! Пехоту и конницу закрыть! Сеть! Прицел по моему маркеру, равнение по Еремии!

Флаг Еремии полыхал, языком цвета передавая слова капитана рядом идущим корабеллам и веллерам. Сигналы же те поймали знаменные, забили внизу барабаны, предупреждая пехоту.

Ударили разом.

Небо потемнело от залпов, несущих тысячи тысяч янтарных огней. Даже разбитые, шмели не утратили яркость и ярость. Волоха саблей отбил несколько штук, пробивших щит корабеллы, а тех, что неслись к пешим и конным, остановили сети, раскрытые между рулями высоты.

Следом же за шмелями будто пала плита — каким оружием орудовали, Волоха не разобрал. Ощутил ушами, всем телом — давление, до звона в голове, до черноты в глазах. Плита та на щитах, видать, раскололась, до земли только осколки долетели.

Еремия вздрогнула, просела, но устояла, а вот идущий рядом трафарет, хоть и прикрыл собой людей внизу, начал крениться, падать. Видимо, не хватило силы вытянуть.

— Скорпионы-маркеры, по стрелометам — бой!

Команда живо переложила стрелы на маркеры. Скорпионы взяли прицел, ответили, сбивая рогатки. Яркие маркировочные огни притянули, обозначили цель для прочих.

Волоха же взбежал на борт, толкнулся, прыгнул — мелькнуло под ногами каракулево гудящее море в железных бликах — перекатился по чужой вздыбленной палубе, стирая плечо. Встал на ноги, поймал вздымающийся рычаг правила, налег.

Ошеломленный ударом рулевой сидел на заднице, открыв рот, тряс головой, поскуливал. Волоха почувал, как трафарет ровняет ход, выправляется. Возвращал себе высоту.

Рулевой прочухался, поднялся трудно, уперся в рычаг правила вместе с русым. Глянул благодарно, а там и команда подтянулась.

Вывели.

— За нами держитесь, — сказал Волоха, отодвигаясь.

Выпь помнил.

Главное — себя не потерять. Себя и Юга.

Третий, как и сказал, с Таволгой встал. Выпь же примкнул к Рину. Сперва легко шли, потом завязли. Их теснили, отжимали к реке.

Не то с водой деялось. Вступили когда в волну, мысль перекинуться на другой берег — волчками рябь пошла, запенилась, закрутела, стала цветом в молоко.

Рин крикнул пронзительно, веля своим дальше от кромки держаться. Да и берег не удружил, не удержал — песок затрясся, как в решете, пополз к реке, просел под конскими копытами, под песьими лапами.

Не только люди Дивия, сами Хангары в ловушку попали. Кого река к себе подтянула — барахтались в воде, точно жуки. И что-то снизу их дергало — одного за другим схватывало, сглатывало.

Выпь отбил диктой пилу Хангара, уклонился от долосса. Пешим крутился — из седла выбили. Дикта силу набрала, без усталости разила, доспех от удара берег, но Выпь никак не мог

остановиться, чтобы своих выручить.

Пока не решился и не сдвинул маску с затылка на лицо.

Прояснилось. Будто расступились Хангары, будто попятились от него.

Выпь не разбирал, не удивлялся; *запел*, заплел песню, зовя к себе Коромысло.

И оно пришло.

Встало, белой воды не страшась, ногами в самую глубину.

— Вели своим хвататься, — крикнул Выпь, оборвав песню, обернул к Рину медное лицо, — своих не тронет!

Рин понял, закричал, не щадя горло.

Так и случилось — людей Дивия Коромысло не обидело, мирно стояло, пока люди по ее ногам лезли, псов подсаживали. Хангары же, как не пытались, не могли за опору ухватиться. А вскоре ни одного на поверхности не стало.

Выпь же повернулся, но вместо Хангаров увидел — Тамам Шуда.

Не трогайте его, сказал Тамам Шуд.

Я сам возьму, сказал Тамам Шуд.

Снял с пояса *Вожжи*.

Он заметил его сразу — как белую локуста среди золотых сестер. Как двигался, как бился. Не слишком ловко, много воинов было сильнее и быстрее, но он выделялся.

Породистый.

Исключение.

Тамам Шуд оседлал свою локуста, матерую, млечно-снежную; прыгнула она, оказавшись сразу подле намеченной жертвы. Тот повернулся, ударил без страха и раздумий, но Тамам Шуд его удар отвел.

И взял. Бросил Вожжи, стянул волосы, прижал руки к бокам. Стащил на землю. Скрутил, как зверя дикого. Поднял над головой — без малейшей натуги.

Показывая тем, кто наблюдал издалека. Взгляды их он чувствовал, как птица чувствует течение ветра.

Они, конечно, увидели. Но не полетели в него стрелы, не полетело огненное железо. Живым щитом Тамам Шуд был надежно сокрыт.

Повернул голову и увидел Манучера.

Наконец-то, вздохнул.

Ярость сделала его глаза медными, точно пламя.

Скажи им отступить. Скажи отступить, и я верну его целым.

Второй молчал. Стоял точно вкопанный, доспех медный с зеленью, ноги и руки — в крови. Под маской лица не разобрать было, но Тамам Шуд чувствовал, как борются в Манучере страх и отчаяние.

Тамам Шуд бросил свою добычу наземь. Юноша дернулся. Ангоб облегал его прочно, берег от ударов. Но Вожжи держали крепко — ничто в Луте не могло спорить с ними. Даже Третий.

Тамам Шуд наступил ему на спину, ухватил за волосы и потянул на себя, натягивая, точно лук. Затылок — к ногам.

И тогда Манучер *заговорил*.

— *Назад!*

Голос вознесся, упал, охлестнул арканной петлей, потащил обратно — в лагерь. Как на

поводке.

Против воли.

— *Назад!*

Схлынули, точно волна, оставляя раненых и мертвых, не успевая оглянуться и понять, желая одного — подчиниться.

Гаер опомнился только в лагере. Дрожал, как от холода, а спина и голова — от пота мокры. Рыча, развернул коня, попер через пеших и конных, ножами прокладывая дорогу, зная только — достать горло Второго.

Не видел его — как сквозь землю упал.

— Где?! — крикнул бешено, поймав глазами Солтон. — Где он?

Женщина указала на стену. Она казалась спокойной, только бледной и молчаливой, на себя не похожей.

Арматор спешил, бросил поводья Эдельвейсу.

На стену влетел в один удар сердца.

— Ты что творишь, падашь?! — закричал, криком гася страх.

Выпь повернул к нему лицо. Живое. На затылке же сидело медное.

— Мои люди, урод!

— Мой друг, арматор.

В голосе его слышался отдаленный, затухающий рокот. Гаер не помнил даже, как развернулся, отступая, убегая вместе со всеми. Как не потоптали друг друга, до смерти не задавили?

Выпь их всех повернул — одним словом. Сырой силой голоса. Никто не смел ослушаться, а если кто-то да имел волю сопротивляться — того смело, развернул общим потоком, уволокло течением.

Рыжий молчал, тяжело дыша, ногтями терзая перевязь. Во рту было солоно. Овладел собой.

— Третьего сгребли? — спросил, справившись с горлом.

— Тамам Шуд силками взял, — Выпь отвернулся, и Гаеру вдруг до смертной дрожи захотелось Двухвосткой разрубить ему хребет. — Сказал, что убьет, если не поверну армию. А так — вернет в целости.

— Врагу веришь, — арматор смотрел на поле.

Ходили там уборщики.

Выпь отвечал ровно:

— Проверять не захотел.

Нум отступил, не перешел в наступление, не воспользовался шансом. Точно Тамам Шуд лишь проверял.

Кого из них? На силу пытал, на слабость?

Гаер вспомнил, как тогда, еще на Хоме Сиаль, успел возгордиться: мол, не властен надо мной твой голос, Второй. Давно ли было? И как обернулось...

К ним поднялся Таволга. Тоже — бледный. Помятый, но невредимый.

— Что делать будем, арматор? — спросил, перекрывая голосом свист ветра.

— Выводите Слепого, — сказал Гаер.

На этот раз Выпь не спорил.

34.

— Не казись, — сказал Михаил.

Выпь, дрогнув, повернулся к нему, взглянул смятенно. Плотников же, помедлив, положил руку ему на плечо, сжал. Почувствовал мышцы — будто корни камней.

— Ты все правильно сделал.

— Ага. Только вот видели люди, каков я. Что могу содейть. Как мне теперь поверят? Кто за мной теперь пойдет?

Потер горло, точно незримый ошейник вдох давил.

Михаил отвечал:

— Людям не до пересудов нынче. Решат: если подобное сотворить можешь, то и против врага силу свою обернуть сумеешь. Чем не подспорье Отражению?

Выпь длинно, от сердца, выдохнул. Сгорбился, спрятал лицо в ладонях, замер. Отнял руки, свел лопатки.

— Я иначе не мог, — сказал твердо, наконец защищая себя словом, не молчанием, — не мог рисковать. Одна мысль была — не успею, опоздаю... Что бы я был один? Опять один?

Осекся, будто лишнее сказал.

Михаил слушал. Это он умел.

— Я понимаю, — проговорил медленно. — Лучше многих. Я бы поступил так же.

Выпь недоверчиво поглядел желтыми птичьими глазами. Склонил голову.

— Спасибо... Спасибо тебе.

Михаил кивнул. Второму уже поднесли все, что думали. Высказались, не пожадничали. Волоха, впрочем, помалкивал; Дятел за двоих разорвался. Выпь на справедливые укоры отмалчивался, оцепенев скулами.

Михаил догадывался, какой ценой далась ему эта непоколебимость.

Когда речи иссякли, Второй поднял глаза на собрание; заговорил размеренно, точно нож для броска взвешивая:

— Тамам Шуд мою силу теперь знает.

— И силу твою, и слабость, — горячо фыркнул Дятел, но Волоха положил руку ему на хребет и цыган угомонился, сел на место.

— И слабость, — легко согласился Выпь, — значит, будет искать, что ей заплотом поставить.

— А сыщется такое? — заинтересовался Волоха.

— Сыщется. И про большую часть я знаю, а про остальное — догадываюсь. Посему предлагаю: оружие Нума на обсуждение поставить.

— Поддерживаю, — крикнул Гаер, зыркнув на других участников. Откинулся в походном кресле, бросил ногу на ногу, чиркнул спичкой. — Что говно метать, поздно. Нужно вперед смотреть. Давай, Манучер. Сыпь.

— А если откажусь? — от ярости и усталости у Юга ярче горели глаза.

Кожу состругну. Зубы вытащу. Глаза выколю, ответил Тамам Шуд.

Но вернее всего — за тобой придут. Выручат, вызволят. А как придут, так и лягут. Хочешь того? Подумай, мальчик.

Юга прерывисто выдохнул.

Стреноженный и примученный, он все старался вырваться. Укусить, скинуть седока.

Тамам Шуд протянул руку, коснулся лица — властно. Третий изумленно замер. Точно не объезженный конь, дикий зверь, не терпящий над собой кнута и власти.

Щелкнул зубами. Тамам Шуд поспел убрать пальцы.

Решай, повторил.

— Что сделаешь после, а? Убьешь меня?

Зачем. Ты многого стоишь. А для Манучера выше всего, выше всех. Он первый и придет.

Третий судорожно, напрягая горло, хохотнул. Глаза у него были дикими, обреченными.

— Так лучше пришиби сам, — проговорил твердо, — лучше я сдохну, чем ты за мой счет победу приблизишь.

Я решу. А пока — решай ты, ответил на это Тамам Шуд.

Поднялся, выпрямился в немалый рост.

Вел же он речь, опустившись на колени перед пленником. Как равный с равным, глаза на глаза.

Вышел. Оставил в сложенном из крыл локуста треугольном доме. Под стенами его шелковистой травой-каймой вился живой огонь, залитый в прочерченные узкие каналы. Жилы крыльев тот огонь в себя вбирали и горели ярко, ровно. Вещь, которой Тамам Шуд пленил Третьего, звалась Вожжами. Была она видом схожа с плетью о множестве хвостов, но, ложась на тело, расплывалась, расползалась спрутом-тенетом.

Юга рванулся раз, другой, напрягая руки и ноги. Ангоб уберегал тело, но не нутро. Скинуть хитрое плетенье кожи оказалось невозможно. Точно муха в паутине. Корабелла в ловчих щупах Хома. Шерл — молчал, не помогал. В последний раз такое злое бессилье Юга настигло в стенах Башни. И хотел бы из памяти низринуть, да не мог.

Выдохнул, откинулся на спину, стараясь — не разуму кипящему — хотя бы телу дать роздых. Тамам Шуд был умен — сторожа рядом не оставил, иначе Юга сумел бы и Хангара в свою пользу обратить.

Вожжи держали вернее всех стражей.

Заревели рогачи в сумеречье. Закричали протяжно, в семь голосов:

— Пади! Пади!

Повиновались, без слов. Упредили. Знали — то выводили Великого Слепого.

Кто мог, укрылся; остальные же, где кого оклик застал, повалились ничком, глаза спрятали, руками головы укрыли.

Слепого держали в бумажном гнезде, зарытом под землю. Чтобы не случилось кому случайно на глаза пасть. Сила его была велика, объемлюща, до конца не понятна. Вели Слепого поводыри, укрытые темными хламидами, с головами в глухих клобуках. Число им было семь.

Великий Слепой же был более сущем и явлением, нежели существом плотным, плотским. Откуда исток ему был, толком не ведали. Сказывали, что сущ образуется сам, лепится из волоконца, да мушья, да ниточек, что каждый живым глазом хоть раз против света наблюдал. Сгущается так, со многих очей очесом, с ресниц опадает, в землю зарывается и в полости земляной зреет.

Там, где куколка его лежит, встает цветок — курий глазок. По нему знающие люди

Великого Слепого и отыскивают. Берут куколку, в короб глухой, чугунный, сажают. Закрывают и ставят тайно в жильное место, где много бродят, много видят. Лучшее — на перекресток, алибо на корабеллу многоходовую. Так воспитывают.

Когда черед приходит, короб вскрывают. На Слепого прямо не глядят уже — только через зеркальца посматривают, что особой системой к изнанке куколей крепятся. К тому собирают Слепому услужников-поводырей, из числа преданных, обученных.

Вышел Слепой черным дымом, мельтешением, бормотанием, жужжанием. Прозревал он все творимое, впитывал, постигал да перекладывал, непрерывно меняя форму облака. Не в первый раз его в дело пускали — знал Слепой много, учился быстро.

Второй остался стоять. Смотрел. Слепого он не боялся — чуял его природу, знал его силу. Ощутил по себе тень-скольжение, взгляд-щуп. И ушло, отвалилось.

Вывели за врата, повели полем; вечерние птицы разлетались, прятались в траве, затихали; ветер лег. Слепой плыл над Аркским полем, вздымаясь выше и выше, дымом расстилаясь по самому небу, веретеном уходил в травы, к самому исходу Хома.

Поводыри стояли недвижно, одинаково. Их делом было не только вывести и провести Слепого, но и удержать его, а после — обратно в гнездо забрать и нужное изъять.

Тамам Шуд же по какой-то своей прихоти не мешал. Ждал. Точно не войну воевали, а в игрушку играли.

Вышь смотрел и не сразу заметил, как приблизился к нему мальчик Оловянных. Лила, лилия Лута. Встал подле, закинул голову, рассматривая что-то, от глаз спрятанное. Спутниками ему были Михаил и Нил, но он пришел один.

— Ты разбираешь больше цветов, чем доступно человеку, верно? — обратился к нему Вышь.

— Да, — Лин обхватил себя за острые локти. — А ты можешь *голосом* развернуть армию, так?

— Ага, — Вышь дернул углом рта. — И ты бы видел, как умеет танцевать Юга.

Лин нервно вздохнул, потоптался и сказал, решительно вскинув подбородок:

— Я видел. Я... я жил в Башне, Вышь. Я брат арматору и я видел Юга. И помог уйти Серебрянке. Но не помог ему. Прости мне это.

Вышь остановил на нем взгляд.

Мальчик был невелик ростом, тонок телом, но глядел смело. Вышь понимал, сколько нужно храбрости, чтобы сознаться ему. Тем более — в такой момент.

— Не мне тебя прощать, — ответил Второй. — И не тебе вину нести. Но за честность благодарю. Я бы хотел быть тебе другом.

— А я — тебе, — горячо сказал Лин.

Протянул руку и Вышь ее пожал.

Ужаснее всего была несвобода. Пытки злее для него еще не придумали.

Полоски кожи держали крепко, и, казалось, от любого движения множились, росли, как тени под вечер. Тамам Шуд хотел от него того же, чего и остальные желали. Танца тела и смерти.

Чтобы те, на кого укажу — смотрели и после того умерли. Остальные же должны жить. Но все видеть и все для себя понять. Сделай. Ты знаешь, как.

Юга не знал. Знал шерл, знала память рокария.

Из сонма хороводов, из всей палитры ему следовало выбрать один танец — один, и

единственно верный.

Небо в окошке-дымоходе вызвездило; тянуло теплым дыханием травы. Юга таращился в свод, напрягая и расслабляя мускулы, чтобы разогнать кровь.

Что мне до тех людей, думал Юга. Они — предатели Отражения. Сами выбрали не ту сторону. Что мне до их смерти.

Что мне в их жизнях.

Думал: Выпь его здесь не оставит. Пойдет за ним, головой на плаху ляжет. А те, кто в лагере остался? Что с ними случится?

— Я согласен, — сказал в пустоту.

Сложились крылья мерцающим веером, открывая проход для Тамам Шуда. Будто ждал. Будто знал — не будет другого ответа.

Юга скрипнул зубами, вскинул голову.

— Воды хоть дайте, уроды.

Тамам Шуд сам поднес. Юга выхлебал половину глиняной чашки из рук, косясь на своего стража.

Вел его Тамам Шуд, держал за волосы. Намотал на локоть. Юга с того колотило, но противиться не мог. Идти было неудобно. Держали петли, голова задиралась к небу, темнолицему, в блестящих оспинах.

А вели его — шли они — к звукам огня, и праздных разговоров, и музыки. Голоса были все человеческие. Когда приблизились, беседа и смех смолкли, только костер трещал да плескалась в медных чашах ветряная, ноющая музыка.

Сидели розно, но никто — на самой земле. Были роскошные ковры, плетеные кресла, скамьи с резными ногами. Юга сразу угадал место Тамам Шуда: под вбитым в землю высоким костылем с проушиной, на промятой траве — будто лежка зверя.

Друзья, заговорил Тамам Шуд. Друзья и соратники, я обещал вам дар в празднество — и я свое слово держу. Видели вы, сколь велика сила Манучера. Видели вы, как обратил он оружие свое против своих же. А где розно, где нет единого плеча, там нет склада. Так крошится и падает скала из-за малой трещины.

В единстве сила. Поэтому сильные — мы.

Мы и победим.

Люди зашумели согласно.

Тамам Шуд отпустил его волосы, и Юга смог разглядеть лица собравшихся. Никого не узнал, а Пегого среди них не было.

Значит, подумал Третий, ему Шуд верил. Верная шавка, смотри-ка.

Люди пялились жадно. Юга опустил забрало — ответил улыбкой, повел плечами, сбрасывая онемение. Тамам Шуд потянул на запястье Вожжи, освобождая Третьего. Сел, скрестил ноги.

Для танца соорудили помост: натянули на круглую раму кожу. Будто великий барабан. Юга прошелся, разминаясь, отдыхая телом и цепляя взгляды, как репы. Скакнул на кожаный лоб, попробовал ногой. Подхватило перезвоном в ответ, запели дудки из темноты, загудели рожки, защелкали деревяшки, ударили барабаны.

Острее, капканными зубьями вспыхнули огни, обежали помост. Полированная медь вздернутых на шестках тарелок блестела зеркалами, ловила его движения, дарила зрителям.

Юга повертелся, увидел глаза Тамам Шуда. Смотрел тот, не мигая.

Ждал. Знал.

Юга застыл, изогнувшись, вспоминая разученное на берегу, вынесенное, выкраденное подсмотром у Хангар. Теперь он понимал, что делать.

Угадал нужный момент и вошел, как в ночную воду, в нервный, неровный перебой барабанов, рваные вскрики флейты, бликующие отблески железа. Кожа пружинила под ногами, точно подталкивала и двигаться было так легко, легко...

Цепь его Тамам Шуд выбрал из волос, оставил при себе. Шерл лежал, ничем не сдерживаемый. И когда Юга встряхнул головой — потек змеями, темным огнем.

Люди, встретившие танец криками одобрения и свистом, теперь просто смотрели. Лица их были обращены на Юга, рты приоткрыты, щеки стянуты бледностью. Раньше были их взгляды кнутами, были крючьями, а теперь Юга держал их, как поводки собак в строгих, шипами вовнутрь, ошейниках. Никто не мог отвернуться. Никто не хотел.

Убирался один за другим всякий сторонний звук, точно мозаичное полотно обратно разымали.

Ушла ночь; звезды пропали; поле забрали.

Стало — танец, на котором, как на гвозде, все держалось.

Из всей музыки остались сумасшедшая колотьба барабанов да струнный нутряной стон.

Те, кому суждено было умереть сегодня, держали в руках золотые чаши. У остальных же были красные.

Юга натянул поводки — и побежали из открытых ртов нити, сплетаясь, ложась на Юга, как на веретено. Больше, дальше, пока не осталась от приговоренных одна оболочка..

Громко вздохнула флейта, и Юга остановился. Остановил свой карусельный бег и мир вокруг.

Самантовая роща, вдруг вспомнилось ему. Как похоже.

Первым ударил в ладоши Тамам Шуд. Его нестройно поддержали оставшиеся в живых. Другие, мертвые, так и сидели, точно куклята.

Юга дышал тяжело, мокрый, будто облитый водой. Волосы лежали на спине, на бедрах тяжелым плащом. Юга потянулся их собрать — скрутил, отжимая от крови.

То, что он танцевал, Витрувием определено было — *Центрифуга*.

Согнулся, открыл рот — кровь хлынула свободным, весенним током, растеклась по барабану. Столько ее было, будто сока в яблоневом саду.

Когда прояснилось в глазах, Юга выпрямился, вытирая сухие губы. Оказалось, что ждет его один Тамам Шуд. Прочие зрители исчезли. Были ли вообще, подумалось вдруг. Во лбу от этой мысли стало горячо и тяжело.

Тамам Шуд протянул руку, взял Юга за локоть и повел с собой. Третий еще туго, тупо соображал, и понял лишь ощущение локуста под собой, а затем в лицо дохнуло свежим ветром.

Шуд помог Третьему сойти на землю и тот поспешно отступил.

Терпи, сказал Тамам Шуд. *Скоро все пройдет.*

Все уйдет.

Ужаснула мысль: кажется, Нум понимал его лучше всех людей. Наверное от того, что сам человеком не был.

Иди теперь, сказал Тамам Шуд, вкладывая ему в руку блестящую текучую цепку. *Я тебя не держу.*

— И все?

То, зачем брал — сделано. Дорогая прямая, не заблудишься.

Юга встал, увидев за грядой травы лагерь и его сторожевые огни, затем опять сел — ноги не держали. Тамам Шуд ждал терпеливо. Не торопил его, не спешил сам.

Локуста стояла рядом. Белая, долгая, как дурной сон.

Прими. В благодарность за помощь.

Юга открыл глаза — Тамам Шуд наклонился, положил перед ним нечто, обернутое травяным листом.

Поддел ногтем, глянул. Сверкнуло синевой.

— Что это?

Орудие. Оружие. Против Манучера единственная сила.

Юга отдернул руку, зашипел.

— В задницу себе засунь, слышишь!

Бери. В волосы спрячь, как иглу в сено. В нужный момент само в руки падет.

Юга выругался длинно и так грязно, что во рту стало липко.

Тамам Шуд ничего не ответил.

Третий поднялся рывком и зашагал прочь.

Как бы не смотрели на него теперь люди Отражения, сбрасывать со счетов не спешили. Михаил оказался прав.

Выпь был оружием, могущим ударить в двух направлениях. Гаер понимал это лучше всех и досадовал лишь, что рычагов воздействия не хватает. Меньше — друзья, больше — союзники.

— До света его не вернет, я сам пойду.

Волоха с Гаером только переглянулись, ответить не успели. Зато Лин вдруг сказал.

— Вернет. Подожди еще немного.

И посмотрел так, что ему Выпь поверил.

— Хорошо.

Первый отличался от прочих и от тех, кого Второй успел нарисовать у себя в голове. Особой строкой шел.

Синеглазый, светловолосый и белобровый, с узким фарфоровым лицом в легчайшей вуали кракелюра. То являл себя поцелуй Оловянной чумы — пришелицы, выкосившей молодняк Эфората. Лин же выжил, потому что был устроен иначе.

Отбраковка.

Все это поведал ему Нил, болтливый парень с железными пальцами. Он много говорил и много смеялся, легко затевал дружить с людьми Отражения и в том преуспел. Выпь же понимал в нем иное, не человеческое — присутствие более тонкое, чем вплетенная в канат канитель, но тем отличающее его от многих болтунов и простаков.

Нил был не тем, кем успешно казался.

Выпь это знал наверняка — и Нил знал, что он знает.

Оба молчали пока, до поры. Примеривались друг к другу, близко не сходились.

Гаер был занят. Вместе с поводырями толковал взятое Слепым. Зрение у суца было устроено особым образом, и образы же следовало разбирать, особым манером обрабатывать: промывать, расстилать и сушить — на специальных пластинах, тонкими пленочками.

Заделье на всю ночь.

Выпь взошел на стену. Юга был жив, другое бы Выпь сразу почуял. Ночь едва перевалила за середину. Тихо стало, только пели-перекликались птицы, осмелевшие как

только убрался Слепой. Ярче ночных светил мерцали сторожевые огни корабелл и веллеров. Выпь достал из внутреннего кармана эдр, думая отвлечься. Двенадцать граней о пяти углах. Заскользил пальцами, прикрыв глаза...

— Что это у тебя? — спросили из темноты.

Второй вздохнул, нехотя обернулся.

Дарий, молодой Князь Хома Оливы. Встал он в другом лагере, оклычие. Там же сели его железом оперенные Птицы.

В Отражение он пришел недавно, но, сказывали, успел показать себя в бою на Хоме Оливы. Единственный, кто сумел дать отпор Нуму.

Собой Князь был видный: высокий, статный, с волосами как бледное золото и глазами что морские лагуны. При этом — и умен, и рукаст.

Видимо, и ему не сиделось, не спалось.

— Так. Безделица одна, — Выпь подкинул, поймал эдр.

— Разрешить?

Выпь пожал плечами, положил в узкую ладонь игрушку.

Дарий внимательно осмотрел, тонкие пальцы щупали грани.

— Где ты нашел сие?

— Давно, на дальнем Хоме.

— Это, если не ошибаюсь — а я не ошибаюсь — кость *Игры Ара*. Древняя Игра. Я знаю ее лишь потому, что знал Хом. Скажи, ты не использовал эту вещь, как... куб игральный, скажем?

Выпь не отвечал. Разумеется, не кидал нарочно, но... Встало перед глазами — случайно оброненное, в Провале утопленное. Теплые руки Юга, игрушку возвращающие. Был ли тс бросок? Засчиталось ли? И если да, то что...

Потемнело резко, будто в глаза кровь ударила.

Загрохотало — оглушающе, словно пролился железный водопад. Закачалась земля, повернулась, вздыбилась. А небо треснуло, лопнуло и рухнуло.

Выпь чудом не навернулся со стены. Ухватил за руку Дария, втянул обратно, не дав сорваться. Лагерь устоял лишь потому, что корни его уходили глубоко, держали цепко. Внизу кричали, метались люди, вразнобой вспыхивали огни. Выпь увидел, как горящий кусок зонтега проломил веллер, вместе с ним достиг земли и обернулся костром.

Стонало все, гремело, шаталось.

Хомы столкнулись, понял Второй, хватаясь за гребень. Рванул из-за спины дикту, отбил упавший обломок зонтега. Тамам Шуд притянул к Хому другой, и теперь они сливались в один, а старые зонтеги разрушались, погребая под обломками людей.

Не было защиты от горящего неба.

Пока навстречу огненному, горяче-багровому не взметнулось черное и не закрыло их — их всех.

Будто куполом замкнуло и Пасть, и людей в ее зубах, и корабеллы и экипажи, и веллеры. Обернулось тысячью тысяч щитов. И так стояло, пока не перестал Хом качаться и не умолк грохот. И только потом ушло черное, расползлось, разметалось.

Над головами остался чистый, наново сложенный зонтег, в звездных марках. О потрясении не напоминало ничего.

Шерл же, теряя в цвете и размахе, медленно таял, оседая на волосах Третьего. То, что защитило от умирающего зонтега, вновь обернулось власами, легло покойно, просторно.

Взгляды людей сошлись на Юга.

Молчание общее было точно копьё глаз.

Юга глубоко вздохнул, развернул плечи, поднял голову и пошел к своей палатке. Люди перед ним расступались. Он шел, держа в уме цель и чувствовал, как с каждым шагом накатывает, захлестывает дурная слабость.

Плата Луту за содеянное — за Центрифугу, за Щит.

Не дошел.

Тамам Шуд сказал — верну целым.

Не сказал — живым.

Выпь подбежал первым. Упал на колени. Подоспевший следом Волоха видел, как бешено бьется жилка у него на виске, как дергается лицо, белеют губы. Выпь легко прошелся руками по ангобу, будто пытаясь найти стыки, швы.

— Ангоб нерушим, — сказал Волоха, понимая, что слова его до Второго не дойдут.

Тот молча ощупал глазами доспех. Искал, за что зацепиться.

— Третьи ангоб сами скидывают, когда того хотят. Ты не...

Замолчал. Выпь ухватил живую ткань доспеха на боку и потянул в стороны.

— Ангоб не...

Второй хрипло крикнул от натуги — и доспех распался. Выпь убрал руки — посиневшие, с кровью под ногтями.

— Теперь делай, — велел хрипло.

Волоха, надо признать, не сплеховал. Немного разобрался в устройстве Третьего: доводилось пользоваться пацана на Станции. Да и сшит тот был крепко, отходил быстро.

Своими ногами в палатку убрался, от помощи отказался, но взгляд имел странный, сквозной. Что там случилось, у Тамам Шуда в гостях, Волоха знать не знал.

Позже, решил. Сам расскажет.

Пока Пасть в порядок приводили, ровняли то, что при столкновении попортилось, успел с прочими капитанами словом-двумя перемолвиться.

А там и Выпь подошел, и цыган из темноты вынырнул.

В самую пору было о корабеллах поговорить. Отошли, сели в палатке, Ивановым отведенной. Волоха, правду сказать, в ней не жил — на Еремии обитал.

— Так как думаешь пробуждать красоток, гаджо? В перси целовать? Али в персики? — цыган сам себе посмеялся, кусая крепкими зубами яблоко.

Кому война, кому мать родна, подумал русский. Дятла ничего смутить не могло: ни неба падение, ни смертное видение.

— Не я их в ларец уложил, не мне и поднимать, — отозвался Волоха.

Посмотрел на Второго. Тот молча кивнул: понял. От друга он вернулся хмурым, с потемневшим лицом. Размышлял над чем-то, крутя на пальцах свою игрушку-эдр.

— Вместе справимся, поодиночке никак. Корабеллам нужен капитан, и я им стану.

— И хватит на всех?

— Должно хватить.

Помолчали. Дятел хрупал яблоком, как конь.

Первый влетел в палатку, словно бражник в стекло. Выпь от неожиданности эдр выронил, русский вздрогнул: нервы у всех были перетянуты.

— Лин, блин, — сказал Волоха, хлопая подавившегося старпома по спине.

— Вот вы где! — вскричал Оловянный, тараща синие глаза. Выдохнул, взмахнул руками. — Там, на поле! Такое! Пойдемте скорее!

— Твою налево, — сказал арматор.

Отвел от глаз дальнотзор, тряхнул головой, снова взглянул и снова выругался.

— Не, я против этой хрени людей не выведу. — Пробормотал озабоченно. — Посшибает, как прутяных солдатиков. Чем воевать стану?

— Зрелище, — сочно причмокнул Дятел.

— Хорошо, что с корабеллами не поспешили, — прибавил Волоха задумчиво.

Пожалуй, и корабеллы бы не устояли.

Смотрели, как гуляют по дальнему краю столбьяные смерчи. Ясно было, что не Хом им создатель; что привели их Хангары и жертва им — люди.

— Я к ним выйду, — решил Второй, — попробую обуздать.

— Спятил? — весело спросил Дятел. — Молодец!

— Думаешь, *голосом* к покорности привести?

— Если живое, то и справиться можно, как с живым, — отозвался Второй.

— Моего коня возьми, — сказал доселе молчавший Михаил. — Он стабилизированный, всяко крепче простых.

Выпь поблагодарил.

Пошел вниз со стены. Понимал — возможность появилась себя поднять в глазах людей, доверие утраченное вернуть.

Когда еще представится? Пока шел, пока коня подводили, думал, крутил в голове, как столкнуться с этими созданиями. Не припоминал у Печатей подобного, но и назад сдавать не хотел.

Уже когда был верхом, рядом оказался Первый. Рванул его за рукав, потянул вниз, к себе. Хватка у маленького Лина была железной.

— Имена, — проговорил быстро, жаля синевой, — имена, Выпь. Дай им имена! Сделай своими. Приручи.

Выпь сузил глаза, медленно кивнул, высвободился. Стабилка нетерпеливо фыркнула. Манучер отпустил ее.

И — полетели.

Земля дрожала так, словно тонкая плоть ее готовилась прорваться фонтанами крови и каменного крошева костей. Воздух загустел, горячими плетью стругал лицо.

Ни один конь бы не прошел. Стабилка же мчалась, как стрела.

Выпь вытянулся, принимая в глаза танцующие столбы смерчей. Воронки шли — от самого горизонта, танцевали так близко, что все это казалось сном.

Увидали его, живого, и разом надвинулись, бросились, как птицы к добыче.

Гул, гуд. Не вздохнуть. Сердце не билось, исчезло.

Выпь влетел между ними.

Закинул голову — и бросил имена, как цыган бросал ножи, друг за другом, всаживая их в средостения смерчей, пробивая, прибывая к земле.

Они сдвинулись вдруг, сложили собой существо — ростом до самого Лута — и остановились. Существо надвинулось на Манучера. Разглядывало. Разгадывало.

В точности, как он сам.

Выпь встал в стременах, вытянул руку, коснулся морды, сложенной горячей пылью и

ветром.

Здравствуй.

Юга был еще слаб, но это не помешало ему дать по башке Второму. Тот только охнул. Присел, попятился.

— Ты охренел?! — прорычал Третий.

— А что мне оставалось?!

— Не охренивать, например?!

Выпь поспешно отступил еще. Юга вполне мог и укусить.

— Только я мог справиться.

— Да? Поэтому там вся Пасть ставки делала, сожрет тебе это... мудилище или нет?! Ты же его видел, оно огромное!

— Ему плоть не нужна. Оно, в сущности, безобидно. Эй!

Отступить было уже некуда, но и Юга выдохся. Опустился на шкуры, сверкая глазами. Выпь осторожно сел подле.

Юга хмуро тер висок.

— Ай, пастух, ты меня убиваешь, — сказал в сердцах, и Выпь вздрогнул. — Не делай так больше, пожалуйста.

— Ты когда зонтег останавливал, долго ли думал? — вздохнул Второй. — Мы можем и мы делаем. Вот и все.

Юга открыл рот, но что возразить, не придумал.

Выпь был прав. От каждого Отражение брало по способностям. А они — чего скрывать — были способнее многих.

35.

— Как? — спросил Дятел.

Волоха обхватил себя за плечи. Чуть ссутулился. Никого больше в палатке не было, и он мог позволить себе жест короткой слабости.

Дмитрий всяким его видел; всяким знал; любым принимал.

— Я сделаю. Я смогу, — отозвался глухим голосом.

— Твоя самоуверенность, гаджо, и твои возможности, — цыган изобразил руками балансирующие чаши весов. — Ты же скорее сдохнешь, чем признаешь — что-то не по хребту тебе. Цельный квадрат под себя взять!

Волоха вздернул губу, зашипел через зубы.

— Я признал, что без помощи Второго не вывезу, чего еще хочешь?!

— Ты не сможешь зацепить на себя все истинные корабеллы! У тебя или сердце разорвется или башка лопнет!

— Или задница треснет, — фыркнул Волоха, опускаясь на койку.

Думал. Корабеллы были запечатаны крепче каменного меда, однако забрус этот мог состругнуть Истинный Глас, Словуций. Но вот вести за собой предстояло Волохе. Корабеллы же те были голодны, как дети. И — нерассудные, требовательные, жадные — вполне могли истребить сердце Волохи в лоскуты.

Дятел справедливо тревожился.

— Ты слышал Мастера. Эфрат не удержит Оскуро. Рукава открыты — и, клянусь, Утроба таки приложила к этому руку, а то и две. Оскуро придут, и придут сюда. Мы должны придумать, как закрыть людей.

Дятел потянул серьгу, размышляя.

— Разве не беляки с Полыни должны разбираться с Оскуро? Мы-то их и глазами увидеть не сумеем, не то что за жопы ухватить. Я про Оскуро, а не про Первых, прости Лут...

Волоха прищурился. Постучал ногтями по колену.

— Значит, надо найти способ их увидеть.

— Как, гаджо? Смолой облить и в перьях вывалить?

Русый вскинул на цыгана глаза, щелкнул пальцами:

— Именно! Бирюзовый мох. Или зря Лут нас туда привел? Сказать Оловянным закидывать Оскуро зельем — чтобы люди видели форму тварей, их движения... И после бить. С корабелл, с земли, со всех сторон... Только соображу, как этот мох...О! Разве в аммонес? Можно, можно...

Дятел покачал кудрявой головой, сомневаясь.

— Сдюжат ли? Оскуро, говорят, бестии быстрые, ловкие...

— У Мастера совета спрошу.

— Так он тебе лавочку и раздвинул.

— Он себе на уме, но на нашей стороне. У него тут, видишь ли, дети.

Дятел хмыкнул. Посмотрел вдаль, поскреб щеку.

— С Миханом что? Как найдет на него опять, как на том гнилом Хоме Зыби, а? Пойдет бошки корчевать?

— Как найдет, так и сойдет. В нужную сторону развернем. Лишь бы своих не положил.

— Так подле него только Нил трется да мелкий Гаера. Крокодил скользкий, что твой обмылок в общей душевой, а Лина положить, при всей его нелепости — трудно. Оловянный солдатик.

Волоха блеснул клыками. Себе же думал: списанное с Рыбы Рыб на пользу пойдет. Тогда он снял буквицы, пересадил себе на предплечья, да на шкуру старпома.

Поднялся решительно.

— Пойдем. Глянем на красоток.

— Хочешь всех поднять?

— Всех не нужно. Только тех, на кого укажу.

Вышь медленно обошел ларцы, вглядываясь в лица корабелл. Распахнутые синие глаза. Длинные белые тела. Смотрел, но видел — помнил — иное. Дикты, Рыба Рыб, эхс Глашатаго... Бой.

Манучер.

Волоха с командой поставили вместилища вертикально, Еремия прихватила цепями.

Держала крепко. Будто не верила сестрам — или хотела сберечь.

Вышь положил ладонь на гладкую холодную поверхность, вздохнул. Помолчал, прикрыв глаза, будто слушая что-то внутри себя. Кого-то?

— Я сделаю, — сказал, — но привести их к покорности, повести за собой — уже твоя задача.

— Справлюсь, — отозвался русский.

Дятел только бровью дернул.

— *Петь* начну — останетесь?

— Да я б такой, гаджо, что за углом бы перекурил... со свинцовым фартуком на мудях.

— Останемся.

Вышь лишь плечами пожал. Отвернулся. Вновь смежил веки, нахмурился, будто нащупывая мысленно узлы. Откинул чуть голову.

И запел.

Юга дернулся, слабо, мучительно простонал.

Голос Второго расходился, как круги на воде. Накатывал, не считаясь с заплотами. Песня его была не про смерть, но про жизнь — и Третий чувствовал, слышал, знал как отзывается сам Лут, как дрожат, вибрируют его струны.

Провел ладонями по волосам, прижал пальцы к вискам и так стоял, переживая. Каждую ночь ихор, общая память рокария, просачивалась, сходила с корней волос. Капля за каплей, точила ядом. Днем он держал плотину, но ночью — без чувств, без разума — противиться не мог. Ихор пропитывал его, входил в кровь, и кости, и жилы...

Невозможно избавиться. Неможно пережить.

Поле расстилалось перед ним, тянулось, как стол мясника, щедро закиданный обрезками свежины, костями, нутряным жиром.

Плотью человеческой.

Густо пахло.

Птицы драли бахрому, подергивалось густое марево насекомых.

Юга стоял один, другие лежали. И так много, много, много, что глаза не пропускали. *Сердце* пухло и давило грудь изнутри, расцветало колючим шаром, поджимало горло, а

потом лопнуло и полилось через глаза.

— А-а... — простонал Юга, потому что сердце не пускало ни звука внятного.

И было больно, словно боль всех здесь лежащих шла через него.

Перед глазами плыло и ломило виски, Юга чуть покачивался, за волосы прищипленный к небу и все тянул-тянул-тянул хриплый стон, и руки дергались, чтобы перехватить стиснутое горло, но подняться не могли, висели перебитыми крыльями...

— Эй, — окликнули со спины, и Третий выпрямился, а видение как смахнули.

Мальчик Первых стоял совсем близко. В глазах его — праздничных блюдах синевы — не было опаски, не было брезгливости. Было иное. Со-чувствие. Словно он был там, вместе с Юга, все видел и — ощущал так же.

— Тебе плохо?

Юга ответил не сразу, голос его был — ржавчина и песок.

— А кому хорошо, зайка.

— Твои... волосы?

— Шерл, — Юга выдохнул, успокаиваясь, и шерл успокоился, лег на спину.

До этого, видимо, стоял витой воронкой смерча, тянулся вверх и в стороны — щупальцами. Короновал черным пламенем. Третий порадовался запоздало, что на него — такого — наткнулся Оловянный, а не кто другой, складом пожиже.

Оловянный протянул ему флягу. Юга поблагодарил кивком, принял, всматриваясь в узкое лицо. Как похож на Мастера — но другое. Другой.

Наставник его — синеокая акула белой стали.

Смочил пересохшие губы, горячие, каменные виски. Вроде как полегчало.

— Ты чего здесь один шатаешься? Не боишься, что в кусты затянут? Гляди, ребята Хома Арабески как светловолосое что видят, последние мозги теряют.

Лин забавно фыркнул, ковырнул носком землю.

— Нет, я храбрый. И я не шатаюсь. Мы с РамРаем аммонес перекраиваем... Волоха нам мох бирюзовый дал. Чтобы Оскуро покрасить.

Юга утомленно поднял брови, поджал губы, думая, что Отражение все же пагубно действует на неокрепшее сознание молодых людей.

Лин торопливо растолковал:

— Ну, чтобы люди их тоже сражать могли. Мы, Первые, будем стрелять, а люди по этим метам — бить. Правда, хорошо придумали?

— Ай, славно, — протянул Юга, завинчивая флягу. — Пойдем. Помогу, чем смогу. У меня, знаешь ли, столько идей в голове плещется...

Гаер посмотрел на небо. Хлебнул из баклаги, утерся локтем. Волоха, будь он проклят, обещал ему корабеллы в лучшей оснастке. И русский был не из тех, кто плюется словами. Значит, так и будет.

Другое дело, что клин возглавит сам Иванов. Арматор верил, что ему — при всей своей лютой скорпионьей гордости — хватит мозгов не претендовать на большее. Рулить должен один, пусть даже рыжий смыслил в вождении корабелл меньше, чем Иванов.

Хом изменился после слияния. Прирос массой, боками. Аркское поле словно раздвинулось, чтобы вместить на себе большее число новых игроков.

Гаер понимал: Тамам Шуд не остановится. Хом — сердцевина новой короны. Будут прирастать все новые и новые, Аркское поле продолжит расти, локуста — множиться... Эта

игра могла замкнуться петлей бесконечности, змеищей плотающей. Следовало прикончить и закончить. Отсечь паскудине бошку.

Сухое, чистое небо обещало ясную погоду, но у Гаера ныла пластинка в черепе — верная примета, что грянет грибной дождь. Гробной. Потерь было меньше ожидаемых, но арматор знал, что еще четверть откинется после, в бинтах.

Госпиталь содержался в порядке. Устроили его отдельно, в волчке, отошедшем от основной массы лагеря. Заправляла там тощая и страшная баба с Хома Мизерикорда, с именем, как платьем впору — Коста. Под ее началом серыми уточками трудились сестренки-живулечки из Ордена Пряжи, одинаковые в своих черно-серых одеяниях.

Впрочем, у некоторых под серой тканью вполне себе аппетитно выпирало, а глазки были любопытными, с влажным блеском.

Однако Коста своих девушек держала в строгости, шалостей не позволяла. Да и работы когда прибыло — стало не до игр, не до пересмешек с молодцами Отражения. Трудились, рук не покладая; к госпиталю и лекарцы союзных Хомов примкнули, и доброволы присоединились, и даже оларшу Метелицу, которую Волоха притащил, пользовали для перевозки раненых... А еще встала под руку Косты дева Габа, трещотка-манилка. Вблизи нее всякая зацепная, наносная хворь таяла, прочь бежала.

Все старались, пуще всех сестрички. Отводили смерть: крутили пряжу, подкладывали вместо больного пряженика, обманывали тем смертные тени...

Как велось: у каждого Хома смерть для своих насельников собственная. Общая, одна на всех, водилась только в Луте. Хома же в формах гибели различались. Кто из людей после кончины оборачивался волной-травой, кто рассыпался сияющим антрацитом, кто вспархивал птичьими голосами, кто стыл стеклом... Здесь, на Аркском поле, кончались мясом.

Самое простое.

Арматор смерти — девы в зеленом — не страшился. Отбоялся в свою пору...

— Арматор, — Эдельвейс вытянулся перед ним, пока Гаер пустым глазом втыкал в солнечный пупок. — Иванов заканчивает обряжение. Желаете взглянуть?

— Уже? — Арматор встрепенулся. — Ишь, как невтерпеж ему, аж лапками сучит. Пойдем, погляжу, уважу.

В чем Ивановым отказать нельзя было, так это в талантах импровизации. Может, с планированием у них выходило не гладко-сладко, зато собрать на коленке из говна и палок чудо юдное — это они могли.

Волоха поднял пять корабелл, взятых с корональной станции Вторых. Гаер довольно покряхтел, любуясь поджарыми красотками. Теперь квадрат был полный: голова, сердце, хвост. Общее же число квадрата, с учетом веллеров и трафаретов, насчитывало двадцать четыре судна. *Хорошее число*, подумал арматор.

На палубах кипела работа. Гаер нашел глазами Еремию, углядел русую голову, свистнул. Посвист затерялся в общем шуме, как воробей на гумне.

— Кинуть в него чем-нибудь, — проворчал Гаер, озираясь, — что мне туды самому лезть, ножки трудить, исподним сверкать.

К счастью, Волоха сам заметил Хозяина Башни. Перемахнул через борт на руль высоты, и дальше, лесным котом, по бортам да крылам, пока не спрыгнул прямо перед рыжим.

Гаер ждал, ковыряя мизинцем кончик носа.

— Как оно?

Спросил, про себя уверенный — прикрутить что-то сверх того, чем он обнаружил прайд Башни, труднехонько. Девочки его всегда при цацках ходили.

— Сделал лучше, чем было, — усмехнулся Волоха. — Пойдем, сам увидишь.

Повел за собой. Гаер из манкуртов только Эда прихватил: чай, ближник, интересно парню.

Шли осторожно, дабы не мешать людям работать. Между корабеллами были перекинуты где сходни, где веревочные мостки-сетки, а где просто доски положены. Гаер отметил, что большинство умельцев — с Хома Мастеров. А еще — тут даже сощурился — изрядно подвалило народу с Тренкадиса. Горластые, мосластые, на фоне сдержанных мундиров они гляделись ярко, будто цветных бусин на металлическое блюдо отсыпали.

— Свою братию подтянул, Леший?

— У ребят боевой опыт больше, чем у многих из регулярных частей, — отозвался Волоха беспечно. — Ближний бой, дальний бой, в условиях затрудненной видимости и повышенной скученности... Да и всякими тварями их не запугать.

— А не кинут?

— Не кинут. За ними *сама* смотрит.

Какая-токая *сама*, Гаер не понял, но решил сойти за умного и не спрашивать.

— Слушаются, они, конечно, тебя, — протянул ревниво.

Волоха поглядел скося крапивным глазом.

— Не я им глава.

Опять непонятное. Гаер начал сердиться, но отвлекся — пошли надстройки, о которых Иванов толковал, когда испрашивал дозволения отдать ему обряжение. Хотя как испрашивал — буквально припер Гаера к стенке, ухватил за горло да яйца, и не отпустил, пока тот не согласился поставить русого над своими спецами. Самоуверенности Волохе не занимать было.

Впрочем, как и опыта с воображением.

Оценил рыжий арматор и вороний клюв, и железную руку, но пуще всего удивили его новинки. Ради них и вверился русому.

Например, движимая система полотен, покрытых жидкими зеркалами. Люди как раз ими водили, отвечая командам старшаков, и крутилось-закручивалось там впересьпку небо с землей, корабеллами да веллерами. Арматор только раз глянул и то, голову унесло, схватился за борт.

Или — арфы корабелл по верхнему краю укрыли гребнями в длинных перистых лезвиях. Чтобы подныривать, подумал Гаер. Брюхо чужинам щекотать-вспарывать. Увидел еще, как люди в люльках мажут борта черным, черпая широкими кистями из ведер. Сам не поленился, залез рукой в одно такое.

Растер между пальцами. Не смола, не взвар. Легкое, плотное. Пахло костью жженой.

Постучал по окрашенному борту рукоятью ножа, подивился — будто в литой доспех бочину затагнули.

А еще было — на лобовых тяжах раскинули здоровенные диски из светлой кожи. Были те диски разрисованы с обеих сторон, красным по белому. Гаер сперва решил, что барабанец какой ладят. Не угадал. Как подошел, как раз в деле начали пытаться: потянули за жилу и диски закачались, закрутились, и увидел Гаер, что две картинки в движении сливаются в одну.

Из интереса залез на соседнюю корабеллу, что выше стояла, стал глядеть оттуда — и чудно, будто не корабелла в полном боевом снаряжении под самым носом, а или веллер, или вовсе — дичь какая-то.

Обманывали те диски зрение, туманили головы.

— Сам придумал или мастера какого припрятал?

— Сам, — отозвался Волоха с улыбкой.

Гаер только хмыкнул. Такие вот затеи Иванов мог подхватить только у других ребят, старшей масти. Не иначе, на Рыбе Рыб не просто так гулял, не только корабеллы оттуда утянул.

Доволен остался. Волоха ловчила был с выдумкой, даром что тать. Посмотрел арматор еще на мочальные хвосты кометных огней, поглядел, как переливается сигнальная арфа корабеллы.

Пришло на ум:

— А вот, к слову об огнях. С Дарием недавно вспоминали: была некогда у Хома Оливы трафаретка, «Костяная львица». С собой крепкая, богатая: пол из смальты, стены из кипариса, двери слоновой кости, туды-сюды расфуфырено по самое не балуй... Знать тамошняя каталась, гостей важных встречали, красовались всячески. И охранялась крепко — Дарий говорил, своих бивней там держал. А однажды, в обратном пустом рейсе, исчезла Львица, как скрали. Говорили, Лугово создание пожрало. Впрочем, другие на пиратов валили.

— Занятно, — улыбнулся Волоха, вежливо историю выслушав. — Скорее, правы первые — в глубинах Лута много чего ходит. Куда простым пиратам против первосортной охраны? Кто полезет? Ни одна слоновая кость того не стоит.

Гаер поскреб висок, глядя на поблескивающие зеркала в неводах. Будто рыбки. Только одна такая рыбка могла палубу пробить до киля. Тяжелый жемчуг Хома Марины.

— Ну-ну. Я еще знаю, что корабелла та ходила в местах, где из-за сиреневого тумана над скудельницей всегда по маякам ориентировались... Иначе — наткнутся на черепок какой да на бок. Вот, думаю, может, кто запалил ложный огонь, заманил?

Волоха только руками развел, блеснул иссеченным армлетом.

— Надеюсь, хоть библиотеку не порушили, ироды, — буркнул Гаер, вспоминая пылкую речь Дария.

Князь Хома Оливы вслух мечтал, как его железные Птицы выключот проклятым разбойникам печень.

— Думаю, книги те как раз и уцелели. Не все пираты — варвары.

Ой, доиграешься, подумал Гаер почти ласково. Впрочем, сдавать русого не собирался.

Снаряжение снаряжением, но без толкового капитана вся затея теряла смысл. А вести квадрат предстояло Волохе.

Да к тому же, Львица та, если где прикопана, очень даже самой Башне пригодится — жирно одному Хому Оливы владеть подобным громадьем.

— Ты, Леший, смотри... не подохни там, на верхотуре, не подведи меня.

— Не подохну, — усмехнулся Волоха, и больше говорить не стали.

— Ты голодный?

— Я могу обходиться без еды долго...

— Это я знаю. Есть хочешь?

— Хочу, — признался Лин.

Михаил только вздохнул, протянул миску с кашей. Лин отложил покусанный карандаш, смущенно улыбнулся, перенимая миску. Не так давно он вернулся «от своих», сразу же подсел к Михаилу: Плотников строгал у огня, Лин принялся рисовать, постепенно «размораживаясь».

С Мастером и своими сородичами Лин будто замыкался в себе еще больше. Тускнел. Михаилу казалось, что Первый нарочно приглушает, притупляет свое сияние. По привычке — чтобы не выделяться на общем фоне Оловянных.

Плотников уже за то был признателен Эфору, что тот не баловал своим присутствием.

Лин, опустив глаза, ковырялся ложкой в каше. Она была хороша — навариста, ароматна, горяча, даже с мясом. Михаил знал толк в походной кухне, с удовольствием уплетал за обе щеки. Миски и ложки Плотников заботливо изготовил сам, не поленился. Линовой ложке так даже пустил узорочье по черенку, чтобы веселее было наворачивать.

— Миша, что ты думаешь делать после... Когда все закончится?

Плотников задумался. Кажется, мальчик даже не сомневался, что победа будет за ними. Михаил же был готов к любому исходу.

— Если мы победим...

— Когда.

— Ну, хорошо. Когда мы победим, мне надо будет вернуться на Хом Росы. У меня там дом. И кошка. А ты?

Лин помолчал, и Михаил опять увидел тень на его лице. Быструю, легкую и глубокую, как от качнувшегося крыла птицы. Глаза померкли. Что-то мучило мальчика. Да и сегодня он больше не в альбом свой глядел, а в огонь.

У Плотникова каша горячим комом встала в горле. Осенило. Мельком себе подивился — экий пень-колода. Наклонился, коснулся тонкой руки.

— Эй. Даже не думай, слышишь? Даже не думай отдавать себя за нас.

Лин осторожно поставил миску на землю, коленом натянул пальцы.

— Я создан для этого.

— Чушь. Чушь! Кто вбил тебе это в голову?! Ты создан для этого, — Плотников кивнул на альбом, — ты создан для жизни. Для весны, для радости, для дружбы. Для любви, видит Лут! Это твоя жизнь, только твоя!

Он замолчал, понимая, что начинает по-настоящему сердиться. Чудно, чуждо ему стало: прозванный Ледоколом за умение словами ломать лед недоверия, за способность оставаться нелицеприятным и холодным, теперь он нужных слов отыскать не мог и горел, горел... Лин таращился удивленно своими глазами.

Плотников сжал кулаки, выдохнул.

Продолжал уже тише, ровнее:

— Ты, наверное, не знаешь, но на Хоме Росы одна из лучших Школ Искусств. С твоими способностями ты без труда поступишь.

— Что? — Лин даже приоткрыл рот. — Что? Ты говоришь... Ты считаешь, я смогу... Учиться рисовать и все это делать, что делают настоящие художники?

Михаил видел, как светлеют глаза, как на бледных щеках вытаивает румянец. Лин походил на узника лабиринта, вдруг, за очередным поворотом, озаренного светом свободы.

— Ты уже настоящий художник, как по мне. — Проворчал Плотников. — Но учиться — почему нет. А жить сможешь у меня. Дом большой, не стеснишь. Котом больше, котом меньше...

Лин рывком поднялся, сронив альбом — чудом не в пламя. Опять сел. Снова вскочил. — Прости, — проговорил быстро, прижав руку ко лбу. — Я... мне надо отойти.

Пройтись.

Михаил встревоженно посмотрел ему вслед. И столкнулся взглядом с Нилом, тенью стоящим поодаль, у чужой палатки.

Крокодил пожевал губами, будто решая про себя какую-то задачу, затем осклабился во весь рот и показал Ледоколу большой палец.

Лин скорым шагом, едва удерживая себя от бега, прошагал меж рядов палаток. Так растревожили, так ошеломили его слова Михаила.

Не обязательно погибать. Можно жить. Делать то, что хочется — создавать, учиться... помогать иначе, не только актисами.

Лин остановился, стиснул ледяными пальцами щеки. Мысли метались в голове, точно муравьи в потревоженном муравейнике. Если согласиться? Жить под одной крышей с человеком.

Что Мастер на это скажет? Как Гаер поступит?

Нет.

— Моя жизнь, — повторил Лин шепотом, холодея от собственной дерзости. — *Моя.*

И получил — раскрывшимся перед глазами веером.

Хлестнуло пестрядью, калейдоскопными самоцветами закружило, складывая картины, скрадывая ощущение себя и пространства.

...Лин очнулся на земле, на боку. Быстро поднялся, огляделся, вытирая рот рукавом. Не было видоков, слава Луту. С каждым разом этот веер тяжелее ему давался: если прежние только сознание мутили, без сил оставляли, тот это полностью выключил, выпил.

Глубоко вдохнул, медленно выдохнул.

Пришлец. Путанный клуб над полем. Симбионт-органик? Не дать погибнуть. Успеть первым.

— Это и есть — резаки?

— Оне, парень. Хома Чайки произведение. От Паволоки оборониться. Тварь, сучье вымя, нам уже изрядно народу подъела. Пора бы укорот дать...

Юга крутил в пальцах гладкий, черный, ровно из стеклянного камня сработанный, гребешок. Небольшой, в ладонь. И носить удобно — в волосы погрузить и вся недолга.

— Эта, Паволока... За грядями стоит, знаешь? Оттуда выкатывается. Мы с ребятами, как темнота, так пойдем-выйдем. Навтыкаем.

— Я с вами, — решительно произнес Юга.

Собрался, сжался, готовый отстаивать свое участие. На Юга после возвращения смотрели косо. Будто остуда нашла. Сторонились даже те, с кем успел и посмеяться, и с одного ножа поест. Не все, конечно, так себя показали: Таволга вот не отступил. РамРай не отошел.

И к Луту остальных, думал Третий, кусая губы.

Никогда не желал он быть своим среди своих, никогда не хотел прислоняться-прикипать, а тут жгла нутро обида. *Не своей волей я в силки угодил, думал. Но своей вас прикрыл.*

Таволга же хмыкнул, подкрутил ус. Хлопнул парня по плечу, как равный — равного.

— А то как же. Ты же наш теперь.

Третий выпрямился, улыбнулся. Слышать такие речи было ему непривычно и приятно.

— Только доспех вздень, — попросил Выпь, когда Юга быстро обсказал ему разговор.

Сам он уже был в броне своей — охра и багрянец, темная зелень и чернозем. Запавшие щеки, острые скулы. Странное дело, в доспешье этом Выпь казался и выше, и много старше, чем был. Юга пригладил ему волосы, жесткие, как стерня.

Большим пальцем тронул колючий подбородок.

— Опять *неть* будешь? — спросил, ища глазами личину-маску.

— Как случится, — уклонился от ответа Выпь, всматриваясь в лицо друга. — Нормально тебе, после полона, опять в поле?

— Нормально, — твердо отозвался Юга, но взгляд отвел, — если бы я после каждого пинка под стул забивался, далеко бы ушел? А так, гляди, куда мы забрались.

Выпь фыркнул тихо.

— Ага. Лишь бы вылезти теперь.

Локуста, косиножка-долгоножка, терлась подле, цепляла губами рукава и волосы. Росла быстро, с каждым днем прибавляла. Выпь уже примеривался, как седлать будет.

— Маска твоя лютая, где? — спросил Юга прямо.

— Тебе к чему?

Третий замялся, затосковал. Почти попросил:

— Ай, не вздевал бы... Ты в ней будто не ты. Страшная она. Мертвая. А ты — живой.

Выпь отвернулся, руки с плеч убрал.

У Юга сердце потемнело, отяжелело ночным речным камнем.

— Пора, — сказал Второй, когда запели рогахи.

Толкать речи арматор не любил. Словами его были дела.

Но тут следовало. Отражение прибавило бойцами, и все смотрели на него, все ждали; а он сдал коленьями бока нравного, злого жеребца.

Приподнялся в стременах.

— Слушайте меня, люди Отражения! Я — арматор! Хозяин Башни, Господин Долгих Вольеров, Властитель Чаш, Почетный Член и до хрена еще кто! Короче сказать — Гаер, рыжий шут! Вы знаете меня все, и смерти желают многие, не?!

Переждал нестройный, нервный гоготок в рядах. Продолжал ниже, в большей — только ветер играл знаменами — тишине.

— Но я здесь. На Аркском поле, бьюсь в первых рядах, бьюсь рядом с вами бок о бок, спина к спине! Видите ли вы мои доспехи? Видите ли мой шлем? Мою охрану? А?! Моя броня — Статут! Мой шлем — рыжий чуб! Охрана моя — Двухвостка-уродица!

Выдержал паузу, давая людям возможность увидеть его — по-настоящему. В килте по колено, рубахе с открытыми рукавами. Из всей защиты — армлеты на предплечьях. Из всего оружия — Двухвостка у бедра, револьвер на поясе да горстка ежей в спорране.

— Хомы Уймы! Я не предложу вам мира. Не дам спокойствия. Не обещаю блаженства. Мы дети Лута, жизнь наша — кровь и железо! Мы выросли в утробе волчицы, терзающей своих щенков! Но я дам вам жизнь, потому что там — лишь забытье и смерть. Я дарю не золото, но кровь! Не песок, но пламя! Мы бьемся не за Башню. Мы бьемся за наш дом! За Лут! Лут! Лут! Лут!

— Лут! Лут! Лут! — гулко подхватили фаланги.

Гаер развернул взбеленного коня, пнул пятками в бока. Увидел — пенистый гребень надвигающейся волны неприятеля.

Лут, поганец, не подведи, подумал Гаер истово и коротко.

Будто отвечая, померкло солнце: не туча нашла, но корабелла, а следом — еще, еще. Утихший ветер рванулся нетерпеливо, дохнул грозой.

Не зря заводили-выпускали Слепого. Прозрел он, что собирались вытворить люди, ставшие на сторону Нума. Увидел, а, увидев, поведал о том Отражению.

На этот раз Волоха Дятла от себя не отпустил. Цыган сам встал подле, а русский тому не противился. Глаза его были уже не совсем его, сердце билось вскачь, рвалось из груди — то алкали, пиявили корабеллы.

Еремия стояла в средостении, точно матка в рое июня. Впереди шли тяжелые трафареты, а истинные держались в середине и хвосте. Волоха велел им притушить сияние арф, чтобы не мог знать противник, какая из корабелл — истинная.

Прятал иглы в игольнице.

Сам русский с Еремии не сходил — палуба под ним была тонко, прихотливо расчертана, разобрана алыми линиями. Волоха набрасывал сетку своими руками. Прежде так делать не доводилось, опыт был новый. Команда смотрела молча, верила ему. Шутки не шутили, об заклад не бились: готовились. Русский подвести не мог — только не себя.

До пояса разделся, встал подле арфы, осмотрел внимательно начертанное. Бросил нож Дятлу.

— Замыкай, — велел.

Цыган покрутил нож в пальцах, глядя на Волоху. Наклонился, провел последнюю линию, взрезав верхнюю шкуру Еремии.

Линии вспыхнули; зародились, забились в сетке самоцветные, живые огни квадрата. Число им было двадцать четыре.

Под корабеллами, на земле, расходились, строились фаланги. Остроглазый Дятел разглядел и отдельно стоящих Первых, и Коромыслище, и — невидаль — усмиренную тварь, сотканную кружащимся ветром. Кажется, имя ей стало Вилы, по количеству зубьев. Тварям водитель был Второй.

— Понеслась, — усмехнулся Дятел.

36.

Нет, не туча легла на солнце.

Не корабелла заслонила.

Другое явило себя.

Люди дали ей совокупное прозвание — *Хворост*. Так нарекли за шум появления, тонкий, шелестящий, точно ломающееся стекло. Изящный росчерк вида — кракелюр, серебряный графит, тянущий ветви к жертве. Она касалась самыми концами пальцев — и человека больше не было.

Ее истинное лицо скрывало переплетение серебристых линий. Но оно было — яма сердца, в которую следовало ударить. В которую нужно было заглянуть.

От Хвороста убор сочинил Второй — по его словам арматор велел группе избранных воинов, панцирников Хома Сталты, одеть доспехи и щиты в накатанное перламутровое крошево и так идти.

Хворост двигалась медленно; всматривалась, выбирая себе жертву. Почему брала одного и обходила другого, один Лут знал. Людское оружие ей не вредило. А вот перламутр оттянул; зацепил внимание. Такого прежде Хворост не видела.

Начала близиться к группе отважных, заскользила ниже...

Выше на два корпуса!

Корабеллы, едино послушные направляющей воле капитана, поднялись, арфа к арфе, как цыпочки. Дятел глухо выругался, когда вымахнувшие из земли ветвистые рога едва не царапнули брюхо тэшке.

Чады. Подобные зарождались не в каждом тестяном шаре Хома, но уж если заводились, то выправить их делалось невозможно. И в песках жили, и в великой мерзлоте, и в рассыпчатых, жиром лоснящихся черных землях...

Обычно сидели смиренно, людям не мешали. Но в дождину любили выпереть — стояли рогатыми башнями, напиткивались влагой. Молнии хватали да ели, особенно шаровые уважали. Знающие люди под чадами всегда грозы пережидали.

А еще были те, кто умел их ловить, удерживать, а после — под свои нужды пользоваться. Дятел слышал разговоры в Башне: получалось вроде между чадами без лишних приспособлений энергию пускать — на вполне достойное расстояние.

Волоха учуял, разгадал каким-то образом момент появления рогатин, хотя вот сам — стоял, расставив ноги, держал равновесие, с отсутствующим, пустым взглядом.

Цыган подбросил нож, поймал. Игра с железом его развлекала, помогала мыслям успокоиться. А мысли те были — темные лошади.

Нил подловил внезапно, как дурная болезнь.

— *Тебе жить надоело, Крокодилище?! — рывкнул цыган, когда Нил сгреб его за рукав и утянул за палатку.*

Нил же, не дрогнув лицом, поднял ладони, призывая к сдержанности. Вот этого дерьма за Дятлом от роду не водилось. Но прежде чем успел отrixтовать Нилу погрешность, Крокодил заговорил:

— *Выслушай меня, лобо. Это твоего капитана касается.*

Дятел прищурил темные глаза. К пронырливому ловкачу он испытывал не самые добрые чувства. Справедливости ради, добрые чувства у Дятла вызывал только зеленоглазый и ребятаки Еремии.

— Ну?

— Он в сердце пойдет. Флаг-адмиралом, верно же, морено?

— А тебе что с того? На его место жопу мостишь?

— Не дай Лут, — искренне отшатнулся Нил, — впрочем, это я и пытаюсь донести до тебя...

— Да не юли, говори толком!

— Лут делает его своим проводником, — выдохнул Нил и поскутнел лицом.

Дятел подобрался. Знал он эту байку, про Лутовых кукол-гонцов. Особо любезных себе прибирал. А Волоха всегда в любимчиках ходил.

— С чего взял, а?!

Нил вместо ответа вдруг подался к цыгану, почти на грудь лег, моргнул — глаза из серых обернулись черными, будто глазницы вскленъ залили чернилами. Чернилами со вспышками огней далеких Хомов.

— Знаю, амиго, — сказал, отстранившись. — Ло съенто.

Глаза его были уже прежней изменчивой, сапфировой дымчатости. Продолжал легким голосом, одергивая манжеты, будто не случилось ничего из ряда:

— Когда твой гато завяжет на себе корабеллы, в оба гляди, чтобы не сорвался. Лут его затянет, заест, ахнуть не успеешь. А ты, гитано, ему самый близкий. Ты и вывести сможешь. Понял?

Ткнул металлическим когтем в грудь, и Дятел стерпел — в задумчивости был. Волоха, пожалуй, мог и увлечься — Лут его всяко манил, а после балерины своей он никак не мог закрепиться, Дмитрий эти качели хорош видел... Мотало парня. Другое дело, что сам цыган русого бы ни в жисть никому не отдал. Даже такому распрекрасному и грозному тварине.

Нет, никому — лучше сам прирежет.

— Понял, — ответил медленно.

Дятел умел включать дурака и отыгрывать дикое мясо, цепного пса при зеленоглазом воеводе — но дураком за всю свою взрослую жизнь ни разу не был.

Теперь вот и молчал, теперь и глядел, как Нил наказал — в оба.

А глядеть было на что.

Недолго небо вхолостую держали — навстречу уже перла вражья сила, чтоб ей не просрать. Волоха зацепил пальцами огоньки элементов квадрата, меняя их положение в сетке — Дятел прикрылся локтем, когда близко, обдав жаром-воздухом, загудела, перестраиваясь, трафарет в обливной черной броне.

Сам встал так, чтобы и обзоры-виды не заслонять, и самого русого под крылом держать.

Он торчал в ближнем круге. Прочие разместились дальше, опричь — Еремию не грузили, она и без того тащила на своей горбушке все сплетение. Руслан ведал скорпионами и маркерами, Иночевский с кольцами дежурил по правую руку, на легком быстром веллере, Мусин же с Медяной шли по левую, на пузатой тэшке.

Так и получалось, что кроме Дятла и защиты, влитой в сетку-леер, обороны Волохе не было. Дмитрий подумал: атаман вполне мог раскидать прочих по шлюпкам на тот случай, если по нему бахнут прямой наводкой. Команда такому раскладу не обрадовалась, но

повиновалась.

Дятел же гораном был накрепко повязан; подохнуть, так вместе.

Вдруг дыхание сперло, точно корабелла умерла, и шли они на деревяшке. Дятел потерял влажную шею, скосил глаза... Полыхнуло.

Жар широко лизнул трафаретку, ту самую, черноногую, что успела выдвинуться вперед и поймать на себя сухую волну огня. Еремью качнуло, какой-то мелкий веллер прокрутило, легко стукнуло о борт другой корабеллы — но на этом все.

Дмитрий облизал губы, машинально вытер ладони о штаны.

Верю, гаджо, ты знаешь что делаешь.

Увидел, близится: кряжистое сильное тело трафарета, сплошь укрытое наростами и шипами, делающими некогда безобидную метафору грозным тараном. Присвистнул. Пусть судно и было не-живым, но все равно — уродство.

Так творили на Хоме Кеи, Хоме розовых сапфиров и белых носорогов: помещали корабеллу или веллер в поганое бездонное озеро, кишачье особыми паразитами. Ждали. И доставали обратно уже исковерканное, заросшее коростой.

Говорили, местные черные ведуны такое и с людьми проворачивали, но видоков тому не сыскать...

Близко к пораженным остерегались подходить, а брало напролом не всякое оружие дальнего боя.

Волоха повел руками, щепотью сгребая веллеры.

Не все, заметил Дятел, а только те, что раньше обнаружил особым манером: насадил железные носы с пилами-зубами, с крюками, а на палубу ведучки поставил деву Габатрещотку.

Если с зернью она управится, то и прочую налетную хворь отринет, сказал старпому.

Веллеры взмыли дружно, разом, будто осы на защиту гнезда. Упали на уродину, облепили тяжелую тушу — и разом подались назад, растаскивая тело на части. Все не разъяли, но открылось сырое, тронутое порчей тело, и туда немедленно плюнули скорпионьим огнем корабеллы квадрата.

Уродина покачнулась, загорелась; тяжело отвалила в сторону.

Веллеры, сделав дело, нырнули, спрятались под брюхами мощных трафаретов.

Сошлись.

Соль и Косатка, обе в тяжелой броне, сблизилась, зажали боками чужую длинную посудину — посыпались вспышки, крики, звуки выстрелов... Оглушающий хруст и треск. Корабеллы прайда Башни растерли между собой соперницу, смолов кости в труху.

Дятел невольно вздрогнул, выматерился, когда сверху навернулось тело, смачно приложилось о фальшборт и, мелькнув сапогами, заторопилось дальше, на посадку. Кто-то уже сцепился в абордажных ласках. Значит, тело не первое и не последнее.

Закинул голову — увидел, как вороний коготь корабеллы насаживает чужачку. Таран вошел легко и глубоко, железной занозой, намертво сцепляя противниц бортами. С криками перелилась, переплеснулась с палубы на палубу разношерстная волна, зазвенела сталь, загремели выстрелы — а у цыгана зачесались руки. Он бы не отказался быть там, но ему нужно было — здесь.

Кажется, с ребятами Тренкадиса русый тоже угадал — рубиться те были не дураки.

Однако не все коту март. Их квадрат тоже драли под хвост, правда, не так успешно. Дятел мельком порадовался, что Тамам Шуд со своей насекомной конницей слишком занят

внизу.

Если б конь имел, да.

Среди криков и лязга, стонов и проклятий, выстрелов и треска обшивки, обычных звуков боя, родился новый — хищный, леденящий вопль охотящегося существа. Так могли бы голосить ночные джунгли. Дмитрий вскинулся, повел глазами и револьвером, готовый шмальнуть в неведомую тварину.

И увидел — оно скакало по борту верхней корабеллы, гибкое, быстрое, ржаво-пятнистое, с длинным хвостом и ярким гребнем по всей хребтине. Оpoznать не смог, да и разглядеть толком не успел, потому что тварь прыгнула. Легко перемахнула на другую корабеллу, влезла на палубу...

Как лиса в курятник.

Вынырнула, стройное тело ее блестело от свежей крови, как шкурка выдры. Дмитрий прицелился, с руганью оставил затею — все равно бы не попал, а пули следовало беречь. Добро бы один стоял, капитана подвести не мог.

Тварь опять прыгнула, потрясая игнорируя свинец и сталь. Облизнула морду ярким, пурпурным языком, повела узкой головой и опять закричала — протяжно и противно, топорща гребень на башке. Странное дело, от вибрирующего крика ее голова будто размывалась, троилась, множилась, точно размазываясь в быстром движении...

Кошка-куница-попугай, а верещит как склочная илюха, подивился Дятел. Второй, охочий до всякого странного создания, точно бы оценил.

Некто храбрец подскочил к животине, буквально нашпиговал торопливыми выстрелами. Шкура существа вздрагивала и мерцала, как вода, принимая в себя горячий свинец.

Тварь изогнула спину и быстро выбросила язык. Дятлу помстилось, что вместо живой ткани — голубовато-серый расплавленный металл. Стрелок с воем ухватился за лицо, упал навзничь, и существо прыгнуло на него. Когда вновь показалось над бортом, в него уже не стреляли.

Развернули, расплескали — те самые зеркала. Существо метнулось, промахнувшись, угодило в борт другой корабелле, заскрежетало когтями и горлом... Хлопнула пушка — борт пробило насквозь, тварь же утекла, с визгом вновь бросилась к корабелле, к мягким, мясным, сладким людям... И ударилась в полотно, заверещала, забилась.

Зеркала ее смутили.

Люди, подскочившие следом, добились красотку без всякой жалости. Дятел понадеялся, из пошлого любопытства, что не совсем в фарш измолотили, и можно будет потом рассмотреть-разгадать...

— Молодцом, гаджо, — шепнул Дмитрий, глядя на русого.

Будто в ответ на его слова потемневшее небо громыхнуло.

— Оскуро, — сказал Волоха, глядя в никуда, через Дятла и через весь Лут, — давай Спирали Бруно и пушки.

Михаил вышел на стабилке, подлеченной мастерами-лошадниками. Темнело скоро — посверкивало вдалеке пока сухо, без дождя, будто кто-то огромный царапался из Лута сияющими когтями-серпами.

Плотников оглянуться не успел, как поле втянуло его в себя, закачало на волнах боя. Принял, начал выгребать.

Он видел, видел:

как поднимается и вновь бросается в бой Первый, с голой костью на месте правой руки, с вырванным из бока куском, с головой, залитой кровью (*неЛин, неЛин, чужой, другой*, малодушно радовался кто-то внутри Михаила);

как бьются локуста и стабилки, как рубят механично, безжалостно долоссы и как отвечают им бивни Дария, наемники из лучших ветеранов Хома Пеплоса;

как черные люди Хома Д'мт, раскрыв рты в пении, ведут на распорках зверя, похожего на клуб дыма, а после отпускают и он исчезает, а далеко, среди рядов противника, вдруг вспыхивает смородиновое пламя;

как сходятся корабеллы, грудь на грудь, как лопается обшивка под когтями ворона, как плюются огнем скорпионы и шлейфом тянутся хвосты кометных огней;

как обманчиво медленно бредет Коромысло, неся на себе хитро построенные пушки, как ломает строй противника и продолжает двигаться дальше, к нависшей над кем-то Хворосту;

как смерч-зверь проходит — и за ним, по расчищенной земле, гуськом движется пехота. Всего не вмещали глаза.

Наконец, загромыхало над самой головой.

Но гроза ли?

Михаил скорее почувствовал, чем услышал — Оскуро.

Пришли. Вынырнули из самого Лута, из некогда закрытых, а теперь распечатанных рукавов.

На мгновение его взнуздал страх. Животный, глубокий, бездумный. А потом он увидел, как двигаются белые фигуры по полю — и как незримая сила, незримый ужас обретает контуры.

Первые маркерами обозначали мишени — и люди-стрелки не подвели. Михаил мысленно охнул, когда упавшая бирюзовая сеть выткала из воздуха гибкую, унырливую тварь.

Оскуро и впрямь были быстры. Но Первые оказались быстрее.

Твари шли напролом, через людей, оставляя за собой распаханые борозды, но бег их прерывался, стоило оказаться на пути лила. Михаил не успевал разглядеть бой, видел лишь, как Оловянные прыгают, как вздымается им навстречу громада...

А потом по Оскуро начали бить люди.

— Аммонес! Аммонес! Аммонес! — прокатилось над рядами стрелков.

РамРай смотрел на Лина. Оловянный, лила, он был бы так похож на человеческого подростка, если бы не — слишком синие глаза, если бы не — слишком светлые волосы, не — слишком быстрые сильные движения...

На Хоме Малабар, откуда РамРай был родом, рассказывали, что Оскуро Лут насылает в наказание и назидание, что противиться им — преступление. Что приходят они ночью, в черном дожде, пахнущем орхидеями и гнилью, и сжирают неудобных. Про Первых же говорили — мясомашин, смерти хуже.

Что же, думал РамРай. Не все то правда, что предками завещано.

Теперь Оловянный был глазами РамРая, щитом его. Лин видел Оскуро, и, не теряя себя корректировал будущий удар быстро и точно.

РамРай не был уверен, что их затея удастся. Какая насмешка — обрушить на сокровенных, несказанных тварей Лута грубое самодельное оружие, сотворенное из

подручных средств!

Если бы его почтенные родители только видели, как сын их лично заполнял ребристое, прохладное нутро аммонес вытопленной бирюзой, пока Третий и Первый плечо в плечо меняли Рой... Это была, пожалуй, самая быстрая и слаженная операция по улучшению вооружения всего состава стрелков.

Ни у кого не было уверенности, что морские рога примут чужеродное вещество и усвоят его; что Рой согласится измениться; что после выстрелов стрелки не погибнут...

Но — приказ арматора. И других идей все равно не было.

РамРай видел Каиру — они даже успели переброситься приветными словами, а потом их развели на позиции... Удастся ли встретиться снова, испробовать на нежной строптивнице то, что советовал Юга?...

Вздрогнул, когда *позвал* Рой, когда *прозвучала* команда.

Сеть, сотканная Роем и новым, бирюзовым огнем жерла аммонес, обрушилась на Оскуро, и втаяла в шкуру, и загорелась. А в следующий миг собратья РамРая ударили по движущейся мишени. Почти у каждого стрелка стоял Первый, а те, кто остался без наводчика, целился по метам братьев.

— Сработало! Сработало, РамРай, получилось! — Лин подпрыгнул, не сдержав ликования.

Стрелок выдохнул радостно и ошеломленно, улыбнулся Первому.

У них получилось.

...лупили по Оскуро.

Тварей раскрасили — мама не горюй. Выдумка удалась, ребята работали дружно, с отдачей. Едва ли Тамам Шуд и его подлежащие могли о таком обороте подумать...

Спирали развернули, раскатали колючим ажурным пологом. Дятел не предполагал, что когда-нибудь будет толк со Спиралей Бруно, шаров из шипастых жил, цепляющихся к днищам корабелл в Луте. Всегда счищали-скребли на стоянке... А поди ты — пробить сеть из колючей пряжи никто из двуногих не сумел.

Не успел цыган обрадоваться, как им прилетело — в прямом смысле.

— А, блядище! — рявкнул он, когда голова русого дернулась, как от кулака под челюсть, а флаг вспыхнул обмороком.

Кто-то из противника оказался запасливым малым: зафигачил в них *пахрой*. Так обозначали иглы холода, *снежную крапиву*, застилающие конструкции гиблого Хома Авроры. Никто там не жил, никто не работал, Хом являл собой бескрайнее кладбище некогда великолепных строений и механизмов непонятного назначения.

Всегда холодно — без снега, безо льда. Иглы росли само по себе и походили на обычный иней, но стоило коснуться их — язвили крапивой. Ожог походил на обморожку, растекался по телу немотой и слабостью. Обычно пахру пользовали ребята из Ордена Скорпиона — для анестезии. Что говорить, даже у Волохи в арсенале был комплект... Но пахре находили и другое применение.

До самой корабеллы долетело немного — видимо, били с самострела, присобачили иглы к обычной стрелке. Болт Дятел отмахнул, а посылочку не разглядел.

Иглы и рассыпались. Даже этого хватило, чтобы Еремию как подморозило. А противник решил не тратиться ожиданием и взять в топоры. Зацепил борт когтями абордажных досок. Дотянуться до русого, до арфы Еремии — ха!

Не бывать тому, пока Дятел жив.

Дмитрий рванул из-за пояса второй револьвер.

Небу вспороли тяжелое брюхо — хлынуло дождем. Не будь над ними сетки из Спиралей, жадно вбирающих влагу, было бы совсем весело.

— Привет, — сказал Дятел, всаживая дулю меж круглых глаз отчаянного.

Храбрых он уважал. Храбрых и дурных — тем паче.

Посчитали — легкая добыча, один человек. Летели, как мотыльки на свечу. Цыган с удовольствием подпаливал им крылышки.

Во второго Дятел выстрелил, едва противник спрыгнул с штурмовой доски на палубу. Мужика откинуло, переломило и утянуло вниз.

Следом полез еще один, и пуля вырвала кусок мяса из его плеча, а следующая — вынесла мозг.

Цыган стрелял, подстраиваясь под движения счаленных корабелл, не давая никому приблизиться к арфе и капитану. Еремия, примороженная, не могла оказать сопротивления — не мог и Волоха.

Пришлось добраться и до сабли — Волохиной, отданной ему добровольно перед началом замеса. Дятел очертил круг, отбрасывая насевшего противника. С ножами да револьверами ему было ловчее, но махать цыган умел не только тем, на чем всех вертел... Враг попался упорный, пришлось попотеть — без особых фехтовальных изысков. Двигался быстро, как в дурноватой пляске, но его теснили, прижимали к арфе, к прочерченной сетке...

Раз отмахнулся так, что русого оплеснуло горячим артериально-алым веером.

Волоха только незряче сбил с виска капли, не отвлекаясь от перемещения фигур внутри сетки.

Дмитрий оскалился.

Броском перехватил револьвер за нос, вбил рукоять в висок подлетевшему слишком близко, щекой сабли принял и отбросил чужое, холодное, режущее...

Полыхнуло, и на них обрушился ливень света. Выплеск был такой ослепительной чистоты, что зрение отшибло у всех. Даже у безглазой, безгласной техники, послушной Своду Галео.

Дятел предчувствовал вспышку за мгновение до, и все, что успел — прыжком оказаться у Волохи, застывшего с распахнутыми глазами, и сгрести, заслоняя собой. Свет пробил и так, через веки, вышиб слезы и дыхание.

По корабеллам, по Аркскому полю прокатилась волна синхронного движения — люди хватались за лица, спасали глаза.

И этого промедления, бездействия, хватило ровно на то, чтобы Еремия стряхнула оцепенение.

РамРай, конечно, не сумел бы выжить. Бросить аммонес он не смел — не мог. Это было все равно что наживо отпилить себе ногу. Обычно стрелков прикрывали, но в этот раз все случилось иначе.

Дождь упал, чады вытянулись и раскрылись еще, протягивая к небу щупальца.

РамРай увидел, как несется к нему опаленная бирюзой тварь, в черном шелке дождя, сметая на своем пути все и всех. Вот, близится и...

Лин прыгнул.

РамРай прежде не видел, чтобы так прыгали. Высоко, точно, легко — без разбежки и опоры. Вскинутые руки РамРаю показались крылами. Оскуро не успел остановиться, и они столкнулись буквально лоб в лоб...

Лин приземлился рядом с РамРаем, а мгновением позже туша Оскуро тяжело рухнула неподалеку. Узлы бирюзового плетения вздрагивали, пульсируя в такт агонии. Пахло глубокой землей и орхидеями. РамРай не успел ничего — Лин вновь начал двигаться.

Кроме Оскуро их жизни хотели другие.

Им повезло, что течением прибило к чаду — хоть какая-то защита и опора спине. РамРай был не боец, а подмоги ждать не приходилось.

РамРай понимал, что хочет сотворить противник — отшибить у него аммонес. Зарубить стрелка, препятствующего Оскуро. Враг накатывал, точно волны в шторм, но Лин не позволял ему захлестнуть их, уволочь в бездну.

РамРай прижался к шершавому, теплому боку чада и взмолился Луту.

Юга не нравилось оставаться в Пасти. Но и здесь было ему заделье: стоять на стене с дозорными, следить, чтобы не пробился в лагерь враг.

Оскуро падали, вспыхивая, точно сбившиеся с миграционного пути тели, безобидные Лутовы твари. Зонтег они пройти не могли и, попадая в него, сгорали, в смерти рождая яркие вспышки и полосы. Люди нарекали ту пору Звездопалом, хотя истинные звезды — что ближние, что дальние — были ни при чем. От огнетелок тех урона не было, а Оскуро... Пожирали.

Юга прежде не видел, чтобы кто-то бился так, как дети Эфората. *Вот как со стороны смотрится, когда я танцую*, подумал, стискивая кулаки, загоняя ногти в кожу. *Ничего человеческого.*

Пасть нарастила себе убежище от внешнего врага, помимо ворса-струн. Но больше полагались на глаза человеческие, на меткость, на твердую руку.

Вот, увидел Юга, как Оскуро, озаренный бирюзовым огнем, вдруг извернулся, выходя из-под ударов пушек, ринулся, раскидывая воинов, пеших и конных.

Как он двигается, подумал Юга растерянно, глядя во все глаза. Как возможен этот способ движения. Летел низко, стелился, без крыльев, без ног, словно явление природы, а не живое существо... Вот оказался совсем близко, дозорные кинули всполох, ударили...

Оскуро извернулся и взвился свечой, раскрывая пасть, грозя смести со стены людей, унести с собой в смерть. Юга прынул к нему навстречу, и шерл — прынул, объял, поймал в сеть, как некогда ловил корабеллы...

И в черном этом мешке Юга увидел близко, против самого лица пасть Оскуро. Точно себя — в искаженном злом отражении. Себя — наизнанку вывернутого.

Как однажды в гостях у Греты.

Лаброс, двойная натура.

Увидел — и вспомнил. И — понял.

Некогда не было у них формы, не было облика, схожего с людским. Были они — обще, сообща, вместе. Предком ихора, предком Лутовой крови. Не здесь родились, не здесь жили, и место это Юга не помнил, не знал теперь, видел лишь — море, заполненное не водой, но существом, схожим с черной водой, легкой и плещущей легко, мыслящей... Или глаза то были? А после из существа этого вышли Оскуро и вышли — они, Третьи. Вышли и пришли в Лут, в чужое пространство. Влились, смешав кровь, претворив ее в ихор. Приспособили свою

форму под обиталище людей, под их взгляды, под их тела...

Только Оскуро распознали сладость уязвимой человеческой плоти, и от мяса этого развились в нечто дикое, отвратительное, чужеродное. А Третьи впитали в себя всю Лутову красоту. Они, существа одного корня, разделились, встав по разные стороны зеркала.

Вторые были уже тогда. Они привели к служению Хома, обернув их вьючным скотом, подладив под потребу людям. Они держались в стороне, кочевали на плавающих своих станциях-резиденциях, пасли Лутовых тварей. Вторые не были рождены Лутом: колыбельный их мир лежал далеко.

Так далеко, что они не могли соседствовать с Третьими: их губило взаимное присутствие. Отравляло, разрушало.

Первые же изгнали Оскуро, и запечатали рукава, и поставили свой Эфрат. Им, Оловянным, лила, чужестранникам, некуда было возвращаться. Им не оставили выбора, как не оставили его людям.

Юга выдохнул.

Память милосердно откатилась тяжелой волной, оставляя его — дышать, выползая на берег, цепляться за песок.

Оскуро замер в силках волос, точно инклюз в капле смолы. И Юга почувствовал, как шерл начинает вбирать его в себя, преобразуя, растворяя, возвращая... *Нет!* Рванулся, почти с ужасом отбрасывая от себя — из себя — это.

Остатки Оскуро рухнули в изножье лагеря.

Юга же опустился на корточки, спиной по гребню стены, закашлялся смехом. Все наврало, все напутало люди. Где они Третьи, когда — по счету первые? Или вторые? Весь Триумвират из разных отрезков, всех сюда загнало, как течением увлекло. Никто и близко к человеку не стоял, но пришлось подстроиться, приспособиться... Шаг в сторону — и не удержать личину.

Как хрупок Лут, подумал Юга с восторгом и ужасом. Он, зная ихор, нося его в себе, мог проникнуть дальше, глубже, а Выпь, владея *голосом*, мог песней реконструировать его, назвать его истинное имя... Что они могли бы устроить с ним вдвоем? А втроем, с мальчиком-эфебом Оловянных?

Нет, нет, нет. Юга с почти физическим усилием оттолкнул эти мысли, потому что знал, чувствовал — совсем близко, совсем рядом...

Нет.

Не сегодня, эхом откликнулся рокарий.

Михаил видел, как один за другим вспыхивают Оскуро. Воистину, это было невероятное зрелище — абсурдное и чудовищное.

Он был бы рад торжествовать, но вместе с чудовищами гибли дети. Те самые, которые приняли их на Хоме Полыни, те самые, которые слушали, сияя глазами, игру виолончели... Оскуро перемещались слишком быстро и смертоносно, и держали их — Первые.

Михаил старался не думать, где Лин. Жив ли, цел ли. От мыслей таких впору было свихнуться.

Налетевший с ветром ливень замутил зрение, смешал видимость.

Стабилка шла, распирая гущу грудью. Вороненый рот сабли вдоволь нахлебался крови, но не уставал, прокладывая дорогу. Михаил видел, что творится со стрелками — их выкашивали.

Значит, та же участь ждала и того паренька, за спиной которого стоял Лин.

Михаил вытянулся в седле, приподнялся в стременах, рискуя отхватить стрелу, но не в силах противиться желанию отыскать. Увидеть и, если случится — успеть на помощь.

Не иначе, Лут к нему склонился: совсем недалеко разглядел чада и торчащего под ней кудрявого парня в обнимку с витой трубой аммонеса. Вокруг плотно кипело.

Если бы Иванов не видел сам, не поверил бы, что многих может сдерживать один.

Оружие Первых являло собой Исключение из Статута. Ровно как и дикты Вторых. Слово Оружия не имело над ними власти. Им не было ровни. Оттого ввергало оно в страх, будучи в умелых руках умелого бойца. Разило без жалости, способно было вскрыть доспех, как запечатанный конверт...

Михаил будто услышал, как Оловянный коротко, рвано вскрикнул на выдохе, когда долосс ударил сверху, растирая плечо Первого в кашу. От второго удара Лин уклонился, перекатившись, зацепил оброненный актис.

Высоко подбросил два своих клинка, а поймал одной рукой — один. Слиянное, воединное орудие. Враги попятились, когда Первый завел за спину раненую руку. Другой крутанул обоюдоострое, быстрое, легкое...

Долосс вновь замахнулся.

И Михаил забыл себя помнить.

Личина помогала.

В ней он будто лучше видел; больше слышал; лучше владел голосом.

Единственное — не мог чувствовать Юга, как чувствовал обычно, на расстоянии. Но теперь ни к чему было — Третий остался в лагере, под защитой.

Хворост он заметил давно, но подступиться к ней не знал как. Она вынимала по человеку. Много не брала, не жадилась. Такого создания Второй еще не видывал, и боролось его любопытство — удастся ли приучить? Поэтому и присоветовал арматору отвлечь Хворост, приманить перламутром.

Убивать не думал.

Коромысло несло его быстро, спокойно. Выпь держался за длинную жердь плеча, смотрел сверху. Люди, море людей. Мастер — он слышал — говорил: *илоты*.

Слово было обтекаемым, корпусным и не живым.

Незнакомым.

Коромысло дрогнуло, загудело огорченно, когда ноги ее обхватили силки. Выпь скользнул вниз, приземлился под брюхом. Выхватил из-за спины дикту и ударил, легко разрубая путы.

Досада брала — до Хвороста оставалось совсем немного, надо было им увязнуть.

— Свои! Ты что, очумел?!

Выпь едва успел задержать дикту. Медленно выдохнул.

Только разглядел — и впрямь — свои. Странно, казалось ему, что все с одного лица...

— Прости. Не зашиб?

Коромысло загудело, рассказывая, что Хворост начала двигаться.

Не иначе, наметила себе взятку — устала ждать.

Панцирники Хома Сталты стояли крепко, укрывшись со всех сторон щитами. Перламутровое сияние чаровало Хворост, держало, вабило. Кружила она вокруг, тянула длинные суставчатые пальцы...

Будто вокруг баснословной диковинки.

Выпь велел Коромыслу не сходить с места, сам же пошел к Хворосту. Вблизи существо оказалось больше и сложнее. Тот самый шелестящий, мертвящий звук исходил из самого ядра, укрытого вуалью прихотливых линий.

За ней, за этой вуалью, что-то двигалось, мерцало.

Хворост заметила Выпь, когда он был близко. Потянулась к нему....

Выпь не уклонился, не закрылся. Стоял, упершись пяткой дикты в землю. Смотрел.

Покажи мне себя, велел мысленно. Открой лицо.

Хворост замерла, рассматривая Второго. Выпь чувствовал взгляд — множество взглядов. Медленно поднял руку и убрал маску.

Теперь — ты.

Мельтешение линий прекратилось. Палец коснулся его лба, а Хворост подняла вуаль.

И все объяло *Озарение*.

Ударивший свет едва не вышиб Гаера из седла. Конь дико заржал, простонал жалобно и завалился, как игрушечный, как елочный, деревянно выставив ноги. Кругом выло и полыхало, а арматора сберегло то, что он был укрыт другими павшими.

Наконец, откатилось.

Гаер выбрался, не без труда отвалив тело, глянул кругом. Люди медленно приходили в себя. Но уже накатывала новая золотая волна — враг оправился быстрее. Арматор вдохнул глубоко, чувствуя закипающую в середине ярость. Подобрал оброненную Двухвостку, сжал пальцы. И пошел, прямо в лоб лавине.

Размахнулся, перехватил свое оружие двумя руками, целя по ногам бегущей локуста. Тварь кувыркнулась, Гаер, обернувшись, обрушил свое оружие на хребет Хангара.

Вскинул уродицу, отбивая брошенную стрелу, прыгнул, хватая под уздцы чужого взывавшего коня, вышиб из седла всадника. Двухвостка, будто копье, прошла доспех, вышла из спины и вернулась к арматору.

Гаер сунул руку в спорран, зацепил парочку репешков и швырнул в противника.

Грохнуло, а арматор отбил брошенный из пращи камень, точно детский снежок.

— Статут, суки! — рявкнул и тут же рассмеялся, ощерился. — Ну?! Статут! Ну, кто на меня?! Кто тут папочка, а?!

Хангары продолжали двигаться, но теперь волна обходила Гаера, точно река — камень-боец. Не сразу понял причину, а, поняв, застыл.

Тамам Шуд.

Стоял будто бы в живом, золотом коридоре, сотканном бегущими локуста, смотрел — на него.

Рыжий оскалился. Переть одинцом на вожака Нума — та еще затея, но арматор не умел отступать. Тамам Шуд словно ждал, скрестив на мощной груди руки. Смотрел, как подбирается Гаер.

Останови это, сказал Тамам Шуд.

Гаер споткнулся.

Останови.

— Не я это начал, башка лысая, не мне и заканчивать.

Разве. Лукавишь перед собой. Не ты ли желал, чтобы Лут в хаос погрузился? Не ты ли желал Башню раскачать, ножки ей подшибить? Я помогу. Сделаю, чтобы не Башня тебе

хозяйкой была, но ты ей — Хозяином.

— Врешь, собака. Такое тебе не провернуть.

Ложь мне не введена. Отступись, отведи армию, оставь Хом — и в Башню вернешься владетелем. Вижу, как глубоко корни ее в тебе. Все поменять можно.

— Можно. Только Лут тебе отдать...

Мне отдать.

Арматор увидел, представил — свободу. Чего крутить, может, и семью завести, и дом какой, и мелочь там всякую... Задохся. Не биться в крови, как лягухе в молоке. На берег выйти. Сесть и отдохнуть. Не ненависть познать, но любовь.

Гаер вздохнул глубоко, ровняя дыхание. Мотнул головой, отбрасывая грезы. Сцепил зубы, напряг ноздри, утвердился в стойке. Крепче ухватил Двухвостку.

— Отсоси, засранец.

Утишил его Лин. Выдернул из изменения, вернул в себя.

На Хоме Зыби двое мужиков держали, а тут один мальчик справился.

Пусть и Первый.

Видимо, и Озарение подсобило.

Михаил, как прочухался, более всего напугался, что в горячке и Лину перепало. Но нет, обошлось. И бледный РамРай, и Первый — живы были.

Про прочих не сказать.

РамРай казался здорово напуганным, а у Лина правая рука висела жгутом и выглядела так, словно он выдернул ее из пасти молотилки. Но даже так — сумел прижать Михаила к земле, и держал, и по имени звал, пока бушевало световой шторм.

Дышать стало легче — и не промытый воздух тому был причиной. Хангары уходили, отступали, забирая мертвых и раненных. Кажется, этот раунд они у противника вырвали.

— Тебе... к лекарю надо, — сказал Плотников, пытаясь скрыть растерянность.

Кругом лежали тела, и Михаил не мог сказать, не мог знать, кто их поверг — лила, иной противник... или он сам.

Позже.

Первым делом Лина к лекарю оттянул.

— Я не знал, что они могут смыкаться, — сказал Михаил, рассматривая оружие.

Актисы словно спаялись хвостами рукоятей. Иванов крутил оружие, гадая, как раззять обратно.

— Я слышал о таком, — вздохнул Лин. — Только... доступно на другой ступени.

Он был бледен, чело будто охватывала повязка шитая прозрачным бисером. Смотрел, что лекарь творил с его рукой. Сам Плотников не мог заставить себя глянуть — стыдная слабость.

Скобы лекарь сразу отмел, взял корзину, в которой, как змеиное племя, слабо шевелились, сплетались кублом, белые нитяные корешки.

Михаил старался развлечь, отвлечь разговором. Лин часто слатывал, губы у него были совсем белыми и сухими. Сказал:

— Это, выходит... ступень. Была. Получается, я все-таки прошел лесху. Я...

Влажно, протяжно хрустнуло. Лин длинно выдохнул, глаза закатились. Медленно откинул голову и начал валиться — спиной назад. Плотников вдруг вспомнил досужие разговоры: Первые мол, так механично устроены, что не могут отключиться.

Прежде, чем мысль додумал — подхватил. Не дал упасть. Затылок и спина у Лина были насквозь мокрыми, горячими.

— Порядок, — сказал лекарь.

Михаил глянул. Руку прошивала, простегивала толстая нить-жила. Держала вместе куски плоти и кость.

— Зарастет, — весело утешил лекарь, подмигнул ему.

Пошел дальше, вытирая пальцы. Лин очнулся тут же, вывернулся.

— Болит? — спросил Михаил негромко.

— Чуть совсем, — Лин отстранился, отвернулся.

Кажется, застыдился слабости. Оружие прижал к себе, к груди, как ребенок — игрушку.

Михаил отвел его в палатку и успокоился только когда Лин лег и заснул. Жила едва заметно пульсировала — сращивала мясо.

Михаил вышел, глубоко вздохнул, утопил лицо в ладонях. Пальцы дрожали, пахли порохом и кровью. У Лина не тряслись руки, подумал. Даже тогда. Шелк рук. Сталь.

— Ты сбиваешь настройки.

Он вздрогнул мысленно, отнял ладони, поднял глаза. Мастер был рядом. Как подошел — не заметил. Вот не было и стал.

— Речи твои ему мешают, ноги ему стреножат. От того небрежение. Ошибки. От того урон.

— Все ошибаются.

— Не все. Лин — не все.

Это так, согласился про себя Михаил, вслух же продолжал упрямо, ровнясь на собственную смелость:

— Вы думаете, он — стрела. Оружие. А он цветок, и война его калечит, убивает...

— Его убьет твоя жалость.

Мастер говорил ровно, не меняя цвет голоса. *Кто ты такой*, подумал Михаил с мучительным чувством, похожим на страх. *Кукла ли, живое ли создание? Существо из машины, организованное столь высоко, столь совершенно, что от с человеком сличного осталась только оболочка?*

Как ты можешь быть ему — отцом?

Михаил расправил плечи.

— Я буду рядом, чтобы подхватить, если он ошибется и споткнется.

Эфор посмотрел.

— Тогда будь рядом. Чтобы подхватить труп.

Повернулся уходить. Михаил вдохнул глубоко, как перед броском в бездну, догнал словами:

— Я не дам ему погибнуть. Заберу у вас, отниму у Башни. Если понадобится, у всего Лута отвоюю.

Мастер впервые посмотрел на него. Глаза его были чуждой синевы.

— Сделай, — ответил.

37.

Да что такое Паволока эта? Инженерное создание, тварь сотворенная, или вовсе — явление воздуха, видимость одна? Умыкнула она многих, и владения ее ширились, ограждая Хангар.

Сеночь должна была нарушить этот порядок.

Юга взял себе три резака. Остальные разобрали ребята Таволги. Пошли не все, на том старший стоял крепко. Не взял даже Осота, жилистого худобу, который при нем был как Дятел при Волохе. Мужик только лицом потемнел, губы сжал, но ни словом не упрекнул командира.

Вышли.

Мертвая земля, земля Паволоки, разделяющая своих и чужих, началась очень скоро. Трава здесь не росла, будто с корнем вытравило, только камни лежали — белые.

Как сквозняком потянуло, разом со всех сторон. Дождь пролился, небо загустело тучами, за спиной остались огни лагеря. Юга наклонился, осторожно приподнял один камешек. Гладкий, прохладный. Отполированная кость. Словно зализанная водой стекляшка.

Третий молча бросил находку, вытер ладонь о ткань доспеха. Словно вторя его мыслям, зашумел прибой — как если бы недалеко накатывала и откатывалась тугая, пенная, большая вода. Та, что нежно омывает, ласково перебирает и любовно полирует кости.

То-то тел они не находили; то-то уходили без вести.

Юга до рези в глазах всматривался в темноту, но ничего не мог разобрать. Только слышал — рокочущее мурчание незримой тихой волны, и от этого мирного звука хотелось бежать сломя голову. Третий до сладкой крови прикусил губу, гоня страх. Наперекор себе пошел дальше, всматриваясь, вслушиваясь... За этой шумовой завесой должны были торчать или устройства инженеров, или Хангары, или — лежать в лежке Паволока.

Все объяснимо. Все преодолимо.

Он не слышал Таволгу. Не слышал остальных, словно их не было, а он был — один.

Юга глубоко вздохнул, прикрыл глаза на миг. И понял, что потерял направление. Выпало из головы, как ключи из кармана. Начисто утратил представление о том, где находится, откуда пришел и куда ему идти. Шорох близился, перекатывал кости, ласкал, целуя тысячами бледных пальцев.

Он остановился — заставил себя остановиться, хотя вся сущность, вся суть вопила бежать, бежать, бежать!.. Глубоко вдохнул, выдохнул на несколько счетов. И еще раз. И — еще.

Наклонил голову, сдавленно застонал от остро пронзившего страха и побежал ему навстречу.

Потом лишь понял, что это его и спасло.

Прочие бесшумно, безмолвно, бездумно мчались прочь, а Третий всегда пер против шерсти. Налетевшая из темноты волна опрокинула его, обрушила на спину и протащила, и он увидел ее испод, бледное рыхлое брюхо, лица и пальца, рты, открытые в пении-пене прибоя, зажмуренные глаза-ракушки...

Задохнулся, рывком обернулся на живот, подтянул ноги и побежал дальше. Волна длилась и длилась, трогала его, ласкала, а он только мотал головой, оглохнув от прибойного

унылого вопля.

Где ей исток?!

Рванул из волос острый гребень резака.

Первого выскочившего навстречу стража он хлестнул резаком по шее. Не останавливая бег, подсек второго, ткнул зубьями в сердце третьего и, обернувшись, припав на колени, проткнул горло лежащего на земле четвертого. Тот выгнулся, хапнул окровавленным ртом воздух и умер. Они не ждали его. Никого — с той стороны.

Юга застыл, прислушиваясь.

Прочих разведчиков не было видно.

Потом, прошептал Юга для себя, *потом*.

Один гребень он уже потратил — тот так и остался торчать в плотке стража, сел так крепко, будто пустил корни. Может, и пустил.

Юга перестал озираясь, остановился, как вкопанный — увидел.

Установка. Тонкое наведение, управление полоняницей-Паволокой. Живая она, значит, живое существо, на строгом поводке?

Юга растер пальцами виски, зажмурился. Думай, мысленно стегнул себя, думай. Таволга бы сказал, что делать. Но не было его рядом, следовало решать самому.

Он не знал, сколько у него в запасе. Больше никто из темноты не кидался, но рано-поздно смекнут, что стражей положили. Установка стояла, блестя тугими боками, походила на пузатую бочку о трех ногах. Венчали ее тонкие, в стороны тянущиеся жесткие усы. Между усами посверкивали нити как бы паутины в крупной росе. Третий прищурился, лихорадочно соображая.

Что-то подобное встречал он на станции Ивановых.

Решившись, Третий взобрался по короткой приставной лестнице к паутине. Осторожно дотронулся.

Как оказался на земле, не понял. Сердце билось под языком, Юга содрогнулся и его вырвало. От боли перед глазами побелело.

Фаза, сказали бы Ивановы.

Далекие окрики на гортанном наречии он разобрал едва-едва, в уши словно корпии натолкали. Заметили прорыв, ага. Быстрее, нужно быстрее.

Подняться удалось не сразу, руки и ноги дрожали, как будто его ночь напролет мотали по кругу. Юга торопился.

Разломать к Лутовым ебням, решил. Испортить так, чтобы проще на свалку, чем восстанавливать.

К паутине Юга больше не полез. Шерл волной обьял основание установки. Потянул из земли. Юга отступил, контролируя натяжение. Когда ударило под лопатку, качнулся, но удержался на ногах. Доспехи Третьих сберегли — в который раз. Сразу переключиться не сумел; вот сгребли сзади, Юга зарычал, установка выскочила из земли, упала на бок, покатила грузно, шипя и роня искры, кого-то зашибла в темноте... Ему тут же сунули в лицо чем-то тяжелым, похожим на бронированный кулак.

Потащили, а он все не мог собраться, чтобы дать достойный отпор.

Когда схватили за подбородок, укусил соленые пальцы. Вновь словил по лицу; вздернули, кому-то показывая, рассматривая... Мазнул глаза свет — *чтобы лучше тебя видеть*, ласково сказал голос Ррата в голове.

Юга вздрогнул. Знал он эту заминку: страх отступал, когда люди его *видели*. Красота

забивала зрение, похоть туманила разум. Воевать со стояком непросто даже стоикам.

Третий откинул голову, обежал глазами обступивших его людей, примериваясь...

И тут противники его вновь закричали, но в крике их на сей раз не было торжества.

Паволока вернулась, понял Юга. Не было больше установки, а были бывшие тюремщики, ныне — добыча. Его отшвырнули, бросили ей в лицо, словно желая откупиться; она перемахнула его, как лань камень, и обрушилась на убегающих людей.

Третий вытер рот, сплюнул. Вытащил из волос два резака. Выдохнул, потряс руками, собираясь. Паволока натешится, наиграется и вернется — она соберет всех. И пойдет дальше, к лагерю. Туда ее точно пускать нельзя.

Прикрыл глаза, выбирая танец. Такой, чтобы лег, сплелся с черными зубастыми гребнями в руках его; с землей, запекшейся от крови; с вылинявшей до зелени луной; с корнями Лагеря; с корабеллами, стоящими на границе... Услышал приближение. На сей раз она не спешила, шла медленно, волоча длинное сытое тело.

Паволока осязала его, но понять не могла, отчего он не бежит.

Юга выставил руку, чувствуя, как начинает втягивать окружающее в танец. Паволока остановилась.

— Я не человек, чтобы бежать от тебя, — проговорил Юга голосом, стиснутым руслом боли. — Я не Второй, чтобы приручать. Я просто убью тебя, тварь.

Паволока — попятилась. Подалась назад — первый раз за свою жизнь; но сбежать не успела.

Возвращение в Пасть Юга запомнил едва.

Ждал упреков, горьких слов, но Осот слушал молча. Лицо его совсем почернело, а прочие пластуны помалкивали.

— Я прикончил тварь. — Повторил Юга в тишине, распутившейся цветком темного цвета. — Я прикончил тварь. Но... Ай, да что говорить, не вернешь...

Хотел отвернуться, но Осот положил руку ему на плечо, слегка надавил пальцами:

— Спасибо, Юга. — Проговорил ровным, твердым голосом. — Ты все сделал правильно. Таволга знал, что ты справишься. Ступай. Отдохни.

Отошел, пряча лицо.

Юга молча вышел.

Саднило и давило на ребра — точно как в том видении. Юга крутил в пальцах эдр, игрушку Второго. Тот давно не брал ее в руки, предпочитал маску.

Третий вспоминал. В последний раз через такое он проволакивал себя, когда Гаер рассказал о смерти матери. Но тогда Вышь был рядом. А теперь — будто не он.

Темно, думал Юга. Темно мне.

— Так Паволоку ты точно убил? Жаль. Чудное существо было.

Юга поднял голову, ответил длинным взглядом.

— Да что с тобой? Ты так печешься о тварях, что забываешь о людях! О людях, Вышь! Вышь!

Второй не откликнулся. Стоял, прямой, строгий, и маска на лице сидела. Плоское медное лицо.

— *Манучер*, — процедил Юга.

Позвоночник натянуло от ненависти.

Медное лицо повернулось к нему.

Третий рывком поднялся, приблизился в два шага и, ни слова не говоря, ухватил маску, сиюсь сдернуть. Отворить настоящее.

В ответ край личины резанул пальцы — как укусил — а Манучер быстро, жестко, поймал его запястье. Глаза в дырах маски были незнакомые. Золотые. Злые.

Юга выдохнул и двинул коленом — в бедро. Пожалел.

Но и этого хватило.

Манучер охнул глухо, ударил в ответ — Юга того не ждал, но не вскрикнул, только откатился, как упал. Застыл, глядя на идущего к нему Второго. Мигнуло воспоминание: так когда-то другой Второй приближался. На Рыбе Рыб, чужой.

— Выпь! — крикнул в отчаянии. — Что творишь?!

Выпь споткнулся. Встал, двумя руками взялся за маску — будто в края колодца ладонями уперся. Отринул личину. Уставился на Юга.

Тот поднялся, не отводя глаз, спиной назад, скользнул вон.

Ушел недалеко — накрыло. Опустился прямо на землю, обхватил голову руками... От Паволоки не попятился, а тут... Давно ли бежал так же, отступая от Второго узкими переулками Городца? И к чему бег его вечный привел — замкнуло в круг, завело в петлю. Как в той комнате в Башне.

Ночь не спала: где-то пели, как будто стенали, гортанно вскрикивая на риохе, частили словами, перебоями звенела гитара... До Юга едва-едва долетали отблески чужих огней.

Третий поднял голову, потер глаза, стараясь силой воли отвлечься, увлечься песней, разобрать слова. Били ладони, подталкивая невидимого танцора, нагоняя ритм...

Понял вдруг, что Выпь совсем перестал мурчать-напевать себе под нос. И он сам — когда танцевал в последний раз ради самой радости?

Услышал — шаги, почувствовал — присутствие.

— Прости, — заговорил Выпь своим обычным, немного хриплым глубоким голосом. — Я дурак. Я... я не знаю, что на меня нашло. Почему так говорил. Зачем... Мне очень жаль, Юга, Юга, мне правда — жаль...

Зато я знаю, что нашло, подумал Третий. И я знаю, что тебе жаль.

Но не сказал.

Ладонь осторожно коснулась волос. Шерл и не подумал обороняться. Выпь было дозволено трогать.

Юга громко вздохнул, обернулся. Выпь сидел рядом и выглядел растерянным, растрепанным. Совсем тем пастухом с Сиаль.

— Я знаю, как ты относился к Таволге, — сглотнув, продолжил говорить Выпь, — но, что важнее — я знаю, как он относился к тебе.

Юга зажмурился, сжался, давя вопль.

Хотелось выть и кататься по земле. Биться головой о стену. Царапаться и царапать себе лицо. Рыдать.

Юга не знал, что из этого он бы выбрал, куда бы его кинуло, но Выпь осторожно протянул руку, неловко прижал к себе...

Юга вдруг рванулся, вскочил, и Выпь прынул, ловя за волосы, сильно дернул обратно, опрокидывая спиной — все полетело к Луту. Юга молча въехал ему кулаком в челюсть, но Выпь навалился, удерживая. Юга вертелся ужом, сиюсь скинуть его, но молчал. А когда понял, что не выйдет, вдруг выгнулся и закричал — глухо и отчаянно.

Выпь прижался к нему, гася крик, не давая взметнуться лагерю.

Обхватил, обвил руками, пережидая.

Юга замолк, свернулся на боку, подтянул колени к груди. Выпь глянул ему в лицо.

— Я знаю, — сказал устало.

Короткое толстое древко, грубо крашеное синим, перья какой-то дикой птицы. Откуда, откуда ей быть здесь? Он же не взял? Он же — отринул. Воткнуть в горло, убив *голос*, убив песню... кого? Манучера? Выпь?

Юга открыл глаза, проснувшись. Сам не заметил, как отрубился.

Второй спал крепко.

Юга напряженно всматривался: сомкнутые веки, широкие брови, выразительной лепки скулы, лягушачий рот, даже во сне крепко сжатый. Перед глазами мелькала вереница картинок — все их знакомство. От нелепого, долговязого погонщика овдо на Хоме Сиаль, к этому — в броне, с диктой в наростах колец, в маске в кровавом крапе...

Выпь не был жестоким. Ведь не был же.

О Лут, Лут...

Третий глухо застонал, а Выпь беспокойно заворочался, открыл глаза.

— Чего ты? — спросил хрипло, щурясь со сна. — Болит что?

— Сон дурной, — ответил Юга.

— Ммм.

Выпь смежил веки, лег на бок. Третий устроился подле, головой на чужом плече, продолжал смотреть.

— Выпь?

— М?

Юга прикусил губу.

— Помнишь, ты спрашивал меня однажды, на Еремии — друзья ли мы?

— Ага, — Второй приоткрыл глаза

— С той поры много воды утекло.

Выпь помалкивал. Лицо его приняло странное выражение — и робкая радость, и волнение в ожидании, все смешалось.

— Еще я помню, что обещал тебе шубу. Когда мы будем жить вместе. Когда все это закончится.

— Белую, — подумав, улыбнулся Юга. — Я хочу белую, Выпь.

— Что с рукой, братец? — справился Гаер, дернув бровью.

— Что с головой, брат? — парировал Лин.

— Голова не жопа, — хмыкнул рыжий. — Попролам не расколется.

Лин закатил глаза, дернул губами, подавив глупый, неуместный смешок.

Гаер подмигнул. Башка арматора была стянута повязкой, круги под глазами походили на синие проталины. Он даже не курил, часто облизывал сухие губы, таращился на карту. Та волновалась, менялась, подстраиваясь под новые условия.

Обстановка в шатре была сумрачной.

Ночная вылазка стоила жизни Таволге и двум его ребятам. Лин нашел взглядом Юга: он сидел, скрестив на груди руки, откинувшись в тень. Переживал? Лин знал, что Третий неплохо ладил с добродушным незлым вожаком разведки.

Второй стоял, внешне спокойный. Встретился взглядом с Лином, кивнул.

Докладывала Солтон. Рвано, рублено говорила — сердитую деву едва не посекали, едва из котла успели вытащить, отбили. Защитило от увечий странное ее доспешье — черного кобыльего волоса, в шишках-наузлиях.

— На стык движется еще один Хом. Пораженный, по предварительным данным — Хом Ороми.

Арматор коротко выругался.

— Так. Что еще?!

— Нум и союзники собираются выпустить сколопендр.

— Вот дерьмо, — Гаер яростно почесал висок. — И что за пугалище болтается над полем?

— Неизвестно, — взял слово Эдельвейс. — Откуда принесло, не засеки. Знаем лишь, что строит себе щит из мертвых тэшек и веллеров. Пробриться трудно. И, арматор, они вывели Властителей Городов.

Гаер выругался особенно грязно.

Этого еще не хватало — передвижных осадных башен. Одной Башни ему вот так хватало, по кадычок. А эти дылды-орясины, длиннолягие дудки, вскормленные гнилыми топями Хома Торфа?!

— Это всего лишь дерево и железо, — подал голос Мастер, до поры не проронивший ни звука. — Я знаю, что против них поставить.

— Куда, кстати, Оскуро подевались? Тварей как в нужник смыло.

— Всех, кто пришел, побили. — В голосе Эдельвейса звучала гордость. — Первые дежурят на корабеллах. Наблюдают. Если появятся — дадут знать.

— С пугалищем разберусь я, — сказал Волоха.

Лин бросил на него короткий странный взгляд, будто что-то про себя прикидывая.

— Хворост что?

— Ушла Озарением, — ответил Выпь. — Больше не потревожит.

— Так, хоть что-то хорошее. Сучья Паволока тоже не вылезет?

— Не вылезет, — мрачно подтвердил Юга.

Выпь покосился на него, но смолчал.

— Не допрыгнешь, — сказал Михаил, взглядывая наверх.

Там, заслоня бледное солнце, подрагивал ком с ползущими во все стороны прутяными отростками. словно клуб гнезда вихоря распускался в воде. Худо было, что пруты его жалили корабеллы, не пускали к себе ни Птиц железных, ни птиц живых. Неизвестное плело кольчугу свою из мертвых тел.

Михаил гадал, все ли судна нашли гибель на этом Хоме или некоторых черпанули сачком да притащили с собой, на опару...

Одна из убитых тэшек стояла низко относительно товарок. Ее себе наметил Лин, на нее смотрел.

— Допрыгну, — возразил, сбрасывая с плеч эгоф.

Остался в тонкой рубашке с коротким рукавом, липнущей к телу будто вторая кожа. Ткань была млечно-матовой, словно в противовес угольной черноте доспехов Третьих.

Правая рука, схваченная жилой, уже двигалась, и все же Лин старался особо ей не действовать. Разъятые обратно актисы лежали смиренно, их Первый доставать не торопился.

— Но ты должен мне помочь, — обернулся на Михаила, и тот не смог сдержать вздоха.

— Чего ты хочешь? — спросил с некоторым раздражением. — Думаешь, эта... Этот спрут подвластен твоим актисам?

— Я должен попробовать, — отозвался Лин с тем упрямством, которое отличало всех Первых. — Должен взглянуть ближе, разобраться в устройстве. Полагаю, это лишь корабль с одним пилотом, пусть даже в симбиотическом союзе.

— Откуда бы такая уверенность? — Михаил недоверчиво нахмурился.

Лин глубоко вздохнул, очевидно досадуя на промедление. Но пояснил, скованно, будто стесняясь:

— Я же умею *видеть*, Миша. Дальше и глубже, чем положено Первым вообще и отбраковкам... Я не могу этим управлять, но стараюсь обернуть на пользу.

— Ты видел, что *это*?

Лин ответил уклончиво:

— В общих чертах. Мне нужно подобраться к нему и, если возможно, ударить теперь — пока он занят.

Михаил понял его. Спрут действительно был занят — корабеллы Волохи кружили вокруг, как косатки вокруг тюленя на льдине. Был ли это план русого, сговор, или мальчишка решил действовать сам, используя момент?

Плотников не знал. Волоха сразу из шатра взошел на Еремию, а Лин потащил его в поле...

— Какая помощь тебе нужна?

— Подсади меня, — сказал Лин и Михаилу показалось что он ослышался.

— Что, прости?

— Подсади, — Лин нахмурился, сплел пальцы и показал. — Подтолкни. Моя рука еще не полностью функциональна, и я не смогу прыгнуть так высоко. Подтолкни и брось вверх. Ты сильный, у тебя получится.

Михаил покачал головой в ошеломлении. Что за воплощенный бред?

— Тебя подстрелят. Ты будешь живой мишенью.

— Не успеют, — Лин успокаивал его, уговаривал, как малого ребенка. — Я прыгну и окажусь под прикрытием корабеллы в мгновение ока. На левом крыле, видишь? Правый борт они различают, левый — нет.

— Лин, — Михаил прикрыл глаза, облизал пересохшие губы.

Даже голову стиснуло обручем.

Ты не допрыгнешь. Тебя убьют. Тебя сожрет то кошмарное чучело наверху. Тебе просто окончательно оторвет нахрен руку.

— Миша, пожалуйста.

Лин вдруг взял его за лицо, возложил пальцы, и Михаил застыл, мучительно борясь с воспоминанием, как точно таким жестом лила заставил говорить человека...

Первый смотрел в глаза снизу-вверх, словно выпрашивая сладость или погладить кошку, а не пособничество в смерти.

— Это надо сделать. Пока оно не знает, на что мы способны. Пока Волоха отвлекает. Пока я здесь. И ты здесь, со мной. Помоги мне.

— Если ты так и будешь мять вымя, то ему помогу я, — сказали со стороны, и Михаил встретился взглядом с Нилом.

Тот усмехнулся.

— Мои руки тоже достаточно сильные для твоего пацана, Мигелито, — продолжил на языке Ивановых.

Михаила кольнула глупая, неуместная ревность.

— Я сделаю, — сказал с глухим раздражением.

— Спасибо, — Лин проникновенно глянул, сжал его плечо. — Я возьму разбег, прыгну тебе на руки, а ты в тот же миг вытолкни меня наверх, хорошо?

Ледокол коротко кивнул. Все он понял.

Сердце громыhalo, как град по жестяной крыше, но странное дело — присутствие Крокодила заставило его успокоиться. Собраться. Надо сделать. Надо попробовать.

Лин отошел так далеко, как только мог. Что-то прошептал, смеряя взглядом траекторию, намечая будущее движение.

Михаил едва не пропустил разбег, занятый своими мыслями. Успел поймать и, выпрямившись, толкнул вверх со всей силы.

Лин взлетел, как птица.

— Стыковка, — коротко прокомментировал Нил столкновение Лина и крыла трафарета.

Первый повис, удачно зацепившись. Изогнулся, подтянулся на одной руке и оказался на боковом движителе. Показал зрителям большой палец.

Крокодил отсалютовал, Михаил тихо выругался.

— Неплохо, старик, — музыкант насмешливо толкнул его кулаком в плечо, — совсем не плохо.

С близи существо выглядело еще страннее. Осколки корабелл и веллеров, части палубы и обшивки, выгрызенные хребты, чешуя — все плавало вокруг, обнимало существо подвижным экраном. Само же оно, казалось, состояло из ядра и исходящих оттуда ветвей.

Лин медленно передвигался, удачно прикрываясь кусками разрушенного транспорта. К нему существо особого интереса не испытывало. Вот Волоха занимал ее куда больше.

Или, подумал Лин, тебя привлекает корабелла? Плоть ее, могущая стать щитом? Или опасность, которую она воплощает?

Еремия, поджарая и быстрая, казалась и заманчивой добычей, и опытной охотницей. Дотянуться до нее существо не могло, но следило внимательно.

Гаер сходу отмел предложение Дмитрия «взъебнуть пушкой». *Я в душе не знаю, что из этой пиньяты нам на бошки посыплется*, так ответил.

Названный брат был прав. Они не знали имени этого существа, не знали, чем оно грозит и из чего состоит, чем движимо. Возможно, грубая атака привела бы к худшему...

Лин подобрался совсем близко. Для этого пришлось прыгнуть на отломанный руль высоты, лечь на живот и так подплыть к самому телу. Здесь, среди тесного переплетения отростков-ветвей, были видны зазоры. Крупный мужчина бы не прошел, но Лин легко бы справился.

Он помедлил немного, зацепился руками за прутяную стену, останавливая дрейф своего «плота». Сосредоточился, стараясь раскрыть фрактальное зрение. Прав был Мастер: его веер раскрывался сам, непредсказуемо, но зато как глубоко он мог заглянуть...

Осколок руля дернулся под ним, правую руку прострелила боль. Жила, нанизывающая кости и мясо, трудилась усердно, но Первому не доставало терпения. Лин подтянулся и решительно скользнул в щель.

Внутри оказалось... уютно. Лин сам удивился, сколь неожиданно-точным было пришедшее на ум определение. Ветви сплетались прихотливо, обеспечивая опору, на ощупь были прохладными и чуть шершавыми.

Пахло сухим деревом. И все.

Лин погладил пруты, пытаясь рассмотреть, разгадать то, что таилось в самой сердцевине. Возможно, Второй бы справился с задачей лучше — но Лин не привык перекладывать ответственность.

Осторожно, кошкой, полез вперед, пробираясь в ажурные соты деревянной сети, платом кутающей ядро. Они становились все уже и уже, пока Лин не остановился. Приник, разглядывая средостение через рябь ячеек.

Там, внутри — было нечто, похожее на пульсирующий шар. Сгусток цвета, тревожный куб пламени, мигающий, вспыхивающий и от коротких этих вспышек к прутам бежали искры.

Шар словно увидел его и, полыхнув особенно ярко, выбросил целый сноп искр. Лин прикрылся актисом, отшатнулся, но опасности не было: искры вихрем складывали образы. Лин увидел обрывки, быстрое перечисление, словно пролист страниц — Аркское поле, лагерь-Пасть, отдельные части корабелл, Хом в Луте, невиданные существа, незнакомые конструкции, дальше назад, дальше глубже, сложнее...

Оно не с нами, но и не с ними, понял Лин, едва заставив себя оторваться от созерцания. Это существо пришло издалека, оказалось здесь случайно и, стягивая вокруг себя корабеллы, старалось лишь оборониться. Оно не понимало происходящее и выбраться не могло.

Нутренность его была мягка и беззащитна. Что пушка — скорпион мог бы разрушить, окажись он ближе, окажись он — вот здесь, под рукой кого-то более решительного. Гаера или Дмитрия, например... Ветви-пруты зашевелились, разошлись, пропуская Лина, и он шагнул ближе.

Пламя взметнулось, дернулось и приняло подобие его, Линовой, фигуры. Протянулось навстречу...

Недолго Михаил глазел на растрепанное гнездо в одиночку. Из лагеря подвалила кавалькада во главе с неизменно рыжим. Гаер спешил, хмуро поинтересовался.

— Лин где?

— В... там, — Михаил указал на клуб.

Арматор сплюнул.

— Вот что ты ему попускаешь, а? — Заговорил тоскливо и зло, в сердцах, видимо, выговаривая давно накипевшее. — Ты же умный мужик, Ледокол! В кулаке держать надо, вот так, вот так вот! Разбаловал, распустил пацана... Ладно. Сам хорош. Давно он там шароебится, хомяк белобрысый?

— Лин не хомяк, — вступился Михаил.

— Мне будешь рассказывать?! То я не знаю как он всякую дичь к себе в комнату волочит, шагу не ступить — дрянь под пяткой, то уголь, то ракушка, хомяк, хомяк и есть!

Оглянулся к свите, будто за поддержкой. Манкурты стояли, держали при себе оружие. Неужели решили бить?

Арматор словно угадал его мысли, почесал нос:

— Мы тут думали тварину цепами-баграми прихватить да расковырять, как ежа морского. Как думаешь? Пособишь?

Ответить и пособить Михаил не успел. «Еж морской» полыхнул изнутри, будто бумажный фонарь, и начал разламываться. Вместе с деревом посыпался весь сор, удерживаемый чуждой волей. Манкурты среагировали быстрее своего владельца — заслонили арматора щитами, прикрыли телами.

Плотников же застыл, наблюдая, как Лин скачет по сыплющимся ошметкам корабелл, как лиса по льдинам в ледоход... Первый каким-то образом угадывал, на что прыгнуть и за что уцепиться, чтобы не разбиться. Успел.

Михаил выдохнул, когда Лин оказался на земле, на своих ногах и только понял — забыл дышать, следя за спуском. А что его самого не пришибло одним только попустительством Лута, Михаил осознал, лишь увидев подле себя обломанную мачту тэшки, под углом засевшую в земле.

Гаер зато просиял. Хлопнул брата по плечу.

— Что, порушил тварину? Молодцом, заяц! Один управился, не?!

Первый ответил смутной, смущенной улыбкой и Плотников насторожился. Уже насобачился разбирать, когда Лин что-то скрывал.

Так и вышло — стоило арматору отойти, как Лин подозвал Михаила коротким, тихим жестом. Едва приблизился — отогнул полу эгофа. Плотников моргнул. Сперва разобрал лишь, что рука Первого совершенно цела, ни крови, ни шрамов... и увидел — на ладони Лина переливался опал, будто цветок, взятый прямо с огня.

Полуприкрытый эгофом, опал мерцал неизъяснимо.

— Он был пилотом, Миша, — прошептал Лин взволнованно. — Он потерялся. Я его сберег. Не выдавай меня. В Луте выпущу, здесь нельзя ему. Он живой...

— И светится, — добавил Михаил и счастливо, по-детски, улыбнулся.

38.

Отличку в поведении Второго заметили многие. Арматор тоже слепотой не страдал. Выпь и прежде не значился командным игроком, но теперь вовсе людей избегал; держался как бы стороной, особицей.

Выбирал себе в компанию тварей, благо не было желающих обходиться с Коромыслом или Вилами. Ходил за ними Выпь. Гаеру не давала покоя мыслишка: захоти Выпь, обернул бы существ этих против Пасти. Против всего Отражения.

А тут и локуста подрастала — уже с конем-трехлеткой в холке сравнялась, а вся из себя тонкая, златоногая, прекрасная уродица. Таскалась за Вторым, как пес за Рином, к людям была незлоблива, звала играть.

Так вышло, что днем-полднем сошлись на стене арматор, Леший с его цыганом и Мастер ученика любимого привел. Смотрели сперва на поле, заросшее бурьяном чадов, и Эфор заговорил — как всегда, вдруг:

— Было известно, что кто-то приговорит Лут к гибели. Кто-то из них, из племен Вторых или Третьих. Кто — разглядеть не могли. Слишком тесно стояли. Слишком близко.

Гаер оторвался от дальнотора, проследил синий взгляд. Если сам Гаер, как замороженный, пырился на скольчатые, трубчатые кости Властителей Городов, то Эфор смотрел еще дальше. Знал рыжий эту штуку: Лин тоже порой такое проделывал. Пырился в пространство что кот в стену — не дозовешься.

Цыган фыркнул без всякой почтительности к изречениям:

— И кто, бля, такой умный там пророчествовал? Какой седой дед-всевед, пердун замшелый?

Мастер глянул искоса.

— Я, — ответил сдержанно.

Дятел поперхнулся, а Лин рядом нервно рассмеялся, виновато прикрыл рот ладонью, укусил костяшки.

— Таак, — Волоха гибко потянулся, завел руки за голову, — то есть вы разыграли Триумвират, чтобы предотвратить Отражение?

— Отчасти. Нам не удалось искоренить всех. Сиаль... умеет удивлять. Угадать кто именно за руку подведет Лут к границе... Узреть. Мог бы только Лин, пожалуй, но его на ту пору не существовало.

Первый смотрел вниз. На кромку реки, у которой стоял — гладил локуста — Выпь. Манучер. Второй. Всадник Полудня.

— А если, — цыган хмыкнул, большим пальцем чиркнул себя по темному кадыку, — а?

— Не поможет, — задумался Волоха, — теперь поздно. Да и оружия такого нет...

— Эх, могли же раньше хотя бы одного пристукнуть. Не в укор, гаджо, но надо было тогда шлепнуть лягушонка, а не изо льда выковыривать и титькой выпаивать.

— Этот лягушонок наш единственный выход на случай крушения, — отозвался русский. — Если Второму сорвет резьбу, кто, по-твоему, сможет его удержать? Точно не я. И не ты.

Помолчали. Лин, слушавший разговоры молча, с натянутой спиной, громко вздохнул, взволнованно переплел и с хрустом выгнул пальцы. Обернулся к названному брату:

— Когда все закончится, ты же отпустишь их, Гаер?

Арматор ощутил на себе взгляды: все скептические и один — умоляющий.

— Отпущу, — буркнул рыжий, дернув плечами, — на хрена они мне, оба-два? Пусть пиз... Катятся куда хотят.

Лин улыбнулся, благодарно коснулся его руки и отвернулся к полю.

Гаер поймал внимательный взгляд Волохи и медленно покачал головой. Оба-два отлично показали себя в бою. Арматор не собирался рисковать.

Лина беспокоила необходимость скрывать, таить от Мастера чудного Пилота. Нилу пришлось рассказать, Крокодил оказался приметлив не по делу.

Михаил хотел подойти к Лину, когда тот спустился со стены в компании брата и Ивановых, но не успел. Дрессировали Первых на славу — Мастер только рукой махнул, и Лин тут же подошел. Вмененное, встроенное, сложное подчинение.

Эфор заговорил, перейдя на родовой язык Первых — короткие вспышки света тянулись вслед за пальцами, сам воздух мерцал, покорно подставляя шкуру под их ласку...

Лин не спрашивал в ответ, только изредка кивал. Мастер развернулся и пошел прочь, а Лин, помедлив, бросил странный взгляд на Михаила и направился следом.

Смысл этого взгляда Михаил понял позже, когда Лин вернулся в палатку. Был он бледен и смирен.

Нил, возившийся с виолончелью, брезгливо покривил губы, словно знал что-то, о чем не догадывался Плотников.

— Что, прилетело? — сочувственно прогудел Михаил, думая, что Первый словил выволочку за самоуправный прыжок.

Или прознал, мангуст синеглазый?

— М, — ответил Лин.

Опустился на койку, держа голову чуть набок и полузакрыв глаза, как подбитая птица.

Иванов удивился. Обычно лила был куда разговорчивее.

— Мастер собирается строить Машины, — глухо, едва ли не по складам проговорил Лин, крепко держась пальцами за ребро койки. — Взывать к гемматорию. Следовательно. Я был нужен... для усиления.

— В качестве кого?

Михаил подошел ближе, посмотрел сверху. Спина похолодела, а голове стало горячо. Загривок мальчика был аккуратно заклеен, но Михаил сразу все понял. Выходит, не сказки, не досужие слова людей о том, что старшие Оловянных кровопьют младших. Питаются их юной силой.

— Чем помочь? — спросил негромко.

— Пройдет само. Спасибо.

— Сладкое ему принеси, — влез Нил, цепляя когтями колки. — Хотя бы патоки наррой или травы какой завари. Вот, у ребят с Хома Арабески точно орехи в меду есть, девочек-лекарниц угощали...

Михаил ответил пристальным взглядом, думая, что Крокодил вновь надсмехается. Но тот был серьезен.

— Хорошо, — вздохнул Плотников.

Покосился на Линову сумку. Там, он знал, сидел-хоронился Пилот. Один раз он исцелил руку Первого, не пособит ли вдругорядь? Но Лин, кажется, не собирался прибегать к его

помощи.

Михаил вздохнул еще раз и вышел.

Тамам Шуд его заманивал. Ставил манки, и Выпь, как зачарованный, перебегал от одного к другому, ничего вокруг себя не видя, уходя все дальше, все глубже...

А вместо него злым подменышем выступал, возвращался — задом-наперед — из темноты *Манучер*.

Юга машинально коснулся языком корочки на губе. Плохо заживало.

Хлопнул по руке Дятла, а тот только заржал, скаля крепкие крупные зубы.

— Делать тебе нехер, мясо? — спросил Юга. — В следующий раз грабли потянешь — лицо оторву.

— Чего бесишься? Я же так, чисто память освежить-помацать...

— Ты освежишь, я — освежую, — оскалился Юга.

— Дятел, отзынь, — сказал Волоха.

Отозвал своего цыгана, как пса от выгнувшегося дугой кота.

Юга сам отвернулся, не выдержав зеленых глаз. Волоха, кажется, понимал больше, чем показывал.

В поле Третий потащился вместе со всеми, потому что Второй, чучело, скотину свою повел выучивать. Локуста с ним едва не танцевала. Юга же горечь ни заесть, ни запить не мог, все комом в горле стояла. Устал — смерти хуже.

Может, сказался я одним днем и так тянется?

Вышли вроде как чтобы Машины поднять. Но где оные — глаза проглядели, ни одной вокруг.

Рыжий о том же заговорил. Поскреб коленку, упер руки в боки, огляделся:

— Ну? Где же ваши легендарные всесокрушающие Машины? Или враки?

— Или, — сказал Мастер. — Ибо — не сказки.

Эфор наклонился, коснулся чего-то под ногами, выпрямился, растирая между пальцами сухую землю, пропитанную кровью. Прodelывал он так уже несколько раз; чего доискивался, не объяснял.

Но вот — опустился на колени, возложив ладони в алых перчатках на землю. Прочие смотрели, но спрашивать не спрашивали, все равно не отзовется, только переглядывались.

Мастер закрыл глаза. Потянуло поземкой, ветром-сквозняком.

Земля дрогнула, зашевелилась, поползла, точно кто зацепил со стола скатерть, забросанную объедками. Со всего Аркского поля, слушаясь Мастера, поволоклись к нему тончайшие нити. Прямо из-под земли выходили, собой тонкие — алая черва.

Засновали, сплетаясь между собой. Сначала едва обозначили контуры, затем уплотнили, подчиняясь направляющим движением Мастера — тот корректировал прядение точными, быстрыми касаниями.

Юга украдкой коснулся ладонью рта, сдерживая дурноту: живо напомнило то мелькание Центрифугу. Застучало в ушах кровью-барабанами.

И вот, встали: Машины, сотворенные на глазах людей. Вид их был подобен виду птиц, с широкими крыльями и узкими телами. Цветом они были равны бурой закатной пыли, пленчатой ржавчине.

— *Железная кровь*, — хмыкнул Волоха, первый нарушивший молчание.

— Нужен кто-то, сподобный водить ими, — сказал Мастер, когда сотворение

завершилось. — Соберите, кто сам назовется, а я из числа доброволов выберу.

— Охереть, — пробормотал Дятел, постучал кулаком по корпусу Машины, хмыкнул, — а раньше чего, нельзя было замастырить?

— Раньше материала бы не хватило, — просто ответил Мастер.

Прежде, чем разошлись, Волоха придержал Юга. Он как раз в хвосте плелся, поотстал, а капитан со старпомом о чем-то промеж собой толковали.

— Слушай, — заговорил Волоха, не сводя с его лица внимательных, рысьих глаз, — если совсем невоготу станет, то мы всегда примем. Ребята, я — никто не оттолкнет. Всегда двери открыты.

— Спасибо, капитан, — хмыкнул Юга, на деле смутившись.

От кого не ждал добросердечия, так это от русого.

— И, еще. — Волоха надвинулся, склонился, почти касаясь головой головы. — Как все закончится, сразу идите ко мне. Оба. Я вас вывезу. Потому что, понимаешь, бывает такое, когда под огонь и свои попадают.

Вот как, подумал Юга. Вот что приговорили нам.

— Понимаю, — протянул, взглядывая в Волохины очи.

Странные они были. Как для человека, так слишком зеленые.

— Спасибо... Волоха.

Пронеслось, выдохом — *сколопендры*. Железные черви. Если под лагеря готовили людей на Хоме Колокола, если лучшими оружейниками славился Хом Мастеров, а умелыми пехотинцами — Хом Пеплоса, то на Хоме Частокола *ковали* сколопендр.

Дело это считалось не чистым, не хорошим.

Со всего Лута, со всех Хомов собирали, скупали кузнецы отслужившее, много трудившееся оружие, сильное, еще живое мясо и сырые кости. Вываривали, выделывали, сплавляли в совокупность, монолитность, расчлененную для большей подвижности на сегменты.

Сколопендра не знала усталости, голода или страха, шагала напролом, облитая сталью, щетинилась железом... Не было ей места в Статуте, потому что не было оно ни живым, ни мертвым, ни человеком, ни оружием.

И вот таковое выпустили. А к ним присовокупили Властителей Городов, самоходные башни.

Корабеллы кружили наверху, но стрелять не стреляли. Слишком тесно, опаска была своих зацепить.

РамРай, укрепясь сердцем, ждал, как велено. Смотрел, как сверкая на солнце живым жирным блеском, катится на них сколопендра. Пушечный огонь ее не палил, заслонов она не видела. Казалось — неудержимая.

Мастер подле стоял бестрепетно.

Спокойствие Первого внушало. На Лина он был совершенно не похож. РамРай знал хищных больших рыб с остроугольными плавниками. Бесшумные, быстрые, смертоносные. Вот таков был этот Мастер.

Не видел РамРай прежде, как сражается Эфор.

Вот вышел, вот ускорил шаг, и когда легли в его ладони актисы, РамРай не заметил.

Зато заметил, как начала рушиться, распадаться первая сколопендра.

Сколопендры стояли вне Статуа; вне Статуа были и актисы.

Мастер перешел с шага на бег, уже зная, чем все закончится.

Тварево казалось неуязвимым, сочленением литой стали. Спина той, что катилась на них, была покрыта густой щетиной леса копий. Длинные стебли древков, плоские листы наконечников. В механике ее движения и реакций Мастер явно различал математический, выверенный ритм.

Толкнулся, прыгнул.

Поймал в захват древко, переместился на другое, легко вклинившись в размеренный ход многоногой твари. Скользнул ниже, к самой гладкой спине, используя древки как направляющие.

Сколопендра его не чуяла, продолжала двигаться, шагала прочно обутыми, крепко подкованными человеческими ногами.

С двух рук загнал лезвия в едва видную щель, разделяющую сегменты. Вспорол, разрывая внутренние сочленения, разрушая устройство. Двинулся дальше.

Железо сколопендры шло рекой и, как во всякой реке, было у него и сердце, и стремнина.

Стремнину и рассекал Мастер, разваливал, выворачивал. До сердца покуда не добрался.

Лес пик стал отличным подспорьем. Эфор развернулся, поймав локтем древко, перенес себя на длину вперед.

В середине сколопендры был ровно бочаг — глазок. Центр натяжения, контроля. Мастер вспорол защитную роговицу, отшвырнул и шагнул прямо и вниз.

Встал — тесно, прижавшись спиной и бедрами, животом к обнаженному, движимому железу. Рассчитал — сжать, смять его, мешало расстояние между плечами встроенных воинов, общая монолитность.

Иди он снизу, его бы затерли, как прочих. Он же был среди самого механизма. Двигался вместе, но, двигаясь, разрушал.

Рассеявшийся поток встречали люди Отражения. Хрипло рычали, кричали, пахли кровью. Месили фарш.

До РамРая сколопендра не дошла. Ее, распадающуюся на куски, встречали воины, рубили, сминали... Старались не смотреть — и сам РамРай отворачивался, потому что глаза его не удерживали вид бывшечеловеческих тел, спаянных между собой, слитых с железом, с жилами, с костями и механическими устройствами.

Мастер вернулся на исходную.

Он был столь же спокоен. Кажется, даже кровь его не взяла.

— Я прежде такого не видел, — ошеломленно признался РамРай. — Как это возможно?

— Дисциплина, тренировки, — скучно ответил Мастер. — Теперь делай свое дело, человек. Я же сделаю свое.

Надвигались другие сколопендры, переливались сталью. А над полем взмыли легкие, в багряном отцвете — Машины.

Желающие вести выстроились в линию и Эфор прошелся вдоль, быстро оценивая претендентов.

Одним из тех, кто вызвался вести Машины, оказалась Таир. Несчастливая, потерявшая брата, она коротко обрезала волосы, прибилась к Косте и ходила за ранеными. Там нашла

утешение и признание.

Второй водительницей сказала Солтон.

К негодованию Гаера, выбор пал и на Эдельвейса.

— Ты-то что полез, свин мой верный, в этот калашниковый ряд?!

— Калашный, — кашлянув, поправил манкурт.

Гаер вознегодовал еще пуще:

— Вот знай, умник, как убьют, так сразу уволю, и без права восстановления! Без парашюта из Башни выкину, как хочешь, так греби!

— Как скажете, арматор.

Мастер стоически перетерпел человеческие разборки и коротко проинструктировал бойцов.

— Не бойтесь, — первое, что сказал, мазнув взглядом по лицам. — Машины из крови человеческой созданы и к человеку же настроены. Вы над ними. Управление интуитивно понятное, сопряжению не противьтесь, это нужно для синхронизации.

— Люди Нума выведут сколопендры вместе с Властителями, — поддержал Гаер, отвязавшись от Эдельвейса, — ваше дело — эти хреновины завалить, и желательно так, чтобы наобнулись на своих же, не?!

— А железные твари? С ними что?

— Я срежу сколопендр, — сказал Мастер спокойно.

Люди переглянулись.

— В одиночку? — усомнилась Солтон. — Едва ли это возможно.

Эфор посмотрел на деву.

— Я срежу сколопендр. Это всего лишь ваша больная игрушка — и не самая удачная.

Как мало она знала, как мало помнила.

Память ее была точно шерсть на паршивой овце: где выстрижена клочками, где паршой поедена. Оставшееся — смято, неприглядно, ненастно.

Где ты, брат мой. Видишь ли ты меня теперь?

Не будь она рождена Хомом, где самоубийство считалось тяжким проступком, давно бы наложила на себя руки. А так жила. Тянула себя за кожу, за остриженные волосы, изо дня — в ночь, из ночи — в день.

В помощи другим нашла утешение. Там ее не сторонились, не боялись. Не шептались за спиной.

Мясо его ел и мне давал.

Внутри Машина оказалась тесной, на одного возницу. Со стен, с потолка бахромой отходили-свисали липкие нити, тянулись к ней, как живые — Таир отшатнулась, оттолкнула. Окон не было. Таир смутилась. Как понять? Первый говорил, что сами в управлении разберутся... Таир протянула руку, погладила Машину. Теплая. Может, и братова кровь в ней была? Тогда чего ей бояться?

Совсем успокоилась.

Встала посерединке, позволила окутать себя мягкими тяжами. Закрыла глаза со вздохом, а когда открыла — видела все. И поле Аркское, и — на много вперед, и — на долго по бокам. Люди так видеть не могли, а она тем паче. Братов глаз ей добрые лекарницы вынули, и была там теперь, под веком зашитым, одна пустота.

Сердце сжалось от страха, а затем взмыло птахой к самому горлу — от радости.

Машина взлетела. Таир взвизгнула, расхохоталась глухо, чувствуя под руками — потоки воздуха, чувствуя — ветер в лицо. Сладко замерло внутри, стала она Машиной, а Машина — ей.

Проклятые уродины, Властители Городов, торчали как сломанные пальцы торфяного утопца. Двигались, губили людей, а между ними вились, катились сколопендры.

Таир обошла одну черную трубу, вторую. Опрокинулась на бок, когда кто-то глупый, неумелый, попробовал сбить ее. Засмеялась вновь, но уже не радостно, а хищно, клетотно, в предвкушении. Видела, как суетились люди в окошках, как что-то тянули, готовились.

Развернулась и ударила всем телом, смахивая верхушку срезая сбрасывая размазывая людей. Посыпались как муравьи они с братом в детстве наши муравейник сломали ах нехорошо хорошо хорошо...

Зашла на второй круг, жалея об одном — труб этих оказалось так мало, мало, мало, что едва ли ей досталось бы больше двух.

По крылу махнуло горячим, потянуло, засадило, закрутило, но она выровнялась. Рассердилась и, пригнувшись, ударила трубу в середку, в живот. Пролетела насквозь, а труба посыпалась...

Таир сделала еще несколько кругов, выискивая противника, но больше никого не осталось. Надо возвращаться. Но как не хотелось! Она бы летела, летела бы дальше, выше...

Таир, не дури. Домой. Домой.

Голос в голове был голосом брата и послушаться она не смогла.

Со вздохом повернула. Устала с непривычки — тело приятно ныло. Опустилась на ровное место, закрыла глаза...

Таир открыла глаз, увидела — небо. Затылку было холодно, она лежала на спине, вытянувшись, как мертвая. С трудом села. Тело казалось тесным, узким, костяным. Рядом возились, приходили в себя, другие возницы. Кто еще лежал, кто сидел, обхватив колени. Эфор похаживал, посматривал. Рядом в траве стоял открытый чемоданчик, а в нем поблескивали иглы...

— Оно... всегда так? — спросила Таир хрипло.

Не думала, что Первый ответит, но он снизошел. Как раз заряжал шприц.

— С людьми — да. Вы слишком эмоциональны. Слишком отдаетесь крови. Порой после некоторых из Машины не выдержать — прочно сливаются.

Таир вздрогнула и оглянулась. Ее, ее Машина стояла чуть поодаль, блестела задранном носом и опущенными, усталыми крыльями. Таир зажмурилась, вспоминая слияние и полет. Почувствовала внутри себя сильную, теплую, животную судорогу — от низа живота.

— Отпустит, — сказал Эфор.

Но захочу ли отпустить я, подумала Таир, но вслух, конечно, ничего не сказала.

Легла обратно, на траву, так, чтобы видеть Машину. Улыбнулась счастливо.

Впервые за много дней и ночей она была не одна. С братом.

— Мастер, как его сразить?

— Я не знаю, — спокойно ответил Эфор.

Лин уставился на своего наставника, едва сдержал восклицание. Что бы Мастер чего-то не знал? Разве могло такое быть?

Они стояли, смотрели. Дымом и пламенем объятое существо билось в плотном кольце воинов Отражения, и не было с ним сладу. Явило себя за одну ночь, будто из-под самой

земли вылуцилось.

Люди дали твари прозвание — Дым-Волк. Дымоволк. Потому что все оно было — пасть, когти и дым с огнем. Лин прежде таких не видел.

— Мы сражали Оскуро и за тем были поставлены Лутом. Но это существо — оно пошло от павших Оскуро, оно — следствие, и я не знаю, чем его сразить. И стоит ли.

— Мастер, но оно продолжает убивать! Его надо остановить! Я могу...

Эфор поднял руку. Лин замолчал.

— Несколько твоих собратьев уже погибли в попытке. Я не стану отправлять в бой следующих. И ты, Лин, ты тоже не пойдешь. Потому что оно тебя убьет. Эту тварь должны сразить люди. Иначе какой смысл...

Лин шумно вздохнул. Там, на поле, наступило затишье. Существо обернулось дымом и сорванной кожей, точно коконом, застыло — не на небе, и не на земле, будто отторгало его и то и другое, словно держала его незримая сила.

Люди, воспряв, пытались этот кокон порушить, но не преуспели.

Залечит раны и выйдет сильнее прежнего, подумал Лин. Посмотрел на изможденные, отчаянные лица солдат. Сжал кулаки.

Я могу, подумал упрямо.

— Михаил.

Плотников обернулся на тихий зов. С Ланиусом они не вполне сошлись как собеседники, зато нашли в друг друге партнеров по игре в тафл. Михаил, человек не азартный и рассудочный, открыл для себя в этом состязании спокойствие и возможность хорошо, без спешки все обдумать наперед.

Иллюзия возможности контроля.

Лин игру не жаловал, быстро начинал скучать.

— Ланиус? Что-то случилось?

Оловянный нагнал его, встал рядом, помолчал и заговорил медленно, будто через себя переступая.

— Мне придется вам кое-что рассказать. Я... не уверен, что поступаю правильно, — Ланиус вздохнул, привычно поворачиваясь к собеседнику здоровой половиной лица. — Вы видели то ново-народившееся существо, которое прозвали Дым-Волком.

Михаил кивнул. Сложно было не заметить. Гаер чихвостил тварь на все лады, огненные снаряды Дымоволку были что подкорм, а железо не бороло.

На Второго уповали, но сыскать не могли — как пропал.

— Волк — те Оскуро, что мы убили. Оскуро, прежде гибели отведавшие человеческой плоти. Мы не знали, что они могут эволюционировать вот так, через смерть... Мы сами его создали. Но наши актисы бессильны против Волка, и Мастер запрещает нам сражаться. Он говорит — это ваше чудовище. Это вы должны его сразить. Вы, люди.

Ланиус глубоко вздохнул перед тем как продолжать.

— Я успел узнать Лина достаточно и понимаю, что запрет его не остановит. Он зовет меня с собой, и я сделал вид, что согласился, но, Михаил, это гибель. А я... я трус. Я не хочу умирать. Это ужасно стыдно.

Первый опустил голову, а Михаил положил руку ему на плечо.

— Нет. Ничего нет постыдного в том, чтобы бояться смерти и хотеть жить.

— Я не боюсь! — Ланиус вскинул голову, став ужасно похожим на Лина.

У Михаила заболело сердце.

Что за конструкции были выстроены в белых головах этих детей? Что за обреченность, установка на смерть в бою? Ценой жизни своей защитить людей, которых — по правде сказать — совсем не знали?

— Прошу вас, Михаил. Вы имеете на Лина влияние, он всегда так о вас рассказывает... Попробуйте отговорить его от этой затеи, а я попытаюсь придумать что-нибудь... Я...

Михаил остановил лила успокаивающим жестом.

— Хорошо, Ланиус. Я сделаю.

— Спасибо вам. Вы добрый... Вы хороший человек.

Хороший человек. Михаил прикрыл глаза, сжал пальцами переносицу, усмехнулся невесело. Да, куда уж лучше. *Добрый.* Вот так и Лин говорил. В глазах жителей Лута доброта была едва ли не недостатком, роковой слабостью, но именно она притягивала к себе...

Но теперь Михаил должен был забыть ее. Ради Лина. Ради остальных детей.

Вспышкой вернула память видение, подсмотренное на пирамиде, в душных-тошных джунглях: вот прыгает, вот руки-крылья, вот — копье, пробивающее, прибывающее к земле, засоленной кровью...

Нет, нет, не бывает.

Если Мастер говорил, что Волка сразит человеческий воин...

Почему бы Михаилу не стать этим человеком?

— Мигелито!

— Нет.

— Да стой ты, ты... осо тонто!

Михаил раздраженно вздохнул, остановился. Нил, нагнавший его резвым галопом, вид имел самый таинственный и вместе с тем — взволнованный.

— Ценю твое устремление, но, благородный рыцарь, оружием обычным ты не сразишь чудовище.

— А уж ты, видать, специалист?

Михаил не пытался скрыть истинные чувства. В бою Нила он не видел — тот не считал для себя зазорным отсиживаться в тылу, развлекая раненых, сестричек и кухарей.

Нил туманно улыбнулся, будто прочитав его мысли. Посмотрел туда, где на фоне заката в листьях дыма и кожи спало чудовище.

— Не для тебя я это хранил, Мигель, — сказал непонятное, — но владеть, видимо, тебе.

Стянул со спины виолончель, ухватил за гриф и ударил оземь. Раз, другой... Инструмент зазвенел, застонал протяжно и жалобно. Михаил ахнул невольно, подался к музыканту, желая остановить, удержать:

— Спятил?!

Нил только отпихнул его. Бормоча на риохе, влез двумя руками в развороченное лакированное нутро.

Выпрямился, держа нечто.

Нечто это походило на силок, сжатый в ладони. Нити его едва светились, точно посмеивались.

— Что это? — спросил Михаил ошеломленно.

— *Всеоружие*, — тихо отозвался Нил. — Слушай внимательно. Вещь эта — много старше Хомов. Наследие, остаток ушедших. Для простоты зовут ее Всеоружием, и она

впрямь способно принять любую форму, какая будет потребна. Однако носителем может стать не каждый. Сама выбирает. Сила ее как раз вровень с Дым-Волком будет.

Михаил слушал недоверчиво. Большой веры Нилу не было, но разве не видел он сам, как тот носился со своим инструментом, как берег, и как теперь безжалостно уничтожил... для чего, чтобы соорудить насмешку? Глупо.

— Хорошо. Допустим. Но как эта... авоська... способна быть оружием?

— Сам ты авоська, — ласково усмехнулся Нил и бросил комок в Михаила.

Тот вскинул руку, но перехватить не успел.

Сетка ударила его в плечо, живым существом юркнула на спину и Михаила пронзила ослепительная дуга. Выгнуло, скрутило, ослепило, пресекло дыхание, бросило на колени...

Очнулся, весь дрожа, в поту, как загнанная лошадь. Крокодил, склонившись к нему, продолжал говорить:

— ...второе же ее прозвание, *Всадница Боли*. Ну, как сам понимаешь, пока усаживается, пока к стремяни примеряется, шпорами под бока трогает... Смотри-ка, удержал.

Михаил сплюнул медью.

— А что... были те, кто не удерживал?

Нил с непривычным ему тактом отмолчался. Ухватил за руку, помог подняться.

Михаил осмотрел себя, но никаких внешних изменений не заметил. Крокодил же усмехнулся.

— Не сомневайся, Мигелито. Уж если села, взнузда-защпорила, то из-под себя не выпустит.

— Как она работает?

— Недоверчивый ты, Иванов, — сказал Нил и, не снимая улыбки, вскинул к глазам его раскрытую наваху.

Плотников увидел лишь короткую вспышку. Лезвие чиркнуло будто по невидимому забралу, упавшему на лицо. А когда Крокодил ткнул в бок, нож встретил гарду короткого меча.

Михаил молча смотрел, как пальцы его сжимают рукоять и как — мгновения не прошло — оружие пропало. Истаяло, ушло под кожу.

— Вещь, говорю же, — беспечно улыбнувшись, подмигнул Нил.

— Дарий, мне нужна твоя Птица.

Князь расширил изящно подведенные глаза. Даже в пекле Отражения он умудрялся сохранять блеск волос и красу ногтей.

За Плотниковым в шатер сунулась стража, но Князь отпустил их взмахом руки. Когда Михаил ворвался, откинув расшитый полог — стоял над чертежами, растянутыми на походном столе. Теперь же отвлекся. Склонил голову к плечу, рассматривая Плотникова.

— Птица? Белый мальчик так тебя утомил?

— Нет, — ответил Михаил.

Он не ждал, что язвительный Властитель Хома Оливы отдаст свою Птицу без вопросов, но состязаться в остроумии был не настроен.

Ему по уши хватило Всеоружия.

А еще он знал, что промедление может сыграть злую шутку: Лин вполне мог не дожидаться Ланиуса и отправиться сражаться в одиночку. Порой поступки Лина с головой выдавали его истинный возраст.

Дарий вздохнул, почувствовав его настроение. Отложил чертежный инструмент.

— Пойдем, о грубый варвар, не имеющий понятия об искусстве светской беседы...

Птицы Дария нашли себе пристанище в оклычии, рядом с корабеллами. Дарий выпускал их пастись — на погибель враждебному Нуму. Теперь, в сумерках, Птицы уже спали. Михаил не мог их разглядеть — видел только синие тени, как осиные гнезда.

Дарий посвистел. Совсем негромко, даже ласково, но из темноты — миг — шумно и жарко упало окованное металлическим пером создание.

Уставилось на Михаила пронзительными, горячими глазами.

— Возьми эту, — Князь провел ладонью по кольчужной шее Птицы, вновь вздохнул. — Я имею право знать, что ты замыслил, но... Но им не воспользуюсь. Ты останешься мне должен, и я требую долг, будь уверен.

Михаил молча кивнул, принимая условие.

Птица несла его уверенно и быстро. Михаил чувствовал себя обнаженным без доспеха и шлема, без верной сабли и испытанного револьвера. Логово близилось — сон Волка берегли странные твари, кружащиеся над свитком кокона. Птица щелкнула одну такую на лету, раздавила, размяла клювом.

Начала снижаться, и Михаилу откинуло волосы исходящим жаром. Точно садились они на живое кострище.

Вот, опустились совсем, и Плотников спрыгнул на хрустящую, выжаренную землю. Взметнулась зола, а птица, хлопнув крыльями, ушла вверх. Михаил решил — хорошо. Губить создание Князя он не хотел.

Тварь еще спала, замотавшись в простынь из спекшейся, коркой схватившейся плоти. Дышать стало трудно, а потом спину кольнуло, и — полегчало. Всеоружие проявило себя, теперь Михаил видел его мерцание на себе — переплетение сетки, охватывающей его от мысков до кончиков пальцев.

Он шел к чудовищу. Убил бы спящим, не задумываясь.

Но Волк пробудился. Кокон пошел яркими, сочащимися дымом трещинами, лопнул. Полетели в стороны ошметки кожи, и Михаил прикрылся локтем: рука скользнула в скобу щита, пальцы обхватили рукоять.

Существо распрямлялось медленно, являя себя. Вот — острый, длинный, маслянисто-черный хребет, вот — длинные лапы, и хвост, расщепленный плетью, и шипы, и, самое — крылья. Еще слабые, еще зачаточные, но обещающие быть крылами...

Из головы существа спутанной короной тянулись рога. Истинного имени ему Михаил не знал.

Всеоружие загорелось ярче.

Дым-Волк увидел его. Атаковал первым.

Михаил принял удар, обрушившийся на щит точно таран, упал на колени.

Существо выдохнуло, и все стало огнем. Михаил слышал, как от жара трещит воздух, но Всеоружие держало его, берегло и от исторгнутого глоткой пламени.

Михаил с усилием поднялся, медленно пошел вперед. Не будь на нем Всадницы Боли, не продержался бы и двух шагов. Не осталось воздуха, не осталось под ним земли — все обернулось пламенем.

Скользнуло, утяжелило руку мечом — Михаил ударил снизу вверх, по дуге, и Всеоружие отворило рану, и из шипастого плеча плеснула, пузырясь, черная кровь.

Волк затрубил. Уронил голову, пытаясь ухватить зубами обидчика. Михаил вшагнул,

вбился прямо в истекающую дымом пасть, вонзил лезвие в черное небо — глубоко, по рукоять.

У Оскуро не было сердца, это верно. *Опасны всегда, опасны со всех сторон*, говорил Лин. И это, воплощенное, от предтеч унаследовало ту же быстроту, но плоть пожранной добычи сделала его уязвимым.

Смертоносным и — смертным.

В нем текла кровь, и билась, сокращаясь, сердечная мышца.

Страшные зубы сжали бока Михаила, подняли к самому небу, желая раздавить, сглотнуть, и Всеоружие ошетинилось иглами, ответило, пронзая язык и морду. Существо дернулось, зарычало, выплюнуло человека, надвинулось, желая придавить лапой.

Михаил отмахнулся мечом, и тяжелые когти отлетели в сторону. Волк отпрянул, обрушил на человека огненную плеть хвостов, и Михаил принял ее на диковинный щит, косо усаженный лезвиями. Как по терке скользнули те плети, стесываясь, распадаясь лохмотьями.

Плотников попятился, но лишь для того, чтобы удобнее перехватить копьё.

— Ты больше никого не убьешь, тварь. Ни одного ребенка.

Всеоружие истекало. Мощь его была не бесконечна. Оно и так позволило Михаилу подойти ближе и продержаться дольше, чем смогли бы Машины, чем смогли бы — корабеллы. Михаил начинал чувствовать съедающий жар, но видел лишь — морду зверя, ветвистую его корону.

Волк прынул, Михаил шагнул ему навстречу и — бросил копьё, и — закрыл глаза, когда Дымоволк начал валиться на него...

Готов был — но не к тому, что Всеоружие уберезет его, обернув куполом-щитом.

...И лишь когда минуло, осыпалось с плеч, с груди, со спины еле видимым пеплом — открыл глаза.

— Миша! Мишенька! — Лин вцепился в него, вытащил рывком из горячей кучи останков.

Михаил встряхнулся, прогоняя странное оцепенение. Будто вечность минула — а на деле, верно, и конь бы у реки не успел напиться.

— Ты убил его! Миша, ты же мог погибнуть, зачем...

Лин говорил и говорил, захлебываясь нервным многоречием, а вокруг уже стягивались люди Отражения. Оловянные стояли в первых рядах.

Михаил встретился глазами с Ланиусом.

— Ты убил его, — в голосе вожака Отбраковок было самое настоящее изумление. — В прямом бою. Один на один. Невероятно.

Михаил все не мог отдышаться, надышаться чистым, сладким воздухом. Короткая схватка будто все силы из него выпила. Он кивнул, вновь нашел глазами Лина, и сердцу сразу стало легче. Они все были здесь — оставшиеся Первые, их Мастер и его Лин.

Первые смотрели недоверчиво, Мастер — оценивающе и задумчиво. Лин же задышался от тревоги и сиял от гордости.

— Ты самый лучший, — сказал шепотом. Покраснел отчаянно и прибавил. — Ты... крутой.

— Хо! Для этого обязательно нужно было убить чудовище?

Усмехнулся, растирая поясницу. Эфор с рыжим Гаером осматривали останки. Видели ли он Всеоружие, подумал Михаил, или за дымом и огнем ничего нельзя было разобрать?

Нила он не приметил. Иначе — непременно бы поблагодарил.

— Зачем ты так рисковал, Миша? — тихо говорил Лин, осторожно, легкими мазками, втирая мазь.

Кожу пекло, и кое-где пошли волдыри, словно он загорал на пожаре. От посещения лазарета Михаил отказался наотрез — были люди, куда более нуждающиеся во внимании лекарей. Лин сам принес все необходимое и теперь аккуратно обрабатывал Михаилу спину и плечи крепко пахнущей жижей. Первый был в полном смятении.

— Ты такой храбрый. Вы, люди, невероятные... Ведь это я должен защищать тебя. Я создан для этого. А не ты...

— Лин, — не выдержал Михаил. — Замолчи.

Обернулся, взял парня за локоть. Сурово сдвинул брови. Лин молчал, хлопал глазами. Миска с буровой жижей-мазью в его руке подрагивала.

— Слушай внимательно, повторять не буду. — Заговорил Михаил. — Я Михаил Плотников. И я буду защищать тебя, Лин из рода Первых, пока живу и дышу. Потому что я так решил. Потому что я так хочу. Потому что ты этого стоишь. Все. Тему закрыли.

Отпустил мальчика, отвернулся. За спиной была — восхитительная, звенящая тишина.

39.

Хом Ороми близился, как и было речено.

Только вот шел он не на слияние. Щупальца его обволакивали ловом, удерживали плененную добычу.

Волоха не мог разглядеть, что лежало в тенетах, но Гаер, прижав к лицу дальнозор, что-то шептал белыми губами.

— Что ни говно, так к нашему берегу, — разобрал Волоха.

Похоже, видение на радовало.

Хом Ороми разжал стрекала, будто думая освободить пленницу. Та же с места не двинулась. Осталась стоять, прикрытая паутом охотничьих щупов.

Таких тварей не видывал даже русский. Размеры ее превосходили размер составного квадрата, но что много хуже — из существа, как из подрезанного кошеля, листопадным золотом нисходили на Аркское поле локуста.

Великое, неистощимое множество.

Гаер зарычал, как от боли, выругался. С таким трудом они добились преимущества, перевеса, и теперь все полетело к Луту. Точнее сказать — к Нуму.

Существо, освободившись от ноши, медленно колыхнулось, повернулось, натягивая щупы Хома. Будто искало что-то. Добро, подумал русский, так кто кому тут поводырь? Ощутил *взгляд*. Огнезрачный. Выпрямился, свел лопатки.

Для этого ты, Лут, меня сберегал? Для этого вот?

— Справляйся на земле, рыжий, — отрывисто бросил Гаеру. — Я разберусь с тварью.

— Как, мать твою?!

— Я сделаю. Не дам ей расти.

Оставить существо, позволить ему расти и спуститься вниз было равносильно смертному приговору воинам. Оно, могущее увлечь своей силой целый Хом, едва ли помилосерствовало бы над случайными людьми.

Русый, не слушая возражений, единым духом пробежал Соль, перемахнул на веллер. С него скакнул на другой, у борта которого балериной у станка застыла Медяна.

Дыхание существа тревожило медные, с золотыми всполохами, кудри. Руслан стоял рядом, посматривал тревожно.

— Медяна!

Девушка повернулась и Волоха узнал Агон.

— Мне нужен Пылающий, — нетерпеливо выдохнул русский. — То, что ты взяла у него. Янтарь полудня. Когда я окликну тебя — выпустишь.

Агон взглянула на тварь, на Волоху.

— Хорошо, — сказала со спокойной улыбкой. — Я помогу. Интересно мне, как ты справишься, капитан.

Свежие силы локуста шли лавиной. Гаер был больше, чем в гневе, глубже, чем в ярости — истинные чувства его походили на отчаяние.

Выпь не откликнулся словам. Он стоял, сложив на груди руки, спокойно смотрел на исход воинов Отражения из лагеря.

— Я не буду сражаться, — повторил арматору.

— Да?! — Гаер ощерился так, что лопнула, закровила кожа на губах. — Напомнить, что я размажу твоего приятеля?!

— Лжа. Рокарий вымыл все человеческие устройства. Твоя угроза пуста. Бессильна. Как и ты.

Он смотрел прямо в глаза рыжему.

Не поможет, понял Гаер. Не Выпь перед ним стоял — Манучер.

Как с ним говорить? Чем грозить?

Арматор выругался шумно, вскочил в седло и позволил коню сорваться в галоп, и — вверх по сходням, на спину Соль.

Волоха отослал прочь команду, но от верного цыгана так просто не избавиться было.

— Что у тебя на уме, гаджо? — спросил, щурясь настороженно.

Чуял, как зверина — неладное затевалось.

— Возьму Еремию и пойду на таран, — коротко пояснил Волоха, избегая прямого взгляда.

Дмитрий неплохо его знал, мог и разгадать по жестам, по глазам.

— А! Дело! Всем квадратом навалимся, пробьем брюхо пузыря?! Да?

Волоха повернулся к старпому, положил руки на плечи. Поглядел внимательно, почти ласково. Обнял вдруг, заставив цыгана от неожиданности остолбенеть подле борта.

— Нет, — шепнул на ухо.

И толкнул.

Дятел не успел ничего сделать. Испугаться, впрочем, тоже — только кувыркнулся через голову, а приземлился уже на палубу Косатки. Не расшибся — выучка тела спасла, собрался в падении, что котяра. Волоха, хитрый засранец, просто скинул его. Спихнул, как балласт.

Еремия полыхнула арфой — хинной зеленкой — и свечой пошла вверх, все быстрее удаляясь от недвижимого квадрата.

Цыган взревел яростно, рванулся, думая — успеть до веллера, нагнать — но на нем повисли Руслан, Мусин, Инок...

— Приказ капитана! Охоломи, брат! — пропыхтел Буланко, за что получил в зубы и сел на палубу.

— Ой-вей, друг мой, товарищ и брат, порой ты бываешь чересчур звероват...

— Какой приказ, ..., ...?! Он же сдохнет!

— Слушай, Димитрий! Он знает, что делает, истинно тебе говорю!

У Иночевского подрагивали руки, и Дмитрий только разглядел — колец при нем не было.

— Кому, если не ему совладать? — Повторил Инок.

— А мне, мать вашу, что делать?!

— Ждать. И верить. Иногда это все, что нам остается.

Локуста множились, множились — Отражение захлебывалось. Не было сил противиться. Кто воцарится после? Золото Нума да твари Второго?

Юга молчал, и Манучер все-таки поднял глаза. Третий был бледен, рот — искусан, скулы, лоб, щеки заволокло белым, только глаза горели дико и протяжно, как зажатый ладонью крик.

— Помнишь Сиаль? — Заговорил Юга. — Когда-то ты отбил девочку у сладня, а теперь, выходит, сам бы скормил твари ребенка?

Второй не отвечал.

Юга глухо застонал. Уперся ладонями в стол, роняя безделки, сумку...

— Ты меня не знаешь, — глухо произнес Манучер.

— Верно, — горько согласился Юга, — верные твои слова, ай, верные... Я не знаю тебя. Я знаю Выпь, пастуха овдо, которого я... которого я встретил однажды. А кто ты, кто ты, кто ты, существо с медным лицом, с каменным сердцем?

— Манучер, — ответил Второй.

Повернулся и вышел.

Хлопнул полог, скрывая опустевший лагерь, скрывая — кипящее золотом и багрянцем поле.

Юга обессиленно опустился, скрестил ноги. Подпер тяжелую голову. Случайно пал взгляд на выпавшую безделку — игрушку со станции Ивановых, которую он таскал с собой. Волчок или юлка, крутяшка забавная.

Рядом блестела пером синяя стрела. От нее Юга торопливо отворотил взгляд.

Взял игрушку Ивановых за хвост, поставил, раскрутил...

На поле теперь были все — и Ивановы, и люди Хома Дивия, и РамРай, и мальчишка Лин, и молчаливый Михаил. Вспомнил, как лила говорил, задыхаясь от юношеского, горячего восторга.

Дымоволк, он — через смерть восстал — представь?! А Миша его сразил, победил! В одиночном бою, ты подумай?! Миша — лучший!

Волк-волчок.

Следил глазами за верчением, за тем, как оставляет волчок крохотную воронку в гладком ворсе шкуры...

В голове будто щелкнуло — сошлись пазы.

— О, Лут, — проговорил Юга, выпрямившись. — Я знаю, что делать.

Кто же кого пленил, кто кого удерживал против воли — Хом тварь или оная — его? Неназванная, незванная. Мысленно русский примерил ей имя — Иноходь. Другими дорогами ходила, коли до поры их разводило в Луте.

А тут — встретило.

Сперва Волоха думал под себя веллер прихватить, но Еремия восстала, упрямица.

Как так, капитан? За что обижаешь?! Мы, одно сердце на двоих! Никогда тебя не подводила, никогда не оставляла, ровно как и ты меня. И теперь не предам!

Так и вышло, что вместе остались. И впрямь, думал Волоха. Кому, как не Еремии при нем быть. До самого конца. Дятла... Диму с собой тащить не захотел.

Предал горан.

Выдохнул прерывисто, встряхнулся, чувствуя, как дыбом встает шерсть на загривке, плотнее прижимаются уши к черепу.

Еремия поднялась достаточно, вывела их с существом на одну дуэльную линию.

Оное плотно сидело под Хомом. Великое, иноходное, тянуло силу из Хома. Не отпускало его щупальца, держало крепко, точно поводья. Закрепилось, прижавшись брюхом к основанию, башкой вниз. Тень его, густая и синяя, заливала половину поля. Оно же продолжало расти, перекачивая в себя Хом, отражая его и извращая, воплощая на свой

манер.

Против него Волоха был как кошка супротив медведя. Потому и не напало еще: смотрело, удивлялось.

Что ты мне, пророкотало глухо, из глубины.

Волоха не мог рассмотреть устройство Иноходи; под кожей студенисто, студёнисто переливалось, мерцало воспринимаемое содержимое Хома. Оно действовало, как хищное насекомое, растворяя нутро жертвы и выпивая его.

Вот почуяло их, вот потянулось, захватывая корабеллу, повлекло к себе плавно, вбирая точно амеба — пищу. Еремия, слушая капитана, не противилась поглощению, смиренно висела.

Волоха вздохнул, выдохнул, ласково погладил арфу.

Давай, детка. Держи меня.

Шагнул от арфы и раскинул руки, раскрылся, освобождая Лес.

Лес хлынул на палубу, плеснул в борта, взвился, обнимая флаг, стремительно перекинулся на тело существа, заполняя его, раздирая корнями сосен, травой, камнями и муравьями, песком и глиной... Существо задергалось, пытаясь вытолкнуть из себя корабеллу, но тут Хом, словно очнувшись, судорожным усилием сжал щупальца — и не пустил.

Волоха открыл глаза.

Улыбнулся.

Корабелла стояла в сердце летнего, закатного, шумно, влажно дышащего леса. Пахло разогретой смолой и сырыми грибами, перекрикивались птицы, взлетела на сосну белка, надоедно жужжало комарье... Где-то прошел крупный зверь, едва слышно качнув ветви. Под ногами сплетались корни, усыпанные опадом и сухими иглами, прелью и мхом.

Дом свой, оказывается, в себе носил — а как истосковался. Как долго искал. А Лут знал, знал всегда...

— Давай! — крикнул Волоха, и голос его подхватило лесное, прозрачное, долгоногое эхо. — Медяна!

Сначала не было ничего, и у русого на миг смешалось, помутилось в голове — будто не было ничего, будто очнулся он в лесу, и все ему привиделось... Так явно представилось, что сжалось сердце. Бросил взгляд на руки, на кольца Лафона, сидящие на пальцах, как самоцветные жуки.

Загорелись те кольца, отрезвляя глаза и разум.

А потом будто малая искра алмазом царапнула закатное небо, пала в лесные недра и от искры той взмыли янтарные волны.

Вспыхнуло.

Волоха вжался в ствол сосны, чувствуя, как дрожит земля, стелет гривой янтарное пламя, и они с Лесом, с Еремией, с существом — падают, падают, падают, валятся, сцепленные крепче муравьиных челюстей... Ударило по глазам.

Нырнул — из тьмы во тьму. Словно ушел под воду раскаленным затменным полднем.

Тамам Шуд — вот — встал, расправил руки. Торжествуя, празднуя победу. И Манучер отразил его, тем же жестом — а Лина будто в живот ударило, аж дыхание пресеклось. Точно такое он видел на фреске, которую в разрушенном храме Лута показывал ему Нил. Точно такое же.

И не он один смотрел на Манучера. Юга застыл подле. Он не был похож на самого себя; черты его лица выражали крайнюю степень отчаяния. И решимости.

Взглянули друг на друга.

Третий взял его за руку, притянул к себе.

— Ступай, береги людей, не давай им смотреть, — проговорил быстро, будто зная, как Лину нужно, чтобы кто-то подсказал, показал, направил. — Все будет хорошо, Лин.

— Постой! А ты?! Что ты?!

— А я буду танцевать, — усмехнулся Юга, погладил по щеке.

Подмигнул и отпустил.

Знал, как поступить.

Скорее, он бы вонзил синюю стрелу себе в глаз, чем воткнул в горло Второго — беззащитно открытое ночью. Пустое, пустое.

Смотрел — видел только один исход. Только один способ заставить Выпь содрать с лица, с живого мяса паразита, приросшую личину Манучера. Заставить его быть собой — снова.

Вернуть домой.

Не был уверен, что гривни его признают; все же, один явился, без их настоящего хозяина. Да и травы той мало стало: повитоптали, поели. У реки вот осталась нетронутая гряда. Третий разглядел пышные, белые соцветия, улыбнулся невольно: Таволга бы его затею не одобрил, но и не бросил одного. Юга воззвал, протянул руку и выдохнул, когда в ладонь ткнулся мягкий храп...

— Спасибо, — молвил тихо, прыжком оказался на спине.

Гривень качнулся, принимая седока. Легко, быстро побежал-покатился тягучей изумрудной волной — своей особой тропой, к лагерю Хангар.

Ангоб Юга не вздевал. Ни к чему теперь.

Гривень внес его в самый Нум, в сердце его становья, и там Юга его отпустил.

Сердце билось мерно, холодно.

Впервые за много дней он был спокоен.

Шел — перед ним расступались. Погружался во взгляды. По щиколотку, по колено... Хангары окружили чужака плотным, движущимся, змеиным кольцом, и Юга стал — оком бури.

— Ты! Кто таков?! Что здесь?!...

Человек из Нума пробился к нему и застыл, так же зачарованный.

— Я принес вам дар, — медленно проговорил Юга.

И вскинул руки, обрушивая на себя, на Нум опрокидывая — *танец*.

Гаер, перегнувшись через борт Соль, до белых костяшек в него вцепившись, видел, как растет, ширится, раскручивается посередь войска противника водоворот. Локуста бешено мчались по кругу, будто в проклятом хороводе, и, достигнув сердца его, срывались... В распахнутое, как по жару, окно черной пустоты.

Арматор оглянулся, встретился взглядом с Эдельвейсом.

Оба знали, кто в сердцевине кружения.

— Не выплывет, на этот раз — не выплывет, — хрипло предрек Гаер.

— Что он танцует? — быстро, деловито справилась Солтон.

Она казалась спокойной, только лицо сделалось старым, темным, деревянным.

Гаер помолчал, прежде чем отвечать.

— Воронку. И Мясорубку. И что-то еще, совсем иное, свое... Он их затягивает, он их — убивает. Но и сам...

— Это конец, арматор, — сказал Эдельвейс, обреченно жмурясь. — Второй в ответ уничтожит всех.

— Не всех, не ссы, — Гаер шумно выдохнул, — только одного. Или двух. Значит, так. Пни Косту, пусть сседит у своих уток *темные очи*. Первым раздай. И Сомовы ветряки пускай зарядят — нужно порошок по полю пустить.

Манучер не мог быть спокойным. Что-то дергало внутри, не давало мира. Людское мельтешение его раздражало.

Наклонился, подобрал эдр — лежал у самого входа в палатку. Погладил грани пальцами. Внутри игрушки порхала маленькая живая тварь. Здесь их звали бабочками. А там, на Сиаль, вспомнил Выпь — душками.

Откуда только взя...

Подчиняясь смутному порыву, слегка сдвинул маску, не без труда отстраняя от лица — и словно свежий ветер хлынул, принес, рассказал.

Он всегда его чувствовал — даже не глядя. Хребтом. А теперь хребет этот будто переломили о колено.

От дикого, животного вопля люди и твари Лагеря повалились, как костяшки.

Манучер выл, закинув лицо к небу, и маска на его лице таяла, стекала каплями красного золота.

Крик оборвался так же внезапно. Выпь вскочил. Локуста прянула, но сбежать не посмела, только уши прижала, села на задние ноги, тонко заскрежетала...

Выпь прыжком оказался на ней. Сдавил бока.

— Тамам Шуд! Тамам Шуд! Тамам Шуд! — прокричал трижды.

Локуста завизжала отчаянно и прыгнула.

И оба пропали.

Пора!

Гаер махнул рукой и рогачи запели. Это был их шанс — Третий утянул за собой почти всех Хангар и вновьприбывших, а Второй... Второй должен был увести самого Тамам Шуда.

Остались люди.

Людям — людское.

Напролом.

Михаил окончательно потерялся. Кажется, Хом сошел с ума.

Иного объяснения не было. Пространство перестало быть.

Он точно помнил, что лагерь оставался за спиной, но, вскинув глаза — увидел его далеко впереди. Он знал — река по левую руку. Но вот, кто-то бросил серую ленту поперек, и воины Отражения, и воины Нума увязли в ней...

Но самым странным и самым страшным был водоворот. Михаил видел бешеное кружение золота — локуста тонули там, точно в ловушке песчаного льва.

Кажется, губительное течение зацепило и кого-то из людей — поволокло... Он не мог оторвать глаз от этого влекущего, стабилка несла его прямо туда, прямо туда и Михаил

ощущал в себе и ужас, и восторг, и предвкушение...

Упавшее сверху ударило, сбilo с коня. Оглушило, но, странным образом — выбило из очарования.

Михаил, лежа на спине, увидел — небо над ним поросло лесом. Различил верхушки елей и корабельных сосен, разобрал шум листвы, пение птиц, дуновение ветра, донесшее запах хвои, смолы, торфа и реки.

А потом все это объяло янтарное, небывалой силы холодное пламя.

Гаер почувствовал толчок в спину, круто развернулся и увидел — Пегого. Их свело под сенью чада, в какой-то точке Аркского поля — Гаер уже не понимал, где находится.

— Ты, — прошипел арматор, встряхнул Двуххвостку, — умрешь.

Пегий чуть поклонился.

Он не боялся и не бежал. Одет был в обычную свою теплую кофту, ни доспеха при нем, ни шлема. Гаер даже подумал мельком — словно ждал его, знал, что явится. Но разве таков Пегий, чтобы засидку в одиночку устраивать?

Мягко ступая, двинулся враг по кругу, и Гаер повторил его, закружил так же, выискивая уязвимые места для атаки.

— Жаль мне сестру твою, арматор, — плавно заговорил Пегий, — такое сокровище, а дикому вику досталась, дурноватому. Испортили, испачкали. Сладкое, сладкое белое мясо. У названного твоего брата, верю — такое же. Нежное, шелковое, фиалковое.

Облизнул губы.

Гаер задержал дыхание, чувствуя, как леденеют от ярости виски. Пегий знал его, знал слабые места, по ним и бил.

— Слушай меня, падаль. Я забью твой рот сталью так, что ты наконец нажрешься.

Пегий рассмеялся, как собака залаяла, и атаковал.

Сражался он сразу с двух рук, легкими изогнутыми саблями, Гаеру такая техника была непривычна. Рыжий ушел в оборону, выгадав момент, отскочил, сунул руку в спорран и швырнул под ноги противнику ежа. Настал черед Пегого отпрыгивать, прикрываться скрещенными саблями.

— Грязно играешь, арматор, — сказал, скаля зубы, часто, сухо дыша.

— Как раз по тебе, — отвечал Гаер.

Переменилось, будто удача, девка шлюховатая, на сторону арматора метнулась. Загнал пегую скотину, пластанул, поймав, когда раскрылся — плеснуло красным, горячим.

И сгibнуть должен был предатель, но вместо этого — засмеялся — помотал головой — всем телом по-собачья встряхнулся — и скинул шкуру. И встал перед арматором обновленный, свежий.

— Гаер-Гаер, рыжий дурачок, — сказал приятным голосом, поигрывая сабельками, — неужто думал, одного Нум выведет? У Нума бойцов много, и все — я, все — *Арена*. Сколько нас?

Засмеялся.

Сколько нас? Никогда Гаер эту игру не любил.

— А я попробую сосчитать, сучий ты потрох.

Локуста прыгнула и вынесла его напрямиком к Тамам Шуду.

Вьшь спешился. Ноги не гнулись, спина — деревянная, как гробовая доска.

Предводитель Нума ждал его, соединив на груди руки. Визирь одноглазый торчал высоко, много выше себя прежних. Так же тянулись от одного к другому вервья, но больше никого и ничего не было.

Только он и Тамам Шуд.

Локуста, предатели Отражения, весь Нум — все это происходило где-то... в другом отрезке. Они стояли друг против друга, а рядом была та самая яма, со дна которой Выпь некогда достал жеребенка. Принял дар.

Яма выросла в глубину и светилась слабо, пульсом.

Ты пришел. Я знал, что придешь.

Выпь сжал пальцы в кулак, будто смыкая их на горле противника.

Почувствовал — гладкое, прохладное дерево, словно прут. Поднял к глазам, удивленно разглядывая синюю стрелу. Грубо окрашенное древко. Плоский наконечник странного материала.

Я рад, что ты выбрал сторону. Мы схожи. Мы птицы одного пера. И мы вместе увидим, как рушится старый мир и поднимается из колыбели мир новый.

Колыбель, подумал Выпь, взглянув на яму в окружении визирей. Вот оно что. Вот почему Тамам Шуд этот Хом избрал, колыбель здесь устроил... Вспомнил — Комь, откуда он маску свою добыл... Маску. Вздрогнул, тронул пальцами лицо.

Настоящее, подумал.

Стой!

Тамам Шуд не успел.

Выпь прикрыл глаза, чуть откинул голову и вогнал стрелу себе в горло.

Темноту отбросили, точно сорвали пыльный бархатный занавес с окна. Хлынул свет, цвет — осенний, бледный.

Волоха растерянно, настороженно огляделся, не понимая, где находится. Темный исшарканный паркет, зеркала вдоль стены, к ним — полированный многими касаниями станок. Круто обернулся, уловив тихие шаги.

— Элон?!

— Здравствуй, милый, — улыбнулась маленькая балерина.

Русый рывком привлек девушку к себе, обнял.

Элон осторожно погладила спутанные пряди на затылке, чуть зарываясь пальцами в волосы, как любила делать при жизни. Тихая ласка, принятая между ними двумя. Волоху всегда успокаивали ее нежные касания.

Девушка отстранилась.

— Кто... кто сделал это с тобой? — руки Волохи скользнули по стройному телу в закрытом черном купальнике, пальцы прошлись по стежкам грубых швов. — Назови!

Элон бережно сдвинула его кисти, отводя руки. Сказала, глядя в глаза.

— Тебе нельзя здесь оставаться, милый. Уходи.

Волоха оглянулся беспокойно, чувствуя, что их одиночество перестает быть. Кто-то близился. Элон толкнула его от себя.

— Тебя выведут. Тебя не оставят. Слушай голос, а я пока уведу того...

И — исчезла.

Волоха остался — один в танцевальном зале. Будто за стеной негромко звучали клавишные. Та самая мелодия, вспомнил Волоха. Зацикленная. О, Лут, неужели прима-

ассолюта обречена была слышать ее — всегда? Танцевать под музыку своей смерти, кружиться, точно заводная кукла?

Не мог оставаться на месте, но и куда идти — не знал. Огляделся. Стена с зеркалами и стена арочных окон смыкались, точно убегаящие вдаль рельсы. Двинулся вдоль станка, ведя рукой по полированному дереву, и не сразу заметил, что рядом шагает не его отражение, а некто в рыжем комбинезоне.

Оранжевый Король.

Волоха остановился. Король по ту сторону старчески-пятнистой амальгамы тоже не шевелился. Иванов видел странного вида комбинезон с какими-то нашивками, тяжелые ботинки, белый шлем, скрывающий лицо.

— Чего ты хочешь?

Чего хочешь ты?

Свободы, подумал Волоха. Мою корабеллу, мою команду, мой Лут. Двигаться вперед, жить.

Зеркало запотело, точно кто-то дохнул на него с обратной стороны, прочертил пальцем скобу улыбки.

Волоха услышал. Некто звал его по имени. Упрямо, раз за разом. Голос шел из глубины коридора, открывшегося вдруг в зеркальной стене.

Волоха ступал осторожно. Коридор больше походил на заброшенную штольню. Старая деревянная крепь, прерывистый водяной крап... Отдаленный гул — от него сыпалась сухая земля. И зов. Сперва Волоха его только слышал, но затем — увидел. Никогда бы не подумал, что голос может светиться, но этот — горел, полыхал, как дикий огонь.

...А когда приблизился — в глаза ударило ослепительное сияние.

Русый замычал, попробовал закрыться рукой.

— Прочухался! Волоха!

Волоха проморгался, прослезился, с трудом возвращая себе зрение. Над ним нависла небритая, паскудная донельзя рожа цыгана, в пятнах сажи и копоты. Даже всегда до блеска отполированная касаниями пальцев серьга была черной.

— Что... случилось, — едва шевеля распухшим языком просипел Волоха.

И вспомнил — все. Янтарный огонь, падение, мертвая сцепка... Он сам был корабеллой. Он не мог бы пережить...

Его вытащили. Вывели.

Ему не отняли память милосердно.

— Сообразил, ага? Встать сможешь? А, к хренам... Лежи. Я думал — ты все. Едва откопал. Оклемаешься, знай, я тебя так отделаю... Ух, как я зол, ох, как я зол! Ты кинул меня, как девку! Меня, раздери тебя Лут!

Цыган сел рядом, и Волоха увидел его руки с сорванными ногтями.

Осторожно повернул голову. Судя по всему, они с Лесом, остатками твари и янтарного огня просто рухнули всем на головы. Судя по всему, из-под мешанины обломков его Дятел и выковыривал.

Слух тоже возвращался. Громыхало, земля заходила в трясовице: сражение продолжалось и без его участия.

Цыган пронзительно, коленцами, посвистал, и ему тут же, вразнобой, откликнулись.

— Мы с ребятами обшаривали тут все, — хмуро пояснил Дятел, глядя в сторону и сердито шмыгая носом, — но мне первому повезло, думал, хоть башку твою дурную отыщу, в

глаза погляжу, на память выковыряю, над толчком повешу. Типа, тленом тлен, а помни, какой у меня...

— Дятел! — простонал Волоха и тот, фыркнув, замолчал.

Русый, чувствуя за собой вину, не стал оправдываться.

— Что Еремия?

— Цела, красotka. Удачно на пузо шлепнулась. Пока в отключке.

— Кто на корабеллах?

— Агон-Медяна командует, я свалил. Тренкадис дает и без нас просрать...

Волоха огляделся еще, но разобрать что-то было сложно. Тела и обломки.

— Мы хоть не на своих упали?

— Не, жопой на шею Нума скovyрнулись, как свинья с насеста. Тут ихние солдатики как раз в каре строились, носок тянули. Кто из не-наших подбежал любопытствовать, что шумнуло, тех мы положили. Больше не совались.

Волоха приподнялся, сел. Тело было как чужое, но сабля — при нем.

Они с Еремией не должны были пережить...

И не пережили, окончательно понял Волоха. Лут разрешил ему выбрать желаемое — и он выбрал.

— Тут еще, такое дело, гаджо, — цыган непривычно, неприлично замялся, будто не решаясь говорить, — там сюрпризец кой-какой. От Лута, видать, прилетело...

— Потом гляну, — Волоха уцепился за цыгана и поднялся. — Теперь — к корабеллам. Я все еще адмирал.

Гаер — стыдно молвить — приустал. Вновь и вновь побежденный враг скидывал порченую шкуру, смеялся и бросался с новыми силами.

Арматор потратил все репешки, а запас восполнить было негде и некогда. Его бы не выпустило из круга. Да и сам, своей волей бы не вышел. Аркское поле окончательно свихнулось, не выдержав противостояния.

Верные манкурты, Эдельвейс, корабеллы, Неру — будто на другом Хоме остались. Этот был только для них, для Гаера и Арены.

Когда упал в первый раз, ему дали подняться. Арена похаживал, посмеивался глуховато. Рыжий встал, вытер кровь, слюни, пот. Отряхнул налипший песок.

— Хочу тинг! — заявил нагло, переводя дух. — На уговор!

Арена с любопытством склонил голову к плечу, посмотрел с доброжелательным интересом.

— Какой же уговор?

— Если ты победишь — твоя взяла. Башня твоя. Лут твой. А если я — ты уйдешь. Сольешься, как вода в нужнике, и свое дерьмо прихватишь. Тинг?

Арена хмыкнул.

— Принято, — сказал многими голосами.

И, не медля более, обрушил на арматора новый удар.

Первые скакали по спинам коней, точно пастушьи псы — по овцам. Разворачивали стадо, отбивали от воронки, не давали свалиться, погибнуть.

Михаил поднялся, держась за стабилку свою и тупо глазел, не находя в себе сил оказаться в седло. Боялся вновь глянуть на водоворот.

— Миша!

Лин спрыгнул перед ним, взъерошенный, возбужденный. Загородил собой.

— Не смотри! Только через закопченное стекло или тень! Это танец Третьих, нельзя смотреть!

Михаил с усилием отвел глаза, уставился на Первого.

— А как же...

Осекся. Никогда не видел Лина плачущим. Вообще не думал, что Первые способны к плачу — как к усталости или дурным снам. Лин, кажется, и не замечал слез, продолжал делать то, что умел — защищал.

Потянулся к Михаилу, дунул в лицо порошком с ладони.

Плотников охнул глухо, заморгал, а когда вновь посмотрел — все было в дымчатых, глухих тонах.

— Пройдет, не бойся, Мишенька. Вот, держи, — Первый сунул ему в руки мешочек, — это лекарицы дали, зелье темные очи, пользуют тех, у кого светобоязнь. Надо бы сбросить так, чтобы людям глаза закрыть. Доберись до Волохи, до Сома, до корабеллы, а я — людей отводить.

— Сдавайся, арматор.

— Отсоси, — прохрипел Гаер.

Арена улыбнулся.

Арматор стоял на карачках, пытаясь отдышаться. Уши закладывало, под ладонями было мокро. Натекло с него — из него — изрядно. Как из скотины заколотой хлестало.

Но Гаер прежде сдох бы, чем отступился. За ним стояли его люди, его брат, Ивановы эти...

Гаер опять поднялся, упираясь Двухвосткой, точно палкой. Руки-ноги ходили ходуном, но арматор вновь принял стойку. Арена мог убить его, но выбрал — извести, измучить до смерти.

Кожу навязчиво защекотало, точно арматора облепили мураши.

Рыжий нервно дернулся, бросил взгляд на руки...

Все, все, чем наградила его Башня — отметки на коже, цветные рисунки птиц, змей, зверей, шипов и цветов — все вдруг пришло в движение. От груди, со спины, с плеч — стекло по локтю и обернулось плетью о тысяче хвостов, о тысяче голов, о тысяче когтей...

Проклятая уродина Башня пришла на помощь — а он и не звал.

Арена остановился.

Гаер вскинул тяжелую безмерную плеть, поразился необычайной легкости ея... Размахнулся и огрел выродка.

— Я!

Свист-удар.

— Арматор!

Удар-свист.

— Хозяин! Башни!

Казалось, плеть тяжелеет с каждым замахом, наливаясь, вызревая, напитываясь силой. Арена уже не пробовал защищаться, метался крысой, но и сам бежать не мог. Не пускал тинг. Шелухой слетела одна шкура, за ней вторая, третью спустила плеть... Все кончилось внезапно.

Гаер не заметил, как оружие из его руки исчезло.

Он остался один.

Лежащее навзничь тело было мешочным, пустым — плеть Башни выбила из него всех и все. Гаер поддел парнину мыском, готовый пришить тварь Двухвосткой, буде култыхнется.

Тело дрогнуло, как если бы что-то подтолкнуло его снизу, в живот. Гаер сделал шаг назад. Мертвое мясо еще раз пихнуло, нетерпеливо, почти опрокинув на бок. Прорвало бок, вышло бурое, костяное... Подкинуло труп, и пошло вверх, в рост, вширь; потянулись из плоти поверженной, из крови — рога Башни.

Было уже — когда другой снял с него фильтры. Так же чувствовал. Освобождение через боль. Стрела отомкнула что-то в нем, сработала — ключом, не орудием. Выпь не знал, убила она *голос* его или — преобразила.

Тамам Шуд отступил, глядя на него — как впервые.

Ты не Второй, сказал удивленно.

— Уже нет, — сказал Выпь.

Коснулся пальцами горла. Пульсировала тонкая мембрана, затягивая сквозную рану.

Вот почему сиринкс ты не отыскал. Вот почему другие тебя не слышали... Кто ставил твой голос? Кто учил тебя петь? Кто дал тебе — Глас?

Выпь не ответил.

Разве не этого ты желал? Я дал тебе свободу. Ослобонил от всего и всех. Теперь никто не потревожит. Никто не отнимет. Твоя власть — твой голос. Ты составишь свою великую книгу существ, новую книгу глубины, и не будет людей, способных уничтожить их. Ты возглавишь их и поведешь.

Выпь слушал его, слышал, но помнил — другое. Сиаль. Игру с нако. Слова, сказанные не им, но ему: *«Проклянут твое имя...»*

Помнил темную глубь волос, темноту глаз, прохладу рук.

— Мне это все не нужно, — сказал Выпь трудно.

Чего хочешь ты, спрашивал его Оранжевый Король.

Тогда он не ответил, тогда он — не знал. А теперь место рядом было пусто, и сердце его не билось, лежало мертвой птицей в костяной клетке.

Я ошибся, молвил Тамам Шуд.

Я ошибся, отвечал Выпь.

— Возвращайся туда, откуда пришел, — сказал.

Тамам Шуд попятился, но на краю колыбели успел поймать его за руку — пальцы оплели браслет из зеленых бусин. Желал удержаться или — утянуть с собой.

Выпь качнулся, успел подумать — не дурная смерть.

Браслет сверкнул улыбкой, живой змеей соскользнул с запястья, рассыпаясь в жерло колыбели.

Выпь отступил, наблюдая, как золотой песок поглощает, скрывает.

Возвращает.

Закрыв глаза.

Темно, подумал. *Темно мне.*

Как все закончилось, в какой момент переломилось — Волоха не заметил. Только вот

бились, а уже в следующий миг армия Нума остановилась.

Опустила знамена.

А потом увидел, как тянется к небу, встает выше чадов — Башня. На площадке, в рогатом венце ее, застыл Гаер. В крови и изрезанной плоти, как в пурпурном одеянии. Вскинул руку, вздымая прихваченную за волосы отрезанную голову. Пегие космы, оскал...

Отражение завопило на разные голоса, торжествуя, а Нум опустился, распластался ниц. *Заломали*, подумал Волоха. Наша взяла.

— По колено ноги в золоте, по локоть в говне! — расхохотался Дятел, кивая на туши локуста.

Прекрасные уродицы лежали недвижно, подобрав ножки и свернув кругло шеи. Мертвы или только в спячке, того нельзя было понять.

— Дима, — устало сказал Волоха. — Пойдем отсюда. Я хочу взглянуть на Еремию.

Ему предстояло смириться и научиться жить с мыслью, что с Еремией, в нынешнем, возвращенном ее обличье — все его существо будет еще крепче слито с Лутом.

Он предал Элон, выбрав Еремию. Выбрав свой дом. Своих ребят.

С тяжелым сердцем взошел на корабеллу свою и застыл.

Боком сидящая на борту девушка повернула голову.

— Ну, здравствуй, милый, — сказала, улыбнувшись печально и робко.

Кожу ее держали швы, и она была — не живой. Дятел рядом многозначительно помалкивал. Значит, вот о чем толковал тогда. Лут от щедрот накинул подарок — приложил к Еремии маленькую балерину.

Освободил и ее. Выпустил пленницу из танцевальной залы.

— Я слышала, у вас в команде недобор. Хочу отрекомендовать мою персону. Я прекрасный проводник, капитан.

Волоха приблизился. Ветер трепал подол платья Элон, и пахла она — свежей полынью.

Элон, видимо, переживала — примет ли ее капитан? А вместе с ним, по слову его — Еремия? Команда? Или испугается, оттолкнет, выбросит?

Русый склонился, нежно коснулся губами тонких, сухих пальцев.

— Добро пожаловать на борт, прима-ассолюта.

— У меня для тебя кое-что есть... Для вас всех.

Лин приоткрыл клапан сумки, и Ланиус заглянул туда. Удивленно поднял бровь.

— Ему некуда идти. И вы... вы же тоже ищите свой дом? Почему бы вам не помочь друг другу? И... он может исцелять.

Ланиус дрогнул едва заметно, мимолетным жестом коснулся стеклянной половины лица.

— Благодарю тебя, друг. Ты ведь отправишься с нами?

У Михаила все внутри оборвалось. Ухнуло куда-то. Но правда, кто сказал, что Лин захочет остаться с ним. Он — просто человек. Смертный. Лин — баснословная диковинка. Исключение. Исключительный.

Разве ему место среди людей, разве его место — рядом с Михаилом?

Лин протянул руку собрату, пожал ее.

— Благодарю, друг, — сказал с искренним чувством. — Но я уже выбрал свою дорогу.

— Что же... Удачи тебе на ней, — ответил Ланиус.

Лин повернулся к Михаилу. Щеки у него запыхали.

— Как ты думаешь, — спросил явно волнуясь, с запинкой, катая в пальцах то ли зайца, то ли кота деревянного, — Машка не будет против нового соседа?

Михаил заглянул в яркие глаза. И ответил медленно, обмирая от радости.

— Думаю, что Машка будет счастлива.

— Я ждал всю жизнь и три года как-то подожду, арматор, — хмуро произнес Михаил.

Потому что грозно, испытующе таращиться друг на друга будто два кошака на заборе они могли вечность, но вещи сами себя не соберут.

Гаер недовольно цыкнул, поскреб висок. Арматора щедро обмотали-перетянули бинтами, и был он похож на Вечного Князя с Хома Кирфа, но заставить его лечь — нет, никто не посмел.

Ледокол прищурился. Или воображение шутки играло, или правда рисунки на плечах рыжего изменились?

В палатку Хозяин Башни вперся один, манкурты остались снаружи. Уже за это Плотников был признателен.

— Я не обижу и не оскорблю его. Кровью клянусь.

— Верю, — покривился арматор. — Иначе на аркане обратно в Башню засранца бы притащил. Но булки не расслабляй — приглядывать буду. Без предупреждения нагряну, не?

И вышел, ответа не дожидаясь. Михаил закатил глаза и вернулся к прерванному визитом арматора занятию. Собирал вещи — не так много было, но ему доставляло странное удовольствие складывать их пожитки вместе.

И альбом не забыл, и оберег от кошмаров с синим камнем.

— У вас, у людей, изумительно глупый вид когда вы подлинно счастливы.

Плотников едва не выругался от неожиданности. Определенно, возникать под боком внезапно — этим Лин пошел в отца.

Мастер пришел, вылучив момент, когда ученика рядом не было. Лин был занят в полевом госпитале — помогал раненым. Он и его собратья обнаружили мирное применение своим страшным навыкам. Плотников только хмыкнул. Был ли Эфор рад решению своего ученика? Михаил не знал.

— Оскуро не исчезли. Рукава все еще открыты. И я позабочусь о своих детях с Хома Польни.

— Надеюсь, лучше, чем вы заботились о Лине? — сорвалось с языка прежде, чем Михаил одумался.

Мастер же ответил не сразу, будто слова человека что-то значили для него.

— Лучше, — ответил.

И вдруг протянул руку. Михаил ответил, крепко сжал бледную, удивительно сильную кисть. У Лина были такие же тонкие длинные пальцы, но руки — легче и изящнее.

— Я навещу вас, — бросил Мастер перед тем, как уйти.

Не успел Михаил перевести дух, как полог вновь хлопнул. Крокодил. Ледокол только глаза вытаращил: над плечом у музыканта выпирал гриф... Гитары?

Нил подмигнул.

— Ах, Мигелито, я надеюсь, ты понимаешь, что обрел не только синеглазого зайца, но и отца его, и брата его, и — самого лучшего друга?!

— Я стараюсь об этом не думать, — кисло отозвался Плотников, морщась, как от зубной боли.

Нил же шагнул ближе и пылко расцеловал Михаила в обе щеки. Обомлевший Михаил даже не успел оказать сопротивления.

— Терпения тебе, — пожелал Крокодил искренне, интенсивно хлопая Михаила по бокам, — удачи, хорошего настроения и еще раз — будь терпелив... Лин еще очень, очень молод, прости ему это. А я непременно забегу в гости, как только разберусь со своими проблемами.

— Да уж ты... Не торопись.

Проводил взглядом Нила, умотавшего своей стремительной походкой. Потер лоб — что-то странное творилось. Как будто все поздравляли его... Или провожали в последний путь.

Михаил хмыкнул, удивляясь самому себе, оглянулся в последний раз. Подхватил сумки и вышел.

Серебрянка обещала домчать их до Хома Росы, а после собиралась навестить подруг. Диких корабелл.

Уйти легко, по-Ивановски, впрыскав и без оглядки, Гаер не мог. Ему следовало провести ритуал очищения поля. Воздать должное павшим. Успокоить и упокоить.

Позаботиться о Пасти, о союзниках и предателях, все это грозило хорошенько затянуться.

И Башня — новый ее отросток требовалось занести в реестр. Оприходовать, назначить ответственного. Тысяча обязанностей, но зато сколько плюшек!

Думал — забыться делами, прикрыться, притвориться. Имел право видит Лут!

Остатки совести ныли, как корни застуженного зуба. Гаер плюнул и сдался.

Второй стоял, медленно, механично выглаживая локуста.

Кобылка, завидев арматора, вскинула узкую многоглазую морду, тонко заскрипела, но хозяин ее даже не обернулся.

Арматор кашлянул, остановился поодаль. Стыдно признать — ко Второму он теперь испытывал некоторую опаску. Надеялся, что пройдет, как поносная хворь, а пока себя перебарывал.

— Куда тварей-то дел? — Спросил для разгона. — Урыл, не?

— Освободил. Что им в неволе томиться.

Второй поднял глаза — пустые. Ничего в них не было, ни жизни, ни злости.

Ни золота Манучера.

— Я знаю, что *он* танцевал.

Выпь сжал зубы, опустил голову и руки. Скребок сжал до хруста.

— Мне сказали. Воронку. — Проговорил трудно, словно горло его вновь держали фильтры. — После нее не возвращаются.

Тут-то Гаеру и солгать бы, и сплясать бы на костях, а лучше — махнуть Двухвосткой. Что-то подсказывало: Выпь не стал бы защищаться. С радостью бы подох.

Арматор выдохнул, закатил глаза.

Ох, Молли, Лин, это ради вас. Это единственный раз.

— Нет. *Кокон*. Слышишь? Голову ставлю, да что там — головку! Это был Кокон. Старик Витрувий, до того, как спятил, был уверен, что подобный танец существует, но исполнить его не может ни один, ни множество... Но Юга, разве не носил он шерл?! Он один был — и он был множество! Он станцевал его, не?! А Кокон — это уход. Метаморфоза, изменение. Нырок в глубину. И, значит, он вынырнет. Вот только где, я хрен знает...

Вышь поднял голову и Гаер увидел, как глаза его наполняются светом. Надеждой. Жизнью.

Определенно, никогда еще слова арматора, даже самые грозные, не имели такого эффекта.

— Я знаю, — ответил Второй сипло.

Эпилог

Выпь вернулся с прозаром.

Эдр с заключенной бабочкой — вот, что осталось ему на память. Карта всего.

Сиаль встретил его так, словно не уходил. Как если бы всегда был здесь — в царстве камня и Провалов.

Провалов.

Локуста тихо скрипела за спиной. Волновалась.

— Слушай, Луг. Я спас тебя. Мы — спасли. Ты должен... Пожалуйста.

Игрушка его сорвалась с рук, покатила и канула в воду Провала. Выпь встал на краю. Горло его было пусто, и руки — пусты; в груди камнем лежало сердце.

Плеснуло.

Выпь проводил глазами откатившийся под ноги эдр.

Чувствуя, как сеть трещин охватывает камень за ребрами, перевел взгляд.

Такие черные волосы. Такая белая вода.

Больше книг на сайте - Knigoed.net